

Карл Абрахам

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ
ТРУДЫ

Том I

Карл Абрахам

Психоаналитические труды

Карл Абрахам

Психоаналитические труды

Том 1

Работы 1907—1912 гг.

Перевод с немецкого

УДК 159.923.3

ББК 88.372.6

A164

Издание выходит с 2009 года

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

Mit freundlicher Unterstützung der Sigmund-Freud-Stiftung
zur Förderung der Psychoanalyse e.V., Frankfurt am Main.

С дружеской поддержкой от ФОНДА ЗИГМУНДА ФРЕЙДА
для содействия психоанализу, Франкфурт-на-Майне.

Абрахам, К.

A164 Психоаналитические труды: В 3 т. / Карл Абрахам. — Пер.
с нем. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, И.Н. Чирковой. — Ижевск:
ERGO, 2009.

ISBN 978-5-98904-040-7

Т. 1: Работы 1907—1912 гг. — 2009. — хн, 376 с.

ISBN 978-5-98904-041-4

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые по-
пытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ.....	IX—X
ОБ ЭТОМ ТОМЕ.....	XI—XII

ТЕКСТЫ

О ЗНАЧЕНИИ ЮНОШЕСКИХ СЕКСУАЛЬНЫХ ТРАВМ для СИМПТОМАТОЛОГИИ DEMENTIA PRAECOX (1907b).....	3—12
---	------

Предварительные замечания издателей.....	4
--	---

ПЕРЕНЕСЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ТРАВМ КАК ФОРМА ИНФАНТИЛЬНОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1907c).....	13—30
---	-------

Предварительные замечания издателей.....	14
--	----

ПСИХОСЕКСУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИСТЕРИИ и DEMENTIA PRAECOX (1908a).....	31—47
--	-------

Предварительные замечания издателей.....	32
--	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СЕКСУАЛЬНОСТЬЮ и АЛКОГОЛИЗМОМ (1908b).....	49—60
---	-------

Предварительные замечания издателей.....	50
--	----

МЕСТО БРАКА МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ в психологии НЕВРОЗОВ (1909a [1908]).....	61—71
---	-------

Предварительные замечания издателей.....	62
--	----

СНОВИДЕНИЕ И МИФ

<i>Исследование о психологии народов</i> (1909b)	73—142
--	--------

Предварительные замечания издателей.....	74
--	----

ОБ ИСТЕРИЧЕСКИХ СНОВИДНЫХ СОСТОЯНИЯХ (1910a).....	143—176
---	---------

Предварительные замечания издателей.....	144
--	-----

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О КУЛЬТЕ МАТЕРИ И ЕГО СИМВОЛИКЕ в индивидуальной и народной психологии (1911b)	177—180
---	---------

Предварительные замечания издателей.....	178
--	-----

О ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕЙ СИЛЕ ИМЕНИ (1911e).....	181—184
Предварительные замечания издателей.....	182
Анализ сновидений у Овидия (1911f)	185—188
Предварительные замечания издателей.....	186
Джованни Сегантини	
<i>Психоаналитический эксперимент</i> (1911g).....	189—253
Предварительные замечания издателей.....	190
ЗАМЕТКИ О ПСИХОАНАЛИЗЕ ОДНОГО СЛУЧАЯ ФЕТИШИЗМА	
ноги и корсета (1912a [1910]).....	255—267
Предварительные замечания издателей	256
ПОДХОДЫ К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ И ЛЕЧЕНИЮ	
МАНИАКАЛЬНО-ДЕПРЕССИВНОГО РАССТРОЙСТВА	
и РОДСТВЕННЫХ ЕМУ СОСТОЯНИЙ (1912b)	269—289
Предварительные замечания издателей.....	270
О СЛОЖНОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ НЕВРОТИЧНЫХ ЖЕНЩИН (1912d)	291—299
Предварительные замечания издателей.....	292
АМЕНХОТЕП IV (Эхлтон) (1912f).....	301—334
Предварительные замечания издателей.....	302

APPENDIX

Библиография.....	337—341
Лист сокращений.....	342
Именной указатель.....	343—347
Лист пациентов.....	348
Указатель мифологических и литературных персонажей.....	349—351
Предметный указатель.....	352—374
Указатель сновидений.....	375

ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ

Издательский проект «Психоаналитические труды Карла Абрахама» реализуется с целью введения в научный и культурный оборот переводов текстов одного из классиков немецкого психоанализа. К настоящему времени на русском языке издан ряд основных работ К. Абрахама, посвященных проблемам психологии характера, и некоторые другие. Данное издание предоставляет систематическое, комментированное представление о его творческом наследии.

* * *

Карл Абрахам (1877—1925) — выдающийся немецкий психоаналитик, один из ранних классических авторов психоаналитической теории. Абрахам родился 3 мая 1877 года в северной части Германии в Бремене. Свою профессиональную деятельность К. Абрахам начал с работы в психиатрической клинике в Берлине, в дальнейшем он работал в психиатрической клинике Бургхельцли совместно с Э. Блейлером и К.Г. Юнгом. С Зигмундом Фрейдом Абрахам познакомился в Вене после того, как получил от него положительный отзыв на свой доклад о значении сексуальных травм в юношеском возрасте для симптоматики шизофрении. Впоследствии Карл Абрахам стал одним из самых убежденных и верных последователей З. Фрейда. Он развивал идеи Фрейда, касающиеся проблем психологии характера и связи психических расстройств с особенностями развития на ранних психосексуальных стадиях. На протяжении всей жизни Абрахам активно работал в практике, писал сам и участвовал в редактировании психоаналитических журналов, неоднократно избирался президентом Международной психоаналитической ассоциации, был одним из организаторов Берлинского психоаналитического института.

Большинство работ Карла Абрахама публиковались в крупных немецкоязычных журналах «Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie», «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», «Neurologisches Centralblatt», «Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen)», «Zentralblatt für Psychoanalyse» и «Internationale Zeitschrift für (ärztliche) Psychoanalyse».

Собрания трудов Абрахама выходило на нескольких языках. При его жизни был подготовлен том клинических трудов: *Abraham, K. Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920.* (Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.) Наиболее полным изданием его

трудов на английском языке является *Selected Papers of Karl Abraham, M.D.* (London: The Hogarth Press, 1927, 1942, 1950, 1965). Затем под редакцией Хильды Абрахам вышел том: *Abraham, K. Clinical Papers and Essays on Psychoanalysis* (London: The Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis, 1955; New York; Basic Books, 1955).

Авторитетным немецким изданием явился двухтомник под редакцией Иоханнеса Кремеруса: *Abraham, K. Psychoanalytische Studien; Gesammelte Werke in zwei Bänden* (Frankfurt am Main; S. Fischer Verlag, 1969, 1971). Новейшие переиздания этих томов вышли в издательстве «Psychosozial-Verlag» в 1999 году.

* * *

Состав томов в настоящем издании определяется хронологическим расположением текстов, что дает возможность проследить становление и развитие психоаналитических взглядов автора.

Ко всем текстам, помещенным в настоящем издании, даются предваряющие комментарии, касающиеся содержания текста и истории его публикации. Научный аппарат каждого тома составляют Именной и Предметный указатели, а также дополнительные указатели (сновидений, персонажей, лист пациентов и т. п.)

Техническое замечание: все ссылки на работы З. Фрейда, приводимые Абрахамом, даются по немецкому собранию сочинений: *Freud, S. Gesammelte Werke*. — Bd. I—XVIII.

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

В настоящий том Собрания сочинений Карла Абрахама, впервые издаваемый на русском языке, вошли работы, написанные им в 1907—1912 гг.

Тексты располагаются в хронологическом порядке, что дает представление об эволюции взглядов Абрахама.

Содержание данного тома отражает все поле исследовательской деятельности Карла Абрахама, включая работы по клиническому и прикладному психоанализу.

Основой настоящего тома является фундаментальная культурологическая работа «Сновидение и миф», которая отражает вклад Карла Абрахама в изучение проблемы бессознательного. В данной работе проводится сопоставление между механизмами образования сновидений в индивидуальной психологии и мифов в народной, обсуждается значение детских фантазий в сновидении и мифе, дается сравнительный анализ мифов о Прометее, Моисее и Самсоне. Изучение сновидений, а также индивидуальной и народной психологии Абрахам продолжает в работе «Несколько заметок о культе матери и его символике в индивидуальной и народной психологии». Здесь он анализирует существующую в бессознательном символику материнского тела, а также сновидения и фантазии об утробе матери как способ проявления этой символики. В другой работе «Анализ сновидений у Овидия» Абрахам на примере пятой элегии Овидия «О любви» изучает символику бессознательного, которая зашифрована автором в поэтических строках, рассказывающих о сновидениях главного героя произведения. Анализу снов наяву и сновидных состояний посвящена достаточно крупная работа Карла Абрахама «Об истерических сновидных состояниях», в которой он на основе нескольких клинических случаев исследует особенности проявления сновидных состояний у невротиков, рассматривает переходные явления между снами наяву и сновидными состояниями.

Особое место в настоящем томе занимают работы, посвященные проблеме изучения психозов в контексте психоаналитической теории. В одной из ранних работ «О значении юношеских сексуальных травм для симптоматологии *Dementia praecox*» Карл Абрахам показывает на примере нескольких случаев из своей клинической практики, что сексуальная травма, полученная в детстве определяет индивидуальный способ проявления заболевания — симптоматиологию. В статье «Перенесение сексуальных травм как форма инфантильной сексуальной деятельности» он продолжает обсуждение проблемы сексуального травмирования и выдвигает гипотезу о том, что высокая сексуальная активность в раннем детстве является предрасположенностью к получению сексуальных травм. Сопоставление *Dementia praecox* с такими заболеваниями, как истерия и невроз навязчивости, Абрахам проводит в работе «Психосексу-

альные различия истерии и *Dementia praecox*», предоставляя подробное феноменологическое описание *Dementia praecox* в контексте фрейдовской теории сексуальности и выявляя значение ранних травм и символизации для возникновения данного расстройства. Обращает на себя внимание работа «Подходы к психоаналитическому исследованию и лечению маниакально-депрессивного расстройства и родственных ему состояний». Здесь Абрахам рассматривает особенности возникновения и протекания маниакальной и депрессивной фаз, представляет свой опыт лечения маниакально-депрессивного психоза.

Том содержит ряд небольших работ, обозначающих взгляды Абрахама на проблематику неврозов. В статье «Психологические связи между сексуальностью и алкоголизмом» Карл Абрахам проводит аналогию между пристрастием к алкоголю и пристрастием невротика к своему неврозу, отмечая, что в обоих случаях симптоматика представляет собой особую форму сексуальной деятельности. Статья «Место брака между родственниками в психологии неврозов» указывает на то, что чрезмерная фиксация на родительских фигурах препятствует поиску партнера для вступления в брак вне родственного круга. Инфантильная привязанность к родителям не позволяет избавиться от инцестуозных фантазий в зрелом возрасте. В небольшой работе «О детерминирующей силе имени» Абрахам на примере художественного произведения показывает значение имени для возникновения невроза, продолжая наблюдения Штекеля за скрытыми отношениями между именем и неврозом. В статье «О сложном церемониале невротичных женщин» Абрахам анализирует случай невроза навязчивости у женщины, который проявлялся в форме церемониала смерти невесты. Работа «Заметки о психоанализе одного случая с фетишизмом ноги и корсета» представляет обобщение клинического опыта Карла Абрахама, связанного с изучением феномена фетишизма. Анализируя клинический случай, Абрахам рассматривает механизмы возникновения и особенности проявления данного невротического расстройства.

Значительное место в настоящем томе занимают две крупные работы, относящиеся к прикладному психоанализу. В работе «Джованни Сегантини. Психоаналитический эксперимент» Абрахам проводит анализ характера итальянского художника Джованни Сегантини. На основании фактов из биографии художника Абрахам выявляет причины меланхолии, свойственной Сегантини, а также рассматривает влияние психологических особенностей художника на становление и развитие его творчества. Работа «Аменхотеп IV (Эхнатон). Психоаналитические вклады к пониманию его личности и монотеистического культа Атона» завершает настоящий том Собрания Карла Абрахама. В данной работе представлен психологический портрет египетского царя Аменхотепа IV, которого Абрахам причисляет к классу невротичных людей. Основываясь на исторических фактах, Абрахам анализирует, каким образом Аменхотеп IV пытался преодолеть эдипов комплекс, как психологические особенности личности царя отразились на его правлении государством.

ТЕКСТЫ

ВРАЧЕБНИЙ КОМПЛЕКС СЕРДЕЦНЫХ ТРАДИЦИЙ
ДЛЯ СИМПТОМАТИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ

(1972)

О ЗНАЧЕНИИ ЮНОШЕСКИХ СЕКСУАЛЬНЫХ ТРАВМ

для СИМПТОМАТОЛОГИИ DEMENTIA PRAECOX

(1907b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1907: Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // Jahresversammlung des Deutschen Vereins für Psychiatrie in Frankfurt — 1907, 27 April.

1907: Idem. // Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII. — Juni. — S. 409—415.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Текст представляет собой выступление К. Абрахама на ежегодном собрании Немецкого общества психиатрии во Франкфурте-на-Майне 27 апреля 1907 года. Абрахам принципиально указывает на то, что ранняя сексуальная травма является не причиной заболевания, а придает индивидуальный способ его проявления — симптоматику. Сопоставление Dementia praecox и истерии в плане значения ранних травм и символизации предваряет одну из последующих работ «Психосексуальные различия истерии и Dementia praecox» (1908a).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

В основе симптомов истерии по теории Фрейда лежат реминисценции, в которых акцент сделан на чувства, в первую очередь принадлежащие к сексуальной области и позволяющие проследить развитие индивида с раннего детства. Несбывшиеся желания и неприятные переживания, которые невыносимы для самосознания, вытесняются из сознания. Они переходят в бессознательное и могут позже при особых обстоятельствах снова возникать как истерические симптомы. Механизмы этих психических процессов — вытеснения и конверсии в истерические симптомы — стали известны нам также благодаря исследованиям Фрейда. Более новые исследования — я ссылаюсь на публикации Блейлера¹ и Юнга², — показали, что теории Фрейда также очень полезны и для понимания *Dementia praecox*, что в симптомах *Dementia praecox* мы находим похожий материал обработанным, как и при истерии, что здесь, как и там, сексуальность играет доминирующую роль, что одинаковые психические механизмы здесь так же эффективны. Существуют значительные аналогии между истерией и *Dementia praecox*. Мне казалось интересным установить, найдет ли *инфантильная сексуальность* индивида свое выражение в симптомах более поздней *Dementia praecox* похожего вида, как Фрейд обнаружил для истерии, распространяется ли аналогия между обеими болезнями на эту область. Предположение утвердилось во мне из-за ряда случаев. Я сообщаю, прежде всего, об одной истории болезни, которая является интересной и подходящей к теме.

В отцовском доме пациентки, которой сейчас 57 лет, с детьми воспитывался еще маленький брат матери, т. е. дядя пациентки. Отец пациентки часто наказывал его, и поэтому однажды он сбежал. Через несколько лет он вернулся назад, угрожал мстью за когда-то плохое обращение с ним и обитал в частных домах округа. Однажды он взял к тому времени

¹ Bleuler, E. *Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie der Psychosen.* // *Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift.* — 1906.

² Jung, C.G. *Über die Psychologie der Dementia praecox.* — Halle, 1907.

десятилетнюю пациентку с собой в сарай и изнасиловал ее. Он угрожал, что если она расскажет об этом родителям, то он подожжет дом. Так как дядя часто выпивал и был очень груб к брату пациентки, она боялась, что он может исполнить угрозу. Она ничего не рассказала о случившемся и еще много раз исполняла волю дяди. Спустя некоторое время дядя снова исчез, а девочка похоронила происшедшее в себе. Некоторое время после изнасилования она часто испытывала интерес к гениталиям, похожим на гениталии дяди во время изнасилования, и это побудило ее к мастурбации. В дальнейшем у нее появилось чувство неуверенности: она думала, будто люди знали о том, что произошло, и поэтому презирали ее. На улице ей всегда казалось, что люди смеются над ней; если она из-за этого подходила к ним, люди не отвечали на ее приветствие и говорили о ней. Она сама отмечает, что стала после случая с дядей «мрачной и сумасшедшей». Долгое время она была очень подавлена и готовилась к самоубийству. Она всю свою жизнь была робкой и замкнутой. Долгое время страдала от ночных видений, особенно часто она видела, как горит сарай. Это явление, очевидно, было вдвойне детерминированным: дядя угрожал поджогом и изнасиловал ее в сарае. Наряду с этим, у нее были ужасные сновидения. Однажды ей приснилась стая ночных сов. Птицы строго смотрели на нее, летели к ней, разрывали ее покрывало и рубашку и кричали: «Позор тебе, ты голая!» Очевидно, это реминисценция на попытку изнасилования. Позже уже в бодрствующем состоянии она увидела ад. Сцены, которые она видела, были очень сексуально окрашенными. Она видела «превращающихся существ», полуживотных, полулюдей, змей, тигров, сов. Она видела также пьяных, которые превращались в тигров и набрасывались на животных женского пола. Также здесь снова было воспоминание о пьяном дяде. Возможно, за аффектом страха скрывается желание сексуального удовлетворения. Пациентка в течение своей жизни переживала очень мало радостного, она внуждена была много пережить со своей семьей и часто испытывала нужду. В 37 лет у нее было особенно плохое время. Она слышала голос другого дяди, который с детства был симпатичен ей. Он жил в несчастливом браке. Расположение и сочувствие охватывали ее к этому дяде, который был полной противоположностью ее злому дяде. В то время, когда она слышала голос, ее добрый дядя уже умер. Его голос шел с неба, это был голос ангела. Голос запретил пациентке совершать самоубийство и предсказал, что она переживет всех своих братьев и сестер, получит в наследство хозяйство, выйдет замуж за соседского сына и родит двоих детей. Эта галлюцинация заключает в себе ясное исполнение желания, которое, по исследованиям Фрейда, исходит от травмы, здесь, правда, в более таинственной форме. Эта галлюцинация в 37 лет — просто жизненное утверждение, оно хочет сказать: «Ты еще не должна терять надежду». Но надежда

не исполнилась. Несколько лет назад мошенник лишил ее маленького состояния. Она еще не могла работать в полную меру, жила с помощью общественных средств и влачила жалкое существование. И вот снова наступила сильная депрессия. 57-летняя больная больше не ждала от жизни ничего хорошего. Снова появились планы о самоубийстве. И вновь возникли галлюцинации. Только в этот раз голос раздавался из ада, и это был голос злого дяди. Он страшил ее будущим и советовал ей совершить самоубийство. Из-за этого состояния депрессии она поступила в клинику.

Итак, это были интересующие нас отрывки из истории болезни. В этом случае становится ясно, что связанное с сильным аффектом детства, т. е. травмой в предпубертате по Фрейду, послужило совершенно определенному содержанию галлюцинаций и бредовых идей пациентки. Влияние этого переживания на детскую психику действует и сейчас, когда пациентке 57 лет, определяет симптом психоза. Но никоим образом нельзя утверждать, что личность без сексуальной травмы осталась бы душевно здоровой, принимая во внимание, что две сестры больной также страдали *Dementia praecox*. Так любой другой ребенок, перенесший в детстве похожую травму, все-таки не становится душевнобольным. Мы предварительно устанавливаем, что в этом случае манифестные признаки психоза очень быстро появляются после сексуальной травмы. Прежде всего, я сообщаю о дальнейших наблюдениях и позже вернусь к значению сексуальной травмы.

Другую пациентку в 9 лет сосед заманил в лес. Он пытался изнасиловать ее, но ей удалось освободиться. Она ничего не рассказала дома об этом случае. В то время она преодолела страх без заметных последствий. Лишь с первой менструацией ее фантазия заинтересовалась сексуальными предметами, и ей пришлось много думать о пережитом. Она сама говорит: «Я пережила это заново». Но постепенно она стала веселее и жизнерадостнее. В 23 года она хотела выйти замуж, но отец препятствовал ее замужеству из эгоистических причин. Пациентка находилась в сильном сексуальном возбуждении. Когда ей не разрешили выйти замуж за любимого, у нее первый раз в жизни случился приступ. Она кричала и яростно хрипела, не теряя при этом сознания. Анализ показал, что в то время пациентка работала на винограднике. Она стояла напротив дома своего возлюбленного, ожидая его. При этом она неожиданно глубоко задышала, и произошел первый приступ. Когда я с помощью осторожных вопросов спросил о приступах, она сказала, что чувствует, будто приступы связаны с попыткой

изнасилования. Выяснилось, что сосед так отвратительно хрипел, когда пациентка, крича от страха, пыталась отделаться от него. Отсюда крик и пыхтение. Сильное сексуальное возбуждение в 23 года снова вызвало в памяти воспоминание о первом сексуальном переживании пациентки. Приступы следует рассматривать только как выражение желания сексуального удовлетворения. В некоторой степени больная возвращается в ту сексуальную ситуацию, которая в детстве оставила после себя сильное впечатление. Приступ хочет сказать: бессознательное пациентки обрадовалось бы, если бы сейчас пришел мужчина и подверг ее такой же ситуации. После того, как приступы некоторое время повторялись часто, на долгое время они просто прекратились. В 33 года пациентка вторично отказалась от идеи замужества, в то время как ее младший брат мог жениться. Как реакция на это снова появились приступы по типу ранних. Одновременно возникла мания преследования к жене брата; в эту манию со временем входило все больше и больше людей. Она считала, что все замечания, которые она слышала от людей, относятся к тому, что она не замужем. И в течение многих лет приступов снова не было. В своих фантазиях она постоянно занималась тем, что строила планы о замужестве, даже и в зрелом возрасте. Из-за своего сексуального возбуждения она даже искала медицинскую помощь. Недавно внешние обстоятельства лишили ее последних надежд на будущее, и на основании этого снова появились приступы. Из-за ее одновременных внезапных всплесков возбуждения к мнимому преследователю, сейчас уже 43-летнюю женщину необходимо было поместить в лечебное учреждение.

Приступы были очень похожи на истерические; диагноз Dementia praecox был по всевозможным причинам, которые я, к сожалению, не могу здесь привести, совершенно точным. Также в этом случае, как и в предыдущем, существует связь между сексуальной травмой и симптомами психоза. Только во втором случае симптомы появились спустя многие годы после пережитого. Переживание, которое имело нечто общее сексуально возбуждающее с попыткой изнасилования, действовало освобождающе. В то время как в первом случае связь была непосредственной, аналогичный случай образует здесь освобождающий момент. У меня была возможность рассмотреть еще и другие случаи с одним или другим видом протекания. Я только коротко упоминаю о случае с женщиной, которая с ранней юности постоянно страдала от сексуальных преследований своего отца и старшего брата. Когда она выросла, ее соблазнил мужчина, и позже она вышла за него замуж. Он вызывал у нее отвращение из-за жестокого обращения, потому женщину охватила глубокая неприязнь. Во время первой беременности появился психоз. Она боялась видений. Бык, который был похож на отца, угрожающе подходил к ней; в другой

раз она видела черта с лицом мужа; он носил копье, которым колол ее. Кто знает символику сновидений, не будет сомневаться в значении этого видения. Ход мыслей этой пациентки двигался в этой прозрачной сексуальной символике. Жестокость и бесцеремонность мужа разбудили в ней воспоминание об аналогичных качествах своего отца, и оба, как упоминается, проявились в психозе.

Фрейд первоначально учил, что *любая* истерия вытекает из психосексуальной травмы в предпубертате. С недавних пор он модифицировал это учение¹. Сейчас он придает главное значение тому способу, с помощью которого индивиду удастся использовать свою врожденную способность реагировать на сексуальные впечатления. У лиц, которые позже заболевают истерией, в юности проявляются признаки аномальной сексуальности; только травма не является *conditio sine qua non*² и имеет больше второстепенное значение. Мои опыты при *Dementia praecox* являются действенными в буквальном смысле, хотя я только смог проанализировать сравнительно небольшое количество случаев в этом отношении. Часть этих случаев указывает на сексуальную травму, как и ранее рассмотренные. В других случаях, напротив, можно разглядеть аномальность сексуальности в детстве, не прибегая к внешнему вмешательству. Аномальная сексуальность этих пациентов, как мне кажется по прежним опытам, выражается не только в преждевременном появлении либидо, но и в болезненной фантазии, которая преждевременно и в такой степени занимается сексуальными вещами, что они отбрасывают остальные содержимые сознания. Если в более поздние года *Dementia praecox* появляется внезапно, то фантазия одерживает верх. Я бы хотел подтвердить эту точку зрения точным примером.

Мальчик уже в ранней юности возбуждается, когда смотрит на женщин и, кроме того, проявляет признаки раннего сексуального созревания. Взрослую сестру, которая очень сильно любит его, он просто боготворит. Эта сестра образует позже центр психоза. Пациент, которому сейчас 24 года, после первых сильных заминок, наконец, с большим оживлением рассказывает о *случае* из своего детства. Однажды утром в его спальню пришла сестра, в которой ему очень нравилась ее роскошная

¹ Freud, S. Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen (1906a [1905]). // G. W. — Bd. 5 — S. 149—159.

² [Conditio sine qua non (лат.) — условие, без которого нельзя.]

фигура, и нежно обняла его. Она умерла спустя некоторое время, а пациент даже после ее смерти хранил свою восторженную любовь. К тому времени ему было 10 лет. В пубертате он больше не проявлял успехов в школе, не смог получить профессию и с тех пор представляет очевидные явления кататонии. Здесь должны быть упомянуты некоторые признаки этой сложной болезни. В галлюцинациях пациента сестра играет главную роль. Она является ему, например, в образе Христа, отчего он характеризует ее как божественную девочку, кроме того, это и прекрасный пример, того, как совмещаются религиозный и сексуальный экстазы в психопатических состояниях. Или пациент видит, как очень красивый юноша пытается попасть во владения красивой девушки. Это Аполлон и Диана; в греческом мифе они являются братом и сестрой. У Дианы — черты умершей сестры, а Аполлон похож на самого пациента.

В этих и многих других галлюцинациях пациента изображается сексуальная привлекательность, которую сестра оказывала на пациента в детстве, и представлено сексуальное объединение. Мы знаем из исследований сновидений Фрейда, как в сновидения взрослых возвращаются инфантильные желания. Это относится и к галлюцинациям *Dementia praecox*.

У одной пациентки, страдающей гебефренией, сопровождающейся бредовыми идеями, чья сексуальная природа очевидна, я смог найти причину в событии, которое она пережила в 6 лет. Тогда она могла наблюдать, как у ее матери началась менструация. Это впечатление постоянно занимало ее фантазию.

К сожалению, учитывая ограничение времени, я могу привести только эти фрагменты из истории болезни.

Остается спорным, является ли только что предполагаемая ненормальная фантазия уже ранним явлением *Dementia praecox*, или использует ли внезапно возникшая *Dementia praecox* в более позднем возрасте только инфантильные сексуальные фантазии и переживания. Но, во всяком случае, я вполне принимаю индивидуальную способность за первостепенную. Переживания сексуального вида, будь это переживания, которые имеют большое значение для травмы, или будь это менее резкие впечатления на детскую сексуальность, образуют не причину болезни, они детерминируют симптом болезни. Они не являются причиной возникновения бредовых идей и галлюцинаций, но они придают им индивидуальное содержание. Они

не виноваты в появлении словесных и поведенческих стереотипов, но обуславливают их форму проявления в отдельных случаях болезни. Содержит ли любая Dementia praecox инфантильно-сексуальный материал, или это относится только к ограниченной части случаев, будет очень сложно решить. Исследования в этом отношении очень сложны и нередко проваливаются.

В различных случаях, какие я привел в качестве примеров, и наряду с другими фактами, я установил, что больные держат сексуальное переживание детства в себе и позже. Брейер и Фрейд в «Исследовании истерии»¹ придавали большое значение похожему факту у больных истерией. Более позднее «отреагирование» вытесненных в бессознательное воспоминаний они сделали основой психоаналитического лечения истерии. Я бы хотел здесь только вскользь заметить, что многие пациенты связывают бредовую идею греха с тем, что в юности они были неискренни и ничего не сообщили о происшедшем своим родственникам. К сожалению, я не могу здесь подробно остановиться на психическом влиянии реагирования при Dementia praecox.

Форма, в которой возникают сексуальные комплексы представления в Dementia praecox, преимущественно символична. К образованию символики относятся все особенно благоприятные состояния, которые протекают с расстройством внимания. То, что при Dementia praecox расстройство внимания является основополагающим, показали более новые исследования. То же самое подтверждается для неврозов и для наших сновидений, и здесь также мы находим похожую склонность к символизации. Значение инфантильного сновидения и истерии было доказано работами Фрейда. Мы убедились в том, что то же самое относится и к Dementia praecox. Поэтому мы познакомились с новой аналогией между сновидением, истерией и Dementia praecox.

В конце я бы хотел возразить, что пациентам были внушены рассказы о сексуальных переживаниях. При исследовании мы старательно избегали всего внушаемого. В различных случаях пациенты заваливали меня своими отзывами. Конечно, нужно признать

¹ [Freud, S. (совместно с: Breuer, Josef) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — s. 75—312.]

возможность, что душевнобольной переносит свои теперешние сексуальные фантазии в детство. Ни в одном из случаев, которые я положил в основу своих сообщений, не существует обоснованного подозрения в этом направлении. Впрочем, у нас достаточно средств при Dementia praecox, чтобы можно было отличить фактические сообщения от заблуждений.

Из анализа симптомов Dementia praecox мы видим, что в психологии этого заболевания приписывается одинаковое значение как инфантильному материалу представления и сексуальности, так же как в истерии и сновидении. Психологическое исследование Dementia praecox должно возвратиться к учениям Фрейда. Благодаря им оно может получить мощное содействие.

**ПЕРЕНОСЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ТРАВМ
КАК ФОРМА ИНФАНТИЛЬНОЙ
СЕКСУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

(1907c)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1907: Das Erleiden sexueller Traumen als Form infantiler Sexualbetätigung. // C. — N. F. — Bd. XVIII. — November. — S. 855—866.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Данная статья является логическим продолжением предыдущей и постоянно отсылает к случаям, описанным там. К. Абрахам выдвигает гипотезу о предрасположенности определенных лиц к сексуальному травмированию в раннем детстве. Этой предрасположенностью является аномально высокая сексуальная активность, а ситуации возможного травмирования — способом проживания и реализации бессознательных сексуальных стремлений.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Учение Фрейда об этиологии истерии с течением времени испытало значительные преобразования. Но Фрейд, как он сам отмечает¹, придерживался двух точек зрения и все глубже проникал в познание их значения: это точки зрения относительно сексуальности и инфантилизма. В преобразованиях всей теории сексуальности и учении о неврозах также принимала участие и проблема сексуальной юношеской травмы. Некоторое время Фрейд видел в этом корень истерических явлений и предполагал, что этот корень присутствует во всех случаях истерии. Такая точка зрения не сохранилась в ее первоначальной форме. В своем труде «Мое мнение о роли сексуальности в этиологии неврозов»² Фрейд отвел вторичную роль сексуальной юношеской травме и высказал гипотезу относительно аномальной психосексуальной конституции как первичной основы неврозов. Эта точка зрения воздает должное тому факту, что отнюдь не все дети, перенесшие сексуальную травму, позже заболевают истерией. Дети, склонные к истерии, согласно мнению Фрейда, вследствие этой аномальной предрасположенности нездоровым образом реагируют на сексуальные впечатления любого рода. Недавно я сам обнаружил у душевнобольных проявление инфантильных сексуальных травм³. Я придерживался мнения, что такая травма не принимается во внимание в качестве причины болезни, однако оказывает формообразующее влияние на болезнь. Я присоединился к мнению Фрейда, допуская предположение об аномальной психосексуальной конституции.

Все же это предположение продвигает нас лишь на *один* шаг вперед, в то время как перед вторым, более важным останавливается.

¹ Freud, S. Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen (1906a [1905]). // G. W. — Bd. 5 — S. 157 {149—159}.

² Ibid.

³ Abraham, K. Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII, Juni. — S. 409—415 [см. наст. том. С. 3—12.].

Хотя оно объясняет нам, почему в истории многих индивидов большое значение придается перенесенной в детстве сексуальной травме. Необъяснимой, напротив, остается проблема, *почему в детском анамнезе многих невротических и психотических личностей обнаруживается сексуальная травма*. Если мы разрешим эту проблему, то также найдем объяснение сущности предположенной аномальной конституции, хотя бы отчасти.

При помощи данной работы я намереваюсь приблизиться к разрешению этих вопросов. При этом я, в частности, приведу доказательство того, что в большом числе случаев перенесения травмы желает бессознательное ребенка, так что мы можем видеть в этом форму инфантильной сексуальной деятельности.

У каждого, кто наблюдал за детьми с их психологическими особенностями, появится ощущение, что для одного ребенка заманивания и искушения доступны с трудом, а для другого, наоборот, легко. Есть дети, которые почти без сопротивлений исполняют требование незнакомца следовать за ним, другие же в таком случае реагируют противоположным образом. Подарки, сладости или также один вид этих предметов по-разному влияют на детей. Кроме того, есть дети, которых с сексуальной точки зрения провоцируют взрослые. Очень поучительны в этом отношении акты судебных процессов из-за безнравственных поступков с детьми. Такое поведение детей мне известно из двух случаев, в которых один старик, страдающий слабоумием, совершал преступления; в большом количестве других случаев сохранилось в этом направлении серьезное подозрение. Даже среди братьев и сестер в этом отношении наблюдаются бросающиеся в глаза различия. Мне известны многие случаи такого рода. Из нескольких сестер, например, чужой человек может заманить одну из них пойти с ним, в другой раз она следует за взрослым мальчиком в уединенное место и позволяет ему себя целовать. Две другие сестры проявляют противоположное поведение. Одна сестра, о которой можно рассказать еще много похожих черт, уже в детстве проявляет невротические черты и позже заболевает ярко выраженной истерией. Это не единичный пример, а типичный. Предварительно мы в целом констатируем, что некоторые дети по отношению к заманиванию проявляют более выраженное согласие идти навстречу, чем другие. Этот опыт может помочь нам разделить сексуальные травмы на группы,

несмотря на их многообразие. Мы можем различить такие сексуальные травмы, которые обрушились на ребенка непредвиденно, и те, что сопровождались соблазнением или заманиванием или которые каким-то образом были ожидаемы или даже спровоцированы. В случаях первой группы отсутствует какая-либо причина, чтобы допустить со стороны ребенка желание идти навстречу. В случаях второй группы наоборот нельзя исключить предположение такого желания. В этих группах еще не открываются все случаи: если сексуальное покушение происходит непредвиденно, то человек, с которым это случается, может вести себя активно, серьезно защищаясь, или смириться с насилием. В последнем случае мы снова встречаем желание идти навстречу, готовность отдаться нападающему. Используя выражение римского права, я бы сказал: такой человек подчиняется неприятелю *vis haud ingrata*¹.

Vis haud ingrata во все времена притягивал к себе интерес законодателя там, где шла речь об определении наказания за сексуальное преступление. Здесь я ссылаюсь, например, на иудейское законодательство и цитирую из 5 книги Моисея, глава 22, 22—27:

«Если девка обручена с кем-то, а какой-нибудь мужчина вступит с ней в брак в городе и будет спать у нее, то вы должны вывести обоих за город Тhog и бить их камнями, чтобы они умерли; девку за то, что она не кричала, так как была в городе; мужчину за то, что опозорил свою ближнюю жену; и это зло должно быть совершено тобой. Но если кто-то женится на обрученной девке в поле и схватит ее и будет спать с ней, то умереть должен один мужчина, который спал у нее, а девку ты не должен убивать; потому что она не совершила смертного греха, а точно так же, как кто-либо, возвышалась против своего ближнего и убила бы его душу. Потому что он нашел ее в поле, и обрученная девка кричала, а рядом не было никого, кто мог бы помочь»².

Кроме того, я ссылаюсь на отличную маленькую историю из романа «Дон Кихот», которую сообщает Фрейд³:

¹ [*Vis haud ingrata* (лат.) — не совсем с желанием.]

² [Втор. 22: 22 —27. Здесь К. Абрахам дает краткий пересказ главы 22 Пятикнижия Моисея.]

³ **Freud, S.** Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum) (1901b). // G. W. — Bd. 4. — S. 201.

«Одна женщина дергает перед судьей мужчину, который, возможно, насильно лишил ее чести. За ее страдания Санчо вознаграждает ее полным кошельком, который он отнимает у обвиняемого, и после ухода женщины разрешает ему пойти за ней и снова вырвать у нее кошелек. Продолжая бороться за кошелек, они возвращаются, и женщина хвалится, что злодей был не в состоянии завладеть кошельком. На это Санчо отвечает: "Если бы ты отстаивала свою честь хотя бы наполовину того, как ты отстаивала этот кошелек, то мужчина не смог бы лишить тебя ее"»¹.

Приведенные примеры, конечно же, касаются взрослых; мы еще убедимся в том, что в этом отношении не возникает отличий между детьми и взрослыми.

Иудейский закон делает зависимым наказание девушки от того, призывала ли она на помощь. Это значит: использовала ли она возможность предотвратить случившееся. В этом отношении, а также и других, я проверил случаи, которые опубликовал раньше². В каждом из этих случаев травма могла быть предотвращена. Если бы дети вместо того, чтобы следовать заманиваниям, могли позвать на помощь, убежать или не подчиниться. В ряде других случаев я смог констатировать то же самое.

Доказывающим для предположения о согласии со стороны ребенка является не только поведение ребенка во время подготовки к преступлению и во время самого преступления, но также и его поведение после перенесенной травмы. Когда Брейер и Фрейд³ обнаружили, что истеричные люди страдают от воспоминаний, они обратили внимание на тот факт, что дети не сообщают родным об инфантильной сексуальной травме, а скрывают ее. Это происходит не только под влиянием недавних впечатлений случившегося,

¹ [Сервантес, М. де. Хитроумный Идадьго Дон Кихот Ламанчский. / Сервантес, М. Собрание сочинений. — 4.1. — Гл. XLV. — М.: Художественная литература, 1970. — С. 331—333. Здесь К. Абрахам пересказывает содержание главы XLV.]

² Abraham, K. Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII, Juni. — S. 409—415 [см. наст. том. С. 3—12.].

³ [Freud, S. (совместно с: Breuer, Josef) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312.]

а, как доказали авторы, переживание вытесняется в подсознательное¹ так, что становится совсем недоступным для произвольного воспоминания. Я подтвердил (*loc. cit.*, S. 415)² похожее поведение детей с последующим заболеванием *Dementia praecox*. Тогда я не остановился подробно на объяснении этого поведения.

То, что ребенок приобрел сексуальное переживание и, несмотря на связанные с этим эмоции, скрыл от родителей, является необычным явлением. Ребенок, которого кто-то преследует и избивает, с жалобами обращается к своей матери. Здесь я ожидаю услышать отговорку, что ребенку мешает говорить конвенциональная деликатность, потому что он воспитан избегать в беседе всего, что касается сексуального. Но эта отговорка ни в коем случае не является обоснованной. Во-первых: под впечатлением сильных эмоций ребенок не заботится о конвенциональном. Но не все дети, которых постигло переживание сексуального вида, ведут себя таким образом. Я хочу объяснить это при помощи одного примера и его противоположности.

В подвале одного дома должна была проверяться водопроводная труба. Рабочий вошел в дом и попросил ключ от подвала. Живущая в этом доме женщина говорит, что ему нужно спуститься по лестнице, а она принесет ему ключи. Он спускается по лестнице; вслед за этим маленькая дочка той женщины несет ему ключ. Мужчина идет в подвал, а спустя короткое время возвращается. Ребенок ждет его на полутемной лестнице, чтобы забрать ключ. Прежде чем малышка успевает забрать ключ, мужчина совершает безнравственный поступок. Испугавшись, девочка бежит вверх по лестнице и сразу же сообщает матери о случившемся. Мужчину арестовывают.

В качестве противоположного примера выступает один из опубликованных мною раньше случаев. Сосед заманил девятилетнюю

¹ [В этой работе Абрахам использует оба термина — подсознательное и бессознательное. При этом: подсознательное он понимает в топографическом смысле (над-подсознательное), бессознательное — в функциональном смысле (функциональная взаимосвязь между системами сознательное — предсознательное — бессознательное).]

² *Abraham, K.* Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der *Dementia praecox*. // С. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII, Juni. — S. 409—415 [см. наст. том. С. 3—12.].

девочку в лес. Она пошла с ним без сопротивлений. Тогда он попытался изнасиловать ребенка. И когда он уже был близок к своей цели или почти достиг ее, девочке удалось освободиться. Она побежала домой, но ничего не рассказала о случившемся. Так и в дальнейшем она хранила это в тайне от своих родственников.

Поведение этих двух детей после перенесения травмы полностью противоположное; почему? Сначала следует указать на поведение детей при других обстоятельствах. Например, ребенок поранился во время запрещенной ему игры, он подавляет боль и не ищет, как обычно, в этом случае утешения матери. Причина ясна: ребенок побежден привлекательностью запретного и испытывает чувство вины за свое несчастье.

Это чувство вины у ребенка чрезвычайно тонко. Мне известна следующая история из молодости одной дамы, которая представляет интересную иллюстрацию для занимающей нас проблемы. Будучи маленькой девочкой, она вместе со своей подругой искала цветы. В этот момент подошел незнакомый мужчина и сказал обеим девочкам, чтобы они шли с ним, и он покажет им место, где есть много красивых цветов. Они прошли вместе с ним некоторое расстояние. Потом у нее возникли опасения идти дальше с незнакомцем; она внезапно развернулась и побежала. Ее подруга последовала за ней. И хотя между мужчиной и детьми не произошло ничего, кроме того, что они прошли вместе некоторое расстояние, женщина отчетливо помнит, что тогда она опасалась говорить об этом дома. Она хранила это втайне от родных и даже больше не говорила об этом со своей подругой. Это молчание следует объяснять чувством вины. Очевидно, у ребенка было более или менее определенное ощущение, что вина лежит не только на том, кто заманил, но также и на том, кто позволил себя заманить.

Очевидно, подобное объяснение относится и к двум ранее приведенным примерам. Одного ребенка настигли в момент, когда он не подозревал ничего подобного и при этом находился в ситуации, которая была создана не им самим: мать послала его в подвал. Никто не мог упрекнуть его в этом, и поэтому он сразу находит слова, чтобы рассказать матери о произошедшем. Другой же ребенок, напротив, позволил себя заманить. Он последовал за соседом в лес и позволил ему достаточно далеко зайти в исполнении своего намерения, прежде

чем вырваться из его рук и убежать. Нет ничего удивительного, что ребенок умолчал о случившемся.

Заманивающее в любом сексуальном действии — это связанное с ним получение удовольствия. При любом сексуальном акте Фрейд¹ отличает *пред-удовольствие* и *удовольствие от исполнения*. Пред-удовольствие может возникнуть физическим путем, оно также может быть вызвано посредством других чувственных раздражений, например, посредством оптических впечатлений, и, наконец, чисто психически посредством представлений — посредством напряженной и возбуждающей ситуации. Трудно решить, какой из этих двух видов удовольствия играет для ребенка большую роль. Конечно, здесь имеются большие индивидуальные отличия. В некоторых случаях, которые я наблюдал, кажется, как будто необычность и таинственность ситуации, т. е. приключение, являются для ребенка наиболее привлекательными. С другой стороны, я должен сослаться на те случаи, в которых непосредственно взрослые провоцируют детей к совершению сексуальных действий; здесь мы, конечно, должны принимать в расчет потребность в удовольствии удовлетворения.

Достижение сексуального пред-удовольствия или удовольствия от исполнения — это то, к чему склоняется детское либидо, когда ребенок предается травме. Это *достижение* удовольствия является тайной, которую ребенок в страхе укрывает. Только это объясняет чувство вины ребенка и последующие психологические процессы, которые присоединяются к перенесению сексуальной травмы. Здесь я должен сослаться на точку зрения Фрейда² относительно ранних фаз сексуальности. Фрейд полностью разрушил старую сказку о дьящемся до пубертата сексуальном латентном периоде. Из его исследований мы узнаем, что первые следы сексуальных действий проявляются очень рано, и что некоторое время они носят аутоэротический характер. Затем следует стадия, на которой ребенок обращается к «любви объекта»; сексуальный объект не обязательно должен быть другого пола. Затем, наряду с гетеросексуальными и гомосексуальными порывами, проявление находят и другие, носящие садис-

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.

² [Ibid.]

тический или мазохистический характер. И поэтому Фрейд говорит о полиморфно-перверсивной стадии. Конечно, сознанию ребенка не доступна истинная суть всех этих ранних порывов. Они ускользают от бессознательного. Они склоняются к определенной сексуальной цели, не объясняя этой тенденции ребенку. В этом смысле для ребенка, склонного к истерии или *Dementia praecox*, сексуальное переживание является сексуальной целью. Ребенок переносит травму из-за намерения своего бессознательного. Перенесение сексуальных травм в детстве, если в его основе лежит бессознательное желание, относится к мазохистическим выражениям сексуального влечения, таким образом, представляет форму инфантильной сексуальной деятельности.

Границы между здоровыми людьми и отклоняющимися от нормы в области сексуальности, как, собственно, и везде, не являются четкими. Я считаю справедливым видеть в сексуальном голоде, который ведет к готовности отдаться сексуальной травме, в целом аномальный вид сексуальной деятельности. В глаза бросается то, что мы встречаем его именно в предистории невротических или душевнобольных индивидов, в дальнейшей жизни которых в изоляции обнаруживаются сексуальные отклонения. Когда я¹ пытался перенести учение Фрейда с психосексуальной основы истерии на *Dementia praecox*, то уже в нескольких грубых чертах изложил, насколько отклоняется сексуальность детей, которые в дальнейшем подвергаются этим болезням. Я предположил, что сексуальное развитие идет несколько впереди, и само либидо в количественном отношении аномально, но что, кроме того, фантазия этих детей преждевременно и в аномальной степени занимается сексуальными вещами. Теперь такая точка зрения позволяет точнее понять сказанное: дети этой категории проявляют аномальное желание к достижению сексуального удовольствия, вследствие этого переносят сексуальные травмы.

Если мы проследим за дальнейшей судьбой связанных с перенесенной травмой представлений, то мы найдем новые отправные точки для представленной точки зрения.

¹ *Abraham, K. Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1908. — N. F. — Bd. XVIII, Juni. — S. 409—415 [см. наст. том. С. 3—12.].*

Для сознания ребенка, как и взрослого, невыносимо чувство вины. Поэтому ребенок пытается переработать окрашенные отвращением воспоминания каким-либо образом, в результате чего он остановит их разрушительное влияние. Поэтому они отделяются от имеющихся осознанных содержаний. Тогда они ведут обособленное существование в качестве «комплекса».

Иная ситуация у детей, которые перенесли сексуальную травму, никоим образом не проявив желания идти навстречу. Такие дети могут свободно высказаться; поэтому им не нужно насильно исключать реминисценции о случившемся из поля сознания.

Процесс остановки окрашенных отвращением представлений из сознания при истерии и *Dementia praecox* (соответственно¹, у людей, которые в дальнейшем страдали одним из этих заболеваний) одинаковый. Впрочем, мы ежедневно можем наблюдать его также и у здоровых людей. Но рано или поздно выясняется, что вытеснение — это только временное средство. Хотя комплекс долгое время может оставаться в подсознательном². Но однажды наступает аналогичное первичной сексуальной травме переживание и приводит в волнение вытесненный материал представлений. Затем происходит преобразование в симптом истерии или *Dementia praecox*. При *Dementia praecox*, однако, появляется еще одна возможность, чтобы по эндогенным причинам встретить «сдвиг» болезни и чтобы теперь переработать этот материал в симптомы.

Фрейд² познакомил нас еще и с другими механизмами, которые в целом служат тем же целям, что и вытеснение. Здесь, например, следует упомянуть транспозицию аффекта на индифферентные представления; если избирается этот путь, то появляются навязчивые симптомы. Так же, как процесс вытеснения, процесс транспозиции на индифферентные представления при *Dementia praecox* совершенно подобным образом проходит и при «неврозах». В первую очередь, я вспоминаю только, например, о воображаемых беременностях у больных *Dementia praecox*, которые, между тем, согласно их психологическому генезису, похожи на истерические беременности,

¹ [См. прим. 4, С. 18.]

² [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.]

и в последнюю очередь — о факте, что в некоторых, между тем, с диагностической точки зрения ясных случаях *Dementia praecox* навязчивые представления составляют самую выделяющуюся черту картины болезни. Два вида выражения сексуального чувства вины являются общими для истерии и *Dementia praecox*. *Dementia praecox* располагает еще и третьим видом: образование бреда самообвинения, который передвигается на индифферентные представления. В данный момент при помощи истории болезни я не могу привести доказательства того, что упреки самого себя, носящие сексуальный характер, являются важным источником бреда самообвинения. В своей последней работе я указал на то, что определенное число пациентов рано или поздно связывают бред прегрешения с тем, что в молодости они не были искренними, ничего не рассказали своим родственникам о сексуальном переживании. Чувство вины, которое в действительности связывается с перенесением сексуальной травмы без сопротивлений, переносится на незначительные «грехи» недостаточной искренности. Мне кажется, что этот психический механизм перенесения на менее аффективные представления с транспозицией, как она находится в основе образования навязчивых представлений, близко родственны. Результат является различным: тут навязчивое представление, там бредовое представление. Здесь я могу лишь затронуть другие похожие механизмы, известные нам также благодаря Фрейду и служащие родственным целям, например, при истерии и *Dementia praecox* (впрочем, также в травме) крайне частый «перевод», например, перевод генитальных ощущений на рот.

Таким образом, дальнейшая судьба комплекса и его последующие выражения всегда свидетельствуют о вышеупомянутой сути сексуальной юношеской травмы. Еще одно особенно примечательное, но с нашей точки зрения всегда объяснимое доказательство, что наше бессознательное идет навстречу сексуальной травме, представляют дети, которые в дальнейшем обречены на страдания истерией или *Dementia praecox*, вследствие того, что часто они имеют не одну травму. Следует ожидать, что дети, перенесшие ожоги, будут бояться огня, это значит, что при каждом повторении сексуальной травмы уклоняться от возможности повторения, тем более, что такой случай, кроме удовольствия, приносил им боль или другие чувства отвращения или косвенно напоминал о них. Но опыт показы-

вает обратное. Индивиды, которые однажды перенесли сексуальную травму и отчасти чувствовали за собой вину из-за того, что пошли навстречу, но при которой они также достигли удовольствия, кроме того, склоняются к тому, чтобы подвергать себя таким переживаниям. Если они переносят вторую травму, то она ассимилируется подсознательным¹ с вытесненной первой. Вторая или последующая травма действует «вспомогательным образом», чтобы разрушить психическое равновесие и разжечь болезнь. В зависимости от врожденной склонности это истерия или *Dementia praecox*.

Склонность к последующему перенесению сексуальных травм — это своеобразие, которое мы достаточно часто можем наблюдать у взрослых людей, страдающих истерией. В этом случае можно говорить о травматическом диатезе, который, впрочем, не ограничивается сексуальными травмами. В обществе истерики являются интересными людьми, с которыми постоянно что-то происходит. С истеричками особенно часто случаются приключения. Им докучают на открытых улицах, над ними совершают самые дерзкие сексуальные преступления и т. п. В их сути заложено то, что они должны подвергаться травматическому воздействию. Им необходимо быть слабее внешней силы; в этом мы находим общее психологическое качество женщин в преувеличенной форме². Так как мы также находим при выраженной истерии в зрелом возрасте склонность к перенесению травмы, то предположение о подобной склонности в детстве у таких людей является важной опорой.

В своей работе «Психопатология обыденной жизни»³ Фрейд обращает внимание на то, что маленькие неловкие движения, промахи, ушибы, несчастные случаи и т. п. в будничной жизни часто основываются на бессознательном намерении тех, с кем они происходят. Выше я цитировал рассказанный Фрейдом забавный слу-

¹ [См. прим. 4, С. 18.]

² Здесь также следует указать на сновидения здоровой девочки и женщины, в которых их закалывает или еще каким-либо способом убивает мужчина. Фрейд учит, что в этом следует видеть символическое представление сексуальных желаний. В травме мужчине отводится роль нападающего, сновидице — пассивная роль. Тогда она не будет виновата в *символическом* сексуальном акте.

³ [Freud, S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum) (1901b). // G. W. — Bd. 4.]

чай; он показывает, что сексуальные «несчастные случаи» также могут основываться на желании бессознательного. Это учение Фрейда придает представленной мной точке зрения то, что в основе инфантильной сексуальной травмы в точно обозначенных случаях лежит желание бессознательного, и это является дальнейшей и очень важной опорой. Чтобы доказать правомочие использованных здесь результатов исследования Фрейда, я хочу привести несколько относящихся к этому примеров из собственного опыта.

На широкой, хорошо просматриваемой улице в ясный день на девятнадцатилетнюю девушку наехал солдат, скакавший рысью. Недолгое время она была без сознания, но не получила тяжелых физических повреждений. Вскоре после этого проявляются симптомы так называемого травматического невроза.

Предыстория девушки представляет следующее. С самого детства на нее удручающим образом действовали различные впечатления и знания. Сначала она стала свидетельницей ссоры ее родителей. Когда они развелись, то по решению суда девочка осталась с матерью. Но она не испытывала симпатии к матери, необразованной женщине, не имевшей чувства такта. Отец же, наоборот, был ей симпатичен, несмотря на простую профессию ремесленника, он занимался литературой. В 12 лет девочка сбежала от матери и пришла к отцу. Она была одной из лучших учениц в школе и рано предприняла поэтические попытки. Она хотела стать учительницей, почему она, кажется, и была увлечена, кроме ее наклонностей, учителем. Но так как у отца не было средств позволить своей дочери посещать семинар, она была вынуждена рано оставить школу и исполнять различную временную подсобную работу в качестве служанки. Она чувствовала себя очень несчастной, потому что не могла удовлетворить ни свое желание учиться, ни попасть в более высокое социальное окружение. На одном из мест она работала 1,5 года. Затем она пыталась продвинуться дальше, изучая тем временем стенографию и машинопись. Прежде чем она достигла своей цели, закончились деньги; затем она стала работать на фабрике, где ей не нравилось общаться с необразованными работницами. Отношение к матери полностью ухудшилось с тех пор, как у пациентки появилось подозрение, что ее младшая сестра родилась от запретных отношений ее матери перед разводом. Она была совершенно обособлена, тем более, что отец мало о ней заботился; она должна была работать в ненавистной ей профессии и жить в ненавистном ей окружении. Младшая сестра, которой пациентка помогала на свои средства получить профессию, отплатила ей

неблагодарностью. Все эти обстоятельства, возможно, также несчастливая любовь, действовали на нее так удручающе, что она потеряла всякую радость жизни. Перед несчастным случаем она писала стихи, в которых выражала свою усталость от жизни. Тогда и произошел упомянутый выше несчастный случай.

Если человек потерял радость жизни, как в этом случае, если определенно присутствует мысль: лучше умереть, чем так жить, и если тогда с этим человеком происходит несчастный случай, которого ни в коем случае нельзя было бы избежать, то я считаю правомочным предположение о бессознательном намерении к самоубийству. Девушка ненамеренно бросилась под лошадь, это было бы сознательным самоубийством, но она в недостаточной мере восприняла возможность его отклонения. Фрейд уже объяснял подобные случаи самоубийства или попытки суицида, которые производили впечатление несчастного случая. Следует отметить, что для того, чтобы улучшить ее состояние, ей нужно дать задание, которое имеет отношение к ее комплексу, заботясь о лучшем положении.

Какие странные и все же целесообразные пути выбирает бессознательное, чтобы достичь цели, показывает следующая история о несчастном случае одной женщины, страдающей *Dementia praecox*. Прежде всего, женщина высказывала бредовые идеи прегрешения, причиной которых была выявлена продолжительная мастурбация. Она рассказала, что мастурбация восходит к одному несчастному случаю, который произошел несколько лет назад. Тогда она поскользнулась и ушиблась генитальной областью об угол стола. Согласно способу, которым пациентка описывает ход событий, невозможно представить себе этот несчастный случай иначе, чем предположение о бессознательном намерении пациентки. Вероятно, что тогда пациентка испытывала половое возбуждение и не могла удовлетворить его нормальным образом. Она боролась с влечением к мастурбации. Совершение этого сознательно было запрещено, что привело к образованию пути в бессознательное.

Другая пациентка с детства испытывала чрезвычайно сильную симпатию к своему брату. Когда она выросла, качества всех мужчин она сравнивала с качествами ее брата. Позже она влюбилась в другого мужчину, но это была любовь с несчастливым концом. Вскоре после этого, когда пациентка была очень сильно подавлена, она

дважды подвергала себя опасности во время прогулки в горах в результате неловких движений. Так как она была опытной туристкой, то двукратное падение в совершенно простых и безопасных местах осталось загадкой. Позже выяснилось, что в это время она уже увлекалась планами о самоубийстве. Начиная с того времени несчастливой любви, она снова обратила всю свою симпатию на брата, который в скором времени обручился. Вскоре после этого пациентка заболела *Dementia* граесох. (Предположительно, болезнь развивалась медленно.) В начальном состоянии депрессии она пыталась выброситься из окна — вероятно, аналогия падения с горы. В клинике ее состояние улучшалось медленно. Наконец, пациентка могла пойти гулять в парк с сиделкой. Там пролежала канава. Ежедневно она переходила канаву по дощатому мостику, хотя совершенно легко могла перепрыгнуть ее. В это время она узнала день, когда должен был жениться ее брат. Она постоянно говорила об этой свадьбе. Накануне свадьбы брата во время прогулки она не воспользовалась мостиком, а прыгнула через канаву, но так неловко, что растянула себе ногу. Так и позже довольно часто она получала подобные ушибы, так что у сиделки даже появилось подозрение, что в них было что-то желанное. Очевидно, что посредством этих небольших несчастных случаев бессознательное выражало намерение самоубийства.

Все такие происшествия рассматриваются в совершенно другом свете, как только становятся известными предшествующие события и сопровождающие обстоятельства. Чем больше такие происшествия подвергают психологическому анализу, тем обширнее учатся оценивать значение «желания бессознательного». Само собой разумеется, здесь не следует проводить четкую черту между бессознательным и сознательным намерениями.

Для продолжительного перенесения травм (не только сексуального вида) взрослые невротики и душевнобольные предлагают нам интереснейшие примеры. Мы должны совершить небольшой экскурс в близкую область. То, что травматическая истерия в чрезвычайно большом числе случаев равнозначна пенсионной истерии, вне дискуссии. Борьба за получение возмещения не позволяет исчезнуть проявлениям болезни. Если в случае улучшения пенсии угрожает сокращение или полное лишение, то уже исчезнувшие или ставшие более мягкими симптомы проявляются по-новому или в усиленной

степени. Здесь нам открывается взгляд на многосторонность способов, каким образом бессознательное умеет реализовывать такие желания, которые совсем не нужно объяснять сознательному. Часто в таких случаях страдают люди, которые однажды перенесли несчастный случай, в скором времени еще один, зачастую совсем незначительный, который оказывается кстати для поддержки права на пенсию. Главным образом я получил такой опыт у класса людей, особенно расположенных к истерии, а именно у польских рабочих, заключивших договор на основании немецкого закона о страховании от несчастных случаев. Согласно общему опыту, эти люди отстаивали свое право на пенсию с чрезмерным упорством, и травматично-истерические симптомы укреплялись в них с особой настойчивостью. Число польских рабочих, которые настаивали на выплате пенсии из-за *многочисленных* несчастных случаев было неожиданно большим.

Тенденция к усилению первого несчастного случая посредством второго выражается, даже если человек, перенесший несчастный случай, болен истерическими симптомами, и поэтому у него нет возможности перенести второй несчастный случай на производстве. Один итальянский рабочий, которого я наблюдал недолгое время, был ранен железной скобой, упавшей со станины ему на голову. Я позволил ему рассказать его сновидения. Повторив несколько раз, он рассказал, что в сновидении его кто-то ударил по голове палкой, или с ним произошел какой-либо другой несчастный случай. Его бессознательное, вероятно, желало сохранить травматический комплекс симптомов и нашло выражение этого желания в сновидении. То, что сопровождающий страх не противоречит этой точке зрения, исходит из теории сновидений Фрейда. Я думаю, что таким образом частые страшные сновидения потерпевшего можно привести в соответствие с теорией желания Фрейда. Бессознательное не покоится, если оно действует, чтобы на деле применить комплекс. Оно заботится о том, чтобы аффективное значение перенесенной травмы не пропало, и снова время от времени напоминает о событии посредством страшного сновидения.

Все эти наблюдения как за взрослыми, так и за детьми, приводят анализ сновидений как здоровых людей, так и невротиков и душевнобольных, анализ симптомов как истерии, так и Dementia

праесох к заключению, что в основе сексуальных травм и особенно инфантильных, так же как и других травм, во многих случаях лежит бессознательное намерение со стороны кажущейся пассивной части. То, что люди, которые позже заболевают истерией или *Dementia praecox*, проявляют в молодости аномальное согласие пойти навстречу сексуальным травмам, мы объяснили их аномальной уже в детстве сексуальностью. Мы пришли к пониманию этого поведения как формы аномальной инфантильной сексуальной деятельности. Изначальное учение Фрейда претерпевает в результате этого значительное изменение. Инфантильная сексуальная травма не играет этиологической роли для истерии и *Dementia praecox*. В перенесении сексуальной травмы выражается, скорее, уже в детстве потребность к дальнейшему неврозу или психозу. На месте этиологического значения сексуальной травмы выступает формообразующее значение. Так мы понимаем, как сексуальная травма придает болезни определенное направление движения, а многим симптомам индивидуальное выражение.

Наши исследования наглядно показали нам значительное сходство в симптоматологии истерии и *Dementia praecox* по-новому. Нерешенным остается вопрос о бесспорно имеющихся различиях между обеими болезнями. В большей части они находятся в психосексуальной области; они должны стать предметом дальнейшего исследования¹.

¹ *Abraham, K.* Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der *Dementia praecox*. // С. — 1908. — N. F. — Bd. XIX, Juli. — S. 521—533 [см. наст. том, С. 31—47.].

ПСИХОСЕКСУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИСТЕРИИ

И DEMENTIA PRAECOX

(1908a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1908: Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. // I. Internationaler Psychoanalytischer Kongreß. — Salzburg, 1908, 26. April.

1908: Idem. // C. — 1908. — N. F. — Bd. XIX. — Juli. — S. 521—533.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Данная статья является текстом выступления К. Абрахама на Ком Международном психоаналитическом конгрессе (26 апреля 1908 года). Здесь Абрахам дает последовательное феноменологическое описание Dementia praecox в контексте фрейдовской теории сексуальности. Существенное отличие ее от истерии и невроза навязчивости в аутоэротической направленности либидо у таких больных, а также в потере способности к сублимации.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Психоаналитический метод познакомил нас с важными аналогиями в строении истерии и *Dementia praecox*¹. В этой области будет достаточно лишь указать на ряд важнейших моментов. Источники симптомов этих двух заболеваний заключаются в вытесненных сексуальных комплексах. В обоих случаях на образование симптомов могут оказать влияние как нормальные, так и перверсивные импульсы. Формы проявления обеих болезней большей частью одинаковы; мне стоит лишь указать на сексуальную символику. Все наблюдатели единодушны в том, что несмотря на общие черты между ними есть принципиальное противоречие. Но они до сих пор не уточнили это противоречие удовлетворительным образом. То, что они нам предлагали, было лишь незначительными различиями, которые, собственно говоря, снова демонстрировали нам лишь сходство обоих заболеваний.

Поскольку основные общие черты истерии и *Dementia praecox* имеют психосексуальный характер, то, естественно, возникает вопрос, где находится граница этого аналогичного поведения. Другими словами: в поиске принципиальных различий обоих заболеваний мы вновь обращаемся к психосексуальной области.

Основой в этом исследовании служат «Три очерка по теории сексуальности» Фрейда² и особенно представленные в них взгляды 0 сексуальности ребенка, сексуальных перверсиях и сексуальном влечении невротиков. Все теоретическое, что я бы хотел изложить относительно сексуальности хронических душевнобольных людей, тесным образом перекликается с теорией сексуальности Фрейда³.

¹ Ср., в особенности: *Jung, C.C. Über die Psychologie der Dementia praecox.* — Halle, 1907.

² *Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d).* // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.

³ Выражаю благодарность за важнейшее побуждение к следующим рассуждениям, значительно расширяющим опубликованные взгляды Фрейда, за представленные письменные и устные сообщения господина проф. Фрейда; что-то приобрело крепкую форму в ходе бесед с господином проф. Блейлером и д-ром Юнгом во время моей работы в Цюрихской психиатрической клинике.

Самые ранние сексуальные порывы ребенка, согласно мнению Фрейда, связаны с единственной эrogenной зоной — ртом. В первые годы жизни функцию эrogenной зоны, помимо оральной зоны, берут на себя другие части тела. Первые проявления либидо у ребенка носят аутоэротический характер. На этой стадии ребенок еще не знаком с другим сексуальным объектом кроме себя самого. В последующий период развития он переходит к объектной любви. Но она не сразу принимает определенную и окончательную направленность на людей другого пола. Ребенок содержит в себе ряд парциальных влечений, под влиянием которых господство завоевывает обычно лишь одно из них, гетеросексуальное. Происходящая из других парциальных влечений энергия лишается сексуального применения и направляется на важные социальные цели; это процесс сублимации. Главное, из сублимации гомосексуальных компонентов образуется чувство брезгливости, из сублимации инфантильной любви к зрелищам и эксгибиции — стыд, из сублимации садистических и мазохистических компонентов — боязнь, сострадание и подобные чувства.

Психосексуальное развитие не исчерпывается тем, что ребенок учится переносить свое либидо на людей противоположного пола и преобразовывать прочие парциальные влечения в социальные чувства. Как сексуальный перенос, так и сублимация сексуальной энергии выходят далеко за эти границы; оба процесса обычно действуют гармонично. Художественная¹ и научная деятельность и до определенной степени другие профессиональные занятия основываются на процессах сублимации. Люди с неудовлетворенным либидо часто переносят несвязанную сексуальную энергию на лихорадочную профессиональную деятельность. Другие направляют их избыточное либидо на социальные устремления и находят в этом, как говорит чрезвычайно точно немецкий язык, свое «удовлетворение». Лучшие силы этих источников устремляются к уходу за больными и грудными детьми, общественной благотворительности, к защите животных и т. д.

Социальное поведение человека основывается на его способности в умении приспосабливаться, но она является

¹ Cp., кроме того: Rank, O. Der Künstler. Ansätze zu einer Sexualpsychologie. — Wien und Leipzig: Hugo Heller & Cie, 1907. — [II] + 85 + [I] s.

сублимированным сексуальным переносом. Через определенное время совместного пребывания между людьми возникает позитивный или негативный психический раппорты, выражающиеся в чувствах симпатии или антипатии. Чувства дружбы, духовной гармонии рождаются на этой основе. Поведение человека в ходе социального общения соответствует, между тем, виду реакции на сексуальное раздражение. Здесь, как и там, люди проявляют себя легко- или трудно-доступными, грубыми или чуткими, прихотливыми или непритязательными. Что мы обозначаем в поведении одного как чопорность, неуклюжесть, угловатость, а в поведении другого как грациозность, ловкость и т. д., является признаком его меньшей или большей способности к приспособлению, т. е. способности к переносу.

Терапевтически, так же как и при любой другой форме психического лечения, так и в психоанализе мы используем перенос¹. Суггестия является очевидной формой сексуального переноса, которая снова достигает ее наивысшей степени при гипнозе.

Человек переносит свое либидо не только на живой, но и на неодушевленный объект. С большей частью окружающих его предметов он находится в субъективном сравнении, которое берет начало в его сексуальности. В работе «Сновидение и миф»², которая появится в скором времени, я подробно рассмотрю этот вопрос. Сейчас же я назову лишь самые значимые моменты. Наш язык приписывает род неодушевленным предметам, потому что он сравнивает их на основе определенных свойств с мужчиной или женщиной. «Человек сексуализирует мир», — как сказал Кляйнпауль³. Из того же источника происходит сексуальная символика языка, которую мы вновь встречаем в сновидении и при психических расстройствах. У нас определенно наблюдается личное отношение, которое полностью соответствует сексуальной привлекательности, к предметам,

¹ Cp. Freud, S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]). // G. W. — Bd. 5. — S. 161—286. и Sadger, I. Die Bedeutung der psychoanalytischen Methode nach Freud. // C. — 1907. — S. 41.

² Abraham, K. Traum und Mythos. Eine Studie zur Volkerpsychologie. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Wien und Leipzig: Deuticke, 1909. — Heft 4. — S: 1—73. [см. наст. том С. 73—142.].

³ Kleirtpaul, R. Leben der Sprache und ihre Weltstellung. — 3 Bde. — Bd. 3: Das Stromgebiet der Sprache. — Leipzig, 1892. — S. 468.

которые мы любим благодаря их использованию или эстетической значимости самого различного вида. Направление вкуса при выборе предметов, между тем, соответствует выбору сексуального объекта. Степень этого вида любви к объекту очень отличается; некоторые люди в этом плане практически непритязательны, другие полностью находятся под воздействием склонности к определенному объекту, словно под воздействием страсти. С тонким пониманием этой психологической взаимосвязи немецкий язык называет того, кто не испытывает боязни пожертвовать чем-либо ради получения желаемого объекта, «любовником» и ставит его рядом с почитателем лиц женского пола. Самый выраженный вид любовника — это коллекционер. Его чрезмерное уважение к собираемым объектам вполне соответствует сексуальной переоценке возлюбленного. Страсть к коллекционированию зачастую является суррогатом сексуальной склонности; в выборе предмета коллекционирования иногда скрыта тонкая символика. Склонность к коллекционированию у молодых людей часто ослабевает после свадьбы. Известно, что с возрастом интересы коллекционирования меняются.

По отношению к нормальному сексуальному влечению выделяется сексуальное влечение невротика благодаря чрезмерной силе потребности. Затем ему не хватает внутренней гармонии: парциальные влечения не полностью подчиняются гетеросексуальному влечению в то время, когда с другой стороны появляется склонность к вытеснению гетеросексуального влечения. Представления, связанные с нормальной сексуальной деятельностью, вызывают отвращение и омерзение. На протяжении всей жизни в невротике одно парциальное влечение борется с другим, чрезмерная потребность с чрезмерным отказом. В результате этого конфликта человек заболевает. С началом невроза в сознании всплывает вытесненный материал, при этом он конвертируется в истерические симптомы. Конверсия способствует вызову вытесненных устремлений нормального или особенно перверсивного вида; симптомы болезни — это аномальная сексуальная деятельность.

Невротическое либидо проявляется, помимо времени болезни, в узком смысле в виде повышенного переноса; либидо в аномальной степени занимает объекты. Так же и для сублимации возникает склонность, превышающая обычное значение.

На основе этих взглядов мы можем сравнить психосексуальное поведение людей, страдающих Dementia praecox, с психосексуальным поведением здоровых людей и невротиков. Представим себе для этого пару типов из большой группы хронических душевнобольных, которых мы вместе с Крепелином¹ объединяем как Dementia praecox.

Мы видим пациента с тяжелой формой болезни на поздней стадии стоящим в каком-нибудь углу больницы или также беспокойно снующим туда-сюда. Он смотрит перед собой отсутствующим взглядом, галлюцинирует, шепчет пару слов, странно жестикулирует. Он ни с кем не общается и избегает любой встречи с людьми. У него нет влечения к деятельности. Он пренебрегает своим внешним видом, ест без аппетита, также марает себя или размазывает экскременты, без стыда публично онанирует. Все происходит так, словно для него вообще не существует окружения.

Человек с менее тяжелым заболеванием в общем демонстрирует такое же поведение; только оно не доходит до крайности. Он также ведет себя асоциально и отрицательно; он страдает манией преследования и величия. У него странное поведение и манера общаться, натянутая, неестественная. Он жалуется на свое интернирование, преподносит эти жалобы, как и все остальное, без адекватного аффекта. Он воспринимает процессы окружающего мира, но не проявляет к нему настоящего интереса. Он снисходит до механической работы; но не находит в ней никакого удовлетворения.

Пациент, чье заболевание не отличается грубыми проявлениями и, возможно, позволяет избегать интернирования, чувствует себя ущемленным со стороны других людей, не ладит со своими родственниками, не находит друзей, но и не ощущает их недостатка. У него нет потребности в уюте, такте и деликатности. Мы не получаем от него приветливого раппорта. Возможно, он обладает большим интеллектом, чем обычный, но его успехи, как правило, не полноценны. То, что он производит с точки зрения интеллекта, чаще всего странно и неестественно, нарушает эстетику и не нуждается в нормальной эмоциональной окраске.

¹ [Kraepelin, E. Psychiatrie, ein Lehrbuch. — 2 Bde. — Leipzig, 1898.]

Все эти формы¹ вместе — одинаковые аномалии эмоциональной жизни; различия в этом направлении очень незначительны. Из легкой формы может развиться тяжелая; тяжелая форма может подвергаться значительной ремиссии. В то время как представления здоровых людей отличаются адекватными чувствами, у представлений таких больных отсутствует адекватная эмоциональная окраска. Но мы, однако, должны свести всякий чувственный перенос к сексуальности. Мы приходим к выводу, что *Dementia praecox* уничтожает способность к сексуальному переносу, к объектной любви.

Первая бессознательная сексуальная склонность ребенка проявляется по отношению к родителям, в особенности по отношению к родителю противоположного пола. Также среди братьев и сестер имеет место оживленный перенос. Но часто это приводит к таким чувствам, как протест, ненависть, особенно по отношению к родственникам одного пола. Они ослабевают под влиянием воспитания и других экзогенных факторов вытеснения. При нормальных отношениях между детьми и родителями появляется чувство симпатии, чувство единства. У истериков эта симпатия по отношению к одному человеку становится часто болезненной, по отношению к другому — переходит в резкий отказ. У больных, страдающих *Dementia praecox*, как правило, отсутствует симпатия к родственникам; мы обнаруживаем равнодушие или выраженную враждебность, переходящую в манию преследования.

Образованный пациент получает известие о смерти матери, которая, несмотря на его поведение, представляющее собой постоянный отказ, на протяжении всей его болезни сохраняла к нему нежную любовь. Его реакция на данное известие заключалась в том, что он нехотя сказал: «Это самая последняя новость?» Это обычное явление, что *Dementia praecox* таким же образом ведет к ослаблению чувств родителей к своим детям.

У одного молодого человека, за которым я наблюдал, болезнь началась очень рано. В раннем детстве он в такой степени переносил свои чувства на мать, что в возрасте 3 лет однажды заявил: «Мама,

¹ Здесь ничего не следует говорить о процессе болезни при более «тяжелой» или «легкой» форме заболевания, а только о практических (социальных) последствиях заболевания.

если ты умрешь, то я брошу себе в голову камень и тоже умру». Он не давал ни минуты отцу для общения с ней, во время прогулок все ее время занимал собой, ревностно контролировал ее и ненавидел своего брата. С малых лет он проявлял аномальную склонность к протесту; его мать говорит о нем: «Уже в то время он был духом, который все отрицает». Он не общался с другими мальчишками, а был привязан только к матери. В 13 лет дома он был настолько недисциплинированным, что родители были вынуждены отдать его в чужие руки. Мать привезла его на новое место жительства. С момента расставания он полностью изменился. Прежняя чрезмерная любовь и нежность к матери превратились в абсолютную холодность. Он писал сухие, формальные письма, в которых никогда не упоминал мать. Постепенно у пациента развился тяжелый галлюцинаторный психоз, в развитии которого все отчетливее становилось опустошение эмоциональной жизни.

Согласно психоаналитическим исследованиям, очень часто на место прежней чрезмерной симпатии душевнобольных приходит сильная враждебность. Такое удаление либидо от одного объекта, на который оно раньше было направлено с особой интенсивностью, неминуемо при Dementia praecox.

В анамнезе наших пациентов это встречается исключительно часто: он (или она) долгое время был спокоен, был склонен к размышлениям, ни с кем не общался, избегал общения и развлечений, никогда не был радостен, как другие. Такие люди уже давно не обладали настоящей способностью переносить свое либидо на окружающий мир. В дальнейшем эти люди образуют в клинике асоциальные элементы. В их словах отсутствует эмоциональное содержание. Они с одинаковым тоном, с одинаковой мимикой говорят о самом святом и самом ничтожном. Только если во время беседы упоминается комплекс, то появляется реакция аффекта, которая может быть очень сильной.

Больные, страдающие Dementia praecox, в определенном смысле легко поддаются влиянию, и это могло бы быть противоречием в отношении условного недостаточного сексуального переноса. Подверженность влиянию в этом случае иная, чем при истерии. Как мне кажется, она заключается исключительно в том, что пациент

не *противится* тому или иному воздействию, поскольку он сразу становится индифферентным, чтобы оказать сопротивление (автоматическое послушание Крепелина). Рассеивание внимания имеет в этом случае немаловажное значение. Таким образом, мне кажется, эта подверженность влиянию была просто отсутствием сопротивления. Она довольно быстро переходит в сопротивление. Негативизм при Dementia praecox является полной противоположностью переносу. Больные (в отличие от истериков) лишь в ограниченной степени поддаются гипнозу. Также при попытке психоанализа мы замечаем отсутствие переноса; едва ли это учитывается при Dementia praecox в качестве терапевтического метода.

В ходе общения с пациентами мы также замечаем недостаточный перенос. Мы никогда не видим их более веселыми. У них отсутствует чувство юмора. Их смех поверхностный или напряженный, или грубо-эротический, они никогда не смеются от души. Часто он означает не веселье, а присутствие комплекса — это касается типичного смеха у людей, страдающих галлюцинациями, так как галлюцинации всегда связаны с комплексом. Поведение больных неловкое и чопорное; это особенно четко указывает на отсутствии аппликации с окружающим миром. Крепелин очень выразительно говорит о «потере грации». Потребность сделать окружение комфортным и дружелюбным утрачивается у больных. У них отсутствует как привязанность к людям, так и преданность делу и профессии. Больные с удовольствием уходят в себя, и что мне кажется особенно характерным, — они не знают скуки. Больных в больницах, конечно, можно приучить к полезному труду. Сюда относится трудовое внушение, которому пациенты равнодушно подчиняются, без проявления радости к работе. Если заканчивается суггестия, они прекращают работу. Кажущееся исключение составляют лишь те пациенты, которые неустанно работают с утра до вечера без отдыха. Этот труд происходит исключительно ради комплекса. Больной, к примеру, целиком и полностью занят в сельском хозяйстве клиники, поскольку он считает всю территорию клиники своей собственностью. Высокоодаренный пациент неустанно трудится в посудомоечной своего отделения и не допускает помощи посторонних. Он слышит, как в воде раковины говорят эльфы. Однажды они сказали ему, что он придет к ним, если после смерти вымоет еще 100 000 тарелок. Мужчина в

возрасте 80 лет не интересовался ничем, кроме этой работы, которой он предавался среди тайных церемоний.

К предметам, к своей собственности у больных больше нет интимного отношения. Все, что их окружает, непривлекательно для них. Однако, часто они активно выражают требование к одному предмету; но исполнение желания не производит на них впечатления. Они также очень тщательно хранят определенные предметы, но при удобном случае все-таки выясняется, что они вовсе не привязаны душой к вещам. К примеру, пациент собирает много обычных камней, называет их драгоценными и приписывает им огромную ценность. Ящик, где он их хранил, в конце концов, сломался от тяжести. Пациент протестовал против вмешательства в его права, когда убрали камни. Он не горевал о потерянной драгоценности, а собирал новые гальки. Они так же хорошо становились символом его богатства, как и прежние. В отсутствии радости по отношению к предметам у больных также отчасти коренится страсть разрушения.

Очень часто расстройство относится не только к тем тонким социальным сублимациям, которые постепенно обрадовались на протяжении жизни, а также и к тем, что возникли в раннем детстве: стыд, отвращение, моральные чувства, сострадание и т. д. Точное исследование в каждом случае Dementia praecox должно было бы давать минимум частичное прекращение этих чувств. В тяжелых случаях нарушение сразу заметно. Самые ужасные случаи этого вида — это обмазывание экскрементами, выпивание мочи, которые сразу указывают на утрату чувства отвращения, так же, как и навязчивое эротическое поведение, эксгибиция позволяют судить об утрате чувства стыда. Вспомним о поведении ребенка, который еще не испытывает отвращения к экскрементам и который не стыдится своей наготы. Сюда же относится безудержность, с которой больные рассказывают об интимных подробностях своей жизни. Таким образом, они отталкивают от себя реминисценции, которые не имеют для них ценности и интереса. О том, что у них исчезает чувство сострадания, нам говорит их поведение с жестокими поступками, которые они совершили. Однажды я видел такого больного, который немного позже застрелил ни в чем неповинного соседа и серьезно ранил его жену, с абсолютным спокойствием рассказывал о мотивах своего поступка и о нем самом, жадно поедая при этом поданную ему еду.

Из сказанного выше мы узнаем о двух рядах проявлений: одни показывают, что либидо отходит от живого и неодушевленного объекта, другие — потерю чувств, возникших в результате сублимации. Таким образом, *Dementia praecox* ведет к гибели объектной любви¹ и сублимации. Такое состояние сексуальности известно нам лишь в раннем детстве. Мы назвали его здесь понятием Фрейда «аутоэротизм». Также в это время отсутствуют нагруженность объекта и сублимация. Психосексуальная особенность *Dementia praecox* состоит в возвращении больного индивидуума к аутоэротизму. Симптомами болезни является форма аутоэротической сексуальной деятельности.

Само собой разумеется, нельзя говорить, что каждый сексуальный порыв больных должен быть чисто аутоэротическим. Но, пожалуй, любое проявление симпатии больных к другому человеку исходит от блеклости их аутоэротизма. Если мы замечаем у больных женского пола кажущуюся сильной, даже бурно выражающуюся любовь, то вместе с этим нам всякий раз бросается в глаза недостаток чувства стыда. Но для нас потеря чувства стыда как продукта сублимации означает шаг в направлении аутоэротизма. Кроме того, мы видим, как эти больные быстро и без разбора влюбляются в другого человека, которого меняют столь же поспешно на другого. В учреждении всегда есть женщины, влюбленные во врачей; вскоре каждая из них бредит мыслью о помолвке или свадьбе с врачом, о том, что она ждет от него ребенка, в каждом его слове она видит проявление любви. Как только врач исчезает, его место в эмоциональной жизни быстро занимает его преемник. Больные еще в состоянии проецировать свою сексуальную потребность на другого человека, но не способны к действительной аппликации по отношению к любимому человеку. Другие пациенты многие годы испытывают воображаемую любовь; она существует лишь в их фантазии — возможно, они никогда не видели сексуальный объект; в действительности они ограждают себя от любого соприкосновения с каким-либо человеком. Коротко говоря, какое-либо проявление аутоэротизма всегда доказуемо. В таких случаях, когда выздоровление больных инсценируется посредством

¹ Один из наблюдаемых мной пациентов в своих многочисленных письмах к себе обращался на «ты»; он был единственным объектом, интересующим его.

глубокой ремиссии, недостаточная способность аппликации к внешнему миру является, как правило, той болезненной чертой, которую легче всего распознать.

Больной, отводящий свое либидо от объектов, противопоставляет себя тем самым всему миру. Теперь он в одиночку противостоит враждебному ему миру. Кажется, словно *идеи преследования*¹ особо направлены на того человека, на которого пациент в первый раз в особенной мере перенес либидо. Во многих случаях преследователь был бы первоначально сексуальным объектом, а происхождение мании преследования носило бы эрогенный характер.

В аутоэротизме Dementia praecox заключается не только источник мании преследования, но и источник мании величия. При нормальных отношениях между двумя людьми, которые переносили друг на друга свое либидо, возникает отношение взаимной влюбленной переоценки (которую Фрейд называет «сексуальной переоценкой»²). Душевнобольной переносит все либидо, которое здоровый человек направляет на живые и неодушевленные объекты окружения, полностью на себя как на единственный сексуальный объект. Сексуальная переоценка также относится лишь к нему. Она принимает огромные масштабы, он сам для себя является миром! *Рефлексивная или аутоэротическая сексуальная переоценка, направленная на Я, является источником мании величия при Dementia praecox*³. Таким образом, мании преследования и величия тесно связаны друг с другом. Любая мания преследования при Dementia praecox имплицитно содержит манию величия.

Аутоэротическая изоляция от внешнего мира влияет не только на реактивное поведение больного, но и на рецептивное. Больной замыкается в себе, укрываясь от устремленного на него реального чувственного восприятия. Его бессознательное формируется

¹ Отвод либидо от внешнего мира является основой образования мании преследования в общем. Но здесь невозможно остановиться на других факторах, принимающихся во внимание.

² [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145.]

³ Я рассматриваю сексуальную переоценку как источник мании величия при Dementia praecox в общем. Особая форма мании — идея величия — детерминруется определенным вытесненным желанием.

галлюцинаторным способом чувственного восприятия, если оно соответствует замещенным желаниям. Больной настолько далеко уходит в самоизоляцию от внешнего мира, что в какой-то степени объявляет ему бойкот; он больше не производит для него и не берет у него, он сам делит монополию на поставку впечатлений.

Пациент, не интересующийся внешним миром, уйдя в себя, влачит жалкое существование, производит впечатление отупелости из-за своего застывшего выражения лица, при обычном рассмотрении кажется умственно, но добродушно поглупевшим. Для обозначения такого состояния подходит выражение «Demenz»¹. То же самое выражение применяется для обозначения последствий других психозов, отличных от интересующих нас в этом случае форм. Я имею в виду эпилептическую, паралитическую и старческую деменцию. Общим для этих состояний является *действие* — снижение интеллектуальных *показателей* — также лишь в определенной степени. Если иметь в виду только это, то можно применять одинаковые названия. Нужно опасаться всех вещей, как часто бывает, называть бредовую мысль «слабоумной», потому что она абсурдна. Тогда абсурдности сновидений также следовало бы обозначать бессмысленными. Паралитическая деменция, равным образом и старческая, основательно разрушает умственные способности, она приводит к значительным явлениям выпадения. Эпилептическая деменция ведет к чрезвычайному оскудению и монотонности жизни представлений, к затруднению восприятия. Изменения, происходящие при этих заболеваниях, в крайнем случае приводят к периодическим затишьям, но в общем являются прогрессивными. «Demenz» при Dementia praecox, напротив, основывается на эмоциональной изоляции. Умственные способности сохраняются; частое утверждение обратного никогда не было доказано. В результате аутоэротической изоляции больной не воспринимает только новые впечатления и совсем не реагирует на окружающий мир, либо реагирует аномальным образом. Состояние может прекратиться в любой момент, ремиссия может достичь такой степени, что вряд ли когда-нибудь возникнет подозрение об умственном недостатке.

¹ [Demenz = Demens (лат.) — безумие.]

Во время, когда «Demenz» при Dementia praecox является аутоэротическим феноменом, когда при этом состоянии мы замечаем каждую нормальную эмоциональную реакцию на окружающий мир, эпилептические или органические слабоумные реагируют чрезвычайно живо, с чувством, насколько они еще способны на это, чтобы понять процесс. Эпилептик никогда не ведет себя индифферентно, он находится в эмоциональном изобилии со стороны любви или ненависти. Он в чрезвычайной мере переносит свою любовь на людей и предметы, он доказывает своим родственникам свою любовь и благодарность. Он получает удовольствие от своей работы и сильно привязан к своей собственности, бережно хранит каждый клочок бумаги и каждый раз с удовольствием рассматривает свои драгоценности.

В аутоэротизме также есть противопоставление Dementia praecox в отношении истерии. Здесь отвод либидо, там — чрезмерный захват объекта, здесь потеря способности к сублимации, там ■ — повышенная сублимация.

Часто мы можем наблюдать психосексуальные особенности истерии уже в детстве, в то время как начало более серьезных проявлений болезней появится намного позже. Но часть случаев демонстрирует также уже в детстве манифестные признаки болезни. Из этого мы можем сделать вывод о том, что психосексуальная конституция истериков является врожденной. Такой же вывод действителен и для Dementia praecox. Чрезвычайно часто в анамнезах обнаруживается, что больные и раньше были странными и мечтательными и не были ни к кому привязаны. Они уже задолго до начала болезни не могли переносить свое либидо и поэтому уступали место фантазии своего любовного приключения. Едва ли хоть в одном случае отсутствуют эти особенности. Также следует указать на особенно большую склонность этих людей к онанизму. Таким образом, эти индивиды никогда не смогут полностью преодолеть инфантильный аутоэротизм. Любовь к объекту развита у них не полностью, и поэтому, когда болезнь становится манифестной, они окончательно обращаются к аутоэротизму. *В соответствии с этим психосексуальная конституция Dementia praecox основывается на торможении развития.* Небольшое количество случаев, которые демонстрируют серьезные психотические проявления уже в детстве, блестяще под-

тверждает эту точку зрения, в то время как они позволяют отчетливо распознать патологическое пребывание при аутоэротизме. Один наблюдаемый мною пациент уже на третьем году жизни проявлял выраженный негативизм. Когда его мыли, он судорожно сжимал пальцы в кулак и не давал их вытирать. Будучи учеником шестого-седьмого классов гимназии он вел себя так же. Тот же пациент на третьем году жизни в течение месяца не хотел испражняться; мать вынуждена была на протяжении многих дней просить его избавиться от этой привычки. Этот пример показывает болезненное удержание на одной эрогенной зоне — типичное аутоэротическое явление. Молодой пациент, о котором я рассказывал, что он в свои тринадцать лет внезапно отвел свое либидо от матери, также негативистски вел себя уже в раннем детстве.

Торможение психосексуального развития выражается не только в том, что индивид не полностью преодолевает аутоэротизм, но также и в аномальной устойчивости парциальных влечений. Эта особенность, заслуживающая особого и тщательного изучения, будет проиллюстрирована здесь только посредством одной черты из истории болезни подобного пациента, аутоэротично-негативистское поведение которого я только что представил. Однажды, когда из-за отказа от пищи врач кормил его (в возрасте 27 лет) с помощью желудочного зонда, он воспринял это вмешательство как педерастический акт, а врача как гомосексуального преследователя. Здесь на *одном* примере мы можем видеть проявление гомосексуального парциального влечения, его смещение с анальной зоны на другую эрогенную зону (по Фрейду «перемещение вверх»¹) и эрогенное происхождение мании преследования.

Аномальная устойчивость парциального влечения также свойственна и неврозам. Они тоже указывают на торможение в психосексуальном развитии. Но в этом случае отсутствует аутоэротическая тенденция. Расстройство при *Dementia praecox* проявляется намного сильнее; индивид, который никогда не мог полностью освободиться от самой глубокой стадии психосексуального развития, все больше

¹ [Freud. S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]). //G. W. — Bd. 5. — S. 161—286.]

и больше возвращается прогрессирующей болезнью в аутоэротическую стадию.

Гипотеза об аномальной психосексуальной конституции в смысле аутоэротизма, как мне кажется, объясняет большую часть проявлений болезни Dementia praecox и делает недавно обсужденные гипотезы о токсине излишними.

Конечно, невозможно в одном коротком докладе показать все бесчисленные феномены болезни, которые можно свести к торможению в развитии. Также на сегодняшний день подробное сочинение было бы не в состоянии сделать это. Потому что анализ психозов на основе учения Фрейда понятен с самого начала. Кажется, он призван для того, чтобы дать нам объяснения, которые нельзя получить другим путем. В первую очередь я имею в виду дифференциально-диагностическое разделение Dementia praecox, истерии и невроза навязчивости. Лишь потом мне кажется доступным генезис различных форм безумия для аналитического исследования. Может быть, этот метод поможет нам прийти к ясности в вопросе умственных нарушений в картине болезни Dementia praecox, от понимания которых мы сегодня еще очень далеки.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ
СЕКСУАЛЬНОСТЬЮ И АЛКОГОЛИЗМОМ**

(1908Ь)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1908: Die psychologischen Beziehungen zwischen Sexualität und Alkoholismus. // Zeitschrift für Sexualwissenschaft. — 1908. — No. 8, August. — S. 449—458.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Издания на английском языке:

1926: The Psychological Relations Between Sexuality and Alcoholism. // International Journal of Psycho-Analysis. — 1926. — Vol. VII. — P. 2—10.

В данном тексте К. Абрахам рассматривает пристрастие к алкоголю в аналогии с пристрастием невротика к своему неврозу, где симптоматика является особой формой сексуальной деятельности. В алкоголизме выделяется существенный гомосексуальный компонент, проявляющийся при ослаблении сознательного контроля, а также фиксированность на моменте сексуального возбуждения как стадии пред-удовольствия без способности к дальнейшим нормальным сексуальным действиям.

Эта и три предыдущие статьи представляют собой целостную картину рассмотрения ряда психических расстройств с точки зрения фрейдовской теории сексуальности. Здесь прочерчена одна из линий существенного вклада Абрахама в психоаналитическую теорию.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Неоспоримым фактом является то, что мужской пол, в общем, более склонен к употреблению спиртных напитков, чем женский. Если в некоторых районах ежедневное употребление спиртных напитков женщинами, как мужчинами, является чем-то разумеющимся, если где-то пьяные женщины на улицах — частое явление, то все-таки алкоголь не связан с общественной жизнью женщин, как у мужчин. У нас в обществе стойкость в употреблении спиртных напитков считается показателем мужественности, делом чести. Общество не предъявляет женщине строгих требований в употреблении алкоголя. Принятая в нашей стране мораль склоняется, скорее, к тому, чтобы объявить употребление алкоголя совсем не «женским делом». Среди нормальных женщин употребление алкоголя не является предметом бахвальства, как среди мужчин. Мне кажется ценным исследовать, найдет ли это различное отношение полов к алкоголю свое обоснование в различиях сексуальности. Такое исследование должно восходить к более новым взглядам о психосексуальной конституции мужчин и женщин, которые изложены в работах Фрейда¹.

Наше тело, как доказывает история развития, содержит предрасположенность к генитальным органам обоих полов. Одна из этих предрасположенностей в процессе нормального развития снижается или берет на себя другие функции. Другая же, напротив, развивается дальше до тех пор, пока не сможет функционировать. Совершенно аналогичный процесс происходит и в психосексуальной области. Дифференциация полов берет свое начало также от первоначального состояния *бисексуальности*. В детском возрасте проявления сексуального влечения у мальчиков и девочек обладают большим сходством.

Благодаря исследованиям Фрейда мы узнали, что сексуальные побуждения в детстве ни в коем случае не отсутствуют. Только функция размножения еще отдалена, и влечение постепенно приобретает свое дефинитивное направление. Как считает Фрейд,

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie [(1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145].

инфантильное либидо не имеет объекта, т. е. «аутоэротично». Оно стремится к достижению удовольствия посредством раздражения определенных частей тела, являющихся *эrogenными зонами*. Все же в предпубертате для аутоэротического достижения удовольствия используется не вся сексуальная энергия; в значительной степени она вытесняется из сознания, чтобы избежать сексуального применения, и взять на себя важные социальные функции. «*Вытеснение*» — это введенное Фрейдом понятие, необходимое для понимания многих — нормальных и болезненных — психических процессов. Отклонение вытесненных сексуальных представлений и чувств на социальные цели мы с Фрейдом обозначаем как *сублимацию*. Посредством этого процесса у обоих полов возникают ограничения половых влечений.

С наступлением полового созревания мальчик, как и девочка, приобретает явные физические особенности своего пола. В психосексуальной области протекает важный процесс *поиска объекта*. Теперь либидо направлено на другой пол. Но мужское и женское либидо дифференцируется не только с этой точки зрения; здесь нас главным образом интересует еще *одно* различие. Женская сексуальность проявляет большую склонность к вытеснению, к образованию сопротивлений. Инфантильное сексуальное вытеснение у женщины получает в пубертате, как будто посредством нового толчка, мощную поддержку. Из этого вытекает более пассивное сексуальное влечение женщины. Мужское либидо более активного характера. Оно преодолевает психические сопротивления, которые находит в сексуальном объекте, в силу своих агрессивных компонентов. Два выражения в немецком языке характеризуют психосексуальное различие полов: мужчина завоевывает, женщина отдается.

Алкогольные напитки влияют на половое влечение, потому что устраняют имеющиеся сопротивления и повышают сексуальную активность. Это общеизвестные факты, но обычно на их сути подробно не останавливаются.

Чем дольше исследование занимается сексуальной проблемой, тем сильнее проявляется сложность полового влечения. Наряду с «нормальной» гетеросексуальной любовью, оно охватывает и ряд «перверсивных» побуждений. Сексуальное влечение ребенка представляет нам яркий хаос этих влечений, он называется

«полиморфно-перверсивным» (Фрейд). Лишь постепенно парциальные влечения подчиняются гетеросексуальному. Они переходят во владение вытеснения и сублимации. Из них появляется стыд и отвращение, моральные, эстетические и социальные чувства, сострадание и ужас, почитание ребенка по отношению к родителям, заботливая любовь родителей к ребенку. Художественная и научная деятельность в значительной степени основывается на сублимации сексуальной энергии¹. *На этих продуктах сублимации основывается наша социальная жизнь, наша общая культура. Среди них нет ни одного, на который алкоголь не оказал бы отрицательное влияние или не разрушил бы его.*

У нормального индивида гомосексуальный компонент сексуального влечения переходит во владение сублимации. Чувства гармонии и дружбы среди мужчин лишены всего сознательно-сексуального. Здоровый мужчина испытывает отвращение от любого нежного соприкосновения с другими мужчинами. Здесь приводится ряд похожих побуждений отвращения или неприятия, возникающих из одного источника. Алкоголь разрушает их. И пьяные мужчины бросаются друг другу на шею и целуются. Они чувствуют себя объединенными особой душевной связью, растроганными до слез и быстро переходят на интимное «ты». В трезвом состоянии те же мужчины называют такое поведение «женским». События недавнего времени послужили поводом к тому, что мы много слышим о «нездоровой» мужской дружбе. Выражения чувств, которые заклеили как что-то болезненное и безнравственное, может наблюдать каждый во время попойки. В каждом трактире присутствует черта гомосексуальности. Однополюсный компонент, который мы под влиянием воспитания научились вытеснять и сублимировать, снова достаточно явно проявляется под действием алкоголя.

Одна пара парциальных влечений, значение которых впервые верно определил Фрейд, являются выражением сексуального удовольствия от наблюдения и эксгибиционизма. В тесной взаимосвязи с этим находится сексуальное любопытство. Сублимация этих

¹ Cp. Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145. и Rank, O. Der Künstler. Ansätze zu einer Sexualpsychologie. — Wien und Leipzig: Hugo Heller & Cie, 1907.

влечений вызывает чувство стыда. В первые годы жизни ребенок не знает чувства стыда, сначала он должен пройти через «смущение». Если сублимация не происходит, тогда появляется перверсия (вуайеры, эксгибиционисты). Чувство стыда распространяется не только на физическое обнажение, но и устанавливает важные ограничения для общения в обществе, беседы и т. д. Именно это становится жертвой алкоголя. Неотделимы от алкогольной зависимости и непристойные шутки, которые, согласно прекрасному анализу Фрейда¹, представляют психическое обнажение. Форель² мастерски описал, как под влиянием алкоголя флирт принимает грубые, отвратительные формы.

Другая пара парциальных влечений, также находящаяся в соотношении активности и пассивности, стремится к господству над сексуальным объектом, соответственно, покорности их воле. В результате сублимации этих тенденций возникают чувства жалости и ужаса и т. д. Если сублимация отсутствует, то перед нами перверсии, обозначаемые как садизм, соотв<етственно> мазохизм. Едва ли нужно упоминать, что многочисленные жестокие преступления случаются в алкогольном опьянении. Вытесненные парциальные влечения все же не стоит представлять в такой резкой форме. Мы снова их встречаем в более скрытой форме. С древних времен известны обычаи и законы употребления алкоголя; король вина — это безраздельный властелин. Я вспоминаю о принятом еще и сегодня «своде правил и норм поведения студентов» с его жестким принуждением к употреблению спиртного, о гордом удовольствии, с которым старший студент принуждает пить младшего, и о слепом подчинении последнего приказу. Я знаю, что придерживаясь такой точки зрения, я наталкиваюсь на противоречие; поэтому я ссылаюсь еще и на то, что студенческие обычаи употребления алкоголя постепенно развились из невероятной жестокости до сегодняшней, более цивилизованной формы.

Мы должны упомянуть еще одно важное ограничение сексуального влечения. Нормально развивающийся ребенок переносит свое

¹ Freud, S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c). // G. W. — Bd. 6.

² Forel, A. Die sexuelle Frage. Eine naturwissenschaftliche, psychologische, hygienische und soziologische Studie für Gebildete (1905). — 15. Aufl. — München, 1923.

либидо, прежде всего, на объекты противоположного пола из своего ближайшего окружения: мальчик на мать и сестру, девочка на отца и брата. Потребовался длительный культурно-исторический процесс развития, чтобы ближайшие единокровные родственники были отстранены от выбора объекта. Отвержение инцеста вело к сублимации родительской любви, а любовь ребенка стала благоговейным почитанием родителей. Каждый ребенок должен повторять это развитие, в определенное время он переносит свои пробуждающиеся сексуальные желания на родителей противоположного пола. Эти побуждения вытесняются, как и наша мораль отвергает несублимированную склонность отца к дочери. Алкоголь не щадит и эту сублимацию. Уже дочери Лота знали, что алкоголь разрушает ограничения инцеста: они добились своей цели, в то время когда дали своему отцу выпить.

Обычно мы читаем, что алкоголь устраняет психические препятствия. Сейчас мы познакомились с сущностью этих препятствий: это продукты сублимации сексуальной энергии.

В то время как вытесненные сексуальные побуждения снова возникают, одновременно повышается нормальным образом характерная для мужчины сексуальная активность, откуда появляется чувство повышенной сексуальной работоспособности. Алкоголь действует как раздражитель на «комплекс» мужественности¹. Гордость самца известна нам из многочисленных примеров животного мира. С *mutatis mutandis*² похожие явления мы встречаем и у человека. Мужчина чувствует себя гордо, как творец, дающий; женщина «принимает». Насколько глубоко в мужчине коренится этот комплекс величия, неожиданным образом освещает анализ мифов о сотворении. В сочинении³, которое в ближайшее время выйдет в свет,

¹ Сокращенным названием «комплекс» я обозначаю (по образцу психологических работ психиатрической клиники Цюриха) комплекс представлений, наряду с присущими им чувствами, который при определенных обстоятельствах вытесняется в бессознательное, но при изменении обстоятельств может снова проникнуть в сознание.

² [*Mutatis mutandis* (лат.) — соответствующими изменениями.]

³ *Abraham, K. Traum und Mythos. Eine Studie zur Volkerpsychologie. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Wien und Leipzig: Deuticke, 1909. — • Heft 4. — S. 1—73 [См. наст. том, С. 73—142].*

я приведу детальное подтверждение того, что сказания о сотворении у различных народов первоначально представляют обоготворение мужской силы производить потомство, что они провозглашают ее принципом всей жизни. В мифе идентифицируются мужская сила производить потомство и божественная сила сотворения, используется одна вместо другой. Здесь мы сталкиваемся с психологическим процессом чрезвычайной важности. Мы можем распознать его действия во всех сферах человеческой фантазии, будь это произведения индивидуальной или массовой фантазии, здорового или болезненного характера. Мы обозначаем этот процесс *идентификацией*.

Вопрос, который издавна должен был занимать людей, на который мы еще и сегодня не в состоянии ответить удовлетворительным образом, — это осуществление «сексуального возбуждения». Предположение, что возбуждение у мужчины происходит от семени, очень близко к действительности. Теперь наивное представление народа идентифицирует опьяняющий напиток, т. к. он сексуально возбуждает, с семенем или с чем-то неизвестным, что (при отсутствии искусственных возбуждающих средств) вызывает сексуальное возбуждение. Эта популярная теория находит свое выражение в обозначении «любовное опьянение».

Сфера действия именно этой идентификации особенно велика. Благодаря индогерманской мифологии появляются рассказы о *божественном напитке* и его происхождении. Этот напиток, оживляющий и вдохновляющий, идентифицируется с опьяняющими напитками людей. На этом идентификация не заканчивается. На основании старых индийских мифов в упомянутом сочинении¹ я подтверждаю, что божественный напиток приравнивается к мужскому семени. Поводом для этого послужило животворное действие семени. Достоин внимания и то, что сказания о сотворении первого человека (сказание о Прометее и др.) находятся, насколько это возможно, в тесной взаимосвязи со сказаниями о божественном напитке. На данном этапе невозможно подробнее остановиться на психологическом анализе указанных мифов. Следует лишь упомянуть, что греческие сказания о рождении бога вина Диониса позволяют признать эту идентификацию.

¹ [Ibid.]

В целом мире сказаний большую роль играют *любовные напитки*. Их эротическое действие, без сомнения, заимствовано из алкогольных напитков. Опьяняющее действие и сексуальное возбуждение здесь также отождествляются. Похожий ход мыслей мы встречаем и в бесчисленных обычаях. Праздники, посвященные богу вина, — это всегда одновременно и эротические праздники. Во многих обычаях вино является символом сотворения или оплодотворения. В упомянутом Риклином¹ обычае очевидно символическое замещение семени вином: в определенной местности в праздник весны принято лить вино в лоно девочек. Общим обычаем является выпивание за здоровье. Здесь алкогольный напиток благодаря своему возбуждающему действию заменяет жизненную силу. Когда пьют за здоровье другого человека, это означает, что содержащееся в вине живительное действие пойдет ему на пользу.

Интересующая нас идентификация должна быть основательно обоснована. Уважение пьянящего и сексуального эффекта связано между собой. Тот, кто не пьет, считается слабым. Алкогольное наслаждение мужчины начинается в пубертате, тогда, когда хотелось бы считаться мужчиной. Того, кто не составляет компанию в распитии, сверстники не считают взрослым. Бахвальство достижениями в распитии спиртных напитков ни в каком возрасте не проявляется так, как во время начинающейся мужественности. Если в последующие годы потенция слабеет, то мужчина охотно хватается за приносящий удовольствие алкоголь, который теперь становится для него суррогатом исчезающей производительной силы.

Мужчина зависит от алкоголя, т. к. алкоголь награждает его повышенным чувством мужественности, льстит его комплексу мужественности. У женщины благодаря ее психосексуальной конституции намного меньше поводов к наслаждению алкоголем. Активность женского полового влечения меньше, сопротивления против порывов влечения больше. Мы объяснили такое поведение толчками вытеснения в пубертате. Женщина возбуждает мужчину благодаря своим психическим сопротивлениям, в то время как ей самой нравится в мужчине энергичная инициатива. В пубертате у девочки нет

¹ Riklin, F. Wunscherfullung und Symbolik im Märchen. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Heft 2. — Wien und Leipzig: Deuticke, 1908.

повода для употребления алкоголя. Алкоголь увеличивает вытесненные действия, сопротивления. Если женщина теряет честь, то в глазах мужчины она теряет привлекательность. Женщины, проявляющие сильную склонность к алкоголю, при более глубоком рассмотрении постоянно обнаруживают сильный гомосексуальный компонент.

Алкоголь вызывает свои действия — облегчение сексуального переноса и отмену вытесненных действий — не только временно, но и в известной степени постоянно. Хронические пьяницы проявляют характерный эмоциональный избыток, они бестактно-фамильярны, рассматривают каждого человека как старого друга и проявляют не свойственную мужчинам сентиментальность. Они теряют чувство стыда; не нужно говорить, какие сцены приходится видеть детям алкоголиков. Коротко говоря, каждое из более утонченных чувств, которые своим возникновением обязаны сублимации, разрушается.

Это не только сублимации сексуального влечения, которые погибают у пьяниц. Сильное алкогольное опьянение в действительности же снижает сексуальную работоспособность. Нам известно губительное действие алкоголя на клетки зародыша (*Blastophthorie*)¹. Нам также известно, что многие алкоголики становятся импотентами. Алкоголь обманул их. Они верили, что он повышает их мужественность, т. к. он дал им сексуальное чувство силы. Вместо этого он лишит их силы; но они и сейчас не замечают обмана. Они зависят не от алкоголя, но и в дальнейшем отождествляют его со своей сексуальностью и используют его как суррогат сексуальности. Я вижу в этом аналогию с известными сексуальными перверсиями, при которых сексуальное *раздражение*, которое обычно могло бы служить *прелюдией* к сексуальному акту, используется *вместо* него. Фрейд обозначает это как «фиксация предварительной сексуальной цели». Например, наблюдение сексуального объекта при нормальных обстоятельствах образует лишь источник предварительного удовольствия, в то время как лишь сам половой акт приводит к удовлетворению. Некоторые же перверты довольствуются одним лишь рассматриванием. Совершенно аналогично ведет себя алкоголик. Алкоголь действует сексуально возбуждающе; это возбуждение преследует алко-

¹ Cp. *Forel-Yvorne.A. und Juliusburger, O. Über Blastophthorie (Keimverderbnis).* // *Zschr. für Sex. Wiss.* — 1908. — Bd. I. — S. 346—350.

голика и лишает его при этом способности к нормальной сексуальной деятельности.

Мы можем проследить и дальнейшие аналогии между алкоголизмом и сексуальной перверсией. Благодаря исследованиям Фрейда мы познакомились с интимной связью между перверсией и неврозом. Фрейд¹ доказал, что многие симптомы неврозов выражаются в вытесненных перверсивно-сексуальных фантазиях и тем самым образуют вид сексуальной деятельности пациента. Пациент постоянно оказывает сильнейшее сопротивление при попытке провести психологический анализ своих симптомов, это сопротивление объясняется вытеснением сексуальных комплексов. При попытке психоаналитического прекращения болезненного явления врач всегда слышит *нет*, даже если его вопрос обоснован. Вместо действительных причин пациент приводит оправдывающие доводы. Алкоголик отрицает такие известные факты, которые совершенно невозможно оспорить. У него всегда есть масса оправдывающих доводов своего алкоголизма. Он отклоняет все попытки серьезных предложений. Невротик борется за свои симптомы, т. к. они являются для него сексуальной деятельностью. По этой же причине — так я думаю, следует сделать вывод, — пьяница отстаивает свой алкоголизм.

Мне кажется, что еще одна точка зрения достойна упоминания. Среди болезненных изменений в жизни представлений алкоголика особенно важную роль играют изменения бесспорно сексуального содержания. Я имею в виду известную ревность алкоголика, которая доходит до мании. Опираясь на большой опыт, который я не привожу здесь детально, причину ревности алкоголика я вижу в чувстве снижающейся потенции. Пьяница использует алкоголь как источник легкого достижения удовольствия, отвергая женщину, он обращается к алкоголю. Этот факт в его сознании в высшей степени неприятен; он вытесняет его так же, как это делает невротик, и одновременно производит смещение, которое мы обычно наблюдаем в механизме неврозов и психозов. Он смещает свое чувство вины в качестве жалобы на женщину: она неверна ему.

¹ Freud, S. Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität (1908a). // G. W. — Bd. 7. — S. 191—199.

Итак, между алкоголизмом, сексуальностью и неврозом возникают многосторонние связи. Мне кажется необходимым использовать для анализа алкоголизма подготовленный Фрейдом психоаналитический опыт, который позволяет нам проникнуть в структуру неврозов. Из устных сообщений коллег мне стало известно что, в случаях морфинизма психоанализ выявляет неожиданные связи между сексуальностью и злоупотреблением наркотиками. Я упоминаю здесь и загадочное поведение многих нервных людей по отношению к наркотикам. Больные, страдающие истерией, часто просят врача не назначать им морфий или опиум, поскольку они не вынесли бы этого; впоследствии они рассказывают о неприятных ранних опытах. Это говорит о том, что у определенных пациентов, страдающих истерией, такие средства вызывают сексуальное возбуждение, которое вследствие своеобразной психосексуальной конституции пациентов с истерией превращается в физические симптомы и чувство страха. Возможно, частое у невротиков нетерпение относительно алкоголя имеет схожие корни. Наконец, я хочу сохранить удивительный опыт, который я неоднократно проводил с душевнобольными. Если больным вкалывали наркотическое средство, они воспринимали это как сексуальное изнасилование. Они символически истолковывали шприц и жидкость.

Как мы видим, психологическое исследование располагает достаточно большим количеством нерешенных проблем. Такие внешние воздействия, как социальные влияния, ошибки в воспитании, наследственная нагрузка и т. д. не являются достаточными для объяснения алкогольной зависимости. Должен быть добавлен индивидуальный момент. Его исследование является следующей задачей. Мне кажется, что разрешить ее можно лишь тогда, когда постоянно рассматривается взаимосвязь между алкоголизмом и сексуальностью.

**МЕСТО БРАКА МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ
В ПСИХОЛОГИИ НЕВРОЗОВ**

(1909а [1908])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1909: Die Stellung der Verwandtenehen in der Psychologie der Neurosen. // Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen). — 1909. — Bd. 1. — S. 110—118.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

С данной темой К. Абрахам выступил в Берлинском обществе психиатрии и нервных заболеваний 9 ноября 1908 года. Краткий отчет об этом был опубликован в «Neurologisches Centralblatt» (1908с). Данная статья — расширенная версия доклада. Абрахам показывает, что чрезмерная фиксация на родительских фигурах в детстве не позволяет уже взрослому при вступлении в брак находить партнера вне родственного круга. Анормально сильная инфантильная привязанность к родителю не позволяет избавиться от инцестуозных фантазий во взрослом возрасте.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

IVthchhc о том, что брак между кровными родственниками оказывает отрицательное влияние на последующее поколение, устарело. Причем как в медицинской литературе, так и в народных приметах допускается, что кровное родство родителей закладывает основу различных *нервных и душевных болезней*. Не подлежит сомнению и то, что во многих семьях встречаются инцухт¹ и расстройства нервной системы и психики. Но из этого едва ли следует, что оба явления должны находиться в простых отношениях причины и следствия. Часто задают вопрос, не имеет ли существование браков между родственниками в некоторых семьях с их стороны специфической причины, не вынуждает ли своеобразная склонность в некоторых невропатических семьях к тому, чтобы жениться на членах семьи. Если предпринимаются попытки рассматривать браки между родственниками как психопатологический феномен, то отмечают, что как таковые их невозможно отделить от ряда других феноменов, с которыми они имеют определенные общие психологические корни.

Взгляды на психологию брака между родственниками, которые я приведу ниже, не заявляют претензий на общую актуальность. Конечно, брак среди кровных родственников может быть заключен так же, как и любой другой, чисто из практических целей. Или внешние причины, такие как, например, изолированность от общества, не позволяют осуществляться связи с другими семьями. Также склонность к инцухту может быть различной по величине у разных рас и слоев общества. Но для тех случаев, когда родственников сводит лишь индивидуальная симпатия, я допускаю, что способность переносить склонность любви на чужих людей является недостаточной, в то время как склонность к членам собственной семьи превышает норму.

Такое поведение можно вывести из своеобразий сексуальности невротиков. Отклонения от нормы встречаются у них уже в детстве. Невропатические дети уже в раннем возрасте

¹ [Инцухт — скрещивание близкородственных особей.]

проявляют чрезмерную эротическую потребность. Преувеличенная потребность в любви у невропатичных детей, разумеется, означает только увеличение нормальных отношений¹. Нормальный ребенок так же переносит свою склонность сообразно своей природе сначала на людей, с которыми он долгое время живет. То, что здесь идет речь о проявлении сексуальности, уже поэтому не подлежит сомнению, т. к. склонность мальчика преимущественно направлена на мать или сестру, склонность девочки — на отца или брата². Во время второго периода детства проявления этой любви часто не вызывают сомнения в их природе. Невротичные дети проявляют сильную ревность по отношению к любимому человеку, требуют, чтобы этот человек принадлежал только им, а в остальных членах семьи видят лишь соперников, как влюбленные взрослые люди. Впрочем, следует отметить, что невротических детей с их особенностями часто поддерживают взрослые, которые, балуя детей, повышают их требования к доказательству любви и, пожалуй, случайно и преждевременно повышают у них половые ощущения.

При нормальных обстоятельствах инфантильный сексуальный перенос на родителей другого пола (соответственно на братьев-сестер другого пола) переходит в сублимацию, т. е. преобразование в чувство уважения, почтения. В результате этого процесса, как определил Фрейд, любовь к родителям и братьям-сестрам сбрасывает сознательно-сексуальное. Только в некоторых сновидениях продолжает жить инфантильная фантазия об инцесте³.

Пубертат с его психическими переворотами влечет за собой в зависимости от индивидуальности по-разному происходящее освобождение ребенка от родительского авторитета. Либидо освобождает

¹ Cp. *Freud*, 5. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 21, 33—145.

² Среди авторов, которые в целом отрицают воззрения Фрейда, Оппенгейм (*Oppenheim*, H. Lehrbuch der Nervenkrankheiten für Ärzte und Studierende. — 2 Bde. — 5. Aufl. — Berlin, 1908. — S. 1256.) ссылается на особую нежность, безмерную любовь истерических детей; все же он не видит в этих явлениях выражения детской сексуальности. (Ср. доклад на заседании Берлинского общества по психиатрии и нервных заболеваний от 9 ноября 1908 г. в: *Neurolog. Zbl.* — 1908. — Heft 23.)

³ Относительно «Эдипова мотива» в сновидении ср. особенно: *Freud*, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — S. 273.

ется, чтобы перенестись на посторонних людей другого пола; люди, близкие к семье, впредь исключаются из выбора в качестве объекта. Однако в бессознательном сохраняется важное влияние, близкое вытесненной инфантильной склонности. Неоднократно было подтверждено, например, что мужчину притягивают женщины, обладающие качествами его матери (или сестры).

У невропатических индивидов ход этого важного процесса развития нарушен. Анормальная сила инфантильного сексуального переноса препятствует полному вытеснению фантазии об инцесте. Кроме того, она затрудняет освобождение от родительского авторитета. Поэтому у многих невротиков сохраняется детская несамостоятельность. Если в пубертате сын находится под строгим контролем родителей, если его либидо переносится на инфантильный сексуальный объект, то из этого для него вытекают двойные последствия. Во-первых, на протяжении всей жизни для него затруднен нормальный перенос на женщин или невозможен долгие годы. Во-вторых, склонность к одной из близких родственниц отвергается из-за главенствующей морали. Таким образом, это приводит к *подавлению влечения*. Склонный к неврозу человек колеблется между анормальной силой своего либидо и своей тенденцией к вытеснению влечения. Здесь ему предлагается повод для дальнейшего подавления своих влечений. В качестве парадигмы этого процесса я назову примерных сыновей и дочерей, которых мы встречаем в невропатичных семьях; их любовь к родителям также и после пубертата сохраняет инфантильный характер¹.

Из этого своеобразного психосексуального развития мы можем сделать различные практические выводы для невротиков. В ряду этих возможностей также занимает место явление, особенно интересующее нас, — брак между родственниками. Если я перечислю явления, уступающие браку между родственниками с точки зрения психогенетики, то должен начать с тех, которые, собственно говоря, не относятся сюда, а именно с самого *инцеста*. Если это на самом деле ведет к инцестуозной связи, то подавление влечения отсутствует. Мне кажется, что достаточно небольшого доказательства. Нередко

¹ Cp. Freud, S. Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität (1908d). // G. W. — Bd. 7. — S. 160 f {143—167.}.

из анамнеза нервных людей можно узнать, что в детстве между братьями-сестрами происходили сексуальные действия. Но особенно примечательна склонность к инцесту среди страдающих Dementia praecox душевнобольных. Я располагаю некоторым числом безупречных наблюдений этого вида, которые относятся к совместному проживанию душевнобольных брата и сестры (соотв<ветственно> отца и дочери).

Я не буду останавливаться на вопросе действительного инцеста подробнее, а обращусь к невропатическим людям, склонность которых в бессознательном осталась зафиксированной на инфантильном сексуальном объекте, и поэтому у них затруднена аппликация к посторонним людям другого пола. У *мужчины* есть две возможности: *остаться холостым или жениться на кровной родственнице*. Рассмотрение этих двух случаев нельзя отделить друг от друга, потому что они поразительно часто встречаются в похожих семьях. В семьях, в которых случаются браки между родственниками, также обычно встречается большое число холостых людей². Например, я помяну семью, в которой на протяжении нескольких поколений происходили браки между родственниками. В одном поколении большинство братьев-сестер остались холостыми, а из двух братьев, которые женились, один выбрал себе в жены родственницу.

По-видимому, в таких семьях присутствует сниженная сексуальная активность. Выбор родственницы требует меньшей инициативы; в этом случае говорят о трудности приблизиться к посторонней девушке. Девочку из родни знают либо с молодости, либо знакомство протекает легче. Но более важным мне кажется то, что легче всего у родственницы можно обнаружить определенные качества, которые особенно нравились в матери или сестре. Так, главным образом кузина становится заменой сестры. Мне известны два случая, когда мужчина женился на своей кузине, потому что он был твердо убежден, что не может выбрать никого другого, кроме родственницы. Один из этих двух мужчин, состоящий у меня на лечении

¹ Здесь я преимущественно говорю о мужчине, потому что он чаще является выбирающим.

² Это наблюдение было подтверждено мне, в частности, господином профессором Оппенгеймом из его опыта.

из-за жалоб нервного характера, уезжал за границу на учебу и там посещал родственницу, которую он раньше никогда не видел. В то время он был очень чувственным, сразу же влюбился в свою кузину и женился на ней.

Часть мужчин с такой склонностью впервые женятся очень поздно. В таких случаях выбор совпадает с пристрастием к *племяннице*. Я выявил небольшое количество таких случаев. Среди них имеется странное сходство, когда мужчина полностью находится под господством женщины. Во всех известных мне случаях речь идет об очень несамостоятельных мужчинах, которые вступили в брак в качестве более слабой части, так как это им было поручено женщиной.

Скопление браков между родственниками в некоторых случаях, конечно, свидетельствует о наличии своеобразной предрасположенности. Мне известны семьи, в которых во многих поколениях прослеживался странный последовательный инцухт. Например, в одном случае три брата женились на своих кузинах, являющихся сестрами. Этим инцухтом семья добилась того, что их генеалогическое древо не было разветвленным¹.

В некоторых семьях встречается бросающееся в глаза безбрачие как склонность к инцухту. Судя по небольшому количеству информации, которой я располагаю относительно этой точки зрения, кажется, здесь речь идет о трудных, невропатичных, странных людях, которые также уходят от мира в себя. Я упомяну одну семью, в которой все восемь братьев так и не женились. К сожалению, я не могу решить, замешаны ли в игре другие психосексуальные отклонения².

Невропаты, которые долгое время не вступают в брак, близки к другой группе. Она охватывает таких индивидов, которые не в состоянии сделать выбор *самостоятельно*. Интересно то, что часто такие мужчины поручают матери или сестре выбрать для них жену. Эта несамостоятельность показывает чрезвычайную *силу инфантильного переноса*. Я еще упомяну знаменитый пример этого вида.

¹ Я благодарю господина д-ра М. Хиршфельда за интересное сообщение о том, что мужчины с гомосексуальной наклонностью часто женятся на кузинах. Так как у таких мужчин сексуальная активность относительно женского пола минимальна, то выбор родственницы является для них удобным.

² Само собой разумеется, нельзя утверждать, что в основе каждого случая безбрачия лежат причины, представленные здесь.

Кроме того, среди невропатов есть мужчины, которые хотя и делают выбор за пределами семьи, но направляют свою любовь на женщину значительно старше себя. Нередко подтверждается предположение того, что им требуется замена матери.

Но общей для всех этих групп является психосексуальная индивидуальная характеристика, которую я хотел бы обозначить как *моногамную черту*. Для большинства иных мужчин правилом является то, что у них отсутствуют склонности пубертата, что более того, склонность друг за другом обращаться к разным людям не достигает окончательного выбора. Кроме того, часто это приводит к интимным отношениям, которые снова расторгаются. У многих родственников таких семей, которые позволяют распознать склонность к инцесту, другое развитие. У них отсутствует полигамная склонность. Они не подходят для флирта, для спонтанных связей и для быстрых смен личных отношений. Как трудно им освободиться от самой ранней фиксации их либидо, так же они чувствуют себя и в дальнейшем. Если они переносят свою склонность на человека другого пола, то обычно склонность бывает продолжительной и окончательной. Если эти люди не женятся на своей родственнице, то все же здесь также выделяется ограничение в выборе.

До этого момента мы имели дело с проявлениями невротического либидо, которое обычно не обозначают как болезненное, несмотря на то, что имеется отклонение от нормального типа. Теперь на той же психологической основе есть ряд других явлений, которые обязательно оказываются патологическими. Но для них особенно следует подчеркнуть, что в их возникновении принимали участие и другие важные психологические, возможно, также соматические факторы. Сюда относится *психическая импотенция* мужчины. Анормальная фиксация либидо на матери или сестре, т. е. вытесненная фантазия инцеста, закладывает основу этого состояния болезни. Прибавляются и другие конкурирующие факторы. В этой связи я особенно ссылаюсь на опубликованные Штекелем¹ анализы. Я сам наблюдал различные случаи подобного вида, в которых этот фактор выявился как очень значительный. Например, я упоминаю двух братьев,

¹ *Stekel, W.* Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung. — Berlin und Wien: Urban & Schwarzenberg, 1908.

которые страдали психической импотенцией. Несомненно, они были в аномальной степени влюблены в свою сестру.

Женские особы, перенесшие в избыточной мере свою склонность на отца или брата, в браке очень часто бывают *фригидными*. Таким образом, инфантильная сексуальная деятельность взаимодействует с другими факторами, чтобы в дальнейшей жизни сделать их неспособными к успешному переносу.

Другие люди стремятся насильно подавить фантазии об инцесте. Пока те ускользают от них, они легко направляются на путь гомосексуальной склонности. Они обращаются от матери к отцу. Здесь * также имеются и другие причины, которые действуют в том же самом направлении. Здесь я хотел бы сослаться на тот факт, что, согласно наблюдениям опытейших авторов, многие гомосексуалисты, не проявляющие интереса к женским особам, привязаны к матери одухотворенной, сублимированной любовью¹.

При выраженном неврозе появляются еще и другие возможности проявления интересующих нас сексуальных инфантилизмов, о которых я хочу коротко рассказать. Нередко *истерические симптомы* выражают желание пациента идентифицировать себя с конкретным любимым человеком. Один пациент, которого я лечил от психической импотенции, и у которого отчетливо проявлялась аномальная влюбленность в мать, копировал, например, ее некоторым числом симптомов².

У хронических душевнобольных, относящихся к области *Dementia praecox*, мне особенно бросились в глаза два вида, в которых проявляется инфантильная фантазия инцеста. Часть больных несет *бред*, который представляет собой осуществленное объединение с любимым в детстве человеком. Я коротко упомяну пример из моих ранних публикаций³: в центре бредовых образований пациента

¹ Между кровным родством и гомосексуальностью должны возникнуть еще и другие связи. Господин д-р М. Хиршфельд сообщил мне очень ценное наблюдение: сын, родившийся от инцеста между отцом и дочерью, гомосексуал.

² Ср. *Freud, S.* Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]). // G. W. — Bd. 5. — S. 161—286.

³ *Abraham, K.* Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der *Dementia praecox*. // C. — 1908. — N. F. — Bd. XVIII, Juni. — S. 409—415 [см. наст. том, С. 3—12.].

находилась сестра, которую он потерял на десятом году жизни (она умерла). Она также постоянно появлялась в его галлюцинациях. Однажды я застал пациента, полностью отдавшегося видению. Он видел — так он сообщил, — как юноша пытался пробраться во владения одной красивой девы. Это были Аполлон и Диана. У Дианы были черты умершей сестры пациента, Аполлон походил на самого пациента. Да, в мифе Аполлон и Диана приходятся друг другу братом и сестрой. Так инфантильная фиксация либидо еще выражалась в галлюцинациях взрослого человека.

Другой возможностью у *Dementia praecox* является резкий переход чрезмерного переноса в негативизм и бред преследования по отношению к ранее любимому человеку. Подробнее я представил этот процесс в другой ранней работе¹.

В конце я хотел привести два известных примера, которые, как мне кажется, свидетельствуют в пользу моих взглядов. Их определенно может стать больше. Но также и из этих немногочисленных примеров вытекает, что мои взгляды основываются не на искусственных попытках объяснения.

Примером действительного инцеста является лорд Байрон. Он никогда не мог освободиться от склонности к своей сестре. Его брак с посторонней женщиной имел несчастливый конец. Поэт Конрад Фердинанд Мейер был привязан к своей матери и сестре, испытывая к ним аномальную влюбленность². В пожилом возрасте он женился на девушке, которую для него выбрала его сестра. Наконец, следует упомянуть Мерике, чья склонность к сестре имела чрезвычайную степень; впервые он вступил в брак в 47 лет.

Приведенное учение о том, что брак между кровными родственниками является следствием заболеваний психики и нервной системы потомков, в недостаточной степени принимает в расчет сложность отношений.

¹ *Abraham, K.* Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. // *C.* — 1908. — N. F. — Bd. XIX, Juli. — S. 521—533 [см. наст. том, С. 31—47.].

² Ср. *Sadger, I.* Konrad Ferdinand Meyer. Eine pathographisch-psychoiologische Studie. // *Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens.* — Bd. 59. — Wiesbaden: Bergmann, 1908. В этой работе принимается во внимание также и гомосексуальный компонент.

Своеобразная психосексуальная конституция, которая, согласно точке зрения Фрейда, образует основу неврозов, является важнейшей причиной браков между родственниками. Последняя становится лишь *вторичной* для создающего нагрузку момента, в то время как при ее помощи *преобразуется* уже имеющаяся невротическая предрасположенность. Таким образом, брак между родственниками — это, в первую очередь, *следствие* невропатической предрасположенности и, лишь во вторую — повышающий нервную диспозицию момент.

Надлежащее место браку между родственниками среди феноменов психологии неврозов можно отвести лишь тогда, когда они рассматриваются вместе с рядом других явлений среди равных точек зрения. В совокупности они показывают, какое чрезвычайное значение отводится *сексуальным инфантилизмам* в душевной жизни взрослого человека.

СНОВИДЕНИЕ И МИФ
ИССЛЕДОВАНИЕ О ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ
(1909b)

1. *Сновидение и миф*. — *Вестник Европы*. 1909. № 1. С. 1—12.

2. *Сновидение и миф*. — *Вестник Европы*. 1909. № 2. С. 1—12.

3. *Сновидение и миф*. — *Вестник Европы*. 1909. № 3. С. 1—12.

4. *Сновидение и миф*. — *Вестник Европы*. 1909. № 4. С. 1—12.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1909: Traum und Mythos: Eine Studie zur Völkerpsychologie. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Heft 4. — Wien: Deuticke, 1909. — S. 1—73.

Издания на русском языке:

1912: *Абрагам, Карл.* Сон и миф : Очерк нар. психологии. — М.: Соврем, пробл., 1912. — 114 с.

Издания на английском языке:

1913: Dreams and myths; a study in race psychology, by Dr. Karl Abraham ... tr. by William A. White ... — New York: The Journal of nervous and mental disease publishing company, 1913. — v, 74 p.

Издания на голландском языке:

1914: De droom en de mythologie : een bijdrage tot de psychologie van de menschheid. — Leiden : Van Doesburgh, 1914. — 96 p.

«Сновидение и миф» — одна из трех крупных культурологических работ К. Абрахама. Здесь проводится мысль о параллельности механизмов образования сновидений в индивидуальной и мифов в народной психологии.

Перевод с немецкого СТ. Жигулевой.

«...Случайностей не существует; а все, что нам кажется слепой определенностью, — именно это имеет самые глубокие корни».

I

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФРЕЙДУ

Теории психологии, связанные с именем З. Фрейда, касаются ряда явлений в душевной жизни человека, которые, на первый взгляд, имеют мало общего. В опубликованном совместно с Брейером «Исследовании об истерии»¹ Фрейд исходил из патологических психологических явлений. Постепенное развитие метода психоанализа потребовало тщательного изучения *сновидений*². Позднее стало очевидно, что для полного понимания этих явлений необходимо сравнение их с некоторыми другими феноменами. В связи с этим Фрейд видел свою задачу в том, чтобы расширять область проводимых им исследований за счет все новых сфер нормальной и патологической жизни души. Так, в «Сборнике небольших работ учения о неврозах» (1906)³ появились труды, посвященные истерии, навязчивым представлениям и другим психическим расстройствам, а также монография об остроумии⁴, «Три очерка по теории

¹ [Freud, S. (совместно с: Breuer, Josef) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312.]

² [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

³ [Различные работы позднее были включены в G. W.]

⁴ [Freud, S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c). // G. W. — Bd. 6.]

сексуальности»¹ и недавно вышедший анализ одного поэтического произведения², входящий в первый том этого сборника. Фрейду удалось рассмотреть эти кажущиеся гетерогенными продукты человеческой психики, используя одни методы. Общим у этих продуктов является их связь с бессознательным, с душевной жизнью в период детства и с сексуальностью; их объединяет тенденция представлять желание индивида исполнившимся, общими являются средства, используемые для этого.

Тот, кто не знаком с работами Фрейда и его последователей, будет удивлен всерьез предпринятой попыткой сопоставить все эти психические образования, применяя одинаковые методы. Он спросит, какое отношение остроумие имеет к бессознательному. Он усомнится, что некая болезнь может внушить человеку, страдающему этой болезнью, что желание его исполнилось, и ему будет не понятно, как можно провести параллель между этой болезнью и поэтическим произведением. Ему будет не понятно, что связывает сновидения взрослого человека и психику ребенка. И больше всего, вероятно, он воспротивится тому, что всем этим психологическим феноменам приписывается связь с сексуальностью. Таким образом, учение Фрейда кажется противоречивым и абсурдным; его теории как будто обобщают отдельные факты, не подвергая их критике. Как следствие, у человека появляется желание а *limine*³ отвергнуть те методы исследования, с помощью которых были получены результаты, подобные названным выше⁴.

Если бы моей целью было ответить на некоторые возражения, то мне необходимо было бы подробно изложить все постулаты уче-

¹ [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.]

² [Freud, S. Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva» (1907a [1906]). // G. W. — Bd. 7. — S. 29—122.]

³ [A *limine* (лат.) — с порога.]

⁴ Приблизительно такую позицию по отношению к учению Фрейда занимает медицина. Следует согласиться с тем, что теории Фрейда могут показаться странными любому беспристрастному читателю. Необходимо подчеркнуть, что эти теории во многом противоречат традиционной психологии. Однако это не повод к тому, чтобы отмахиваться о них, пожимая плечами и отпуская в их адрес острооты, как это делают критики.

ния Фрейда и тем самым значительно превысить допустимый объем данной работы. В ходе нашего исследования нам представится возможность затронуть большинство тех важных проблем, которым Фрейд посвятил свои труды. Пока мы ограничимся следующим замечанием: все без исключения психические феномены, которые мы сопоставим ниже, являются *продуктом фантазии человека*. В дальнейшем нельзя игнорировать предположение, что они могут проявляться одновременно как некие аналогии.

Помимо продуктов индивидуальной фантазии, встречаются такие, которые не могут быть приписаны фантазии отдельного человека. Здесь я ограничиваюсь тем, что рассматриваю в качестве таких образований мифы и сказки. Нам не известно, кто их создал, кто рассказал их впервые. Они передавались из поколения в поколение, подвергаясь при этом многочисленным изменениям. В мифах и сказках воплощена фантазия народа. Фрейд также сделал их предметом своих исследований¹ и установил наличие сходства в психологическом плане между ними и продуктами индивидуальной фантазии. Недавно еще один исследователь пошел по его стопам. Риклин² проанализировал *сказки* различных народов. Настоящая работа представляет собой лишь попытку сравнить *миф* с феноменами индивидуальной психологии, в особенности со сновидением. Этот труд имеет своей целью доказать, что учение Фрейда может быть успешно применено к психологии мифа, то есть может создать основу для нового понимания мифов³.

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

² Упомянутый труд Риклина «Исполнение желаний и символика в сказке» (Riklin. F. Wücherfüllung und Symbolik im Märchen. // Schiften zur angewandten Seelenkunde. — Bd. 2. — Leipzig und Wien: Deuticke, 1908.) вышел в свет после того, как я завершил работу над моей статьей. Таким образом, я могу воспользоваться лишь кратким предисловием автора («Еженедельник психиатрии и неврологии», 1907, №№ 22—24).

³ Также по завершении работы над настоящей статьей вышло в свет сочинение Фрейда «Поэт и фантазирование» (Neue Revue, № 2, март 1908 [Freud. S. Der Dichter und das Phantasieren (1908e [1907]). // G. W. — Bd. 7. — S. 213—223.]), в краткой форме выражающее основную идею моего труда. («Что касается мифов, то вполне вероятно, что они соответствуют искаженным остаткам фантазий целых наций, вековым снам молодого человечества».)

II

ДЕТСКИЕ ФАНТАЗИИ В СНОВИДЕНИИ И В МИФЕ.

ПЕРЕНОС ТЕОРИИ ЖЕЛАНИЯ НА МИФ

Я хотел бы уже сейчас предупредить некоторые напрашивающиеся сами собой принципиальные возражения, направленные против идеи, которую я хочу претворить в жизнь. Вызовет возражения тот факт, что миф продуцируется фантазией в состоянии бодрствования, в то время как сновидение — в состоянии сна, т. е. в состоянии сужения сознания. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что между этими состояниями нет принципиальной разницы. Мы видим сновидения не только в состоянии сна; существуют также сны наяву. В снах наяву мы находимся в нереальной ситуации и формируем мир и свое будущее в соответствии со своими желаниями. Вскоре нам станет ясно, что подобную тенденцию имеет и ночное сновидение. Некоторые люди в большей степени подвержены снам наяву, им свойственна погруженность в себя. Переход к патологической деятельности фантазии незаметен. Дети особенно охотно предаются таким фантазиям, похожим на сон. Мальчик в своих снах наяву видит себя правителем огромного королевства и одерживает победы в кровавых битвах или представляет, что он вождь индейского племени, или что-нибудь подобное. Нередко степень похожей на сон погруженности в себя в состоянии бодрствования у детей является патологической. Уже из этого явствует, что между снами наяву и сновидениями нет четкой грани. Но мы также знаем из исследований Фрейда¹, что мысли сновидения формируются не во время сна, а в состоянии бодрствования. В сновидении они лишь получают форму, отличную от той, в которой мы обычно выражаем свои мысли.

Другое возражение, также являющееся лишь на первый взгляд оправданным, поможет нам определить отправную точку наших дальнейших исследований. Кто-то укажет на то, что сновидение является индивидуальным продуктом, в то время как в мифе в определенной степени отражен дух целого народа. Исходя из этого,

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

такое сравнение он сочтет недопустимым. Это возражение легко опровергнуть. Если основой сновидения являются побуждения отдельного индивида, то существуют и побуждения, присущие всему человечеству. Они проявляются в сновидениях, названных Фрейдом «типичными». Фрейду удалось свести эту группу сновидений к определенным *желаниям*, свойственным всем людям, а также доказать, что эти желания лежат в основе определенных мифов. Таким образом, рассуждения Фрейда о типичных сновидениях могут послужить основой для наших исследований. Однако для достижения цели нам также необходимо принять анализ типичных сновидений за точку отсчета. Такой анализ дает нам возможность подробно рассмотреть теорию желания в сновидении. Кроме того, внутри них существуют более простые отношения, чем внутри большинства других сновидений¹.

Согласно теории Фрейда, в основе всякого сновидения лежит желание, вытесненное в область бессознательного. В жизни каждого человека были случаи, воспоминание о которых вызывает у него сильное чувство неудовольствия. Он пытается исключить подобные реминисценции из сознания. Ему не удастся полностью стереть их из памяти, он может лишь *вытеснить* их в бессознательное. Вытесненные воспоминания и сопутствующие им желания оказываются как будто забытыми, т. е. они исключены из спонтанного воспоминания. Но как только функция сознания по какой-либо причине нарушается, когда фантазия приходит на смену логическому мышлению, как это происходит в снах наяву, в ночных сновидениях и при различных патологиях, тогда вытесненный психический материал вновь высвобождается. В сновидениях и симптомах некоторых психических расстройств вытесненные желания вновь дают о себе знать. Их некогда ожидаемое, но так и не ставшее реальностью исполнение представлено теперь в фантазии. Фрейд доказал, что вытеснение значительной части желаний происходит в детстве, и к этому факту мы обратимся немного позже. Пока же нам достаточно придерживаться мнения Фрейда о том, что сновидение представляет собой

¹ Еще один на первый взгляд очень веский довод против намеченного сопоставления может состоять в том, что миф формируется постепенно многими поколениями, а сновидение является мимолетным, недолговечным образованием. Это возражение будет опровергнуто в ходе исследования.

исполнение вытесненного желания, и что это желание берет начало в детстве сновидящего.

Фрейд считает, что следует особо подчеркнуть происхождение типичных сновидений из инфантильных реминисценций. Особенно содержательными в этом плане являются те сновидения, в которых представлена смерть близких родственников. На первый взгляд эти сновидения противоречат теории Фрейда о том, что сновидение содержит в себе исполнение желания. Пожалуй, каждый, кто хоть раз видел в сновидении смерть любимого родственника, резко воспротивится предположению, что он желал его смерти и в сновидении пережил исполнение этого тайного желания. Он также подчеркнет, что сновидение это вызвало неприятные чувства, страх, испуг и тем самым выражает, скорее, опасение, но никак не желание.

Однако теория не подразумевает лишь действенные на данный момент желания, она, напротив, придает значение ранним инфантильным порывам. Таким образом, если кто-то видит во сне смерть любимого родственника, то это, согласно учению Фрейда, ни в коей мере не свидетельствует о том, что сновидящий испытывает это желание сейчас; очевидно, он желал этого когда-то очень давно. Однако и это признать нелегко.

До определенного возраста, в котором проявляются значительные различия между индивидами, ребенок еще не знает альтруистических порывов. Его жизнь полностью подчинена наивному эгоизму. Абсолютно ошибочным является предположение, что чувства ребенка к его родителям, братьям и сестрам изначально являются чувствами симпатии и расположения. Напротив, между братьями в семье существует определенная конкуренция. Ребенок, бывший до этого в семье единственным, открыто выказывает ревность, если на свет появляется второй ребенок, за которым в силу его беспомощности родители заботливо ухаживают. Нет ничего необычного в том, что ребенок не дает младшему бутылку с молоком, и что он испытывает ревность, когда видит новорожденного на коленях у матери, где до этого мог сидеть только он. Ребенок завидует игрушкам младшего брата или сестры и подчеркивает свои положительные качества, когда рассказывает взрослым о младшем. Младший ребенок в меру своих возможностей реагирует на это в столь же эгоистичной манере. Он видит в старшем угнетателя, тирана и старается помочь себе.

насколько это по силам маленькому ребенку. В нормальных отношениях большинство этих закономерностей постепенно исчезает. Но полностью искоренить их не удастся никакими воспитательными мерами.

Эти враждебные импульсы старшего ребенка, направленные против младшего, выражаются в желании, чтобы тот был мертв. Разумеется, возникнут споры по поводу того, что ребенок может быть настолько «плохим», чтобы желать смерти другому. «Тот, кто так говорит, не принимает во внимание, что представление ребенка о “смерти” имеет мало общего с тем, что под этим словом подразумеваем мы»¹ (Фрейд). Ребенок не имеет четкого представления о смерти человека. Вероятно, он знает, что кто-то из родственников умер, мертв. Для него это означает лишь то, что этого человека *больше нет рядом*. Сколь легко ребенок примиряется с отсутствием любимого человека, мы знаем из ежедневных наблюдений. Он протягивает руки в том направлении, в котором ушла мать, какое-то время плачет, а потом находит утешение в игре или еде и больше не вспоминает об ушедшей. Дети старшего возраста с нормальной психической конституцией так же легко переносят разлуку. В раннем детстве ребенок отождествляет смерть с отсутствием. Он не может представить себе, что человек, о котором говорят, мертв, что он никогда не вернется. Теперь нам понятно, насколько безобидно один ребенок представляет смерть другого (или еще кого-либо). Тот является их конкурентом; если бы его не было, то не было бы и повода для соперничества и ревности.

Между братом и сестрой конфликты на почве конкуренции сгладить легче, чем между детьми одного пола, и происходит это благодаря сексуальной привлекательности. К этому вопросу мы еще вернемся позднее.

Новое противоречие возникает, если рассматривать с вышеназванной точки зрения отношение ребенка к родителям. Как можно предположить, что ребенок желает смерти отца или матери? Подобная мысль допустима лишь в том случае, если родители плохо обращаются с ребенком, но, по счастью, такие случаи редки, и обобщение их недопустимо.

¹ [Freud, 5. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

Сновидения о смерти отца или матери, встречающиеся у каждого человека, содержат в себе искомое объяснение. Фрейд указывает на то, что «в сновидении о смерти родителей часто фигурирует родитель того же пола, что и сновидящий, т. е. мужчина видит во сне преимущественно смерть отца, а женщина — смерть матери»¹. Фрейд считает, что это объясняется отчасти тем, что в раннем детстве сын выражает сексуальное предпочтение матери, а дочь — отцу. Это предпочтение провоцирует соперничество сына с отцом из-за любви матери и соперничество дочери с матерью из-за любви отца. Рано или поздно сын начинает протестовать против *patria potestas*², иногда открыто, иногда внутренне. В то же время отец отстаивает эту свою власть перед подрастающим сыном. Подобные отношения существуют и между дочерью и матерью. Но как бы культурный человек ни смягчал и ни преобразовывал эти конкурентные отношения посредством почтения к родителям и любви к детям, ему так и не удастся полностью уничтожить следы этого соперничества. В лучшем случае эти тенденции вытесняются в бессознательное. Именно тогда они выражаются в сновидениях. Дети, склонные к нервным или психическим заболеваниям, уже в раннем возрасте демонстрируют чрезмерную любовь или сильнейшее неприятие обоих родителей или одного из них. В сновидениях вышеупомянутые тенденции проявляются особенно четко, как и в симптомах развивающегося позднего заболевания. Фрейд приводит примеры, доказывающие это³. Среди прочих он упоминает душевнобольную девочку, в состоянии спутанности поначалу испытывавшую сильнейшее *отвращение* к матери. Когда сознание пациентки прояснялось, она видела *сновидения* о смерти матери. В конце концов, ей стало недостаточно вытеснять чувства к матери в бессознательное, она перешла к гиперкомпенсации этого чувства посредством формирования фобии, т. е. патологического опасения, что с матерью что-то случится. Отвращение, по мере того, как к больной возвращалось самообладание, трансформи-

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

² [Patria potestas (лат.) — отцовская власть.]

³ «Толкование сновидений», S. 179 f. [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — S. 265 f.]

ровалось в заботу о здоровье матери. Мне самому довелось недавно наблюдать точно такой же случай.

Необходимо добавить, что взрослые нередко видят во сне смерть ребенка. Беременные женщины, испытывающие дискомфорт из-за своего положения, видят во сне аборт. Отцы и матери, в состоянии бодрствования испытывающие любовь и нежность к своему ребенку, при определенных обстоятельствах видят его во сне умершим, например, если ребенок препятствует достижению какой-либо цели.

Итак, типичные сновидения выражают желания, в которых мы в состоянии бодрствования себе не признаемся. В сновидении эти тайные желания находят свое выражение. *Эти желания, встречающиеся у многих или даже у всех людей, содержатся также и в мифах.* Таким образом, первый пункт, по которому мы будем проводить сравнение, — это общее содержание определенных сновидений и мифов. Нам придется и далее следовать теориям Фрейда. Потому что он первым, как уже упоминалось, сделал анализ одного мифа — об Эдипе, исходя из результатов, полученных в ходе работы над толкованием сновидений. Я приведу цитату из его труда ¹.

«Эдип, сын правителя Фив Лая и Иокасты, в младенчестве был брошен отцом на растерзание диким зверям, потому что оракул предсказал тому смерть от руки его еще не родившегося сына. Но мальчик оказывается спасенным, и другой царь воспитывает его как своего сына. Эдип, будучи неуверенным в своем происхождении, идет к оракулу. Оракул дает ему совет избегать своей родины, поскольку ему суждено стать отцеубийцей и жениться на собственной матери. Он покидает свою мнимую родину и встречает царя Лая. Во внезапно вспыхнувшей ссоре Эдип убивает его. Вскоре Эдип приходит в Фивы, разгадывает загадку Сфинкса, преграждавшего дорогу в город, благодарные жители Фив провозглашают его своим царем, и он женится на Иокасте. Долгое время правит он в мире и спокойствии и становится отцом двух дочерей и двух сыновей, не ведая, что Иокаста — его мать, но вот в городе разразилась чума, и фиванцы вновь испрашивают совета оракула. С этих событий начинается трагедия Софокла. Пророки возвещают о том, что чума прекратится, если из царства будет изгнан убийца Лая. Действие трагедии заключается в постепенном развитии искусно подготовленного разоблачения (что можно сравнить

¹ Op. cit. S. 180 f. [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — S. 267 f.].

с процессом психоанализа), заключающегося в том, что Эдип — убийца Лая и сын Иокасты».¹

Трагедия Эдипа производит на нас столь же сильное впечатление, как и на современников Софокла, хотя нам чужды их представления о богах и роке, как и их вера в предсказания оракула. Из этого Фрейд обоснованно делает вывод, что в сказании заключено нечто такое, что пробуждает в нас одни и те же чувства. «Вероятно, всем нам знакома ситуация, когда первый сексуальный порыв направлен на мать, а первое чувство ненависти и желание применить грубую силу — на отца; об этом свидетельствуют наши сновидения»². Трагедия Эдипа создает у нас иллюзию исполнения наших детских желаний, в то время как мы сами в процессе развития заменяем сексуальное влечение к матери и неприятие отца любовью и уважением.

Фрейд считает, что эта трагедия указывает на типичное сновидение о том, как сновидящий вступает в интимную связь с матерью. В переводе этот отрывок звучит так:

«Потому что многие видели во сне,
что они вновь соединились с матерью»³.

В трагедии заключена реализация двух взаимосвязанных фантазий, берущих начало в детском возрасте или в сновидении: фантазии о смерти отца и об интимных отношениях с матерью. Последствия реализации этих фантазий представляются нам ужасающими.

Отражением того же самого конфликта между отцом и сыном является миф об Уране и титанах. Уран хочет избавиться от своих сыновей, так как опасается, что они могут отнять у него власть. Его сын Кронос в отместку кастрирует его. Именно эта форма мести указывает на сексуальный аспект соперничества. Впрочем, Кронос таким же образом защищает себя от своих детей: проглатывает их всех за исключением самого младшего сына, Зевса. Зевс мстит ему, заставляет выплюнуть проглоченных детей и изгоняет Кроноса и всех титанов в Тартар; согласно другой версии, Зевс также оскопляет отца.

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

² [Ibid.]

³ [Софокл. Царь Эдип. // Софокл. Драмы. — М.: Наука, 1990. — С. 38. (Пер. Ф.Ф. Зелинского).]

III

СИМВОЛИКА В ЯЗЫКЕ И В СНОВИДЕНИИ,

А ТАКЖЕ В ДРУГИХ ПРОДУКТАХ ФАНТАЗИИ

Оба рассказа об Эдипе и Уране и их детях схожи не только по содержанию, но и по форме. В обоих рассказах практически отсутствует символическое иносказание. Ход событий изложен нам простыми словами. Примечательно, что это характерно и для тех типичных сновидений, которые мы рассматривали для толкования тех мифов. Здесь, как замечает Фрейд, символическое иносказание также практически не выражено.

В общем и целом при толковании сновидений мы вновь и вновь сталкиваемся с влиянием некой психической инстанции, обозначенной Фрейдом как *цензура*. Позже мы вплотную подойдем к ее рассмотрению, пока же охарактеризуем вкратце ее наиболее важные черты. Цензура не допускает появления в сновидении наших тайных желаний в их настоящей, не завуалированной форме, она способствует сокрытию истинной направленности сновидения посредством «искажения сновидения». Для того, чтобы обойти цензуру, необходима напряженная «работа сновидения». С ее проявлениями мы ознакомимся позже. Однако одну из форм искажения сновидения — символическую маскировку желаний — необходимо рассмотреть уже сейчас. Упоминавшиеся выше сновидения о смерти отца и интимных отношениях с матерью представляют собой очевидное исключение, поскольку здесь желание, казавшееся нам еще в состоянии бодрствования отвратительным, мы видим исполнившимся, причем совершенно открыто, без какой-либо символической маскировки. Фрейд объясняет это воздействием двух факторов. Ни от одного желания мы не дистанцируемся так, как от этого, цензура не властна над столь чудовищными стремлениями. Во-вторых, это *желание* может легко скрыться за *заботой* о жизни любимого человека. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что мифы как об Эдипе, так и о Кроносе и Зевсе содержат очень мало средств, имеющих символическое значение. В состоянии бодрствования человеку кажется, что он бесконечно далек от злоключений Эдипа и жестокости Кроноса по отношению к своим детям и отцу.

Забегая вперед, мы констатируем, что между некоторыми мифами и определенными сновидениями очевидно сходство. Впоследствии мы выясним, имеют ли эти сходные черты общее значение. Анализ большинства мифов — как и большинства сновидений — затрудняется символической иносказательностью в передаче собственно содержания. Поскольку в мифе об Эдипе, как и в схожих с ним по содержанию типичных сновидениях, это препятствие отсутствует, он сыграл роль введения в интересующие нас проблемы.

Если мифы в большинстве своем повествуют о событиях символически, то в действительности они должны содержать или означать нечто совсем иное, что совершенно не соответствует их внешней форме. *Таким образом, они, как и сновидения, нуждаются в толковании.* В качестве примера символического мифа мы рассмотрим миф о Прометее. Мы применим к нему методы толкования, схожие с теми, что используются при толковании сновидений. На примере этого в дальнейшем необходимо сравнивать сновидение и миф.

Мне известно, с каким противоречием мне придется столкнуться, если я задамся целью *толковать* миф так же, как и сновидение, и если стану утверждать, что в мифе и в сновидении присутствует одна и та же символика. Огромной заслугой Фрейда является то, что он исследовал эту символику. Благодаря этому исследованию мы узнаем о важных взаимосвязях между уже упомянутыми психическими образованиями. Значение этого знания, полученного путем трудоемких исследований, зачастую ставится под сомнение критиками. Противники учения Фрейда считают символическое толкование неправдоподобным и надуманным. По их мнению, Фрейд и его сторонники находились под влиянием самовнушения, побуждавшего их к тому, что они все толковали, опираясь на свое предвзятое мнение. Но особенно сильное недовольство критиков вызвано тем, что Фрейд и его последователи считают символику сновидений и близких им по характеру образований выражением сексуальных представлений. Ни один постулат учения Фрейда, столь отличающегося от традиционных воззрений, не подвергается такой жесткой критике, как толкование символики. Однако именно оно имеет большое значение для нашей дальнейшей работы. Поэтому прежде чем я вплотную подойду к истолкованию символов отдельного мифа, я хотел бы для этой части моего исследования создать по возможности более

обширную базу. С этой целью я приведу доказательство того, что символика, исследованием которой занимался Фрейд, скрыта в каждом из нас и с давних времен существует в жизни человечества. При этом окажется, что речь идет преимущественно о сексуальной символике, о выражении сексуальных фантазий. Мои дальнейшие рассуждения основываются отчасти на ценных работах Кляйнпауля¹. Этот исследователь также был вынужден защищаться от нападков критиков. Я цитирую замечание об этом самого Кляйнпауля². «Мы только хотели бы указать на то, что эти (т. е. сексуальные) фантазии существовали не только в прошлом, когда они были естественны, но сохранили свое влияние вплоть до нашего времени, когда их клеймят и считают *гибельными*». Я утверждаю, что сексуальная символика является психологическим явлением, которое вместе с человеком проходит сквозь пространство и время. На стадии зарождения нашей культуры оно проявляется наиболее отчетливо, и не в столь резкой, однако в достаточно четкой форме оно утвердилось в жизни души человека и существует там по сей день. Кляйнпауль использует в связи с этим очень меткое выражение: «*Человек сексуализирует мир*».

Если мы взглянем на зачатки изобразительных искусств, мы найдем всевозможные изображения половых органов человека, иногда завуалированные, иногда представленные со всей четкостью, не оставляющей никаких сомнений. В одном случае их формы использованы в качестве декоративной детали, в другом случае вазы, кувшины и другие предметы быта выполнены в форме гениталлий. Среди ремесленных изделий различных народов встречаются предметы, заимствующие не только форму, но и *название* своего прообраза. Египетские, греческие, этрусские и римские вазы и другие предметы быта красноречиво свидетельствуют о сексуальной символике, существовавшей в жизни этих народов во все времена. Если мы рассмотрим произведения искусства и предметы быта тех

¹ Kleinpaul, R. Leben der Sprache und ihre Weltstellung. — 3 Bde. — Leipzig, 1893. — Bd. 1: Die Rätsel der Sprache, 1888. Bd. 2: Sprache ohne Worte, 1890. Bd. 3: Das Stromgebiet der Sprache, 1892.

² Kleinpaul, R. Leben der Sprache und ihre Weltstellung, 3 Bde., 1893. — Bd. 2: Sprache ohne Worte. — Leipzig, 1890. — S. 490.

народов, что находятся на низкой ступени культурного развития, то мы увидим то же самое, если, конечно, намеренно не закроем на это глаза. Данная область и по сей день представляет собой широкое поле деятельности для искусствоведения, поскольку в литературе встречается множество примеров такого рода.

Вероятно, еще большее значение сексуальная символика имеет в религиозных культах всех народов. Многочисленные обычаи содержат в себе сексуальную символику. Встречающиеся у многих народов культы плодородия дают мощный толчок к развитию символики, находящей зачастую не только однозначные выражения (фаллос и т. д.).

Однако нам не стоит слишком отдаляться от повседневной жизни. Сам наш язык свидетельствует о том, что сексуальный аспект во все времена имел огромное значение для мышления человека. Во всех индогерманских и семитских языках существуют (или существовали ранее) «рода». На этот факт обычно почти не обращают внимания. Но зададимся вопросом: почему слова нашего языка относятся к тому или иному роду? Почему неодушевленным предметам язык приписывает тот или иной род? В некоторых индогерманских языках существует еще и третий род; к нему относятся слова, не нашедшие себе места в двух других категориях, либо потому, что фантазия человека не находит половых аналогий, либо в силу того, что по какой-либо причине должна быть подчеркнута половая нейтральность. Разумеется, не всегда просто установить причину, по которой предмет в языке принимает тот или иной род. Также следует указать на то, что некоторые существительные в родственных языках относятся нередко к разным родам. Если бы мы приступили к подробному рассмотрению этой в высшей степени интересной проблемы языкознания, мы бы слишком далеко ушли от темы. Поэтому ограничимся лишь тем, что назовем некоторые правила, в особенности правила немецкого языка. В немецком языке все слова в уменьшительно-ласкательной форме относятся к среднему роду. Совокупная фантазия народа сравнивает их с ребенком. О маленьких детях мы говорим «дитя» и обращаемся с ними так, как будто они не относятся к какому-либо полу; а кое-где и о взрослых девушках говорят «дитя», пока они не выйдут замуж. Слова *Mädchen* [девушка] и *Fräulein* [барышня] также образованы при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, и поэтому к среднему роду относятся те,

кого так называют, вплоть до их замужества! Зачастую существуют разные обозначения для самцов и самок животных одного вида. Однако некоторые названия животных относятся к одному из трех родов вне зависимости от того, о самке или о самце идет речь. В определенных случаях можно легко установить причину этого. К мужскому роду причисляются названия тех животных, которым человек приписывает качества, свойственные мужчине, в особенности такие, как физическая сила, мужество и т. д. По этой причине названия крупных хищников и хищных птиц мужского рода. Слово «кошка» мы употребляем чаще, чем слово «кот», гибкость этого животного, грациозность и ловкость ассоциируются у нас с женскими качествами. Этих примеров, я думаю, будет достаточно.

Еще более удивительным является тот факт, что и неодушевленные существа в языке сексуализируются. Существуют объекты, которые в разных языках, как правило (или даже зачастую), причисляются к одному роду. Налицо здесь привычная разным народам сексуальная символика. Так, например, названия разновидностей кораблей в немецком языке преимущественно женского рода. Присваиваемые кораблям имена собственные употребляются также по большей части как существительные женского рода, даже если это мужские имена. Даже английский язык, сохранивший лишь рудименты половой дифференциации, относит корабль к женскому роду; только военный корабль этот язык сравнивает с воинственным мужем и называет его «*man of war*». Примечательно, что над килем многих кораблей можно увидеть украшение в виде женской фигуры. «Моряк видит у корабля не только плечи и заднюю часть, в его глазах корабль похож на ковчег, таящий в себе зачатки жизни, он похож на таинственный сундук, который на празднествах в честь Деметры и Диониса женщины несли во время шествия. Корабль похож на жену индийского бога Шивы, корабль бороздит воды мирового океана с мачтой, как будто с фаллосом» (Кляйнпауль). Здесь, вероятно, вплетается еще одно представление. Моряк часто оказывается на долгое время разлучен со своей женой, он привязан к кораблю. Он живет со своим кораблем, как крестьянин живет со своей женой и детьми. Так корабль, говоря образно, становится женой моряка.

Зрачок человека, круглое черное пятно, в различных языках сексуализируется таким же образом. «*Pupilla*» в переводе с латинс-

кого означает «девочка»; греческое слово «κβδγ», испанское «niña», слово «каппа» в санскрите имеют то же значение. В древнееврейском языке существуют два слова, одно из которых так же означает «девочка», а другое — «мальчик». Как считает большинство исследователей, причиной такого названия стало миниатюрное зеркальное отражение, которое один человек видит в глазах другого. Однако Кляйнпауль выражает несогласие со столь поэтичным объяснением и дает другое, более правдоподобное. Круглое пятно в центре радужной оболочки глаза фантазия человека сравнивала с дырой и рассматривала как грубый символ женских половых органов, так же, как это происходит, например, с ухом. Какое бы объяснение ни являлось верным — сексуализация совершенно асексуального объекта остается фактом.

В некоторых немецких диалектах крючки и петли называются самцами и самками. Слова «матка», «матрица», «патрица» используются в разных ремеслах, при этом речь всегда идет о некоем отверстии и стержне, входящем в это отверстие. В Италии ключи делятся на «мальчиков» и «девочек» в зависимости от того, каким концом они входят в соответствующую часть замка — массивным или полым.

Мы говорим о городах и даже о целых странах как о лицах женского пола. Почти все деревья у нас женского рода; очевидно, что плодородие является *Tertium comparationis*¹. В латинском языке женский род всех деревьев даже строго предписывается правилом. («Женщины, деревья, города, земли» и т. д.).

Я ограничиваюсь лишь несколькими наглядными примерами. Если углубиться в изучение родного языка, то во всем можно отыскать эту сексуальную символику. Богатый материал по этому вопросу содержит работа Кляйнпауля «Водосбор языка».

Воображение человека, таким образом, приписывает неодушевленным предметам наличие какого-либо пола. Это свидетельствует о том, что сексуальное имеет огромное значение для воображения человека. Из этого также следует, что человек относится к неодушевленным предметам не объективно, а с ярко выраженной субъективной личной оценкой, что определяется его сексуальностью.

¹ [*Tertium comparationis* (лат.) — третий член сравнения; критерий сравнения.]

Человеческой природе свойственно наделять окружающие предметы качествами, присущими живым существам: ребенок ругает и бьет стол, о который он ударился. Но человек не ограничивается тем, что одушевляет предметы, он *относит их к тому или иному полу*. Так мы приходим к пониманию приведенного выше изречения Кляйнпауля о том, что человек сексуализирует вселенную. *Примечательно, что исследования в области языка и в области биологии и медицины приводят к одному выводу.*

Фрейд¹ указывал на то, что половое влечение человека на ранней стадии развития аутоэротично, т. е. человек пока еще не знает другого объекта, кроме себя, на котором он мог бы сконцентрировать свое либидо. Постепенно либидо направляется на другие объекты, при этом не только на людей и живые существа, но и на неодушевленные объекты. Темой следующей публикации будет подробное рассмотрение этих (возможных) направлений сексуальности, в особенности же — отклонений в этой области, имеющих большое значение в понимании некоторых душевных расстройств.

Мы установили, что для человека с самого начала была важна половая дифференциация. Сексуальность человека демонстрирует потребность в экспансии, направленной за пределы объекта сексуального удовлетворения. Сексуальность человека пронизывает все, что его окружает, и язык свидетельствует о никогда не дремлющей сексуальной фантазии человека. Если принять во внимание эти факты, то может показаться странным, что Фрейда и его последователей упрекают в том, что они переоценили роль сексуальности в нормальной и патологической жизни души. Более вероятной мне представляется возможность *недооценки*. Следующее возражение, которое часто встречает учение Фрейда, заключается в том, что влечение к самосохранению в гораздо большей степени контролирует жизнь человека, чем половое влечение, ведущая роль последнего, таким образом, является якобы преувеличением. Основанное Фрейдом направление в исследовании состоит, по мнению критиков, лишь в том, чтобы во всем искать сексуальный подтекст. Разумеется, в *сознании* влечение к самосохранению со всеми своими

¹ Cp. Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 21, 33—145.

ответвлениями зачастую имеет преимущество. Однако противники Фрейда совершают ошибку, принимая во внимание лишь процессы, происходящие в сознании. Фрейд никогда не утверждал, что *сознательные* сексуальные представления довлеют над прочими. Именно бессознательные, вытесненные представления оказывают наибольшее влияние на фантазию.

Вся критика, направленная против теории сексуальности Фрейда, обращается в ничто, стоит лишь нам взяться за рассмотрение нашего родного языка. Язык как ничто другое отражает бытие народа. Через язык выражает себя фантазия народа, она находит свое выражение в тысячах символов и аналогий, едва ли осознаваемых нами. Каждое из сказанных нами предложений содержит символические выражения. Значительная часть этой символики относится к сексуальной. Я вновь возвращаюсь к тому факту, что в нашем языке существуют слова мужского, женского и среднего рода. Если противники Фрейда правы, т. е. если в душевной жизни человека первостепенную роль играет действительно влечение к самосохранению, а не половое влечение, то сразу бросается в глаза то, что язык разделяет с сексуальной точки зрения! Почему же язык не делит предметы в зависимости от того, идут ли они на пользу нашему влечению к самосохранению или нет? Почему существуют различия между существительными мужского, женского и среднего рода, а не между съедобными, пригодными для питья и — в качестве третьей категории — неудобоваримыми продуктами?

Существует ряд предметов и видов деятельности, испокон веков подвластных сексуальной символике. Воспринимая их в таком смысле, мы можем найти их в Библии, в Ведах, в греческой и скандинавской мифологии, в поэзии исторических времен, в сновидениях и т. д. К ним относится, например, змея как символ мужского члена. В Книге Бытия змей искушает Еву. В немецких и скандинавских сказках образ змея использован в том же значении¹. Змея играет большую роль в сновидениях женщин; значение символа очевидно. Суеверный страх перед змеями связан, несомненно,

¹ Riklin, F. Psychologie und Sexualsymbolik der Märchen. // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1907. — Bd. IX. — S. 22–24.

с этими же представлениями¹. Нередко душевнобольные женщины заявляют, что на них нападают змеи, что они заползают им во влагалище или в рот. Нам известно, что рот в этом значении есть не что иное, как заместитель наружных половых органов женщины. («Смещение наверх» по терминологии Фрейда²).

Другой очень популярный символ — яблоко, представляющее плодородие женщины. Ева искушает Адама яблоком³.

О том, насколько глубоко сексуальная символика скрыта в человеке, свидетельствует тест словесных ассоциаций. Человеку сообщают определенные словесные раздражители, на которые он должен реагировать другими приходящими ему при этом в голову словами. Выбор слов-реакций, как и определенные явления, сопровождающие реакцию, во многих случаях свидетельствуют о том, что посредством словесного раздражителя у испытуемого путем ассоциаций затрагивается присутствующий «комплекс» сексуального типа⁴. Готовность ассимилировать с комплексом самое безобидное слово и исходя из этого, воспринимать его как символ, зачастую чрезмерна.

¹ Ср. примечание на С. 58 [в: *Riklin, F. Psychologie und Sexualsymbolik der Märchen. // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1907. — Bd. IX. — S. 22—24.*].

² *Freud, S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]). // G. W. — Bd. 5. — S. 161—286.*

³ В качестве символа плодородия часто выступает гранат, имеющий множество зерен. Поэтому гранат является атрибутом Юноны, богини семейного очага. Головка мака, полная семян, атрибут Венеры. В одном из мифов Венера превращается в карпа; в древние времена о плодovitости самок карпа ходили легенды. В некоторых странах существует обычай осыпать новобрачных зернами риса. Подобные обычаи широко распространены, они, несомненно, призваны благословить молодых на зачатие детей. Сравн.: Кляйнпауль, Язык без слов, С. 27 [*Kleinpaul, R. Leben der Sprache und ihre Weltstellung. 3 Bde. — Bd. 2: Sprache ohne Worte. — Leipzig, 1890. — S. 27.*].

⁴ В работах, опубликованных психиатрической клиникой Цюриха (в особенности, в «Диагностических исследованиях ассоциаций» Юнга³), термин «комплекс» используется для обозначения комплекса представлений, сопровождаемого сильными чувствами и подверженного расщеплению в сознании и вытеснению в бессознательное.

³ [*Jung, C.C. Diagnostische Assoziationsstudien. Beiträge zur experimentellen Psychopathologie (1906). Bd. I. — Leipzig: Barth, 1911.*]

Эта тенденция совершенно не осознается испытуемым, когда он произносит слова-реакции. В некоторых случаях человек сам может установить взаимосвязь между словом-реакцией и сексуальным комплексом, при этом он вынужден преодолеть более или менее сильные торможения. В других случаях для этого требуются значительные усилия аналитика, проводящего исследование. Тот, кто имеет некоторый опыт в проведении эксперимента и в психоанализе, найдет в реакции и в сопровождающих ее явлениях достаточно указаний к тому, как направить свои вопросы в нужное русло. В психиатрической клинике Цюриха врачи используют список из 100 словесных раздражителей; применение их по отношению к большому числу пациентов дало интересные результаты для изучения сексуальной символики бессознательного, полностью совпадающие с результатами, полученными Фрейдом другим путем.

Поясню на некоторых примерах. В качестве словесного раздражителя, регулярно вызывающего заметные психические явления, используется глагол «пахать». В ходе эксперимента этот глагол вызывает у испытуемого все те явления, которые по опыту известны нам как признаки эмоции: увеличение времени реакции, непонимание или повторение слова-раздражителя, запинки при проговаривании слова-реакции, жесты, свидетельствующие о замешательстве и т. д. Глагол «пахать» воспринимался испытуемыми как символическое обозначение полового акта. Интересно, что как в греческом и латинском, так и в восточных языках глагол «пахать» обычно употребляется в этом смысле¹. Другие словесные раздражители, такие, как «длинный», «мачта», «игла», «узкий», «часть», с удивительным постоянством воспринимаются как слова с сексуальным подтекстом. Если наличествует сильный сексуальный комплекс, то эта тенденция особенно сильна.

Ввиду этих фактов мне представляется абсолютно очевидным то, что символика — и в особенности сексуальная — является достоянием всего человечества. Таким образом, упрек в том, что символика или приписываемое ей значение существует только в воображении нескольких предвзято настроенных исследователей, отпадает. Кляй-

¹ Kleinpaul, R. *Leben der Sprache und ihre Weltstellung*, — 3 Bde. — Bd. 1: *Die Rätsel der Sprache*. — Leipzig, 1888. — S. 136.

ннауль¹ выражает свое мнение по этому вопросу очень четко и резко: «Символы не создаются, они присутствуют; их нельзя придумать, а можно лишь распознать²».

Я не ограничусь лишь ссылкой на рассуждения Фрейда о символике и примерами проанализированных им сновидений, я хотел бы привести здесь фрагмент анализа сновидения, поскольку это окажет помощь в понимании символики; чтобы быть кратким, я не стану подробно останавливаться на прочем материале сновидения. Сновидение, которое мне рассказала одна знакомая дама, выглядит так:

«Я нахожусь одна в какой-то длинной и узкой комнате. Внезапно из под земли доносится шум, но он не вызывает у меня удивления, потому что я тут же вспоминаю, что где-то под полом есть лаз, прорытый под землей и ведущий прямо в воду. Я приподнимаю половицу, и тут же появляется существо, покрытое коричневатой шерстью и похожее на тюленя. Существо сбрасывает мех и оказывается моим братом, он выглядит усталым и, еле переводя дух, умоляет меня приютить его, потому что он бежал без остановок и проделал долгий путь под водой. Я велю ему прилечь на стоящей в комнате кушетке, и он засыпает. Через некоторое время я вновь слышу шум, на этот раз это громкое

¹ Kleinpaul, R. *Leben der Sprache und ihre Weltstellung*, — 3 Bde. — Bd. 2: *Sprache ohne Worte*. — Leipzig, 1890. — S. 26.

² Критикующие Фрейда пренебрегают всерьез заниматься изучением символики и ее сущности. Недавно, к примеру, Вейгандт (*Weygandt, W. Kritische Bemerkungen zur Psychologie der Dementia praecox. // Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie — Bd. XXII. — 1907.*) предпринял попытку истолковать симптомы сумеречного состояния в намеренно нелепом смысле. Он полагал, что таким образом ему удастся показать надуманность и абсурдность методов толкования, предложенных Фрейдом. Этот случай наглядно демонстрирует нам фундаментальную ошибку критиков. Существует мнение, что символику можно придумать произвольно, что она является продуктом сознания. Однако в работах Фрейда доказано, что корни символики лежат в бессознательном. Всегда, когда господство сознания полностью или частично ослабевает, совокупность вытесненных представлений проявляет себя. Эти представления выступают в завуалированной форме, они берут на вооружение символику. По мнению Блейлера (*Bleuler, E. Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie der Psychosen. // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1906. — Helf. 8. — S. 323—324, 338—339.*), основой символики является низшая форма ассоциативной деятельности, которая, вместо логических взаимосвязей, использует неопределенные аналогии. К этому виду ассоциативной деятельности мы совершенно не способны при ясном сознании, при включенном внимании. Таким образом, символика не может быть придумана произвольно.

шуршание возле двери. Мой брат вскакивает и испуганно кричит: "Они хотят забрать меня, они думают, что я дезертир!". Он натягивает свою шкуру и пытается сбежать через подземный лад, но тут же возвращается и говорит: «Ничего не вышло, они сторожат лад с той стороны, где он выходит в воду!» В этот момент дверь распаивается, и несколько мужчин врываются в комнату, они хватают моего брата. Я в отчаянии кричу им: „Он же ничего не сделал, я буду просить за него!“ — в этот момент я просыпаюсь».

Сновидящая некоторое время назад вышла замуж и находится на первых сроках беременности. Она страшится разрешения от бремени. По вечерам она просит своего врача рассказать ей о развитии и физиологии эмбриона. Она еще до того многое узнала из книг, однако выясняется, что кое-что она поняла неправильно, например, значение околоплодных вод. Также она представляла себе волосяной покров эмбриона густым, как у новорожденных животных.

Лаз, ведущий прямо в воду = родовые пути. Вода = околоплодные воды. Из этого лаза появляется животное, покрытое шерстью, похожее на тюленя. Тюлень, это покрытое шерстью животное, живущее в воде, совсем как эмбрион в околоплодных водах. Это существо, т. е. ожидаемый ребенок, появляется *тут же*: быстрое, легкое разрешение от бремени. Оно оказывается братом сновидящей. Брат действительно значительно младше этой женщины. После преждевременной кончины матери она заботилась о нем, ее чувства к нему очень напоминают материнские. Она и сейчас охотно называет его малышом, а обоих младших — детьми. Младший брат, таким образом, замещает будущего младенца. Она хочет, чтобы брат навестил ее (она живет вдали от своей семьи), итак, она ожидает, во-первых, брата, во-вторых — ребенка. Так мы видим вторую аналогию между братом и ребенком. По некой причине, не имеющей отношения к исследуемой проблеме, она хочет, чтобы брат покинул то место, где он сейчас живет. Поэтому в сновидении он «дезертирует» из своего места жительства. Оно расположено у водоема; он часто плавает. (Третья аналогия с эмбрионом!) Она тоже живет у воды. Узкая комната, в которой она видит себя во сне, имеет выход к воде. В комнате стоит кушетка, используемая как кровать, она служит постелью, когда приходит гость, собирающийся остаться

на какое-то время. Таким гостем она хочет увидеть в этой комнате брата. Четвертая аналогия: эта комната превратится впоследствии в детскую, в ней будет спать малыш!

Брат, когда входит в комнату, едва переводит дух. Он ведь плыл под водой. Так же и новорожденный вынужден бороться за каждый вдох. Брат тотчас засыпает, как и ребенок после рождения.

Далее следует сцена, когда брат испытывает сильный страх, находясь в безвыходной ситуации. В подобном положении придется оказаться и самой сновидящей, когда придет время рожать. Это уже заранее вызывает в ней страх. В сновидении она смещает этот страх на эмбрион, соответственно — на брата. Она велит ему прилечь, поскольку он очень устал. После родов *она* будет уставшей, *она* будет вынуждена лежать — в сновидении она *активна* и велит брату прилечь. Она находит и еще один выход из затруднительной ситуации: ее брат — юрист, он исполняет обязанности адвоката, «просит за кого-то». Она перенимает у него эту роль, она просит *за него*. Этим она смещает свой страх на *него*.

В этом сновидении содержатся символы, которые могут служить типичными примерами. Между ребенком и тюленем, между лазом под землей и родовыми путями можно, конечно, провести лишь смутную аналогию. И, тем не менее, в сновидении одно подменяется другим. Брат сновидящей встает на место ребенка, хотя он давно вырос. Именно он для нее «малыш». Сновидение предпочитает использовать также слова, которые могут быть поняты в различных смыслах.

В этом сновидении можно четко выделить некоторые исполнившиеся желания: желание легкого разрешения от бремени, которого можно не бояться, и желание заботиться о брате. Возможно, что это сновидение, истолкованное не до конца, содержит и другие скрытые исполнившиеся желания.

Чтобы продемонстрировать, что некоторым психопатологическим состояниям свойственна похожая символика, я приведу лишь один пример. Галлюцинации душевнобольных, повторяются ли они на протяжении многих лет или возникают на какое-то время, когда больной находится в сумеречном состоянии, которое очень похоже на сон. Анализ показывает, что это не просто поверхностное сходство.

Одна девочка в возрасте десяти лет была изнасилована своим сильно пьющим дядей-алкоголиком в сарае рядом с домом родителей. Он пригрозил ей, что подожжет дом, если она будет сопротивляться. Испуганная этим, она много раз отдавалась дяде. Некоторое время спустя у нее диагностировали душевное расстройство, при этом содержание психоза состояло в основном из воспоминаний о сексуальном посягательстве и из упреков в свой адрес из-за собственной уступчивости, т. е. они определяли симптомы заболевания. При этом они скрывались за сексуальной символикой, полностью соответствующей символике сновидений. Я приведу представляющие здесь для нас интерес цитаты из более ранней публикации¹, в которой этот случай был подробно рассмотрен: пациентка долгие годы страдала от ночных видений, особенно часто она видела горящий сарай. Очевидно, что это сновидение можно истолковать двояко: дядя угрожал поджечь сарай и в сарае ее насиловал. Помимо этого она видела сновидения, вызывающие у нее страх. Однажды она увидела в сновидении стаю сов, они пристально посмотрели на нее, подлетели ближе, сорвали с нее одеяло и ночную рубашку и закричали: «Стыдись! Ты же голая!» Очевидно, что это воспоминание о сексуальном посягательстве. Позднее она в состоянии бодрствования видела пещеру. Сцены, увиденные ею здесь, имели сильную сексуальную окраску. Она видела «превращенных существ», наполовину животных, наполовину людей — змей, тигров, сов. Были и пьяницы, они превращались в тигров и набрасывались на самок.

Представленные в этих видениях и сновидениях реализации желаний можно распознать, лишь изучив всю историю болезни. Здесь же нам будет достаточно понять символы. Особый интерес представляют олицетворяющие дядю пациентки «причудливые существа», состоящие из пьяницы и тигра. Алкоголизм и звериная жестокость дяди объединяются, таким образом, в один символ. Змеи в тексте с отчетливым сексуальным подтекстом не могут иметь никакого иного смысла, кроме того, что был рассмотрен нами ранее. Определенные виды животных в качестве сексуальных символов играют большую роль в сновидении и в психозе. Одна из моих очень эротичных пациенток, страдавшая гебефренией, назвала этих животных, появлявшихся в ее галлюцинациях, «прелестными зверушками». Эвфемизм, не совсем лишенный эротического!

¹ *Abraham, K. Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1908. — N. F. — Bd. XVIII. — Juni. — S. 409—415 [см. наст. том, С. 3—12.].*

Великолепные примеры подобного рода собрал Риклин¹ на материале сказок различных народов. Наконец, мне хотелось бы указать на символику в новелле Иенсена, анализом которой занимался Фрейд².

IV

АНАЛИЗ МИФА О ПРОМЕТЕЕ

Разнообразные продукты человеческой фантазии содержат одинаковую символику, значительная часть которой является сексуальной. Я обращаюсь лишь к анализу одного мифа. Но в его структуре нас будет занимать не только символика — обнаружатся и другие важные сходства со сновидением.

Согласно верованиям древних греков, Прометей создал людей и похитил у богов огонь, чтобы принести его тем, кого он сотворил. Представление о том, что человек был создан неким высшим существом, встречается у различных народов. Как бы привычно оно нам ни было, оно все же нуждается в объяснении. Легенда о том, что создатель людей, не являющийся ни богом, ни человеком, похищает у богов огонь и провоцирует тем самым конфликт с Зевсом, также требует истолкования. Изучением возникновения мифа о происхождении огня занимался Адальберт Кун³. Кун является основателем сравнительной мифологии; ему наука обязана наличием ряда основополагающих работ, посвященных различным мифологическим персонажам. Он исходил из того, что некоторые сказания, общие для индогерманских народов, встречаются в индийских Ведах в форме гораздо более древней, чем та, что знакома нам по греческим и другим источникам. Так, ему удалось доказать, что образы Афины, кентавров, Орфея, Вотана и других богов и героев греческой и германской мифологии

¹ [Riklin, F. Psychologie und Sexualsymbolik der Märchen. // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1907. — Bd. IX. — S. 22—24.]

² [Freud, S. Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva» (1907a [1906]). // G. W. — Bd. 7. — S. 29—122.]

³ [Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg., Güttersloh, 1886.)]

взяты из Вед, и тем самым он объяснил истинный смысл этих мифов. Неоценимое значение для исследований в области мифологии имела его обширная работа «О происхождении огня и напитка богов» (1859, новое издание в 1886 г.). По его следам тут же пошли такие исследователи, как Дельбрюк, Штейнталь, Кохен, Рот, Макс Мюллер, Шварц. Ниже я расскажу лишь о важнейших результатах исследований Куна и, кроме того, по техническим причинам ограничусь пока что мифом о происхождении огня. При этом я отчасти придерживаюсь отрывка из работы Куна, использованной Штейнталем¹ в одной из критических рецензий; я также использовал критические замечания, сделанные Кохеном² к работе Куна. Разумеется, в рамках данного сочинения невозможно привести доказательства отдельных пунктов анализа с точки зрения сравнительного языкознания и мифологии. В связи с этим я вынужден ссылаться на оригинал, а также на обе названные работы Штейнталья и Кохена.

Как свидетельствуют исследования, все индогерманские народы добывали огонь *трением*. У нас есть доказательства того, что этот метод использовался еще в исторические времена, нам даже известно, с помощью каких приспособлений это делалось. У народов с низким уровнем культурного развития используются те же методы. Загадкой остается то, как человек догадался получать огонь трением. Кун придерживается мнения, что сама природа обучила человека этому: вероятно, он видел в лесу, как сухой росток выходящего растения на ветру терся о полую ветвь дерева и загорался. Уже Пешель³ обращает внимание на то, что такое объяснение неправдоподобно; он полагает, что во время сверления и других ремесленных работ человек замечал, что предметы при трении нагреваются, а не наблюдал подобные процессы в природе.

Примитивное орудие для добычи огня состояло из палочки из твердой древесины и диска из мягкой древесины, в котором было

¹ *Steinthal, H.* Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — 1862. — Bd. 2.

² *Cohen, H.* Mythologische Vortellungen von Gott und Seele. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — 1868. — Bd. 5; 1869. — Bd. 6.

* *Peschel, O.* Völkerkunde. — Leipzig, 1875. (6. Aufl. Bearbeitet von A. Kirchhof, 1885. — S. 141.)

отверстие. При вращении палочки в отверстии древесина загоралась. Полученный таким способом огонь имел свойство через некоторое время угасать, тогда его нужно было добывать снова. Такое же свойство человек заметил и у другого огня — небесного. На небе он каждый день видел огонь солнца, сияющий и согревающий; иногда человек видел и огненные лучи, спускающиеся с неба, яркие и вызывающие огонь. Небесный огонь также через какое-то время угасал. Итак, на небе тоже что-то горело и гасло. Согласно представлениям древних индогерманских народов, облака представляют собой дерево, мировой ясень, встречающийся в самых разных мифах. Древесину ясеня человек использовал для добычи огня. Если видели огонь на небе, то верили, что горит именно мировой ясень. Спускающаяся с неба на землю молния представлялась им огнем, исходящим от ясеня. На основе этого возникло представление о том, что земной огонь — это спустившийся на землю огонь небесный. Быстрота молнии напоминала полет птиц, так возникло следующее представление — о птице, живущей на мировом ясене и принесшей небесный огонь на землю. В мифах разных народов и в разные времена такой птицей был орел, сокол или дятел. Определенные породы деревьев, например, рябина, дающая красные ягоды и имеющая шипы и перистые листья, считалась олицетворением птицы-молнии. Их составляющие ассоциировались с окраской, когтями и оперением птицы.

Помимо небесного и земного огня в индогерманских мифах существует еще и третий вид — огонь жизни. Мы видим здесь ту же аналогию, вследствие которой небесный и земной огонь отождествлялись. Огонь жизни также необходимо разбудить. Пока он пребывает в теле, оно остается теплым. И как всякий огонь, пламя жизни угасает. Но самое очевидное сходство состояло между зачатием и получением огня. Как трение палочки в деревянном диске пробуждает огонь, так человеческая жизнь зарождается в лоне матери. Мифология и язык содержат многочисленные доказательства этой точки зрения. Здесь я упомяну лишь о том, что обе части примитивного огня являются также названиями мужских и женских половых органов. Так это представление явилось для народа в плоти и крови. Более того — это же отождествление мы находим в семитских языках. В древнееврейском языке для обозначения понятий «мужской» и «женский» использовались именно слова «сверло» и «отверстие»!

Так возникновение огня жизни, сотворение человека также смещается наверх — на мировой яшень. От него берет начало человек, равно как и огонь был принесен на землю птицей. Такой птицей является аист, приносящий детей.

В более позднюю эпоху, представленную в мифологии как некий новый слой, были придуманы боги, похожие на человека. В эту эпоху существовавшая прежде аналогия огня и жизни сохранилась, она была облечена в новую форму: бог огня — это одновременно и человек-бог. В Ведах мы встречаем бога Агни (agni = лат. Ignis, огонь), олицетворяющего огонь, свет, солнце и молнии и являющегося первым человеком. В мифах разных народов Агни является еще и птицей-молнией. *Picus*, дятел, в мифологии древних римлян был огненной птицей, молнией и человеком. В более поздней версии мифа он предстает первым правителем Лациума; но, наряду с этим, он оставался богом-покровителем рожениц и грудных младенцев, т. е. богом жизни.

Персонификация богов привела к тому, что все в природе стадо творением или атрибутами богов. Так, огонь уже не был богом — теперь бог вызывал огонь. Один из богов зажигал по утрам угасший огонь солнца, вращая палку в отверстии солнечного диска; бог порождает молнии, забивая клин в грозное облако. Как и небесный, огонь земной нужно разжигать снова и снова. Если огонь угасал, то исчезал и Агни; существовало поверье, что он прячется. На небе он прятался в кроне небесного дерева, а на земле — в деревянном диске, из которого его можно было выманить трением. Здесь мы встречаем нового персонажа мифологии, чье древнее имя (в Ведах) звучит как *Mātarisvan*. *Mātarisvan* приносит Агни, спрятавшегося в облаке — или в древесине — обратно на землю. Согласно другой версии, он находит Агни в *пещере*. Он приносит людям свет и тепло, необходимые им для жизни. Его имя означает «растущий или действующий в матери» — это вновь молния или вращающаяся палочка.

Приносящему огонь *Mātarisvan* в греческой мифологии соответствует *Прометей*. В исторические времена считалось, что имя Прометей, подвергавшееся различным изменениям, означает «заботящийся». Его более древней формой считается, среди прочих, имя *Pramantha*. Это имя имеет двойной смысл. Во-первых, оно означает «порождающий трением». Трением он порождает огонь и людей. Здесь следует отметить, что «*matha*» означает мужские гениталии. Второе значение

имени Pramantha — *пoxититель* огня. Наряду с представлением о том, что Прометей-Pramantha порождает огонь, существует и другое — что он, как и Mātariśvan, *приносит* огонь с неба или *похищает* его. Он прячет искру в Nārthexstaude, так называемых породах дерева, использующихся для разжигания огня.

Таким образом, огонь в мифе представлен в трех ипостасях: как *огонь* (и бог огня), как *порождающий огонь* (или добывающий, или приносящий) и, наконец, как *человек*. Человек в мифологии также идентичен огню, поскольку первые люди произошли из огня, и потому что в человеке заключен огонь жизни.

V_ч

ИНФАНТИЛИЗМЫ В ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДА И В ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ В СНОВИДЕНИИ И В МИФЕ

Факты, вкратце изложенные мною выше, не дают целостного представления о том многообразии источников, что сплелись в мифе о Прометее. Изучение этого мифа имело огромное научное значение. Оно привело к разрыву с традиционной точкой зрения, гласящей, что миф образно выражает философское и религиозное мышление. Кун¹ хотел продемонстрировать, что всякий миф основывается на созерцании природы. Он доказал, что любому мифу, помимо содержания, заключающегося в его словесном наполнении, свойственно еще и содержание, скрытое за символическими выражениями². Тот,

¹ [Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh, 1886.)]

² Кун не стеснялся открыто говорить о сексуальном характере этой символики. Мы и сегодня можем стать свидетелями того, что подобное учение подвергается нападкам как противоречащее науке и морали. Штейнталь в своей работе, цитаты из которой были приведены выше (S. 3) [Steinthal, H. Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — 1862. — Bd. 2.], предпринял попытку защитить Куна. Я не могу отказать себе в том, чтобы привести здесь его слова, так как они кажутся мне направленными против противников учения Фрейда. «Если с такой точностью и добросовест-

кто знаком с методом толкования сновидений по Фрейду и со сформулированной на основе этой теории сновидений, заметит, что между толкованием Куна мифа о Прометее и толкованием сновидений по Фрейду существует значительное сходство. Если к двум образованиям, внешне столь различающимся, как, например, сновидение и миф, применима одна методика исследования, то это можно рассматривать как доказательство предположения, гласящего, что за внешним различием кроется внутреннее родство. Пример мифа о Прометее призван сейчас доказать, что сновидение и миф родственны в психологическом плане.

Содержание мифа о Прометее, поскольку он представляет для нас интерес в данном контексте, можно передать в двух словах. Толкование, раскрывающее нам истинный смысл этого краткого пересказа, имело гораздо больший объем. Такое же соотношение объемов пересказа и толкования имеет и сновидение. Даже короткое сновидение содержит в себе много больше того, что мы можем предположить на основе простой передачи содержания. В мифе, как и в сновидении, — согласно результатам, полученным Фрейдом, — помимо явного содержания, существует содержание скрытое. Чтобы распознать последнее, необходим процесс толкования. Целью этого толкования, как и толкования сновидения, является раскрытие совокупного материала представлений и чувств, выраженного в мифе.

Более или менее значимыми различиями между скрытым и явным содержанием сновидения объясняется то, что сновидящий далеко не всегда способен понять свое сновидение. Он считает свое сновидение бессмысленным, абсурдным, сомневается в том, что сновидению вообще присущ какой-либо смысл; если он действительно пытается понять значение сновидения, то его объяснение является недостаточным, так как затрагивает лишь явное содержание сновидения. То же самое происходит и с целым народом! Народ так же не понимает скрытого содержания своих мифов. Он дает им недостаточное объяснение. Это легко пояснить на примерах. Сновидения о смерти близких родственников, рассмотренные нами выше,

ностью судьи проверять обоснованность каждого довода, и если вывод всегда делать непредвзято, без прикрас и с большой осторожностью, то заслуживаешь не только научного, но и нравственного признания».

истолковываются сновидящими практически всегда неправильно. Совершенно так же, как греки не осознавали истинного смысла мифа о Прометее. Они не понимали даже значения имени «Прометей». Мы еще вернемся к этому пункту.

Тот факт, что создающий мифы народ относится к результату своего творчества так же, как сновидящий относится к своему сновидению, требует объяснения. Ключ к разгадке этой тайны дает нам Фрейд. Его теория сновидения сводится к одному предложению: *«Сновидение представляет собой преодоленный отрезок инфантильной жизни души»*¹. Это утверждение не вполне понятно. Фрейд пришел к этому выводу следующим образом. Наша память хранит намного больше впечатлений, чем мы обычно можем вспомнить. Мы особенно охотно «забываем» те реминисценции, которые связаны с чувством неловкости. Но они, тем не менее, не уничтожаются полностью, они лишь становятся недоступными для намеренной репродукции. Нам уже знаком этот процесс под названием *«вытеснение в бессознательное»*. Особенно часто мы удаляем из нашего сознания оставшиеся неисполненными или невыполнимые желания, поскольку они связаны с чувством неудовольствия. Вытесненные представления являются значительной частью того материала, на основе которого возникает сновидение; лишь небольшая и не столь важная часть содержания сновидения основана на недавних событиях. То же самое происходит в случае нарушения деятельности сознания в ходе каких-либо патологических процессов. Тогда давние реминисценции также всплывают из тех глубин, куда они были вытеснены. Особенно отчетливо это проявляется при истерии и Dementia praecox. Понятие «вытеснение» необходимо для объяснения самых разнообразных симптомов заболевания. Вытесненные воспоминания могут относиться к любому периоду жизни. При более тщательном анализе удастся, однако, доказать, что последней основой сновидения или одного из симптомов вышеуказанных заболеваний является реминисценция периода детства. Ребенок исполняет свои желания, в том числе актуальные, невытесненные, пока они еще не осуществились, в дневных фантазиях и сновиденческих фантазиях. С возрастом эта деятельность фантазии осуществляется

¹ [Freud. S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

преимущественно во сне. В сновидении взрослый вновь обретает не только *способ* мышления, свойственный ребенку, но и *объекты* инфантильного мышления. Инфантильные желания и переживания скрываются в недрах бессознательного и кажутся забытыми. Они находятся там до тех пор, пока индивид не испытывает нечто, что схоже с его инфантильными переживаниями. Тогда этот схожий случай ассимилируется с более ранним. Таким образом, инфантильное воспоминание в области бессознательного получает дополнительный импульс. Если оно достигает определенной интенсивности, то оно проявляется у здорового человека в сновидении, у индивидов, страдающих неврозом или психозом, — в проявлениях болезни. Для этого необходимы два условия: подавление деятельности сознания, как это происходит во сне и при некоторых патологических состояниях, и актуальная причина. Обычно инфантильным переживаниям и желаниям не приписывается то обширное воздействие, о котором говорим мы с Фрейдом. Здесь может возникнуть возражение, что инфантильные интересы в более зрелом возрасте подавляются интересами совершенно иного рода. Но этот довод, как окажется впоследствии, лишь создает впечатление весомого. Значению инфантильных порывов и реминисценций для нормальной и патологической психологии не уделялось должного внимания вплоть до 1895 года, когда вышли в свет «Исследования об истерии»¹ Брейера и Фрейда. Заслугой этих ученых является то, что они обратили внимание на значение инфантильных реминисценций. В последующие годы Фрейд занимался разработкой этого учения. В представление о значении инфантильных переживаний были внесены две существенные поправки, что, однако, ни в коей мере не свидетельствует об отклонении от учения о психических инфантилизмах. Мы можем объяснить тот факт, что ранние инфантильные реминисценции оказывают столь сильное влияние на психическое развитие индивида. Даже если ребенок сталкивается с множеством переживаний, основанных на внешних причинах, т. е. не определяющихся его индивидуальностью, то причиной других переживаний все же становится это его своеобразие.

¹ [Freud, S. (совместно с: Breuer, Josef) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312.]

В двух меньших по объему работах¹ я предпринял попытку доказать это применительно к определенным сексуальным переживаниям периода детства. Обобщая полученные результаты, мы можем сказать следующее: причиной некоторых переживаний ребенка, производящих, вероятно, наибольшее впечатление, являются присущие ему врожденные порывы. Кроме того, в раннем детстве ребенок еще не умеет из этических побуждений ставить чужие желания превыше своих, его восприятие еще не притупилось, душа восприимчива ко всем впечатлениям, результатом чего является бурная реакция.

На воспоминания периода детства наслаиваются другие, более поздние. Особенно этот процесс наслоения характерен для вытеснения инфантильных желаний и желаний более поздних. Мне вспоминается случай инфантильной пристрастия сына к матери и его соперничества с отцом, а также сопутствующие этим порывам желания. Некий толчок способен вновь пробудить эти детские воспоминания. Они находят свое выражение в сновидении. Лишь один этот пример демонстрирует, что имел в виду Фрейд, когда называл сновидение преодоленным отрезком инфантильной душевной жизни.

Таким образом, в сновидении вновь проявляется инфантильная деятельность воображения вместе с ее объектами. Исходя из этого, легко доказать сходство мифа и сновидения. Миф берет свое начало в давно прошедшем периоде жизни народа, который мы можем обозначить как детство народа. Легко доказать правомерность такого сравнения. Выражение, использованное Фрейдом в «Толковании сновидений»², превосходно иллюстрирует положение вещей. Фрейд обозначает период детства, о котором у нас сохранились лишь смутные воспоминания, как *доисторическое время* в истории развития индивида. То, что воспоминания этого периода также очень нечетки, не означает, что они прошли мимо нас, не оставив никаких впечатлений. Желания, которые у нас были в то время,

¹ Abraham, K. Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII. — Juni. — S. 409—415 [см. наст. том. С. 3—12.].

Abraham, K. Das Erleiden sexueller Traumen als Form infantiler Sexualbetätigung. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII. — November. — S. 855—866 [см. наст. том, С. 13—30.].

² [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

и о которых у нас остались крайне нечеткие воспоминания, не исчезают, а подвергаются вытеснению и продолжают существовать в наших фантазиях сновидения. Все это в равной степени относится и к мифам. Они берут свое начало в доисторическом периоде жизни народа, о котором у нас нет точных сведений. Они содержат в себе остатки воспоминаний из детства народа. Но возможно ли перенести на миф и теорию об исполнении желания?

Я утверждаю, что это возможно и, опираясь на учение Фрейда о сновидении, формулирую свою точку зрения следующим образом: миф является частью преодоленной инфантильной жизни души народа. Он содержит в себе (в скрытой форме) детские желания народа.

Мы уже ознакомились с весомым доказательством этой точки зрения, когда сравнивали некоторые мифы с «типичными» сновидениями. Мы убедились, что в мифе об Эдипе, как и в некоторых сновидениях, выражена инфантильная сексуальность. Перенос сексуального влечения сына на мать является причиной возникновения желаний, которые, как и многие другие, подвергаются вытеснению. Воспитание человека есть не что иное, как насильственное систематическое вытеснение врожденных порывов. В начальный период существования народа в силу преобладания естественных отношений, а также того, что обычаи еще не устоялись, эти порывы могли быть реализованы. Позднее они были подавлены в ходе процесса, который мы можем сравнить с процессом вытеснения у отдельного человека. Но они не исчезают полностью, они сохраняются в мифе. Этот процесс, для которого я хотел бы предложить название «массовое вытеснение», является причиной того, что народ больше не понимает первоначального смысла своих мифов, как и мы не понимаем свои сновидения¹.

Создается впечатление, что в мифах, идущих из раннего детства народа, он выражает желания, которые привык вытеснять особенно

¹ То, что народ не понимает свои собственные мифы, нельзя объяснить только тем, что они частично были заимствованы у других народов. Народ заимствовал их потому, что находил в них свои собственные комплексы. Но именно они и подвергались вытеснению. Кроме того, каждый народ вносит изменения в заимствованные мифы, в таком случае он должен, по меньшей мере, понимать смысл этих изменений, однако это не так.

настойчиво. Рассмотрим библейское сказание о рае. Фрейд метко охарактеризовал его: «Рай — это не что иное, как массовая фантазия о детстве отдельного человека». В Книге Бытия подчеркивается, что Адам и Ева были нагими и не стыдились этого. Нам известно, что обычай евреев требует, чтобы тело было прикрыто. Нарушение этого обычая в библейских притчах наказывалось особенно строго. И вновь мы в типичном сновидении находим параллель с массовой фантазией о наготы первого человека. Все мы время от времени видим во сне, что мы почти не одеты и даже находимся в таком виде среди людей, но они не обращают на это внимания. Аффект страха, обычно сопутствующий такому сновидению, соответствует интенсивному вытеснению инфантильного желания обнажиться перед другим человеком. Фрейд¹ привел убедительные доказательства того, что в таком сновидении речь идет об инфантильной фантазии наготы. Он напоминает о том, что детям очень нравится обнажаться перед другими детьми или взрослыми или показывать им свои гени-талии. У некоторых людей эта перверсия полового влечения сохраняется и полностью вытесняет нормальное половое влечение — речь идет об эксгибиционистах.

Очень строгая в вопросах отношений между полами этика евреев требовала, чтобы массовая фантазия о наготы была смещена в раннее детство человечества. Г реки, меньше стыдившиеся наготы, менее в этом нуждались. Фрейд указал на то, что миф об Одиссее и Навсикае посвящен этой же теме. Исходя из этого, он проводит параллель с упомянутыми выше сновидениями о наготы.

Греческий миф о Прометее соответствует библейскому сказанию о сотворении первого человека. Как мы убедились, различие между ними заключается лишь в том, что в мифе отсутствует составляющая, которая бы соответствовала фантазии о наготы. Однако в нем присутствует сюжет о похищении огня, аналога которому нет в Библии. Таким образом, мы должны выяснить, какие вытесненные массовые фантазии или желания выражены в греческом варианте антропогенеза, а также что из этого имеет то же значение, что и похищение огня. Чтобы достичь этой цели, нам сначала необходимо ознакомиться с некоторыми общими особенностями мифа и вновь

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — S. 166f.]

прибегнуть к теории сновидения Фрейда, чтобы дать им объяснение.

Фрейд считает, что каждое сновидение *эгоистично*. Ведь мы должны научиться подавлять все свои эгоистические влечения. В угоду окружающим мы должны вытеснять их, руководствуясь причинами социального, семейного характера и прочими. Если же, как в сновидении, в игру вступает бессознательное, то эти вытесненные порывы одерживают верх. Однако они должны тщательно маскироваться, потому что при открытом появлении они натолкнутся на препятствие в виде цензуры. Эгоизм сновидения выражается в том, что центре сновидения всегда находится сам сновидящий. Однако это не следует понимать так, что сновидящий всегда наблюдает в центре происходящих в сновидении событий самого себя. Очень часто он следит за разыгрывающимся представлением со стороны. Но тогда его представляет актер, играющий главную роль. Эта роль достается человеку, которого объединяет со сновидящим какая-либо черта характера, переживание или нечто подобное. *Сновидящий идентифицирует себя с главными персонажами сновидения.* Создается впечатление, что главное действующее лицо сновидения и является его центром. Фактически идентификация сводится к частице «словно» (Фрейд, «Толкование сновидений», С. 216 ¹). Но в языке сновидения нет такой частицы; сновидение выражает сравнение лишь тем, что заменяет человека или предмет каким-либо аналогом. В том, что цель сновидения — исполнение желания — также абсолютно эгоистична, мы уже убедились выше, следуя умозаключениям Фрейда. Эгоистичными в этом понимании являются и другие психические образования, которые мы сравнили со сновидением. Если бы мы предприняли попытку доказать, что это свойственно и сумеречным состояниям при истерии, то это завело бы нас слишком далеко. Проще дела обстоят с хроническими душевными расстройствами, сопровождающимися формированием бреда. Психоз также абсолютно эгоистичен. Больной всегда стоит в центре своей безумной системы. Он — жертва интриг, преследований, грозящих ему со всех сторон, он верит, что ему хотят причинить ущерб, коллеги по работе хотят отстранить его от дел, за ним ведет наблюдение целый

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.]

сонм детективов. Он — Единственный, Одиноким, Праведный, ему объявил войну весь мир, в котором царит несправедливость и недоброжелательство. Он противопоставляет себя миру. Так, каждая мания преследования содержит в скрытом виде манию величия. Психиатрия, однако, считает, что мания величия наличествует лишь тогда, когда выражается некая определенная *идея величия*. Поэтому будет лучше, если мы будем обобщенно говорить о *комплексе величия*. Если мы выслушаем рассказ душевнобольного о его безумной системе, то своим построением этот рассказ напомнит нам эпический цикл в мифологии, в котором действие развивается вокруг определенных персонажей. Безумная система подобна мифу, в котором он возвеличивает самого себя. Некоторые душевнобольные утверждают, что они являются людьми, чьи имена вписаны в мировую историю, например, Наполеоном или Бисмарком. Такой душевнобольной, находящий какое-либо сходство между собой и Наполеоном, целиком и полностью отождествляет себя с ним — совершенно так же, как это происходит с нами во сне. Психозу, как и сновидению, не знакома частица «словно». Если углубиться в детали, мы найдем множество доказательств правомерности такого сравнения. Например, душевнобольные смещают в детство свои бредовые идеи, в особенности идеи величия. Я особо подчеркиваю бредовые идеи о происхождении, поскольку они представляют огромный интерес для дальнейшего анализа мифа о Прометее. Подобные случаи знакомы каждому психиатру. Пациент может утверждать, что люди, чье имя он носит, не являются его настоящими родителями; на самом деле он сын некой княжеской персоны, его присутствие в семье по некой таинственной причине стало нежелательным, и его передали на воспитание его нынешним «родителям». Его враги не хотят, чтобы раскрылась правда о том, что он более высокого происхождения, потому что они хотят воспрепятствовать его законным притязаниям на корону или несметные богатства.

Эти бредовые идеи о происхождении вновь напоминают нам инфантильные сны наяву, в которых маленький мальчик представляет себя принцем или королем и своими завоеваниями добивается славы, превосходящей славу всех остальных. Фантазия о королевском происхождении удовлетворяет желание стать кем-то великим. В детских фантазиях предназначение принца — удивить весь мир.

Заветное желание ребенка, обладающего живым умом, стать *большим* — в прямом и переносном смысле этого слова. Я считаю, что любой взрослый человек, добившийся определенных успехов или воображающий, что сделал что-то выдающееся, в детстве страдал от комплекса величия. Он забыл свои детские фантазии. Но комплекс, в угоду которому были образованы эти фантазии, может исчезнуть лишь со смертью человека. Если, будучи взрослым, он считает, что его амбиции не удовлетворены, то и здоровый человек нередко сдвигает исполнение своих желаний в период детства и становится *laudator temporis acti*¹.

Детство народа отмечено этим комплексом величия, как и детство отдельного индивида, он также не исчезает бесследно в «исторический» период развития. Посредством мифа также осуществляется отождествление. Народ отождествляет себя с главным персонажем мифа. Частица «словно» ему тоже еще не знакома².

Аюбой народ создает миф о начале своего существования, и эти мифы поразительно схожи с бредовой идеей душевнобольного о происхождении. Аюбой народ желает вести род от своего главного божества, быть «созданным» им. *Создание* есть не что иное, как *зачатие*, лишенное сексуального подтекста. Об этом свидетельствует сделанное Куном³ толкование мифа о Прометее. Прометей «создает» людей, но он, если проследить его историю, — Сверлящий, Порождающий и одновременно с этим бог огня. В Ведах рассказывается о многих поколениях жрецов, служивших богу огня Агни и произошедших из огня! Названия этих родов (*Angirasen*, *Bhrigu* и др.) означали также «огонь» или «пламя». Таким образом, человек ведет свой род от богов, которых сам создал, от огня, который человек сделал божеством, от мирового ясеня, даровавшего ему огонь. *Ask*, *ясень*, в скандинавской мифологии является родоначальником всего

¹ [*Laudator temporis acti* (лат.) — ревнитель старины.]

² Штейнталь («Миф о Самсоне» [*Steinthal, H. Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1862. — Bd. 2.*]) считает, что частица *словно* явилась переворотом в духовном развитии человечества.

³ *Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh, 1886.)*

человечества. Так человек в доисторические времена проецировал свой комплекс величия на небо. Какими же незначительными эпигонами являются современные душевнобольные, довольствующиеся происхождением от какого-либо великого человека этого мира, и мы сами, мечтавшие об этом в детстве!

Миф о Прометее содержит множество других примеров такой идентификации. Стоит упомянуть лишь идентификацию человека со Сверлящим, с молнией. Если человек создан неким богом, то он тоже божественен, или же бог человекоподобен. Человек уравнивает себя с божеством. Это имеет место в более древней форме мифа о Прометее; лишь позднее вместо зачатия упоминается создание.

Создается впечатление, что лишь ветхозаветная история о сотворении является исключением. Нов Книге Бытия человек ведет свой род не от божественного создателя. Бог создает человека *по своему подобию*; здесь в явном содержании рассказа на месте отождествления появляется подобие. Род Израиля ведется от праотцев. Но результаты исследований в области сравнительной мифологии свидетельствуют о том, что праотцы — это заимствованные из языческого пантеона персонажи. Таким образом, и род Израиля берет свое начало от божественного существа. Эта точка зрения позднее была адаптирована монотеизмом. Теперь древние служили одному богу. Национальной гордости пришлось довольствоваться тем, что праотцам было приписано родство с божеством этого народа. Бог общается с ними и даже заключает союз, остающийся в силе и для их потомков, последние благодаря этому чувствуют, что вновь приблизились к своему богу.

VI

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕНЗУРЫ В СНОВИДЕНИИ И МИФЕ.

РАБОТА СГУЩЕНИЯ

Нам уже знакомо понятие цензуры. Если в сновидении и устраняется вытеснение, выполненное сознанием, то вырвавшийся на свободу желания все же встречают препятствия на своем пути к открытому проявлению. Цензура не допускает того, чтобы

вытесненные представления находили ясное, однозначное выражение, она вынуждает их принимать не свойственное им обличие. Посредством этого *искажения сновидения* собственное (скрытое) содержание сновидения превращается в явное. Скрытые мысли сновидения, как показал Фрейд¹, формируются еще в состоянии бодрствования путем бессознательной деятельности мышления. Сновидение не образует новых мыслей, оно лишь придает новую форму сформировавшимся в состоянии бодрствования мыслям в соответствии с требованиями цензуры. Фрейд различает четыре пути, по которым может проходить этот процесс. Нам лишь остается проверить, присутствуют ли в мифе подобные отношения, действует ли здесь также цензура и использует ли миф те же изобразительные средства для преодоления наложенных запретов, что и сновидение. В качестве парадигмы мы также можем использовать миф о Прометее, но в определенные моменты рассмотрим и другие мифы.

Среди отдельных процессов работы сновидения мы в первую очередь рассмотрим «*сгущение*». Мы уже ознакомились с этим явлением на примере мифа о Прометее, но тогда не останавливались на нем подробно. Мы заметили, что миф о Прометее, кажущийся на первый взгляд таким простым, немногословно выражает большое количество идей. Последние, как мы уже видели, образуют скрытое содержание мифа. Один элемент явного содержания мифа зачастую заключает в себе не одну мысль сновидения, а несколько. То же самое происходит и в мифе. Если миф в нескольких словах выражает все те мысли, о которых говорится в работе Куна², то каждое слово должно быть, так сказать, «*сверхзначимым*», как это происходит в сновидении. С помощью толкования сновидений удалось доказать, что один человек, представленный в сновидении, может замещать несколько реальных людей. К примеру, нередко лицо увиденного в сновидении человека принадлежит одному знакомому сновидящего, а все остальные части тела — другому. Сновидящий, таким образом, устанавливает связь между двумя людьми, потому что они схожи в чем-то очень важном. Все происходящее во сне также может

¹ Freud. S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.

² Kuhn. A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Bedin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh 1886.)

иметь множество значений. Поэтому при анализе сновидений мы не должны забывать о таком явлении, как многозначность; каждое слово сновидения может иметь двойной смысл, а то и вовсе скрывать в себе несколько значений.

Подобно элементам сновидения, элементы мифа также сверхзначимы. Форма древнегреческого мифа о Прометее явилась следствием грандиозного процесса сгущения. Образ Прометея, как мы убедились в ходе анализа, собран из трех представлений. Согласно одному из них, он является *богом огня*, согласно второму — *огнем*, согласно третьему — *человеком*. Из этих представлений посредством сгущения был создан миф о похищении огня. Штейнталь¹ очень точно выразил этот результат анализа, сделанного Куном: *«После того, как бог огня в человеческом облиии спустился с небес, он сам является на землю как бог или как божественный элемент и преподносит себе как стихии самого себя как человека».*

Для того, кто привык анализировать сновидения, основываясь на опыте Фрейда, должно быть особенно очевидно родство сновидения и мифа, обусловленное сходством процессов сгущения. В деталях мифа, на первый взгляд незначительных, он распознает сгущение, в аналогичном виде встретившееся ему в сновидениях. В своем анализе Кун для каждого элемента мифа о Прометее, для каждого отдельного символа приводит доказательство многовариантности толкования. Я лишь напоминаю о том, как, к примеру, в небесной птице сгущены самые различные символические функции.

Благодаря работе сгущения в сновидении возникают *словесные новообразования*. Фрейд («Толкование сновидений»², стр. 202f, как и в других цитатах) приводит интересные примеры таких новообразований и их толкование. Словесные новообразования такого же типа изобретают душевнобольные³. Нои здоровый человек в состоянии бодрствования образует такие неологизмы, когда «оговаривается». Примеры этого приведены в работе Фрейда

¹ *Steinthal, H.* Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1862. — Bd. 2. — S. 9.

² *Freud, S.* Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.

³ *Jung, C.G.* Über die Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907.

«Психопатология обыденной жизни». Я хотел бы представить кое-что из материала этой книги¹.

«Молодой человек говорит своей сестре: «Я совершенно рассорился с Д., я больше не обмениваюсь с ними приветствиями». Она отвечает: «Да уж, та еще семейка!», — говоря вместо *Sippschaft* [«семейка»] *Lippschaft*. В своей оговорке она объединяет два факта: ее брат некоторое время назад начал ухаживать за девушкой из этой семьи, а она была посвящена в подробности этой запретной любовной связи [*Lippschaft*].»

Такие же словесные сгущения, появляющиеся у здорового индивида «по оплошности» и в сновидениях и образуемые душевнобольным, содержит и миф о Прометее. Прамантха (=Прометей) создает посредством *трения* [*Reiben*] огонь и человека; согласно другому представлению, он похищает огонь [*rauben*], чтобы принести его людям. Эти два представления сгущены в имени Прамантха. «Прамантха» означает «создающий трением» [*Hervorreibende*], т. е. получающий нечто путем трения, и одновременно с этим — «похищающий» (огонь) [*Raubende*]. Это сгущение стало возможным благодаря созвучию существительного *matha* (=мужской член, ср. лат. *mentula*) и корня глагола *math* (=брать, похищать). Также необходимо принимать во внимание двойное значение существительного «трение» [*Reiben*],

VII

СМЕЩЕНИЕ И ВТОРИЧНАЯ ОБРАБОТКА

В СНОВИДЕНИИ И МИФЕ

Сгущением объясняется наличие как в сновидении, так и в мифе большого количества различий между скрытым и явным содержанием. Второй метод, используемый нашим бессознательным для искажения сновидений, Фрейд назвал *смещением*. В мифе также имеется аналог этой части работы сновидения. По некоторым при-

¹ 2-е изд., 1907 г., S.30 f. [*Freud, S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum (1901b). // G. W. — Bd. 4.*]

чинам, обоснованность которых станет очевидна чуть позже, я рассмотрю смещение совместно с третьей частью работы сновидения, «вторичной обработкой».

Когда мы приступили к рассмотрению сходств между сновидением и мифом, мы должны были сперва доказать правомерность такого шага. Нам удалось с легкостью опровергнуть два возражения, а третье пока оставили в стороне. Именно к нему мы и должны вернуться сейчас. Состоит оно в том, что миф, согласно результатам новейших исследований, претерпевал значительные изменения, прежде чем обрел ту форму, в которой дошел до нас, в то время как сновидение кажется мимолетным, рождающимся лишь на мгновение образованием. Но так только кажется. В действительности же содержание сновидения подготавливается столь же долго. Мы провели параллель между периодами жизни человека с периодами жизни народа и пришли к выводу, что сновидение и миф уходят корнями в доисторические времена. Мы убедились, что составные части сновидения формируются еще в состоянии бодрствования. Теперь добавим: развитие сновидения не заканчивается с пробуждением сновидящего. Даже после этого происходит борьба между представлениями, образующими сновидение, и желанием и цензурой. Когда мы пытаемся вспомнить наше сновидение, особенно когда мы рассказываем о нем другому человеку, цензура вносит в него дополнительные изменения, чтобы усилить искажение сновидения. Это, по определению Фрейда, и есть «вторичная обработка»¹. Она является лишь продолжением происходящей в сновидении работы смещения. Эти процессы тождественны и служат одной и той же цели. Они смещают *содержание* и *аффект* сновидения. Те элементы, которые в мыслях сновидения имеют особое значение, играют в сновидении скорее второстепенную роль, в то время как незначительная деталь находится в центре внимания. Таким образом, в сновидении, по выражению Фрейда, происходит «переоценка всех ценностей». Нечто незначительное попадает в центр внимания вместо чего-то значительного, а сопровождающая мысли сновидения эмоциональ-

¹ Я рассматриваю здесь лишь те проявления вторичной обработки, которые имеют место при попытке воспроизведения сновидения, они имеют особое значение для сравнения с мифом. На других воздействиях вторичной обработки, оказывающих влияние на сновидение уже во время сна, я не останавливаюсь.

ная окраска сдвигается со значительного на незначительное. Оба эти явления еще раз повторяются при вторичной обработке. Именно критические моменты сновидения после пробуждения быстрее всего и в наибольшей степени подвергаются вытеснению, что затрудняет их воспроизведение. Аффект также еще раз подвергается схожему с предыдущим изменению.

Если в основе сновидения лежит комплекс с сильной эмоциональной окраской, то обычно он вскоре — в эту же или в последующую ночь — вновь проявляется в других сновидениях. Эти дальнейшие сновидения имеют тенденцию к тому же самому исполнению желания, что и предыдущие, они лишь используют новые выразительные средства, другие символы, новые побочные ассоциации. Сильный комплекс может на протяжении нескольких лет выражаться в форме повторяющихся сновидений. В связи с этим следует напомнить лишь о подробно рассмотренных выше типичных сновидениях, например, типичном инфантильном сновидении о наготы. И вновь типичные сновидения позволяют нам перейти от изучения сновидения к мифу. *Mutatis mutandis*¹ мы узнаем тот же психологический процесс в том, что одно и то же сновидение индивид видит в разном возрасте, и сновидение это постепенно изменяется, принимая в себя новые элементы, а также в том, что миф постепенно модифицируется в разные периоды жизни народа.

Однако временные промежутки, в течение которых развивается миф, в силу естественных причин бесконечно длиннее, чем в случае сновидения. К тому же при толковании сновидения какого-либо человека мы можем получить у него информацию о вызывающих сомнения моментах. Анализ мифа же значительно затрудняется тем, что мы должны посредством сравнения и комбинирования проникнуть в психологическое образование, возникшее тысячи лет назад. По прошествии столь многих лет лишь в некоторых особенно удачных случаях удастся установить, какая часть работы смещения проделана временем, в котором был создан миф, а какая была выполнена позднее, когда этот миф передавался сказителями из поколения в поколение. У новых поколений иные воззрения. Там, где миф не соответствовал их воззрениям, каждое из поколений прибегало

¹ [*Mutatis mutandis* (лат.) — с учетом соответствующих различий.]

к «вторичной обработке». Также не следует забывать, сколь велико было влияние мифов соседних народов. На основе всех этих фактов становится очевидной возможность искусственного отделения мифа от смещения и вторичной обработки. Впредь, когда я буду говорить о работе смещения в мифе, я каждый раз буду уточнять, о первичном или о вторичном смещении идет речь.

VIII

ДЕЙСТВИЕ РАБОТЫ СМЕЩЕНИЯ В МИФАХ

О ПРОМЕТЕЕ, МОИСЕЕ, САМСОНЕ

Мы уже не раз встречались с действием работы смещения в мифе, не обращая на это особого внимания. В древнегреческом мифе о Прометее отчетливо видны следы работы смещения. Как мы узнали из исследований Куна¹, этот миф уходит корнями в то время, когда силы природы почитались еще не в форме человекоподобных богов. С постепенно формировавшейся персонификацией богов возникли Агни и Mātariśvan. Первым был огонь, бог огня; впоследствии — бог, добывающий огонь, которого Агни возвращал, когда тот прятался. Первоначально оба образа воспринимались как одно целое, Mātariśvan поначалу фигурирует как прозвище Агни и лишь позднее отделяется от него как самостоятельно существо.

Таким образом, Mātariśvan, соответствующий греческому Прометею, был, собственно, тем, кто *принес* огонь. В греческой мифологии он становится *похитителем* огня. Он приносит людям с неба огонь, идя против воли богов, и несет за это наказание. Прометей вынужден, таким образом, подчиниться воле Зевса, в этом заключается важнейшее смещение мифа. В предшествующем мифе, согласно которому Mātariśvan-Прометей возвращает Агни, отсутствует эмоциональная окраска, выраженная в наказании за этот поступок. Греческая версия мифа осуществляет здесь смещение аффекта. Прометей, нарушивший волю богов, становится одним из людей, которые

¹ Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh 1886.)

также довольно часто не исполняют волю богов. Посредством такого преобразования мифа первоначальное значение имени Прометей-Праманти забылось. В древние времена его называли Создающим, Сверлящим. Это представление подверглось вытеснению, в результате чего народ полностью забыл смысл, заложенный в имени. Оно подверглось небольшой обработке, и теперь его истолковывали вторично как «Заботящийся». Ведь он принес огонь созданным им людям, тем самым честно заслужив такое имя! Превращение имени Прамантха в имя Прометей и связанное с этим изменение смысла являются показательным примером смещения.

Процесс смещения в мифе о Прометее вызывает еще больший интерес, если обратиться к ранее не рассматривавшейся части работы Куна. Наряду с мифами о *происхождении огня*, Кун изучает родственные им мифы о *происхождении напитка богов*. Я пока не могу подробнее рассмотреть общие корни этих мифов, не удалившись слишком далеко от темы. Поэтому я довольствуюсь указанием на то, что среди прочего общность происхождения молнии и дождя из грозового облака подтолкнула к тому, чтобы отыскать в мифе общее начало у огня и напитка богов. Наибольший интерес для нас представляет один результат сравнительной мифологии: *Прометей* греческого мифа (как и индогерманского) соответствует *Моисей* из библейских сказаний. Если мы сравним Моисея, принесшего заповеди, и Прометей, принесшего огонь, на основе Старого Завета и рассказа Эсхила, то может показаться, что эти персонажи имеют мало общего. Но в рассказе о Моисее, как и в рассказе о Прометее, присутствует значительное смещение. Следует отличать Моисея из древних мифов и библейского персонажа с этим именем. В библейском сказании Моисей, как и Прометей, поднимается на небо и приносит, как тот — огонь, заповеди. Сопровождаемый громом и молнией, он поднимается на небо, здесь мы вновь встречаем упоминание о грозе. Неслучайно заповеди названы «огненными». В целом мы видим, что Моисей — верный слуга одного бога; в то время как Прометей из-за похищения огня вступает в конфликт с богами, Моисей принимает заповеди из рук бога, т. е. здесь какой бы то ни было конфликт исключен. Конфликт между Моисеем и богом происходит не в Библии. Соответствующий Моисею персонаж языческой мифологии из облака с помощью молнии добывает воду. У Моисея

есть аналог молнии или сверла, фигурирующих в языческих мифах, — посох, символ, встречающийся в многочисленных сказаниях. Этим посохом он высекает воду из скалы в пустыне — нарушая приказ господ (4 кн. Моисея, гл. 20¹). За свое непослушание Моисей наказан: он не может достичь земли обетованной. Таким образом, Моисей не похищает воду, он ударяет посохом по скале, высекая из нее воду. Бог велел ему *заговорить со скалой*, нетерпение побудило его ударить по ней. Смещение здесь весьма значительно: недостаточно того, что Моисей становится простым человеком, слугой Господа — он даже не совершает похищения, как Прометей, а лишь преждевременно добывает обещанную ему воду. Тем самым вина Моисея смещается на относительно безобидный грех. Вместе с тем власть Бога возвеличивается посредством того, что он не оставляет безнаказанным даже не очень серьезные прегрешения.

Здесь нам открывается интересный взгляд на *возникновение определенных болезненных идей*. Точно такой же процесс смещения, названный Фрейдом «транспозиция», мы находим в происхождении *навязчивых представлений*. Согласно исследованиям Фрейда², *навязчивые представления* берут начало в обращенных к самому себе упреках пациента, связанных с запретной сексуальной деятельностью. Пациент старается исключительной правильностью в других областях компенсировать то, против чего, по его мнению, он согрешил в сексуальном отношении, как будто в этой индифферентной области он мог провиниться в чем-либо³.

Я уже кратко упоминал об аналогичном процессе, происходящем при душевных расстройствах (при Dementia praecox, меланхолии)⁴. Бред греховности таких больных также часто основывается на упреках самим себе, связанных с сексуальной деятельностью. Такие

¹ [Числ. 20:1—29.]

² Freud, S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (1909d). // G. W. — Bd. 7. — S. 379—463.

³ Я не могу здесь подробнее остановиться на учении Фрейда и ссылаюсь на «Сборник работ по учению о неврозах» (1893—1906 гг., Аейпциг—Вена, 1906.).

⁴ Abraham, K. Das Erleiden sexueller Traumen als Form infantiler Sexualbetätigung. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII. — November. — S. 855-866 [см. наст, том, С. 13—30.].

пациенты иногда смещают чувство вины, вызванное теми или иными сексуальными реминисценциями, на какую-либо незначительную ошибку другого рода. Их никак нельзя заставить отказаться от этого представления. Если рассмотреть такие состояния с точки зрения теорий Фрейда, то становится понятной причина такого поведения этих больных. Они хотят избавиться от чувства вины.

Смещения, имеющиеся в рассказе о Моисее, в большом количестве встречаются в Ветхом Завете. Именно там мы находим многие мифы, бывшие первоначально языческими, они по мере того, как народ переходил к монотеизму, начинали служить новой религии и для этой цели претерпевали значительные смещения. Все исторические книги Ветхого Завета указывают на то, что переход к монотеизму проходил крайне медленно и встречал немалое сопротивление. Богам или подобным им существам древних мифов пришлось покинуть свой пьедестал и довольствоваться ролью человека, подчиняясь воле единственного бога. В некоторых случаях это смещение заходит так далеко, что бывший бог в образе человека становится особенно преданным последователем, избранником единственного бога. Образы прародков и Моисея являются результатом этого процесса смещения. Но для изучения последнего больше подходит миф о Самсоне. В нашем распоряжении есть обработка этого материала, мастерски выполненная Г. Штейнталем¹. Я упомяну лишь основные ее идеи, поскольку она приводит к тем же результатам, что и анализ мифа о Прометее.

Самсон, как явствует из его имени, является богом солнца в древних семитских языческих сказаниях и соответствует Гераклу в индогерманских мифах. Геракл также является богом солнца или полубогом; миф о Геракле и миф о Самсоне имеют несколько важных общих черт. Самсон — длинноволосый бог солнца, как и Аполлон. Это согревающий, созидающий бог, благодатное дневное светило, летом он достигает расцвета сил. Значит, зима и ночь являются его естественными противниками, их олицетворяет богиня луны. Когда вечером солнце опускается за горизонт, то, как гласят поверья многих народов мира, это означает, что бог солнца спасается бегством от преследующей его богини луны. Летом

¹ *Steinthal, H. Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1862. — Bd. 2.*

он силен как никогда, но наслаждается своим могуществом недолго, так как после солнцестояния вновь теряет его. Его побеждает богиня ночи и зимы, подобно тому, как сильный мужчина уступает женщине. Самсон, созидающий бог солнца, в Книге Судей оказывается слабее женщины¹. Весьма вероятно, что Далила является олицетворением богини ночи и зимы. Самсон теряет свою силу, когда лишается волос, т. е. когда бог солнца теряет свои лучи. Но как солнце на исходе зимы вновь обретает свою силу, так и у Самсона вновь отрастают волосы, и он обретает прежнюю мощь, но опять же на короткое время. Потому что он ищет смерти и находит ее во время празднества, устроенного его врагами, филистимлянами, в честь их бога Дагона. Но ДAGON — это не приносящий пользы бог морей и пустынь, противопоставленный в мифе богу солнца и являющийся поэтому противоборствующей силой.

Самсон, герой и бог солнца, убивает себя сам. Этот сюжет мы находим и в других родственных мифах. В библейском сказании самоубийство Самсона происходит на празднестве в честь Дагона и еще раз, правда, в завуалированной форме. Бог солнца объединяет в себе две противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны, это согревающий, дарующий жизнь бог, с другой стороны — опаляющий, вызывающий бедствия, изнуряющий. В качестве последнего его символизирует лев; находясь летом в созвездии Льва, солнце как никогда активно. Подобно тому, как Агни и Mātariśvan были первоначально одним целым, а позднее стали противоборствующими силами, изнуряющий летний зной — символизируемый львом, — отделяется от благодатного бога солнца. Первым подвигом Самсона, как и Геракла, была победа над львом. Добрый бог солнца убивает жестокого бога в облике льва, а вместе с тем и самого себя.

Все искажающая работа смещения превратила бога солнца в героя Самсона, получившего благословение Господа. Лишь немногие, сами по себе непонятные черты, присущие его предыдущей сущности, еще остаются у него: сила, заключенная в его волосах, слабость к женщине, смерть посредством самоубийства. Из-за длинных волос Самсон в более позднем сказании становится «назиром», женихом Господа, освободившим свой народ из рабства. Здесь, вероятно, напрашивается сравнение Самсона и Геракла с финикийским богом Мелькартом, покровителем

¹ [Суд. 16.1-31.]

своего народа. Как языческий бог солнца становится героем, получившим благословение Господа, не вполне понятно, но о том, что такое превращение состоялось, свидетельствуют многие источники. Израиль на протяжении столетий боролся с филистимлянами и потерял в этой борьбе свободу. Древний бог солнца, прежде как бог плодородия и враг изнуряющего зноя, олицетворявший исполнение желания народа, теперь в образе национального героя должен был выполнить другое желание. Подобно Моисею, он уже не бог, а слуга единственного бога и избран им, чтобы помочь своему народу. Он предстает не как предводитель войска, а всегда один, подобно солнцу, в одиночестве путешествующему по небу. Он в одиночку бьется против филистимлян, будучи вооруженным лишь челюстью осла; ослепший, он противостоит тысячам филистимлян и принимает смерть вместе с ними.

IX

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В МИФЕ

Теперь, когда мы доказали наличие характерной для сновидения работы сгущения в мифе, нам осталось исследовать еще одну, последнюю сторону работы сновидения, а также ее аналог в мифе. Не все представления могут быть с легкостью изображены в сновидении — это утверждение справедливо и для мифа. Но здесь имеется одно различие: сновидение инсценирует, а миф выстроен по законам эпоса. Тем не менее, оба должны принимать во внимание технические возможности своего материала. К примеру, сновидение должно находить изобразительные средства для выражения абстрактных понятий. Для этой цели используется преимущественно буквальное понимание образных выражений. Фрейд приводил в пример сновидение женщины, в котором она хотела сказать, что ее любимый музыкант «возвышается» над всеми остальными в плане мастерства. Во сне она видит его в концертном зале, он стоит на башне и так дирижирует оркестром. Логические связи нашего языка также не могут найти выражение в сновидении. Выше мы уже ознакомились с тем, как сновидение очень важное соотношение

«словно» представляет посредством отождествления, и что в мифе происходит то же самое. Другое соотношение — «или—или» — выражается в сновидении разными способами. Одним из них является, к примеру, последовательное расположение различных возможностей, т. е. каждая наглядно представляется, а затем, как будто для выбора, ставится в ряд с другими. Недавно я обратил внимание на другой способ выражения этого соотношения. Сновидящий выражает различные возможности, представленные в виде «или—или», в разных сновидениях. Эмпирически нам известно, что сновидения одной ночи служат всегда исполнению одного желания; мой собственный опыт подсказывает мне, что ряд сновидений одной ночи нередко противопоставляет друг другу различные возможности исполнения желания и тем самым соответствует «или—или». Благодаря одному случаю это объяснение показалось мне очевидным. Одна дама, которая вот-вот должна была выйти замуж, но опасавшаяся, что этот шаг вызовет неприятие со стороны некоторых людей, рассказала мне о пяти сновидениях, увиденных ею за одну ночь. Поскольку я располагал точной информацией об условиях ее жизни, то для меня было очевидно, что все эти сновидения представляли различные варианты развития событий в будущем. Сновидящая себя и своего возлюбленного в каждом из сновидений представляла в образе других людей, входящих в круг ее знакомств, они находились в ситуации, соответствующей обстановке каждого сновидения. Особый интерес при этом представляло обширное использование инфантильного материала. Точно так же поступает и народ со своими мифами. Он тоже выражает одно и то же желание в разных мифах. В этом кроется *одна из причин сходства в содержании многих мифов*. Если определенное желание особенно сильно, оно находит выражение в нескольких мифах. Каждое новое представление желания занимает по отношению к нему определенную позицию, раскрывает новую его сторону. Здесь можно указать хотя бы лишь на два идущих друг за другом библейских сказания о сотворении мира.

Тесная связь, существующая между элементами сновидения, часто выражается в том, что оба эти элемента (или их символы) в явном содержании сновидения располагаются в непосредственной близости друг от друга. То же самое мы обнаруживаем и в мифе. В мифе о Прометее мы всегда находим сверло поблизости от диска

или колеса; в Книге Бытия змей и яблоко также соседствуют друг с другом. Миф о Прометее демонстрирует нам, как один человек может скрываться за несколькими символами: Прометей — бурав и молния. Очень интересный пример такого рода повстречался нам в мифе о Самсоне. Самоубийство бога солнца Самсона представлено посредством того, что герой Самсон убивает льва, символизирующего солнце.

Но самые высокие требования к технике изображения предъявляет обход цензуры. В общих чертах мы уже затрагивали символическую маскировку. В мифе о происхождении огня описанию с помощью символов особенно подвергаются мужской детородный орган и функция оплодотворения. Это напоминает символику сновидений. Бурав, посох или подобный инструмент в качестве заместителя мужского полового органа является часто встречающимся в сновидениях символом. Сновидения женщин, в которых их закалывает мужчина, являются очевидным исполнением желания. В других сновидениях в качестве такого символа выступает меч, дерево или другое растение, схожее с ним по форме.

В мифе также часто встречается женский коррелят. Таковым является солнечный диск или солнечное колесо или облако, в отверстии которого движется Прамантха или молния, или раскат грома; также очевидно, что это и пещера, в которой прячется Агни.

В мифе о Прометее огонь предстал перед нами в трех ипостасях: в качестве небесного огня, в качестве огня земного и как огонь жизни. В сновидении огонь символизирует сексуальный пыл, любовь. Поскольку Прометей — это созидатель бог, то можно рассматривать любовный пыл в качестве четвертого компонента.

Х

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ В МИФЕ О ПРОМЕТЕЕ

После того, как мы убедились, что цензура сновидения и работа сновидения имеют абсолютные аналоги в мифе, вернемся к вопросу об исполнении желания в мифе о Прометее. Следует выяснить, что

скрывается за символической маскировкой. Мы обнаружим, что и на этом отрезке нашего пути мы не можем обойтись без опыта Фрейда по толкованию сновидений.

Шаг в этом направлении сделали сами греки. Содержание мифа было непонятно им самим, но имя героя можно было подвергнуть небольшой обработке, так что оно приобретало какой-то смысл. Так Прамантха стал «Заботящимся». Такой полубожественный персонаж был, если можно так выразиться, очень удобен в употреблении. Его существование играло на руку актуальному во все времена желанию человечества: находиться под опекой заботливого существа. В толковании имени Прометея как «Заботящегося», без сомнения, выражено желание. Но мы знаем, что этот смысл был сообщен мифу «вторично», и что символика мифа о Прометее совершенно не соответствует этому истолкованию. Это напоминает нам аналогичные отношения в психологии сновидения. Нередко на поверхности сновидения сразу же узнается желание. В этом случае сновидящий готов признать, что это желание совершенно безобидно! Но тогда возникает вопрос, с какой целью была осуществлена работа сновидения, если желание, для маскировки которого служит работа сновидения, осталось столь очевидным? Если более тщательно проанализировать сновидение, то можно заметить, что за явным желанием скрывается желание вытесненное, в чем-либо схожее с первым. Явное желание образует, если можно так выразиться, самый верхний слой сновидения, под ним располагается вытесненное желание. Но на этом процесс толкования еще не закончен. В некоторых случаях удается с уверенностью установить наличие третьего слоя. Этот самый глубокий слой сновидения (как и в психозе) всегда образован реминисценциями инфантильных желаний.

Можно доказать существование такого же расслоения и в мифе о Прометее. Из исследований Куна¹ мы знаем, что самый древний слой мифологии представлен сравнением человека с огнем, сравнением возникновения человека с возникновением огня. Второй слой соответствует более позднему представлению, которому уже были известны человекоподобные боги. В этом слое мифологии бог огня является одновременно и богочеловеком, который порождает

¹ Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh, 1886.)

человека. В третьем слое, сформировавшемся самым последним, Прамантха уже не тот, кто породил людей, а тот, кто создал их и заботится о них.

Мы уже рассмотрели содержащуюся в последнем слое фантазию о желании, не подвергнувшемся маскировке. По аналогии со сновидением мы можем ожидать, что два более ранних слоя также содержат в себе каждый по какому-либо желанию. Но с желанием, скрытым во втором слое, мы уже знакомы. Человек приписывает себе происхождение от некоего божественного существа и сам, таким образом, считает себя божественным. Он *идентифицирует* себя с Прамантхой. Нам удалось доказать, что это есть проявление тенденций, схожей с той, что наличествует в детских фантазиях индивида, и причиной которой является комплекс величия. Желание, скрытое во втором слое мифа о Прометее, можно уточнить так: мы хотим быть порожденными божественным существом и считаться божественными, каждый из нас — Прамантха. Я считаю, что эта фантазия содержит в себе очевидный сексуальный компонент. Но если во втором слое он играет, скорее, второстепенную роль, то в самом глубоком слое мы обнаруживаем содержание чисто сексуального характера, явственное исполнение желания в сексуальной сфере. Второй слой отличается от самого древнего далеко зашедшим вытеснением сексуального компонента.

На символике самого глубокого слоя лежит четкий отпечаток сексуальности, она служит для выражения *сексуального комплекса величия*. Человек олицетворяет свою способность производить потомство в способности сверла разжигать огонь в деревянном диске, с действием сверла на небе, молнии. *Самая древняя форма мифа о Прометее — это апофеоз человеческой способности производить потомство.*

Мы уже пытались привести доказательства того, что сексуальность образует ядро сущности человека. Весьма распространенным заблуждением является признание детского возраста абсолютно индифферентным в сексуальном отношении. Разумеется, я не учитываю здесь случаи патологически раннего полового созревания. Во многом благодаря исследованиям Фрейда¹, мы пришли

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.

к пониманию того, что сексуальная деятельность осуществляется уже в раннем детстве, хотя и не осознается ребенком как таковая и существенно отличается от половой жизни взрослого здорового индивида. Довольно рано у ребенка возникает *сексуальное удовольствие от подглядывания за половым актом*, связанная с интересом к различию между полами, зачатию и т. д. Каждый ребенок — кто-то позже, кто-то раньше — задает вопрос: как я появился на свет? Все, что он узнает в этой области, дает пищу его фантазии. Интерес ко всему, что касается половой жизни, как ничто другое вызывает у подрастающего ребенка напряжение. Неожиданно полученное объяснение нередко приводит к сильным душевным переживаниям. Физиологические признаки полового созревания, которые ребенок обнаруживает у себя, также часто вызывают страх или отвращение.

Мы уже неоднократно убеждались в том, что патологические образования фантазии происходят из инфантильных фантазий. Мы также обнаружили поразительное сходство между этими патологическими продуктами и мифами. Фантазии, произошедшие из сексуального удовольствия от подглядывания за половым актом и любопытства, врач встречает довольно часто, если с помощью психоанализа изучает душевную жизнь лиц, страдающих неврозом, или душевнобольных. В связи с этим я ссылаюсь на проделанный Фрейдом¹ анализ одного случая параноидального душевного расстройства. Совершенно особое значение имеет интерес к половой жизни, когда речь заходит о психических навязчивых явлениях, особенно это касается так называемого болезненного мудрствования. Больные с такой своеобразной аффектацией против своей воли размышляют о таких трансцендентальных проблемах, как происхождение бога и мира, или ломают голову над вопросом, почему то или иное в мире устроено так и не иначе. Я хотел бы вкратце описать случай из моей практики, демонстрирующий, какое значение имеет инфантильная страсть к подглядыванию за половым актом, присущая склонным к неврозам людям, для объяснения этих состояний.

¹ Ср. «Статьи о теории неврозов», S. 124 [Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]). // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316.].

Пациент различал у себя два вида навязчивых явлений, во-первых, навязчивость в чтении молитв, во-вторых, навязчивое желание тщательно рассматривать каждый предмет и размышлять о том, как он возник, как он был изготовлен, с чем он взаимосвязан и т. д. Он полагал, что подвержен этому с детства, хотя эти навязчивые явления не проявлялись в течение короткого или более долгого периода, но затем всегда возвращались. Анализ показал, что будучи маленьким мальчиком, этот пациент несколько раз пытался оголять людей, с которыми делил спальню или кровать. Его интерес полностью концентрировался на гениталиях и ягодицах, на возникновении ребенка и на предшествующих этому процессах. Из-за этих насильственных попыток, с помощью которых он удовлетворял свое, вне всякого сомнения, болезненное любопытство, он осыпал себя упреками и начал молиться, прося Бога сделать его хорошим человеком. Чтение молитв вскоре приобрело навязчивый характер, он сделал для себя записки с целыми литаниями и читал их, когда только мог. Он очень боялся пропустить хотя бы слово. Одновременно с этим развилась и навязчивость к рассматриванию предметов. Выяснилось, что пациент изучением всевозможных *индифферентных* объектов заменил рассматривание определенных частей тела, которое казалось ему греховным. При этом его особенно интересовала скрытая сторона предметов и процесс их возникновения. Размышляя о возникновении индифферентных объектов, он избавлялся от мыслей о возникновении человека.

Аффект страха, как это всегда происходит в подобных случаях, «транспонировался»¹ на индифферентные представления. То, к чему каждый ребенок испытывает здоровый интерес, а этот мальчик — интерес патологический, обозначается в мифологии как *антропогенез*.

Зачатие, возникновение нового живого существа столь загадочно, что издревле вызывает у человека особый интерес и дает мощный толчок к созданию мифа. В те времена, когда научное мировоззрение еще не было развито, зачатие, должно быть, считалось чудом. Мы можем подтвердить это предположение еще одним весомым доводом. В любой мифологии, вере в чудеса и т. д. большую роль играет *волшебная палочка*. Не вызывает никакого сомнения то, что волшебная палочка является лишь символическим заместителем мужских гениталий (о причинах такой уверенности в этом я не могу рассказать здесь

¹ Ср. «Сборник статей о теории неврозов», в особенности S. 118 f [Freud, S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b). // G. W. — Bd. 7. — S. 241—377.]

подробнее). Точно такой же символ — вращающаяся в деревянном диске палка — находится в центре внимания древнейшей формы мифа о Прометее. Я еще не упоминал об одной очень удивительной особенности мифа о Прометее: это типично *мужской миф*. Мужчина, дающий начало потомству, символически представлен как персонифицированный образ (Праманта). Женщина выражена лишь через символ — деревянный диск, и упоминается в мифе лишь между прочим. Ранее мы пришли к выводу, что миф о Прометее в своем древнейшем слое представляет собой апофеоз способности производить потомство. Здесь это представление полностью подтверждается. Миф о Прометее в своей древнейшей форме имеет тенденцию к провозглашению мужской способности производить потомство как основной жизненный принцип. Это сексуальная мания величия всех мужчин, от древности до наших дней.

XI

АНАЛИЗ МИФА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАПИТКА БОГОВ

С мифом о происхождении огня, с полным основанием названным нами мифом о зачатии, тесно связан миф о происхождении напитка богов. Мы уже несколько раз указывали на это, но еще не приступали к анализу этого мифа. Опыт подсказывает, что два мифа, тесно связанные между собой, имеют и общие тенденции. Путь к анализу мифов о напитке богов нам вновь укажет основополагающая работа Куна¹. Но в определенный момент мы должны будем пойти своим путем.

Напиток богов в древних индийских источниках называется амрта, в более поздних — *сома*, в Зенд-Авесте — хаома. Из греческой мифологии всем известны названия «нектар» и «амброзия». Напитку богов приписываются различные удивительные, таинственные свойства: он оживляет мертвых, приносит вдохновение, дарует

¹ Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks.— Berlin, 1859. (2. Ausg. Gütersloh, 1886.)

бессмертие. Последнее свойство четко выражено в слове «амрта» и в родственном ему слове «амброзия», также в слове «нектар» заключается то же значение.

Насколько нам известно, все народы мира изготавливают опьяняющие напитки, употребление которых вызывает всем известные обманчивые ощущения. Человек чувствует воодушевление, подъем сил, вместе с тем напиток вызывает ощущение необычайного тепла и сексуальное возбуждение. Культы Диониса всегда имели еще и эротический характер. Таким образом, напиток вызывает в человеке огонь в двух смыслах: тепло и сексуальное возбуждение. Пьянящий напиток получали из сока определенных видов растений. В мифах они носят название растений сома. Среди них нас интересует, прежде всего, ясень (а также рябина), то самое дерево, древесина которого используется для разжигания огня. Из его ветвей выжимают сок, называемый сома.

Помимо земной сомы, в мифе существует и небесная сома, и обе отождествляются друг с другом так же, как это происходит в случае с земным и небесным огнем. На земле сому и огонь добывают из ясеня. Как, согласно мифу о Прометее, *небесный огонь* зажигается на мировом ясене (небесном дереве), так и *небесная сома* происходит от мирового ясеня. Она появляется в результате сверления в древесине мирового ясеня (т. е. в облаке). Земная сома — это спустившаяся с мирового ясеня небесная сома. Птица, гнездящаяся в ветвях мирового ясеня, принесла ее на землю. Аналогия с мифом об огне здесь совершенно очевидна. Как небесный огонь сочетает в себе палящее солнце и молнию, так и небесная сома сочетает в себе несколько значений, она является одновременно росой и дождем, а позднее становится и напитком богов. Дерево, растущее на облаках, в некоторых мифах представлено таким же образом. Его корни уходят в моря, у подножия быют ключи, падающие на землю дождями. С ветвей капает роса¹.

¹ Другое представление, встречающееся в индогерманских мифах, рисует мчащегося среди облаков коня, с гривы которого на землю осыпается роса. Этот небесный конь, носитель чудодейственной сомы, в греческой мифологии стал крылатым конем Пегасом. Мчащиеся по небу облака предстали в образе несущих возмездие Эринний. Здесь же берут начало мифы об ораве дикого охотника и т. д. в германской мифологии. Представление о том, что одно облако преследует

Ранее мы убедились, что в древнейшем слое мифа о Прометее разжигание земного и небесного огня служит лишь символическим замещением процесса зачатия. У нас есть все основания предполагать, что земная и небесная сомы также символически замещают нечто третье, хорошо знакомое нам всем. Хотя объяснение вполне очевидно, Кун не рассмотрел его. Поэтому здесь нам придется выйти за пределы анализа, сделанного Куном, чтобы составить представление о третьем значении сомы, важнейшем по причине своей первоначальности.

Небесная сома возникает вследствие трения в облаке — т. е. посредством символического акта зачатия. Поэтому мне представляется очевидным вывод, что сома является символическим замещением мужского семени. Сперма оказывает оживляющее воздействие, дарует бессмертие, так как служит для продолжения рода. Ее воздействие плодотворно, как и воздействие небесной сомы, падающей на землю росой и дождем. Теперь нам становится понятным, почему мифы о происхождении огня и мифы о происхождении напитка богов столь тесно связаны между собой. Нельзя отделить друг от друга часть тела, служащую для продолжения рода, и сперму. На этот древний слой мифа, четкое сексуальное значение которого вполне очевидно, наслаивается, как и в мифе об огне, второй пласт. Он отличается от первого *персонификацией природных явлений*, т. е. появлением человекоподобных богов, а позднее — и интенсивным сексуальным вытеснением. Здесь мы встречаем некое полубожество, которое носит имя Сомы. Сомы является гением силы и оплодотворения; это полностью подтверждает наше предположение об истинной природе Сомы. В некоторых мифах на месте Сомы появляется уже знакомый нам Агни.

Большой интерес представляет рассмотрение здесь греческого мифа, в котором сохранилось упоминание о возникновении напитка богов в результате трения, в особенности, если он поможет нам понять специфические черты сформировавшегося самым последним слоем в мифе о Соме. Зевс желает попасть к Персефоне, укрывшейся

другое и пытается схватить его, мы встречаем и на одной из современных картин — «Сенокос» Сегантини. Примечательно, что фантазия этого художника, чьи работы являются воплощением идеи единства природы, работает в том же направлении, что и фантазия народа в доисторические времена.

на заоблачной горе. Он превращается в змею и пробуравливает гору. Эта сексуальная символика не представляет трудности для понимания. Связь Зевса с Персефоной приводит к рождению Диониса, бога вина, являющегося персонификацией напитка богов. Дионис был вскормлен Гиадами, эти богини дождя также олицетворяют небесную сому; созвездие Гиад царит на небе в сезон дождей.

Зевсу, персонажу греческих мифов, соответствует Индра в мифологии индийской. Он также является богом ясного, безоблачного неба. Он также играет важную роль в мифе о Соме. Он становится похитителем Сомы. Как в третьем слое мифа о Прометее *Mātariśvan* возвращает Агни, так Индра приносит Сому из пещеры, в которой его охраняют Гандхарвы¹. Это похищение Индра осуществляет, превратившись в сокола. В некоторых мифах похищение Сомы приписывается Агни, также принимающему облик птицы. Агни уже встречался нам в образе птицы, похищающей огонь. Теперь же мы узнали его как похитителя Сомы — налицо наличие параллели. Сокол сражается с Гандхарвами за право владеть Сомой. В этой битве он теряет перо, оно падает на землю и превращается в растение сома. Совершенно такую же историю мы уже встречали при анализе мифа о Прометее. Как и последний, миф о соме в своем третьем слое искажен настолько, что совершенно лишается явного содержания — сексуального.

Нам следует подробнее рассмотреть значение растения сома, так как мы обнаружим новые доказательства идентичности сомы и мужского семени. Ветвь дерева сома, символический заместитель мужского члена, обладает чудесными свойствами. Она не только служит источником напитка сома, она фигурирует в различных обычаях и церемониях. Из рябины вытачивается так называемый волшебный прут, который, помимо прочего, используется для обнаружения подземных вод. В соответствии с древним обычаем, пастухи весной секут скот веткой рябины, чтобы повысить плодovitость и надой молока. Ветвь дерева сома узнается и в волшебной палочке, и в жезле Гермеса, и в тирсе, которым Дионис высекает из скалы вино. Мы уже упоминали библейскую притчу, в которой Моисей высекает

¹ Кун в отдельной работе указал на то, что Гандхарвы, племя демонов, явились прообразом кентавров в греческой мифологии.

из скалы воду своим чудесным посохом; символическое значение этого посоха становится еще более понятным, если вспомнить о том, что он превращается в змею от взгляда фараона¹.

Среди всего многообразия функций ясеня в мифах и обычаях одна должна вызвать у нас особый интерес. Из древесины ясеня изготавливался брусоч, использовавшийся при приготовлении масла. Это дерево служило защитой от всяких проделок нечистой силы, с которой, как гласило поверье, масло имеет особую связь. Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, не подлежит сомнению факт, что процесс получения масла, как и процесс получения огня, сравнивался с актом зачатия и символически заступал на его место, и что продукт, масло, сравнивался со спермой и сомой. Одна из легенд Махабхараты рассказывает о возникновении сомы как о процессе, абсолютно аналогичном процессу получения масла; я вкратце изложу эту легенду, ориентируясь на работу Куна². Жаждающие амрты боги и асуры (злые демоны) берут гору Мандара и взбалтывают ею море, как будто брусоч для масла. Индра обматывает вокруг горы змею Васуки, как веревку, и боги с асурами начинают тянуть. Из пасти змеи вырывается дым и пламя. Из них образуются плотные облака, и молнии и дождь обрушиваются на богов. Тут воспламеняются деревья, стоящие на вершине ходящей ходуном горы, и огонь окутывает всю гору, как и темные тучи со сверкающими молниями. Огонь тушит Индра дождевой водой, и все соки могучих деревьев и растений стекают в море, и из вод его, смешавшихся с удивительными соками и ставших маслом, поднимается Сом, который в этом мифе олицетворяется луну, а вслед за ним — разные другие мифические существа, а в конце появляется Дханвантари, держа в руках белый кувшин, в котором содержится амрта. Боги и асуры ведут за нее борьбу, и первые побеждают.

В древнем индийском эпосе содержится и несколько других версий о том, как была получена амрта. Ни один из мифов

¹ Процесс эрекции, очевидно, давал богатую пищу воображению, превращение посоха (фаллоса) в змею означает возвращение фаллоса в первоначальное состояние.

² Происхождение огня, 1886, S. 219 [Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg. Güttersloh, 1886.)]

не противоречит моему предположению о значении сомы. Каждый из трех слоев, существование которых в мифе нам удалось доказать, содержит в себе исполнение желания, и каждое из них в определенном слое соответствует исполнению желаний в мифе о Прометее. Как там зачатие и служащий для этого орган, так здесь первоначально сперма достигает своего апофеоза. В процессе вытеснения сексуального содержания мифа сперма постепенно превращается в напиток богов. Теперь это дар добрых богов людям. Миф о соме, таким образом, претерпевает те же изменения, что и миф о Прометее, и, как и последний, становится выражением актуального, а не сексуального исполнения желания.

ХII

ТЕОРИЯ ЖЕЛАНИЯ В МИФЕ

Я предпринял попытку на основе рассмотрения с позиций психологии сформулировать теорию возникновения мифа и подкрепить ее тщательным анализом, проведенным с помощью примеров. Теперь настало время рассмотреть, как соотносятся приведенные здесь точки зрения с другими теориями мифа.

Самая первая и, как я полагаю, самая популярная еще и сегодня теория говорит о том, что миф является образным выражением философско-религиозных идей. Согласно распространенному мнению, идеи такого рода образуют фундамент жизни души человека. Я не могу согласиться с этой точкой зрения. Сколь нелепо предположение, что ребенок рождается со знанием этики альтруизма, столь же нелепо предположение, что люди доисторического периода вынашивали философские или религиозные идеи и впоследствии символически выражали их в мифах. Был необходим необычайно долгий процесс вытеснения для того, чтобы такая этика стала достоянием народа, и этот процесс вытеснения в миниатюре повторяется в каждом индивиде и по сей день. С помощью сделанного нами анализа мифа о Прометее мы доказали, что одна единственная составляющая, кажущаяся религиозно-этической идеей, — т. е. понимание

Прометея как существа, проявляющего заботу, — второстепенна, несущественна, в то время как идеи и желания совсем другого рода оказались, собственно, базой мифа. Рассматривая миф о Прометее, я, как и занимавшийся толкованием мифа об Эдипе Фрейд¹, доказал, что этот миф берет свое начало не в этических, религиозных или философских воззрениях, а в сексуальной фантазии человека. Религиозно-этические составляющие мифа я считаю более поздними наслоениями, продуктами вытеснения. Другие мифы, которые я, к сожалению, не мог рассмотреть подробнее, на мой взгляд, полностью подтверждают эту точку зрения.

Зародившаяся пятьдесят лет назад благодаря Куну сравнительная мифология противоречила существовавшему тогда взгляду на возникновение мифов. Наглядным выражением возникших разногласий явилось высказывание Дельбрюка². Он заявил, что всякий миф сводится к созерцанию природы. По его словам, миф является наивной попыткой объяснить природные явления. Теперь же признали, что мифу присуще развитие, и начали сравнивать отдельные мифы со сходными по содержанию мифами других народов.

Современная теория сводит мифы семитских и индогерманских народов к *одному* источнику: наблюдениям за небесными телами. Недавние исследования показали, что в Вавилоне зародилась астрономия, и очень многие мифы дают основание полагать, что они были взяты из вавилонских источников. Это так называемая *астральная теория*. Для более подробного ознакомления с ней следует порекомендовать работу Винклера³.

Если за источник всех мифов принять созерцание природы, и особенно если видеть в этом результат наблюдения за небесными телами, то в одном отношении такая теория все же остается неубедительной. Она не дает ответа на вопрос, каковы были *мотивы* создания мифов. Она упускает из виду эгоцентричность всех продуктов

¹ Freud, S. Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3.

² Delbrück, B. Die Entstehung des Mythos bei den indogermanischen Völkern. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1865. — Bd. 3.

³ Winkler, H. Himmels- und Weltenbild der Babylonier als Grundlage der Weltanschauung und Mythologie aller Völker. // Der alte Orient. — Leipzig, 1902.

фантазии человека. Наблюдения за небесными телами, конечно, могли оказывать значительное влияние на *форму* мифов, но значение этих наблюдений могло быть только *вторичным*. В сновидении также присутствуют образы, почерпнутые сновидящим из наблюдений за окружающим миром, они являются материалом сновидения; если не провести тщательный анализ сновидения, то может даже возникнуть впечатление, что эти образы являются существенной частью содержания сновидения. Сновидящий использовал этот материал, потому что нашел в нем аналогии со своим «Я», этот материал служит ему для символического сокрытия своих желаний. Для этой же цели народ использует наблюдения за небесными телами. *Он проецирует свои фантазии на небо. Центральное место в мифах занимает сам народ, он переживает в них исполнение своих желаний.*

Теорию желания в мифе можно легко развить в теорию желания в религии. Первоначальное отождествление человека со своим богом в мифологии и религии становится неузнаваемым. Длительный процесс вытеснения привел народы, проповедующие монотеизм, к тому, что они подчиняются своему создателю. Если постепенно происходившие изменения привели к тому, что единый бог стал восприниматься как отец людей, — уже не как дающий жизнь, а как заботящийся *отец*, — то это опять же есть лишь проявление фантазии о желании, берущей начало в инфантильном. Это та же самая фантазия о желании, в угоду которой греки начали толковать своего Прометея как «Заботящегося». Человек желает, чтобы существовало некое заботящееся о нем провидение, он проецирует это желание на небо: должно быть, там живет отец, проявляющий заботу о всех людях. В культе Мадонны столь же отчетливо видна фантазия о желании, уходящая корнями в инфантильное. Поддержку заботливой матери, помогающей ребенку, какая бы беда ни случилась, хочет ощущать и взрослый человек, попадая в сложные жизненные ситуации. Это побуждает его переносить свои детские фантазии на небесную царицу. Ничем иным как исполнением фантазийных желаний являются верования в жизнь после смерти, представляет ли это фантазия как потусторонний мир в понимании христианства или как место, где властвуют чувственные удовольствия, как это понимает ислам.

Теория желания помогла мне дать объяснение тому, как возникает миф, и как он изменяется за период своего существования. Оста-

лось лишь сказать несколько слов об *исчезновении мифов*. Исчезновение мифов является хорошо известным фактом, и мы можем расценивать это как очередное сходство сновидения и мифа. Каждое сновидение подвергается регрессивному вытеснению, протекающему иногда быстрее, иногда медленнее. Абсолютное забывание не происходит никогда, мысли сновидения со всем сопутствующим материалом вновь переходят в область вытесненного. Так же и в жизни народа наступает время, когда он забывает свои мифы. Потому что в истории каждого народа наступает момент, когда он освобождается от оков традиций в силу того, что на место древних продуктов фантазии приходит трезвый образ мышления. Это изменение было обусловлено, с одной стороны, получением новых знаний о законах природы, с другой стороны — ситуацией, удовлетворяющей комплекс величия народа. В этом инволюционном процессе участвуют и другие продукты фантазии народа, и не в последнюю очередь — символика языка. Сексуальная символика языка практически не обновляется, а существующие символы исчезают. Наиболее «развитым» в этом плане является английский язык, хотя правильнее было бы сказать «наиболее отсталым». В этом языке различия между полами сведены к минимуму. Языковая и мифическая символика, очевидно, уже не являются адекватной формой выражения современного духа народа, в особенности британского. Практические успехи делают ненужными фантазии о желании. Иначе поступает народ, далекий от реализации национального комплекса величия. Типичным примером являются евреи. На протяжении долгих лет они хранят детские фантазии о желании. Вспомнить хотя бы мечты об избранном народе и Земле обетованной.

Современное естествознание под *«основным законом биогенетики»* подразумевает тот факт, что развитие индивида представляет собой повторение развития вида в миниатюре. За долгий период филогенеза каждый вид постепенно претерпевает самые разные изменения внешнего облика. Все эти стадии проходит и индивид. В сфере духовного развития отдельного человека протекает процесс, также повторяющий филогенетическое развитие. Мы ознакомились с различными явлениями, свойственными духовной жизни как некой общности, так и отдельного человека. Но самое важное для нас сходство состоит в следующем: народ в доисторические

времена преобразует свои желания в продукты фантазии, которые в исторический период становятся мифами. Так же и индивид в свой «доисторический» период создает из желаний фантазии, которые в «историческое время» продолжают существовать в его сновидениях. *Таким образом, миф представляет собой сохранившийся фрагмент инфантильной жизни души народа, а сновидение есть миф индивида.*

XIII

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ СИЛЫ В ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ

Исследования при помощи анализа, принципы которого изложены в трудах Фрейда, могут применяться к феноменам нормальной и патологической жизни души, к психологии личности и психологии народов. При работе в каждой из этих областей необходимо учитывать тот факт, что любой психический феномен обусловлен определенными причинами. Вера во внезапные порывы сегодня уже не нуждается в опровержении. Противники этого прибегают к другим фактам. Распространенная и даже отстаиваемая наукой точка зрения гласит, что в области психического царит слепой случай. Считается невозможным признать, что тысячи событий повседневной жизни, внезапные озарения, заблуждения, нечто забытое и т. д., а также содержание сновидений, индивидуальные проявления душевного расстройства определяются некими психическими факторами. Но это лишь упорствование в старой, дуалистической точке зрения. Всему происходящему в области психического отводят особое место, исключая это из законов природы. Точка зрения, приписывающая случаю психологическое воздействие, напротив, абсолютно бесплодна в том отношении, что она не воздает должное индивидуальным феноменам душевной жизни. Здесь наступает очередь Фрейда сказать свое слово. Его учение рассматривает каждый психический феномен как следствие и ищет его специфическую

психологическую причину. Детерминирующие силы в психической жизни являются объектом этого направления в исследовании.

В качестве первой детерминанты для своего последующего психологического поведения ребенок приносит с собой в мир собственные задатки. Одной из сторон этих задатков, рассматривающихся в первую очередь для того, чтобы найти объяснение всем продуктам фантазии, является психосексуальная конституция. Наиболее четко она выражается в детстве, до того, как начинается процесс вытеснения. Когда ребенок начинает переносить свою склонность на определенные объекты, одушевленные и нет, и отводит ее от других объектов, вступает в силу влияние воспитания, среды и т. д. и вынуждает ребенка вытеснять свои естественные порывы, и в первую очередь — сексуальные. Наряду с врожденными задатками, вытесненные сексуальные инфантилизмы оказывают колоссальное детерминирующее влияние. Инфантильный психический материал мы встречаем во всех продуктах фантазии. Реминисценции более поздних периодов жизни наслаиваются в качестве третьей детерминанты. Большая их часть также подвергается вытеснению. Реминисценции, основой которых стали спонтанные воспоминания, рассматриваются чаще всего как несуществующие. Фрейд первым осознал значение вытеснения, обнаружил детерминирующее воздействие вытесненного психического материала и рассмотрел его в полном объеме.

В области психического *нет ничего случайного*. То, что производит впечатление случайного, имеет своим источником врожденные задатки и вытеснение инфантильной сексуальности. Переживания, не входящие в период детства, подобны притокам, впадающим в этот источник. Если мы среди детерминирующих сил столь огромное значение приписываем сексуальности, то это отнюдь не означает, что мы переоцениваем сексуальность. Во всех проявлениях органической жизни мы видим, что сохранение индивида подчинено сохранению рода как вышестоящего образования. Влечение, направленное на сохранение рода, должно быть сильнее всех остальных, в противном случае род исчезнет.

Аналитическое исследование в духе Фрейда сегодня еще на дурном счету у критиков. Такая же участь постигла и одно из направлений языкознания — этимологию. О ней однажды было сказано, что

ее характеристика заключается в том, что гласные для нее не имеют никакого значения, а согласные — лишь несущественное. Но толкование слов, имеющее под собой научную основу, тем не менее, продолжает существовать, оно по праву носит титул науки, изучающей «подлинную», т. е. «истинную» сущность языковых элементов. Учение Фрейда — это этимология психологических явлений. Оно добьется признания, даже если это будет достигнуто ценой борьбы с чопорностью и предрассудками современной науки.

ОБ истерических сновидных состояниях

(1910a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1910: Über hysterische Traumzustände. / / Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen). — 1910. — Bd. II. — S. 1—32.

1921: Idem. // Abraham, K. Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

На ряде клинических наблюдений К. Абрахам показывает значение сновидных состояний, возникающих у невротиков, как сублимированной формы реализации запрещенных стремлений. Сновидные состояния также являются удержанием невротика в его фантазиях на стадии пред-удовольствия, купируя страх перед конечным удовольствием. Абрахам выделяет и описывает ряд фаз сновидных состояний, характеризующихся различными аффектами.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

В недавно появившемся сочинении «О состояниях, похожих на сновидение, и им подобных» Лёвенфельд¹ рассмотрел особенные, встречающиеся у невротиков нарушения, которым ранее в литературе не уделялось должного внимания. Для того, чтобы читателям было легче ориентироваться в рассматриваемой теме, я приведу цитату из описания этих состояний Лёвенфельдом.

«Окружающий мир производит необычное впечатление, нечто хорошо знакомое, то, что попадает в поле зрения каждый день, кажется изменившимся, как будто незнакомым, новым, непривычным, или все окружение производит такое впечатление, как будто оно является продуктом фантазии, иллюзией, видением. В последнем случае пациенты чувствуют себя так, словно они находятся в состоянии сна или полусна, гипноза или в сомнамбулическом состоянии, при этом они говорят преимущественно о своих сновидных состояниях».

Далее автор упоминает, что эти состояния могут различаться по своей степени и колебаться в продолжительности, что они часто сопровождаются чувством страха и что, наряду с ними, как правило, проявляются и другие симптомы нервозности.

Лёвенфельд основывает свое описание на многочисленных историях болезни. Я сам сталкивался с этими состояниями у целого ряда моих пациентов, с которыми работал психоаналитически. Поскольку в существовавших ранее работах по психоанализу не рассматривались сновидные состояния, я считаю нужным сообщить наиболее важные из полученных мной результатов. Они дополняют те разъяснения, которые психоанализ дает нам о сущности других эпизодических явлений в течении такого заболевания, как истерия.

Начнем с простого примера, демонстрирующего, до какой степени мы можем понять сущность сновидного состояния, не прибегая к помощи психоанализа. Обследование пациента, которого я наблюдал только один раз, используя обычные методы, позволило сделать

¹ Löwenfeld, L. Über traumartige und verwandte Zustände. // C. — 1909. — S. 539—552 und S. 578—598.

следующие выводы относительно интересующего нас здесь направления¹.

Наблюдение А

Находящийся в юношеском возрасте пациент А проявляет склонность к *сновидениям наяву* большой интенсивности. Как он признается, актуальные события особенно провоцируют у него сны наяву. Известие об открытии Северного полюса, к примеру, дало ему повод фантазировать, будто он принимал участие в некой крупной экспедиции. Он во всех подробностях представлял себе эту экспедицию, особенно те детали, которые якобы имели отношение к его собственной деятельности. Подобные фантазии уже в течение долгого времени одолевали его. Стоило ему услышать в разговоре прохожих на улице слово «цеппелин» — и сила его воображения включалась в оживленную деятельность. Как только эти мечтания достигали высокой интенсивности, пациент чувствовал, что все больше и больше *отчуждается от реальности*. Он впадает в свойственное состоянию сна оцепенение. Позже в голове на какое-то время появляется «пустота», за которой тут же следует сильное *головокружение*, сопровождающееся страхом и сердцебиением. Пациент описывает свое состояние до головокружения как *полное удовольствие*.

Наряду с этими явлениями, наблюдаются рвота и диарея на нервной почве, приступы головной боли, кроме того, возбудимость, пугливость и т. д.

Описанный случай и, как окажется впоследствии, все другие позволят проследить четкую связь между сновидными состояниями и снами наяву. Я подчеркиваю этот факт, так как Лёвенфельд не уделил ему особого внимания. Типичным началом сновидного состояния является *стадия фантастической экзальтации*, содержание которой носит строго индивидуальный характер.

Затем следует похожее на сон *отрешение*². В этом состоянии, которое подробно описывает Лёвенфельд, пациентам кажется

¹ Случаи заблуждения, которые я рассматриваю в дальнейшем, помечены в алфавитном порядке буквами от А до F. Все несущественные данные относительно возраста, профессии и прочих личных отношений пациентов я опустил.

² Выражение «отрешение» я взял из книги Брейера (ср. Брейер и Фрейд, 1895, S. 191, 2-е издание [Freud, S. (совместно с: Breuer, Josef) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312.].

нереальным, чужим, изменившимся их привычное окружение. Они сами чувствуют себя «как во сне». Обозначение «сновидное состояние», спонтанно использующееся многими пациентами, основывается на фантастической направленности мыслей в первой стадии и на изменении сознания во второй стадии.

Я выделяю еще и третью стадию *пустоты сознания*. Для нее характерен отмеченный пациентами «застой мыслей» (также: «пустота в голове» или похожие названия).

В конце наступает депрессивное состояние, важнейшими признаками которого являются аффект *страха* и обычные сопутствующие ему явления (головокружение, сердцебиение и т. д.). Большинство пациентов отмечают, кроме того, фантазии депрессивного характера.

Нелегко провести четкую границу между отдельными стадиями. Переходные состояния, напротив, заметны. Практическая значимость и важность разграничения станут очевидны только при обсуждении тщательно проанализированных случаев. Тогда же можно будет существенно дополнить приведенную выше характеристику отдельных стадий.

Кульминацией состояния является, несомненно, третья стадия. Во время нее происходят, так сказать, основные события, не только потому, что при входе в эту стадию продуцирование фантазий резко прерывается. Большое значение имеет также то, что третья стадия является границей между двумя противоположными состояниями аффекта. Не является специфической особенностью изложенного в общих чертах случая и то, что состояние сна до третьей стадии описывается как полное удовольствия, в то время как последней стадии приписывается резкое чувство неудовольствия.

Обследование пациента дает нам возможность узнать о представлениях и чувствах в сновидном состоянии, о факторах, вызывающих это состояние, о колебаниях сознания. Мы подробно рассмотрим еще ряд случаев и выявим индивидуальные особенности каждого пациента; мы также подтвердим данные Лёвенфельда о различиях в интенсивности и неодинаковой продолжительности этих состояний. Но на этом наши возможности познания ограничиваются, поскольку единственным источником информации для нас является *сознательное* пациента. Неясной остается *причина* возникновения сновидного

состояния. Как правило, у невротика наблюдаются сны наяву. Остается непонятным, почему они иногда развиваются до острых, похожих на припадки состояний, сопровождающихся незначительными изменениями сознания. Неясной остается и сущность состояния отрешения, особенно ощущения необычности, нереальности. Абсолютной загадкой остаются временные состояния пустоты в сознании. Все эти явления, кроме того, имеют индивидуальные вариации. В каждом отдельно взятом случае есть свои загадки. Особенно фантазии начальной стадии (а также и конечной) без тщательного анализа понятны лишь в ограниченном объеме.

Ключ к разгадке этих тайн дают нам сведения о *фантазийной жизни невротика*, полученные с помощью психоаналитических исследований.

Согласно учению Фрейда, наши фантазии отражают наши влечения. Желания, исполнению которых что-либо мешает, наше воображение старается представить исполненными или находящимися в процессе реализации. У невротика вся жизнь влечений, все парциальные влечения изначально очень сильны. Постепенно склонность к вытеснению стремлений становится особенно сильной. На основе конфликта между желанием и его вытеснением формируется невроз. Многообразие и силе стремлений, исполнению вытесненных желаний соответствует то, что *невротик является фантазером*. Поэтому, как показывают наблюдения, он проявляет высокую склонность к снам наяву; также и его сон изобилует оживленными сновидениями. Движущая сила его вытесненных желаний, однако, так велика, что невротик не может справиться с ними с помощью средств выражения, свойственных и нормальному человеку. Сам невроз способствует этим тенденциям. Невротическое сновидное состояние, как будет показано в этой работе, представляет собой один из различных феноменов, являющихся проявлением целого сонма вытесненных желаний.

Случай заболевания, из тщательного анализа которого я для понимания сновидных состояний сообщаю лишь самое необходимое, проливает свет на хаос усиливающих друг друга или противоречащих друг другу влечений. Анализ позволяет оценить огромное значение сексуальных фантазий; становится совершенно очевидно, что осознанные, на первый взгляд, несексуальные фантазии возникли

в результате процесса сублимации из сексуальных желаний. Фантазии, допущенные в сознание цензурой, являются лишь отражением вытесненных желаний. Свою силу они черпают у последних.

НАБЛЮДЕНИЕ В

Пациент В страдает очень тяжелой истерией с фобиями и навязчивыми явлениями. Его страх выходить из дома в одиночку вот уже в течение пяти лет делает его неспособным к осуществлению своей профессиональной деятельности и вообще к участию в жизни общества. Наряду с приступами сильного страха, у него часто наблюдаются сновидные состояния.

Впервые подобное состояние пациент испытал, как он вспоминает, в возрасте десяти лет, когда он однажды почувствовал себя обиженным. Он предавался «чувству всемирной боли», на смену которой вскоре пришли контрастные представления: «Позже, когда я вырасту, я вам уж наверняка понравлюсь». При этом он впал в состояние экстатического воодушевления и испытал изменение сознания, похожее на сон. С тех пор каждая ситуация, в которой он чувствует превосходство других над собой и особенно остро осознает свою бездеятельность, ведет к возникновению сновидного состояния. Из-за своего положения он, таким образом, предрасположен к таким состояниям. Например, достаточно упомянуть в его присутствии трудолюбие его ровесника или успех, которого тот добился, пациент сразу же реагирует на это сновидным состоянием. С течением времени факторы, провоцирующие возникновение этого состояния, стали разнообразнее. Женщины, театр, музыка, прочитанные книги воздействуют на пациента, вызывая у него честолюбивые или эротические фантазии. Сложнее понять провоцирующее воздействие энергичных телодвижений (например, ходьба по улице) или сильных шумов (например, езда в поезде по мосту). Чаше всего пациент впадает в сновидное состояние на улице.

Все эти факторы вызывают сначала энергичную работу фантазии и намерение приложить все силы к осуществлению своих желаний. Пациент, как он выражается, собирает всю волю в кулак. В центре внимания всегда находится мысль о том, что однажды он преодолеет изоляцию и будет нравиться всему миру. Однажды его все будут уважать за его обширные знания, его — автора какой-нибудь пьесы — пригласят на сцену, и все взгляды будут прикованы к нему; или он станет искусным шахматистом и на сеансе одновременной игры в каком-нибудь кафе будет ходить от стола к столу, передвигать фигуры и ловить на себе восторженные взгляды. В других случаях он рисует в воображении идеальный образ великого

полководца, что выдает его честолюбивые мечты. Эти энергичные намерения внешне проявляются в том, что пациент торопливо ходит по комнате или на улице переходит на быстрый шаг.

Сам пациент описывает этот процесс как все усиливающийся «энтузиазм». Постепенно наступает вторая стадия. Примечательно то, как пациент это описывает: он полностью «уходит в себя», перестает реагировать на все внешние раздражители. «Фантазируя, теряю почву под ногами». Это означает, что пациент теряет контроль над своими мыслями и полностью абстрагируется от реального мира. Ему кажется, что он во сне, и все, что его окружает, даже его собственное тело, кажется ему чужим. У него возникают сомнения в его существовании. Затем немедленно наступает типичная третья стадия: застой в мыслях. После этого возникает аффект страха, знаменуя собой начало четвертой стадии. Пациент внезапно чувствует головокружение, у него возникает чувство, что он больше не может сделать ни шага, не в состоянии поднять ногу, как будто он поскользывается, падает, тонет. Эти ощущения сопровождаются чувством сильнейшего страха. Люди кажутся ему непомерно большими, как и окружающие его предметы. Он сам себе кажется маленьким, однако его это устраивает, так как он хочет остаться незамеченным, «превратиться в ничто, целиком провалиться сквозь землю». Потом у него возникает чувство, как будто он должен встать на четвереньки и ползти до дома.

Пациент называет первые стадии как полные удовольствия, однако, как он говорит, уже во время наплыва энтузиазма возникает некое противоположное сопутствующее течение. Оно проявляется поначалу в чувстве холода. Здесь наблюдаются парестезия и вазомоторные симптомы в качестве сопутствующих сновидному состоянию явлений. Этим симптомам ранее не уделялось должного внимания. В стадии отсутствия мыслей чувство холода усиливается. Страх сопровождается внезапным чувством жара и приливом крови к голове. Когда страх сменяется слабостью, чувство холода остается по-прежнему сильным. Одновременно возникает ощущение, как будто части тела омертвели. Наступление сновидного состояния воспринимается пациентом с радостью, так как ему сопутствует чувство удовольствия. Однако он пытается прервать процесс до наступления кульминационного момента, т. е. пока не наступила пустота в сознании. «Я хочу вырваться из энтузиазма, я пытаюсь выйти из облака». На слово «облако» следует обратить особое внимание, оно указывает на затуманенность сознания, т. е. на нечто из области сна. При преждевременном прерывании процесса возникает страх и чувство слабости.

Последняя стадия у этого пациента очень продолжительна. Чтобы освободиться от страха, не желающего отступать, он использует обычное

средство — закуривает сигару. Кстати, желание курить возникает уже в стадии энтузиазма.

Когда я приступил к анализу сновидных состояний этого пациента, он неожиданно заявил мне, что уже в течение долгого времени считает эти сновидные состояния своего рода одухотворением сексуального влечения. Наши исследования полностью подтвердили его догадку.

Пациент относится к невротикам, которые в раннем детстве занимаются *мастурбацией* и потом живут в постоянной борьбе со своей привычкой онанировать. Его попытки оставить эту привычку не раз терпели поражение, пациент возвращался к ней снова и снова, что приводило его к разочарованию в себе, самобичеванию и ипохондрическим беспокойствам. Ряд симптомов его невроза находится под влиянием этого процесса; но здесь не стоит останавливаться на этом. Конфликт между желанием и вытеснением желания, как это часто бывает при неврозах, завершился компромиссом. Пациент на долгое время отказался от онанизма. Он избегает телесного самовозбуждения вместе с его конечной целью — эякуляцией. Для предварительного наблюдения он также прервал привычную сексуальную деятельность. Но его бессознательное требует замещающего удовлетворения, сущность и цель которого от сознания ускользают. Оно осуществляется вне зависимости от сдерживающих факторов.

Фрейд¹ доказал, что определенным эпизодическим явлениям истерии свойственно значение *замещающего удовлетворения*, вызванного прекращением мастурбации, мы рассмотрим эту точку зрения далее. *Замещающее удовлетворение в данном случае также представляет собой сновидное состояние.* Прежде чем обосновать это заявление, я должен упомянуть, что пациент тем чаще впадает в сновидные состояния, чем чаще мастурбирует. На первый взгляд, это противоречит пониманию сновидных состояний как замещающего удовлетворения. Так как именно в эти периоды активную роль играют противоположения, мешающие пациенту беспрепятственно предаваться этому побуждению. Кроме этого, желание настолько сильно, что достичь полного удовлетворения

¹ Freud, S. Allgemeines über den hysterischen Anfall (1909a [1908]). // G. W. — Bd. 7. — S. 235—240.

крайне сложно. Даже при частых мастурбациях суррогаты не являются излишними. В конце концов, они сами образуют источник удовольствия, а ведь известно, насколько сложно именно для невротика отказаться от этого.

В ранней юности пациент привык предаваться снам наяву и на пике оживленного фантазирования избавляться от накопившегося напряжения с помощью мастурбации. Когда он пытался избавиться от привычки мастурбировать, сны наяву имели другой исход; с тех пор они стали приводить к сновидному состоянию, как раньше приводили к акту мастурбации. Вторая и третья стадии — отрешение и пустота в сознании — соответствуют растущему сексуальному напряжению и наивысшей его точке в момент эякуляции. Конечная стадия, характеризующаяся страхом и слабостью, осталась такой же, как и при наличии процесса мастурбации; эти симптомы известны нам как очевидные последствия мастурбации у невротиков.

Эта точка зрения относительно второй и третьей стадий требует дальнейшего обоснования. Стадия, аналогичная «отрешению» в сновидном состоянии, наблюдается и в мастурбационном акте. Растущее сексуальное напряжение приводит к изоляции от всех внешних раздражителей. Этот процесс в сновидном состоянии больше перенесен в психическое. Пациент ощущает полный «уход вовнутрь». Пациент с помощью этого аутоэротического замыкания испытывает чувство *изолированности*. Он «выходит из общества», его фантазии переносят его в другой мир, соответствующий его вытесненным желаниям. Как велика должна быть сила вытесненных желаний, если в определенный момент они вырываются из бессознательного и их воображаемое исполнение воспринимается как реальность, а реальность кажется бессмысленным сновидением. Все окружение, даже собственное тело, кажутся пациенту чужим и нереальным.

Чувство изолированности присуще многим невротикам, которые удаляются от мира в сексуальную деятельность в одиночестве. Наш пациент вспоминает об одной из особенно любимых им в юности фантазий о потайной комнате, спрятанной где-то в лесу под землей, куда он хотел бы сбежать вместе со своими фантазиями. На смену *желанию* позднее пришел *страх* — страх оставаться одному в закрытом помещении, став взрослым, он так и не смог избавиться от этого страха.

Характерные для третьей стадии исчезновение мыслей, пустота в сознании соответствуют более или менее выраженной «потере сознания»¹, особенно проявленной у невротика на вершине сексуального возбуждения. Одновременно наступает сильное головокружение или похожее на него ощущение, с трудом поддающееся описанию. Наш пациент уверенно говорит, что именно это ощущение он испытывает при мастурбации в момент эякуляции. Непродолжительная, соответствующая выбросу семени пауза в сознании возникает и в припадке истерии.

Теперь неудивительно, что сновидное состояние вплоть до третьей стадии пустоты в сознании доставляет удовольствие. Тем самым оно не исключает свое происхождение от мастурбации, а полное удовольствие вплоть до соответствующей стадии у невротика влечет за собой сильнейшее чувство неудовольствия. Интересно то, что пациент, как уже упоминалось, иногда преждевременно прерывает сновидное состояние, т. е. до наступления пустоты в сознании. В то же время это является попыткой отучить себя от сновидного состояния. Точно так же невротики зачастую поступают, когда хотят оставить привычку мастурбировать². Они зачастую придерживаются мнения, что именно потеря семени при мастурбации вредит здоровью, и довольствуются поэтому мастурбацией, прерванной до эякуляции. Затем они успокаивают себя, представляя, что в реальности они *не* мастурбировали. Этот софизм часто встречается при нервных расстройствах. Отказ от конечного удовольствия они стараются возместить щедрой порцией пред-удовольствия. Разумеется, они не могут преодолеть страх перед завершающей стадией. Достигшее определенной силы сексуальное возбуждение, не получающее разрядки, превращается в страх.

Если мы признаем, что сновидное состояние является замещающим удовлетворением взамен отказа от одной из форм сексуальной деятельности, то мы все же пока далеки от понимания всех особенностей этого состояния. Фантазии первой и четвертой стадий

¹ Freud, S. Allgemeines über den hysterischen Anfall (1909a [1908]). // G. W. — Bd. 7. — S. 235—240.

² Cp. Rohleder, H. Über Masturbatio interrupta. // Zschr. für Sex. Wiss. — 1908. — Bd. I.

настолько индивидуальны, что мы сможем понять их, только подробнее изучив жизнь влечений пациента.

При беглом взгляде психоаналитика обнаружилось, что у пациента имеется инфантильная склонность такой высокой степени, что в скором времени пациент фиксируется так, что в пубертате нормальное преодоление этого оказалось невозможным. В этом случае речь идет об очевидной *бисексуальной фиксации*. Объектом гетеросексуального компонента его либидо является *мать*. В противовес ей он идентифицирует себя с отцом (кстати, умершим). Гомосексуальный компонент прикрепился к *отцу*, и в противовес ему он идентифицирует себя с матерью. Таким образом, в неврозе он играет то роль отца, то роль матери. Общее поведение пациента можно обозначить как крайне пассивное: он покорно переносит муки невроза. Его любовь к отцу, бывшему весьма энергичной личностью, носит характер подчинения личности, непременно в чем-то его превосходящей. Пациент испытывает типичную для невротика ревность, берущую начало в его детстве. Будучи ребенком, он воспринимал отца как соперника в борьбе за мать, в то время как мать стояла между ним и его склонностью к отцу. Это стало причиной возникновения враждебных желаний, вершиной которых — как это часто бывает у невротичных детей, — являлась фантазия об убийстве отца или матери. Это проявление садизма интенсивно вытеснялось. О том, что эти желания продолжали находиться в бессознательном, свидетельствует большое количество сновидений, в которых пациент переживает смерть отца или матери. Доказательством являются также частые сны наяву аналогичного содержания и внезапные приступы агрессии. Убежденность в своей преступной сущности, как и множество психических насильственных явлений, основываются на вытесненных побуждениях и определенных случаях проявления агрессии в детстве и в пубертате.

Склонность к агрессии сублимировалась в большом объеме. Она может выражаться в импульсивности и в склонности к честолубивым мечтам эротической направленности. Но защитный механизм не помогает справиться с влечениями такой силы. Чтобы они стали действительно безвредными, они должны превратиться в свою полную противоположность. Порывы к насилию над матерью замещаются крайней пассивностью и абсолютной привязанностью к матери,

которая продолжает оставаться со своим давно выросшим сыном. Он всецело привязан к ней и дому, словно маленький ребенок. Это является главным источником страха, мешающего ему покидать дом в одиночку. Ни в коем случае нельзя отождествлять эту потребность в зависимости от определенного человека (или нескольких людей) со страхом улицы. Попытка одному удалиться от дома заключала бы в себе запретное для пациента деяние, символизировала бы отделение от матери и вместе с тем уклон в (гомосексуальную) сторону отца. В этом случае, если пациент хочет избавиться от гетеросексуальных фантазий на тему инцеста, он попадает во власть фантазий гомосексуальных, которым вновь яростно сопротивляется сознание. Таким образом, происходит интенсивное подавление влечений, ему соответствует в нашем случае необычайно сильный нервный страх.

Как и все невротики, пациент изменяет неудовлетворяющую его реальность с помощью своих фантазий. Особенно он использует это средство в тех случаях, когда он в силу какой-либо внешней причины осознает, насколько он отличается от здоровых ровесников своей детской зависимостью и пассивным поведением, а в особенности — склонностью к мастурбации. Еще в детстве он страдал от осознания этого, его заветным желанием было быть «как все». Он изводил себя упреками в том, что из-за своих склонностей он отдалялся от остальных и не мог конкурировать с ними. Особенно его мучил страх оказаться смешным в глазах окружающих или вызвать у них презрение. Этим объясняется сверхострая чувствительность на отнесение его на задний план. Он видел в этом признак неуважения к себе. Возможно, это будило в нем всю его подавленную активность. Пренебрежение актом насилия заставило бы его ответить на пренебрежение актом насилия. Но эта склонность была вовремя обезврежена «формированием реакции» и проявлялась лишь в тайных фантазиях. На вред, который, по его мнению, ему причиняли, он реагировал сублимированными желаниями действовать, *честолюбивыми мечтами*, исполнение которых он откладывал на будущее: «Вот когда я вырасту...».

Чем старше он становился, тем сильнее было чувство, что он остается ребенком. Пациент не отдавал себе отчет в том, что *сильнейшим желанием его бессознательного было задержать детство*. Его сознание реагировало на это противоположной тен-

денцией. Каждое сновидное состояние удовлетворяло его желание стать *взрослым*. Это многое значило для него: независимость, самостоятельность, энергичность (присущие его отцу), свобода от довлеющей над ним привычки и, прежде всего, способность к сексуальной деятельности, поскольку страх импотенции одолевает его, как и каждого невротика, не способного отказаться от инфантильной сексуальной деятельности и объектов своих инфантильных сексуальных фантазий.

Вместе с честолюбивыми мечтами, возникшими на основе сублимации «садистических» порывов, пациент часто представляет, как он выступает перед публикой и приковывает к себе все взгляды. Это объясняется сублимацией вытесненного эксгибиционистского желания. У невротиков с болезненным честолюбием я всегда находил доказательство того, что эта черта характера в какой-то мере является выходом для вытесненных садистических и эксгибиционистских порывов. В рассматриваемом примере установлено, что в юности пациента действительно были случаи садическо-эксгибиционистских поступков, ставших причиной самобичевания. Регулярное вытеснение этих влечений является постоянным источником страха. Пациент, к примеру, перестал ездить в трамвае, потому что у него часто возникает внезапное желание раздеться перед присутствующими или изнасиловать женщину. Похожие желания возникают и в других ситуациях, например, при разговоре с женщиной. Процесс сублимации ведет к частичному или полному отказу от первоначальной цели — стремления оголяться. Запрещенный эксгибиционизм замещается фантазиями, имеющими куда более мирную направленность. Пациент притягивает к себе взгляды людей, но это не взгляды вожделения или любопытства, а восхищенные взгляды.

Мы проанализировали различные впечатления, вызывающие у пациента сновидное состояние. Насколько мы можем судить, их действие основано на том, что они пробуждают в нем желание сексуальной агрессии или эксгибиционизма, которое выражается в сублимированной форме. Легко понять, почему вид женщины может спровоцировать наступление сновидного состояния. Когда пациент на фоне других, энергичных, людей особенно остро чувствует свою пассивность, он изменяет реальность, воображая себя очень активным человеком, привлекающим к себе внимание. Интенсивные

телодвижения становятся фактором, провоцирующим наступление сновидного состояния, потому что они внушают пациенту иллюзию активности. Езда по железной дороге возбуждает в нем желание разворачивания силы. Фантазии, следующие за этим, тоже относятся к области упомянутых влечений. Сеанс одновременной игры в кафе, где он ходит от одного стола к другому, является отличной возможностью привлечь к себе взгляды окружающих. Игра в шахматы сама по себе, как показал анализ, дает пациенту возможность осуществить сублимированные влечения. То, что на доске сражаются два войска, нападают, бьются, уничтожают лагерь противника, по признанию самого пациента, притягивает его. Он получает удовольствие от этих специфических выражений; в одиночестве решая шахматные задачи, он удовлетворяет свои агрессивные влечения.

В то время как воображаемое исполнение его честолюбивых желаний, т. е. удовлетворение сублимированных влечений, связано с чувством удовольствия, заключительная стадия сновидного состояния характеризуется, напротив, аффектом страха. Остается лишь показать, что содержание фантазий на заключительной стадии прямо противоположно содержанию фантазий на начальной стадии.

В начальной фазе сновидного состояния пациент из привычной ему пассивности переходит в состояние активности. Заключительная стадия возвращает его к первоначальному состоянию. Далеко идущие планы уступают место унынию и подавленности. Пациент, который только что был полон сил и на улице переходил на бег, чувствует слабость, его движения скованы. Ему кажется, что он больше не может идти вперед — однозначная символическая характеристика его реального положения. Он снова становится маленьким ребенком, не умеющим ходить без помощи взрослых¹. Бессознательная тенденция к сохранению инфантильного состояния побеждает. Вот почему пациент кажется себе таким маленьким, а люди и предметы — такими большими². Подобно ребенку, еще не научившемуся ходить, он хочет встать на четвереньки и пол-

¹ На дальнейших детерминациях «скольжения» и «падения» я здесь останавливаться не буду.

² Это является важнейшей причиной симптома, обозначаемого как «макропсия». Я наблюдал его аналогичное проявление в приступах страха у одной пациентки.

эти домой, к матери. Если еще минуту назад он хотел привлечь к себе всеобщее внимание, то теперь он хотел бы исчезнуть, провалиться сквозь землю, только бы его никто не видел.

Интенсивное чувство *слабости* на четвертой стадии является много детерминированным. Вначале оно трактуется символически как страх сексуальной слабости. Если в начальной стадии сновидного состояния пациент проявляет готовность к активной деятельности, то теперь он вновь впадает в пассивное состояние, у него пропадает мужская сила. Ощущение того, что он от слабости не может стоять, символически указывает на импотенцию. Дальнейшая детерминация этой слабости представляет собой фантазии о смерти, всегда присутствующие при подавлении агрессивных планов в отношении родственников. Эти фантазии на тему смерти в заключительной стадии удивительным образом противопоставлены оживленности на начальной стадии.

Агрессивное и эксгибиционистское влечения вновь подавляются. От возникающей депрессии пациент, как уже упоминалось, пытается избавиться, закуривая сигару. Однако то, что депрессия постепенно отступает, обусловлено не воздействием никотина. Курение является для пациента, скорее, замещенным удовлетворением. Это символ мужественности, которой ему так не достает¹. В этой ситуации курение является для него своего рода утешением.

Вазомоторные и парестетические сопутствующие явления требуют особого рассмотрения. Описываемое этим пациентом (и, как окажется впоследствии, также другими пациентами) чувство жара является одним из нормальных сопутствующих явлений сексуального возбуждения, оно перешло в сновидное состояние из акта мастурбации. Примечательно, что пациент легко краснеет, как только он оказывается среди людей, в нем с необычайной легкостью пробуждаются сексуальные фантазии и находят свое физическое выражение в виде жара. Не вызывает удивления тот факт, что такие приступы гиперемии сопровождают и фантазии пациента о собственной активности, так как они замещают бессознательные сексуальные фантазии.

¹ Чтобы быть кратким, я подробно не останавливался на других детерминациях курения (воздействие на зону рта, идентификация с отцом).

Уже во время стадии фантастической экзальтации пациент ощущает, наряду с усиливающимся жаром, некое «побочное течение» в виде холода и страха. В заключительной стадии чувство холода преобладает над чувством страха. Итак, пациент ощущает жар, когда он жаждет сексуальной активности, а чувство холода появляется, когда влечения уступают место страху и тенденция к вытеснению вновь одерживает верх. Кровь уже не с прежней скоростью распространяется по периферии. Однако чувство холода возникает еще и по другой причине. Пациенту кажется, что части его тела немеют, что еще миг — и он разобьется на части, как стекло, погибнет. Таким образом, на четвертой стадии происходит символическое умирание, выражающееся, помимо прочего, в чувстве холода. Дальнейший анализ показывает, что и это умирание имеет двойное значение. Оно приобретает особый смысл из-за страха пациента перед импотенцией, у него отсутствует жизненная энергия.

В то время как первая стадия сновидного состояния отмечена фантазиями о силе и мужественности, для последней стадии характерно переплетение двух представлений, противопоставленных фантазиям о мужественности: 1) о том, чтобы остаться ребенком и 2) о том, чтобы умереть. Взрослый мужчина со своей энергией и жизненной силой стоит между детством и смертью.

Сновидное состояние этого пациента позволяет нам рассмотреть борьбу между влечением и вытеснением, которая встречается при каждом неврозе. Вытесненные стремления, первоначально очень сильные, вырываются из бессознательного и тут же вновь терпят поражение от вытесняющих сил. Каждое такое состояние у этого пациента — это революция, направленная против невроза, никогда, однако, не приводящая к победе. Но уже следующий случай демонстрирует, что не у всех пациентов сновидные состояния имеют такую тенденцию.

НАБЛЮДЕНИЕ С

Сновидное состояние возникает у пациентки С также в тех случаях, когда некая актуальная ситуация, которой она не может избежать, заставляет ее чувствовать себя измученной, подавленной, униженной.

Неприятный разговор или физическое недомогание провоцирует возникновение сновидного состояния. В этом отношении особую роль играет менструация. Пациентка говорит: «Во время цикла я теряю реальность». Как и в предыдущем случае, здесь во время сновидного состояния наблюдается изоляция от внешнего мира. По аналогии с рассмотренным до этого случаем можно было бы предположить, что сновидное состояние уводит пациентку от мучительной действительности. Однако происходит обратное. Фантазии пациентки вызывают у нее еще большие страдания, приводят ее к полной пассивности и влекут за собой желание получить удовольствие от мазохизма. Интересные подробности из ее детства свидетельствуют о действительно имевших место случаях проявления мазохизма. Но это влечение дает о себе знать и сейчас. Пациентке удается *произвольно вызывать сновидное состояние*, то же самое я наблюдал и у многих других пациентов. «Иногда что-то побуждает меня вызвать сновидное состояние». Для этого она декламирует отрывок из «*Марии Магдалины*» Геббеля. Это слова Клары:

«Я буду прислуживать тебе, буду работать на тебя, и кормить меня тебе будет не надо — я сама прокормлюсь, я буду ночами шить и прясть на людей, буду голодать, коли работы не будет, и к отцу не побегу, лучше руку собственную буду грызть — лишь бы он ничего не заметил! А если ты прибьешь меня, когда под рукой собаки не окажется, — вдруг ты ее перед тем продашь или прогонишь, — я скорее язык проглочу, но не издам ни звука, чтобы соседи не догадались, что у нас в доме делается. Не могу обещать, что на теле моем рубцов от твоей плетки не останется, потому как это не в моей власти, но я солгу, скажу, что ударилась головой о шкаф или поскользнулась и упала, — скажу прежде, чем люди спросят, отчего у меня синяки. Женись на мне — я проживу недолго. А коли все же неумогу покажется, коли захочешь избавиться от меня, а деньги на развод будут жалко тратить, то купи яду в аптеке, будто от крыс, я без единого слова, без единого намека твоего пойму и выпью его, а перед смертью скажу соседям, что, мол, ошиблась, за толченый сахар сочла!»¹

Пациентка проникается этой типично мазохистической картиной и впадает в похожее на сон отрешение. Она наслаждается, с одной стороны, мазохистской покорностью Клары, с которой она себя отождествляет, с другой стороны — своей изолированностью от мира. Она придает особенное значение удовольствию, которое она получает от этой уединенности, в своих мечтах она переживает подобные ситуации. Мир как будто бы становится чуждым ей, собственное тело кажется ей изменившимся,

¹ Действие 3, сцена 2 [Цит. по рус. изд.: Геббель, Ф. Избранное. В 2-х т. Т. 1. — М.: Искусство, 1978. — С. 246.].

свой голос — чужим. «Человек, который там говорит, не знаком мне». Мучение становится просто невыносимым из-за того, что вещи приобретают настолько причудливые и искаженные формы, что становятся похожими на рисунки Кубина. «Все более жестко, все чернее, чем в реальности». Вершиной этих мазохистских фантазий являются представления о смерти, идея о том, что она должна выпрыгнуть из окна и т. д. После наступления кульминации возникает сильный страх. К нему добавляются представления, варьирующиеся в зависимости от местонахождения. Если, к примеру, пациентка впадает в сновидное состояние на улице, то у нее возникает чувство, что она сейчас упадет, что ей не добраться до дома одной, что ей следует заговорить с первым попавшимся мужчиной. Выражения «упасть» и «заговорить с мужчиной» имеют двойной смысл. Они свидетельствуют не только о беспомощности и потребности в помощи, но и указывают на часто встречающиеся у истеричных женщин тщательно скрываемые фантазии на тему проституции *. Пациентка чувствует влечение отдаться первому понравившемуся мужчине, и она действительно делала это, когда часто впадала в такое состояние. Стремление к занятию проституцией выступает здесь лишь как особая форма мазохизма; для пациентки, уверенной в себе женщины, одержимой страстью к мужчинам, это стремление таит в себе сильнейшее унижение.

У этой пациентки также наблюдаются очень *продолжительные сновидные состояния*, о которых упоминает Лёвенфельд. У некоторых невротиков ощущение пребывания во сне, включая стадию сомнения в реальности окружающего мира, может длиться несколько месяцев. Пациентке долгое время причиняло страдание ощущение того, что все вокруг лишь спектакль, что ее телесная оболочка мертва, и она является просто духом, наблюдающим за реальным миром, не имея с ним ничего общего. Она говорит, что это длительное состояние доставляло ей мучения, но именно благодаря ему она получила доступ к тому, что до тех пор было ей недоступно. Эти состояния позволили пациентке совершить побег из мира, где она не могла исполнить свои желания, в мир ее мечты.

НАБЛЮДЕНИЕ D

Находящийся еще в юношеском возрасте пациент D с детства страдает тяжелой формой истерии, которая делает его полностью неспо-

¹ Эти фантазии у пациентки отчетливо проявляются в частых сновидениях, а также в симптоматических действиях.

собным к жизни в обществе. Например, при разговоре с другими людьми он говорит невпопад и избегает принимать пищу в присутствии посторонних, т. е. в таких случаях он испытывает сильный страх. Уже своим образом жизни он обособляется от внешнего мира. Тенденции к этому обособлению способствуют и его сновидные состояния.

Нелюдимость столь юного человека обусловлена исключительно сильной фиксацией его либидо на близких родственниках. Пациент необычайно сильно привязан к узкому кругу людей, выход за его пределы вызывает страх. Как только он выходит из дома, хочет навестить кого-то из своих близких или поговорить с начальником, тут же возникает страх. Необычайно буйные сексуальные фантазии больного связаны с его семьей, а именно: не только его гетеросексуальные желания зафиксированы на матери и сестре, но и в совершенно особой степени он увлечен своим отцом, проявляя гомосексуально-мазохистические компоненты. Как только пациент оказывается вблизи незнакомого человека, у него появляются сексуальные фантазии, связанные с этим человеком. Попытка «переноса» немедленно подавляется. В какое-то мгновение пациент хочет вырваться из узкого круга, но его либидо слишком сильно зафиксировано на членах его семьи, и вслед за каждой попыткой, предпринимаемой им в этом направлении, возникает страх.

Упомянутые сексуальные фантазии пациента всегда ведут к мастурбации. Его мастурбации носят утонченный характер, он избегает резких движений, использует легкие и, как следствие, продолжительные ласки (осторожно сжимает бедра, ласкает себя через одежду). Физические ласки и сопровождающие их фантазии вызывают состояние похожего на сон отрешения. У пациента никогда не наступает эякуляция, стадия пустоты в сознании, напротив, ярко выражена. В этом случае мы наблюдаем сновидные состояния в их еще прямой первоначальной связи с мастурбацией. Но они наступают спонтанно, главным образом в присутствии отца пациента. При этом у пациента возникают именно те фантазии, которым он предается в одиночестве. Здесь они провоцируют возникновение сновидного состояния, как в других случаях мастурбацию.

Долгие годы пациент наслаждался этим необычайно приятным для него состоянием во время школьных занятий. Как замечали его учителя, он не принимал участия в уроке и часто казался рассеянным. И не удивительно — ведь им владели фантазии, не имеющие никакого отношения к уроку. Если вопрос учителя прерывал это состояние полузабытья, пациент испытывал страх. С течением времени ничего в этом отношении не изменилось. Сновидное состояние и сейчас является для него средством погружения в полное одиночество. Он полностью уходит в себя, и ему трудно сконцентрироваться на чем-либо, что лежит за пределами его фантазий.

Если пациент находится в неприятной для него ситуации, он произвольно вызывает сновидное состояние простым способом, символизирующим изоляцию от внешних раздражителей, — закрывает глаза. Во время психоаналитических сеансов он всегда закрывал глаза, когда разговор затрагивал тему, которую он не хотел обсуждать. И тогда от него невозможно было добиться ни единого слова, он сидел оцепенев и как будто мысленно переносился в другое место. Когда я ему объяснял, что сновидные состояния требуют точного психоаналитического подхода, он немедленно впадал в это состояние, из-за чего анализ, разумеется, приходилось откладывать. Кстати, пациент также может сам прерывать сновидное состояние. Для этого он делает резкое движение головой.

Особое применение сновидное состояние находит тогда, когда пациент испытывает страдания из-за обусловленной психическими причинами боли. Тогда он с помощью возбуждающих ласк вызывает сновидное состояние, и боль постепенно переходит в чувство удовольствия.

НАБЛЮДЕНИЕ Е

У пациента Е мы также наблюдаем очень сильный инфантильный сексуальный перенос на обоих родителей и всегда сопутствующие истерии желания смерти, активно отторгаемые сознанием. Эти последние были направлены в особенности на мать, но процесс образования реакции превратил их в сильную привязанность, имеющую ярко выраженный инфантильный характер. Взрослому мужчине до сих пор кажется странным, что он вырос, он все еще ощущает себя ребенком. Примечательно, что именно смерть матери вызвала у пациента первое сновидное состояние, длившееся очень долго. В течение нескольких месяцев у него было такое чувство, будто он живет во сне, однако интенсивность этого чувства сильно колебалась. Совершенно спонтанно пациент заявляет: *«Я не могу представить себе реальность, в которой ее (матери) нет рядом со мной»*. На месте вытесненных фантазий, некогда направленных против матери, в сознании пациента возникло представление, что его собственная жизнь зависит от жизни матери и оборвется, если мать умрет. Фантазии о смерти обратились против самого пациента. Далее он говорит буквально следующее: «Вместе с тем, все существующее кажется мне бессмысленным». Со смертью матери мир потерял для пациента всякую ценность! Его либидо время от времени абстрагируется от вещей. Тогда ему, как и другим больным, все, что его окружает, кажется незнакомым, как будто он видит это впервые, а люди, с которыми он говорит, — не существую-

щими на самом деле. Все события прошлого — т. е. те, что произошли еще при жизни его матери, — кажутся ему бесконечно далекими. «Все, что было в прошлом, похоже на сон. Как будто это было очень давно».

Сейчас описанное состояние наступает чаще, хотя его начало и конец остаются практически незамеченными пациентом. Пациент также может справляться с большим объемом умственной работы, что является частью его профессиональной деятельности. В последнее время также стали наблюдаться кратковременные остро протекающие сновидные состояния. У них своеобразная история возникновения.

Пациент периодически испытывает мучительные головные боли, о происхождении которых стоит упомянуть. Примерно три года назад он решил обратиться за помощью к невропатологу, практиковавшему гипнотическую терапию. Так как несколько раз подряд пациента не удалось погрузить в гипноз, он отказался от услуг этого врача, но попытался самостоятельно погрузиться в состояние сознания, отличающееся от обычного, в надежде, что это поможет справиться с головной болью. Несколько раз ему удалось вызвать у себя *состояние величайшего удовольствия*, которое сам он называет «самогипнозом». Однако головная боль от этого не прекратилась.

Пациент хочет, чтобы его погрузили в состояние гипноза, о чем неоднократно настойчиво мне заявлял. Стремление подчинить себя воле другого человека соответствует его мазохистским наклонностям. Он сам говорит, что наивысшим идеалом для него является абсолютно пассивное поведение, что необходимость прилагать все усилия для решения жизненных проблем является для него мукой. В его сексуальности проявляются многие черты мазохизма. Долгое время его мастурбации сопровождалась фантазиями мазохистского характера, пока в тяжелой борьбе он почти не избавился от этой привычки. Но ключевым для понимания сновидных состояний симптомом сексуальной пассивности является психическая импотенция пациента, возникшая у него в то же время, когда он начал вызывать у себя сновидные состояния. Как говорит сам пациент, он уже тогда хотел иметь возможность быть сексуально пассивным. *Он хотел бы предаваться сексуальному удовольствию пассивно, как женщина.*

Сновидное состояние позволяет пациенту получить величайшее удовольствие от воплощения этого идеала. Со стремлением прекратить всякую деятельность согласуется тот факт, что для вхождения в сновидное состояние пациент прилагает все усилия к тому, чтобы *ни о чем не думать*. Напряженный умственный труд играет большую роль в его жизни, он стремится к обратному. Как мы уже видели на примере других пациентов, кульминацией сновидного состояния является «отсутс-

твие» мыслей. В рассматриваемом случае наблюдается четкая тенденция к этому состоянию, совпадающему, как известно, с моментом наивысшего удовольствия.

Вот как сам пациент описал свои ощущения, находясь в состоянии сильного аффекта (учитывая вышесказанное, его слова не представляют трудности для понимания). «Сперва я чувствую напряжение, как при сексуальном общении; если бы я захотел сейчас этого, я бы лег и приступил к делу. Все свое внимание я концентрирую только на том, чтобы *ни о чем* не думать. Я закрываю глаза. Я не позволяю ничему из внешнего мира побеспокоить меня. Потом наступает короткая стадия блаженства, ни на что не похожих ощущений, это сильнейшее из известных мне физических изменений. Мне кажется, я не могу описать это словами. Короткая стадия блаженства длится как будто вечность». На пике возбуждения — обозначим это так, — мышление прерывается.

Пациент добавляет: «Существует идея, что все в жизни движется вперед, например, циркуляция крови. Но вдруг все меняется, все отступает, как будто движется уже не вперед, а назад. Такое ощущение, что произошло чудо. Если обычно все стремится выйти из тела, то тут все как будто вновь в тело возвращается. Я не выделяю, а впитываю». Затем, после небольшой паузы, он продолжает: «На всем лежит отпечаток абсолютного, гармоничного покоя, спасительной пассивности, совсем не как в реальной жизни. На меня накатывают волны. Со мной что-то происходит. Если бы это состояние не прекращалось, я не пошевелился бы до вечера».

Эти сновидные состояния позволяют пациенту в своих фантазиях получать безграничное удовольствие от сексуальной пассивности. Он хотел бы быть женщиной, в сновидном состоянии он переживает исполнение этого желания. Он абсолютно прав, говоря о «немыслимо сильном физическом изменении». Более значительное изменение, чем превращение в существо другого пола, нельзя себе и представить. Для пациента оно означает изменение не только пола, но и образа жизни.

Желание быть женщиной указывает на гомосексуальные компоненты влечений пациента. Так как мы уже знаем об интенсивном переносе его инфантильного либидо на отца, то можно предположить, что, желая стать женщиной, пациент идентифицируется с матерью, чтобы занять ее место возле отца. Это предположение подтверждается этиологией упомянутых головных болей, которые способствуют в первую очередь тому, что пациент идентифицирует себя с мате-

рю. Еще когда он был маленьким, его мать страдала от приступов головной боли, очень похожих на боли самого пациента. У матери головная боль наступала всегда во время менструации; в течение нескольких дней она была крайне чувствительна к любым раздражителям и была вынуждена беречься. *Так же и у пациента долгие годы приступы головной боли наступали с интервалом в четыре недели и длились три-четыре дня.* Во время этих приступов пациент чувствителен к любым раздражителям, он вынужден оставлять свою работу и проводить один-два дня в постели. Таким образом, посредством головной боли пациент идентифицирует себя с матерью. В начале обследования он однажды, шутя, сказал: «У меня сейчас свой цикл», — это свидетельствует о том, что он смутно догадывался об этой взаимосвязи.

Приступы головной боли олицетворяют для пациента его превращение в женщину. Четырехнедельный период и сексуальная пассивность являются наиболее важными чертами половой жизни женщины. Пациент действовал под влиянием совершенно правильного инстинкта, когда с помощью сновидного состояния пытался избавиться от головной боли или — как мы теперь можем уточнить, — найти ей замену, так как и то и другое имеют одну цель — сексуальную пассивность. Если бы ему удалось осуществить свой план, то вызывающее у него отвращение болезненное состояние он заменил бы равноценным ему, но *доставляющим удовольствие.* Мы также можем объяснить тот факт, что его ожидания не оправдались. Головная боль имеет не только упомянутую причину, она является выражением еще и других вытесненных желаний, не находящих адекватного выражения в сновидном состоянии, таким образом, сновидное состояние могло существовать только *наряду* с головной болью, но не могло полностью заменить ее.

Пациенту не удалось избежать неудовольствия, но он нашел новый источник удовольствия. Сновидное состояние не помогло ему избавиться от головной боли, но он компенсирует это удовольствием, помогающим ему вытерпеть боль.

НАБЛЮДЕНИЕ F

Переходные явления между снами наяву и собственно сновидными состояниями

Я привожу здесь фрагмент еще одного наблюдения; этот случай не демонстрирует ярко выраженных сновидных состояний наподобие рассмотренных ранее, но знакомит нас со своего рода предварительным этапом таких состояний. Он убедительно демонстрирует происхождение сновидных состояний от снов наяву, а также родство между невротическими сновидными состояниями и ночными сновидениями.

Пациент F настолько подвержен определенным часто повторяющимся фантазиям, что называет их своими навязчивыми представлениями. К сновидным состояниям его особенно побуждает прочитанное. Он тут же идентифицирует себя с героем рассказа. «Когда я читаю любовный роман, мне кажется, что герой, вокруг которого увиваются женщины, — это я». В реальной жизни половая активность пациента *снижена*. Наряду с *эротическими* грезами, пациент предается и фантазиям о величии. Когда он читает о каких-либо исторических личностях, у него возникает представление, что героем является он. Тогда он в своих фантазиях играет роль своего героя. «К примеру, я охотно читаю о Наполеоне. Ликованием, которое слышал он, наслаждаюсь и я». Да, пациенту достаточно лишь подумать о ликовании, славе и рукоплесканиях, как по его телу пробегают мурашки. Также и музыка (например, военная) действует на него возбуждающе и вызывает «мурашки». Во сне наяву, вызванном такими провоцирующими факторами, пациенту, по профессии торговцу, кажется, что он стал уважаемым в обществе или богатым человеком, «наподобие фабриканта Круппа». *Тогда он представляет себе, как бесцеремонно он обходится со своими служащими и навязывает им свою волю* (Наполеон!). Ему трудно избавиться от этих представлений. «Когда я погружен в навязчивые представления (=сны наяву), я декламирую какое-нибудь стихотворение, чтобы отвлечься, чаще всего “Лорелею”, “Heil dir im Siegerkranz” или другое стихотворение, которое я учил в школе». Ему приходится проговаривать эти стихотворения много раз, прежде чем они возымеют свое действие.

В центре внимания фантазий пациента стоит или сексуальный герой, или беспощадный деспот, или герой войны. Несложно

догадаться, что в этих снах наяву пациент стремится удовлетворить желания, возникающие вследствие «скрещивания» сексуального влечения с агрессивным влечением, одним словом, вследствие его «садистических» побуждений.

У пациента такое чувство, что он не производит впечатления зрелого человека, что с ним обращаются как с ребенком. Это чувство основано на подавлении им своего садизма. В своих грезх он становится решительным, деспотичным человеком, а затем вновь превращается в слабого, беспомощного «ребенка». Стихи, которые он учил в школе, нужны для того, чтобы прервать фантазии, так как они вызывают у пациента ощущение, будто он снова стал маленьким. Схожесть содержания фантазий этого пациента с фантазиями пациента в подробно описанном случае В сразу бросается в глаза. Схожесть наблюдается и в еще одном симптоме. У пациента В отмечалась предрасположенность к появлению румянца. У пациента F легко появляется румянец, он страдает ярко выраженной эритрофобией.

В этом случае речь идет не о сновидных состояниях, подобных рассмотренным ранее, т. к. отсутствует отрешение, пустота в сознании и следующий за этим страх. Отличается и само протекание. Наблюдаются очень интенсивные сны наяву, выходящие за рамки обычного, имеющие одну важную общую черту с сновидным состоянием (*sensu strictiori*¹). Фантазируя, пациент теряет контроль над мыслями, он уже не может по собственному желанию прервать поток фантазий. Он вынужден, в точности как и другие пациенты, искать средство, которое помогло бы ему прервать мечтания, и использовать его множество раз, прежде чем оно подействует. Следует упомянуть о сильной *визуальной оживленности* снов наяву в рассматриваемом случае, позже мы ее подробно обсудим.

Этот случай, кроме того, демонстрирует, что сны наяву являются первой ступенью ночных сновидений. Пациент обращает внимание на некоторые сновидения, которые он видел еще в детстве и которые в последнее время участились. В одном из таких сновидений на него в постели нападает бородатый мужчина. Этот мужчина наносит

¹ [*Sensu strictiori* (лат.) — в узком смысле, в буквальном смысле.]

ему удар кинжалом. Сам он лежит неподвижно, как будто у него парализованы руки. Он просыпается с чувством сильного страха. Еще чаще пациент видит сновидение о том, что его преследует лев. В ужасе он протискивается через щель в стене, куда лев не может за ним последовать¹. Человек с (символическим) кинжалом — это отец, чье «нападение» на мать пациент наблюдал, будучи маленьким мальчиком. Это сновидение свидетельствует о вытесненном желании пациента занять место матери возле отца. Сновидение о льве тоже относится к этому комплексу.

Когда я в анализе просил пациента, находившегося под моим наблюдением недолгое время, описать все, что приходит ему в голову, он закрывал глаза и рассказывал о картинах, которые появлялись перед ним. По поводу сновидения о том, как его закалывают кинжалом, он рассказал следующее²: «Я вижу двух мужчин, одному наносится удар кинжалом. Один из них лежит на кушетке, другой встает перед ним на колени и наносит удар кинжалом в грудь. Тот, что лежит, левой рукой крепко держит правую руку своего противника. Тому, что стоит на коленях, лет, наверное, тридцать, он выглядит очень дико, у него темная борода. Лежащий выглядит благородно, будто принадлежит к старому дворянскому роду, на нем шелковый камзол с кружевным воротником».

Абсолютно очевидно, что эти видения по своему содержанию похожи на упомянутые сновидения, повторяющиеся на протяжении многих лет. Лежащий мужчина — это сам пациент, кстати, во время этого видения он лежит на кушетке в моей приемной. Следует обратить внимание на повествование посредством пассивного залога: мужчине *наносится* удар кинжалом. *Сам* пациент является субъектом. Отцу пациента в то время, когда тот спал с родителями в одной комнате, было примерно тридцать лет, и он носил бороду. То, что пациент описывает лежащего мужчину как дворянина,

¹ О подобных сновидениях, повторяющихся на протяжении многих лет, говорит и пациент В. Но при рассмотрении случая В я не приводил анализ таких сновидений, чтобы не затруднять понимание.

² О приведенном выше толковании этого сновидения пациент, когда описывал свои видения, не знал.

становится понятным из типичных фантазий о происхождении¹, особенно ярко проявляющихся у невротичных детей. Шелковый камзол с кружевным воротником он увидел на картине, висевшей над кушеткой («Смеющийся кавалер» Франса Хальса), перед тем как закрыть глаза, он сосредоточенно рассматривал эту картину, так как она отражала егр инфантильный комплекс аристократизма. Когда он потом рассматривает ее еще раз, то замечает, что одежда изображенного на картине мужчины напоминает платье знатной женщины. Таким образом, картина затрагивала еще один его комплекс — гомосексуальный.

На следующий день пациент снова, лежа на кушетке, рассказал о таких видениях:

«Кентавр — а вот появляется маленький ребенок, еще один маленький кентавр». (Отец и сам пациент. Обратите внимание на сексуальную символику, заключенную в сравнении с диким кентавром или жеребцом!)

«Скачки... как наездники берут барьер». (Соперничество с отцом. У пациента вообще наблюдается черта характера, которую пациент В называет у себя «духом соперничества»),

«Лошадь, упавшая перед повозкой». (Пациент говорит, что по дороге ко мне видел упавшую лошадь. Более глубокая мотивировка этого видения скрыта в типичных фантазиях о смерти отца²).

«'Мужчина в шлеме', картина Рембрандта». (Она висит не в моей комнате; но это любимая картина пациента. Его отец был рослым, энергичным человеком; он прошел две войны в звании гвардейца. Пациент хочет быть воином, как и его отец; отец также является прототипом фантазий о Наполеоне).

Далее следовал еще ряд явлений подобного характера.

¹ Ср. мою работу «Сновидение и миф» (S. 40) [*Abraham, K.* Traum und Mythos. Eine Studie zur Völkerpsychologie. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Hef 4. — Leipzig und Wien: Deuticke, — S. 1—73. — см. наст, том, С. 71-142], также — *Rank, O.* Der Mythos von der Geburt des Helden: Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1909. — 93 s.

² Схожую фантазию об упавшей лошади я недавно встретил еще в одном случае. Анализ этой фантазии одного мальчика можно найти у Фрейда (*Freud, S.* Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b). // G. W. — Bd. 7. — S. 241—377.).

Детские фантазии пациента таким же образом дают пищу его снам наяву и ночным сновидениям. Даже галлюцинации схожи с ними. Результат психической деятельности, аналогичный «работе сновидений», и в сновидном состоянии формирует из вытесненного (латентного) мыслительного материала очевидное содержание. Я указываю здесь только на частое применение символики и на очень интенсивную работу сгущения. Мы рассмотрели многочисленные примеры, демонстрирующие, что любая деталь сновидного состояния (и само это состояние, рассматриваемое как единое целое) служит выражением различных, а иногда противоречащих друг другу фантазий.

Сновидения и невротические сновидные состояния являются не единственными производными от снов наяву. Мы можем присовокупить к ним еще два явления, характеризующиеся более сильным расстройством сознания. Сновидению родственен *сомнамбулический сон*, во время него невротик воплощает свои фантазии в более или менее сложных действиях, о которых он позднее не может вспомнить.

Сновидным состояниям подобны *«гипноидные состояния»* и *«сумеречные состояния»*. В этих последних мы снова находим явления, знакомые нам по сновидным состояниям, используя слова Брейера¹, я называю их «отрешением», «погружением окружающей реальности в сумерки» и «аффектом, сопровождающимся паузой в мышлении». Во время сумеречных состояний больной часто выполняет сложные действия. Степени нарушения сознания соответствует следующая за сумеречным состоянием амнезия; для рассмотренных нами сновидных состояний амнезия не характерна.

К этим эпизодическим явлениям истерии следует присовокупить еще ряд других родственных феноменов, на связь которых со снами наяву уже было указано в ходе предыдущих исследований. В первую очередь я назову истерические припадки. Фрейд² кратко изложил

¹ Брейер и Фрейд, 1895, S. 191, 2-го издания [*Freud, S.* (совместно с: *Breuer, Josef*) Studien Über Hysterie (1895d)]. // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312.]

² *Freud, S. Allgemeines über den hysterischen Anfall* (1909a [1908]). // G. W. — Bd. 7. — S. 235—240.

свои взгляды относительно сущности этих припадков. Я привожу некоторые цитаты из его работ, на которые уже ссылался ранее:

«Изучение истории детства истериков свидетельствует о том, что истерический припадок является заменой некогда практиковавшегося, но затем прерванного аутоэротического удовлетворения». *Путем анализа сновидных состояний мы получили аналогичные результаты.*

«Анамнез больного имеет следующие стадии: а) аутоэротическое удовлетворение без представления о содержании; б) собственно аутоэротическое удовлетворение в соединении с фантазией, переходящей в акт удовлетворения; в) отказ от действия с сохранением фантазии; г) вытеснение этой фантазии, которая позднее переходит в истерический припадок либо в первоначальном виде, либо модифицировавшаяся и соответствующая новым жизненным впечатлениям и е) в зависимости от обстоятельств вновь вызывает связанный с ней акт удовлетворения, от которого пациент как будто уже отвык. Типичный цикл инфантильной сексуальной жизни — вытеснения — неудачи вытеснения и возвращения вытесненного». *Таким образом, сновидные состояния и истерический припадок имеют три первые общие стадии.*

«Потеря сознания, абсанс истерического припадков исходит из короткого, но отчетливого отключения сознания, которое всегда ощущается на вершине сильного сексуального удовлетворения... Механизм этого абсанса сравнительно прост. Сперва все внимание направлено на процесс удовлетворения, а с наступлением удовлетворения вся эта сосредоточенность внезапно исчезает, так что возникает временная опустошенность сознания. Это свободное пространство в сознании затем расширяется в процессе вытеснения до тех пор, пока не становится способным принять в себя все то, что отвергает вытесняющая инстанция».

Имея похожие начальные стадии и схожие цели, сновидные состояния и истерический припадок различаются в *средствах проявления* и в большинстве своем в *поведении сознания*. В то время как абсанс сновидного состояния практически всегда непродолжителен, особенно в сравнении с длительностью других стадий, при истерическом припадке провал сознания увеличивается по мере надобности. При истерическом припадке вытесненные фантазии реализуются с помощью «рефлекторного механизма коитального акта», таким

образом оказывая влияние на «моторную разрядку напряжения вытесненного либидо». В сновидном состоянии этот процесс происходит в области фантазии, если не принимать во внимание определенные моторные проявления (например, изменение положения тела или походки), не имеющие отношения к коитусу.

Наряду с моторными приступами истерии, в тесной генетической связи с сновидным состоянием находятся *приступы страха*. В этой разновидности эпизодических явлений истерии также следует видеть преобразованные процессы сексуального возбуждения¹. Мне хотелось бы здесь упомянуть, что все пациенты, сновидные состояния которых были подробно мною проанализированы, более или менее часто испытывают приступы страха, но, напротив, не страдают моторными припадками. В этом отношении существуют индивидуальные различия в протекании болезни, которые мы еще недостаточно хорошо изучили.

Я хочу здесь заметить, что сновидные состояния аналогичной структуры встречаются и у душевнобольных (*Dementia praecox*). Их происхождение от снов наяву я недавно установил на примере одного юноши, страдающего гебефренией. В этом случае состояние отрешения было особенно ярко выражено; в сновидном состоянии пациенту казалось, что «все вокруг лишь театр». Я напоминаю, что при *Dementia praecox* также наблюдаются сумеречные состояния, имеющие общие важные черты с подобными состояниями при истерии. Продолжительные снопоподобные состояния с особо проявляющимся чувством необычности были описаны Вернике², Юлиусбургером³ и другими авторами⁴.

Все проанализированные случаи относятся к *тяжелым* психоневрозам. Но из этого, однако, не следует делать вывод, что

¹ Cp. *Stekel, W.* Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung. — Berlin und Wien: Urban & Schwarzenberg, 1908.

² [*Wernicke, C.* Über Halluzinationen, Ratlosigkeit und Desorientierung in ihren wechselseitigen Beziehungen. // *Neurologisches Centralblatt*. — Leipzig, 1900. — S.1131ff.]'

³ [*Juliusburger, O.* Zur Lehre von den Fremdgeheitsgefühlen. // *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*. — 1912. — 36. Jahrg. — S. 270—282.

Не известно, каким образом Абрахам узнал об этой работе. Вероятно, Абрахам был знаком с этими исследованиями из устного сообщения.]

⁴ Мне довелось недавно наблюдать у одной пациентки серию кататонических припадков. Они начинались интенсивными движениями рта, как при поцелуе, представлявшими, несомненно, половой акт. Таким образом, и здесь видна аналогия с истерическим припадком.

сновидные состояния не встречаются при легких неврозах. Определенно, в большом количестве как легких, так и тяжелых случаев у больных отмечалась подверженность этим состояниям. Склонность к снам наяву наблюдалась у всех; им не удается преодолеть тягу к аутоэротическим действиям, которую они испытывали в детстве. Обычные сны наяву или производные от них явления более сложного характера помогают им время от времени бежать от действительности в страну их детства. Если индивидуум предрасположен к продуцированию сновидного состояния, то ему достаточно действия несильного раздражителя, затрагивающего вытесненные комплексы, чтобы войти в это состояние.

В особенности при обследовании больных с легким неврозом врачи не уделяют должного внимания сновидным состояниям, или эти состояния истолковываются неверно. Например, нередко пациентка говорит врачу, — не обязательно только в анализе, — что чувствует себя загипнотизированным им. Это очевидный феномен «переноса». Пациентка бессознательно готова подчиниться воле врача, т. е. она готова к пассивному поведению в ответ на посягательства врача, чего хочет ее бессознательное. Ее фантазия активно прорабатывает исполнение этого желания. Далее следует похожее на сон отрешение и другие известные нам явления. Пациентка, пока она находится у врача, испытывает сновидное состояние. Другие женщины, страдающие истерией, чувствуют себя загипнотизированными в присутствии любого мужчины. Под моим наблюдением была пациентка, всегда испытывавшая страх, находясь в трамвае. У нее появлялось чувство, что взгляды любого сидящего напротив мужчины «просверлят» ее. Вслед за этим каждый раз возникало состояние, которое она называла своего рода гипнозом, и которое заканчивалось приступом страха.

Другие девушки, страдающие истерией, рассказывают, что при разговоре с мужчиной они внезапно ощущают отрешенность, слушают свой собственный голос, как будто говорит кто-то другой. Затем наступает «пустота в мыслях», за которой следует, наконец, страх и чувство стыда. Анализ позволяет установить, что такие индивидуумы часто предаются снам наяву. Особенно им нравится лежать по утрам в кровати и фантазировать. При удобном случае эти грезы возобновляются, и далее следуют другие типичные стадии сновидного состояния.

Фрейд в своей работе, которую я цитировал выше¹, дал краткий обзор причин и целей возникновения истерических припадков. Истерический припадок вызывается *ассоциативно*, когда посредством соединения с осознаваемой жизнью активируется определенный комплекс; *органически* припадок возникает тогда, когда либидо, усиленное внешними или внутренними причинами, не получает разрядки. Очевидно, что оба эти процесса, как правило, происходят одновременно. *Те же факторы вызывают и возникновение сновидных состояний.*

По Фрейду, истерические припадки служат поначалу *первичной тенденции* болезни (бегству в болезнь), являясь, таким образом, утешением для пациента, кроме того, они служат и *вторичным тенденциям болезни*, когда болезнь используется в практических целях. В сновидных состояниях наблюдаются аналогичные явления. Прекрасным примером бегства в болезнь является случай пациента, который после смерти матери погрузился в длительное сновидное состояние. Каждый из рассмотренных случаев демонстрирует, что сновидные состояния также служат актуальной, практической цели. У многих пациентов такое состояние очень кстати возникает в неприятной ситуации. Но здесь стоит особенно отметить тот факт, что некоторые пациенты вызывают это состояние осознанно и намеренно, чтобы избежать чувства неудовольствия или получить удовольствие. В связи с этим следует вновь вспомнить о генетической связи между сновидными состояниями и онанизмом; к последнему невротики также часто прибегают как к средству утешения, чтобы, к примеру, забыть об испорченном настроении.

Общей для сновидения и невротических сновидных состояний является функция предупреждения неудовольствия². Но последняя, кроме того, играет и позитивную роль, позволяя получить удовольствие. Пациент В, который с помощью сновидных состояний преодолевает свою пассивность, не только избегает тем самым неудовольствия, но и получает на первых стадиях процесса положительные эмоции от воображаемой активности.

¹ [Freud, S. Allgemeines über den hysterischen Anfall (1909a [1908]). // G. W. — Bd. 7. — S. 235—240.]

² Freud, S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c). // G. W. — Bd. VI.

Изменение сексуальной цели, которое происходит в сновидном состоянии пациента В, не является закономерностью. Существует *другой тип*, представленный, например, случаем пациентки С. Фантазии здесь развиваются в направлении уже преобладающей пассивности. Склонность к мазохизму становится при этом необычайно сильной.

Сновидные состояния, как и другие феномены невроза, являются для невротика заменой для отсутствующей сексуальной деятельности. Его бессознательное использует этот суррогат, пока отсутствует реализация определенных желаний. Если же, напротив, либидо в достаточной степени удовлетворяется, то сновидные состояния прекращаются, полностью исчезают. С находившейся под моим наблюдением дамой, страдавшей легким неврозом, это произошло после того, как она испытала сексуальное удовлетворение в браке. У одного молодого человека, который находился у меня на лечении в связи с психической импотенцией, оживленная сексуальная фантазия вернулась в нормальные рамки после того, как у него восстановилась потенция и он смог достичь удовлетворения.

Анализ сновидных состояний еще раз подтверждает, насколько плодотворны идеи Фрейда. С появлением психоанализа мы уже не ограничиваемся лишь описанием симптомов невроза, а можем осмыслить их сущность и объяснить особенности их проявления в каждом отдельно взятом случае. Мы можем понять условия и мотивы возникновения этих симптомов, выявить действующие в них движущие силы и скрытые тенденции. Теперь мы можем понять своеобразие каждого случая заболевания, не только учитывая жизнь влечений невротика в настоящий момент, но и исследуя его вытесненные детские желания. Так как его самые сокровенные помыслы направлены на повторение инфантильных ситуаций удовлетворения, память о которых хранит его бессознательное.

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О КУЛЬТЕ МАТЕРИ
И ЕГО СИМВОЛИКЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
И НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

(1911b)

Издания на немецком языке:

1911: Einige Bemerkungen über den Mutterkultus und seine Symbolik in der Individual- und Völkerpsychologie. / / Zentralblatt für Psychoanalyse. — 1911. — Jahrg. I. — Heft 12, September. — S. 549—550.

К. Абрахам приводит несколько примеров фантазий на тему материнского лона, как места спокойствия и комфорта. Даются также ссылки на религиозный культ дыромоляев и библейский Ноев ковчег как отражение материнской утробы.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Из анализа сновидений и неврозов нам известно, что *материнское тело* чаще всего представляется в виде определенных повторяющихся символов. Особенно часто нам встречаются две картины: это либо одинокий дом в саду или в лесу, где якобы раньше уже проживали, либо это тайное место с узким входом, где хотелось бы скрыться от страшной ситуации. Я представляю несколько примеров, однако ради экономии времени воздержусь от точного аналитического обоснования моих толкований. Впрочем, здесь речь идет о психологических феноменах, которые известны каждому психоаналитику.

1. Пациент А. Сообщает о том, что его снова и снова посещают фантазии еще с молодости. Он представляет себе величественную виллу, раскинувшуюся в большом парке, расположенном на юге. При этом у него возникает чувство, что, вероятно, в детстве он уже жил там.

2. Пациент В., которого мучают тяжелые состояния страха, видит сны наяву о неизвестном никому месте. В глубине леса и под землей расположены известные только ему его покои. Его заветная мечта — жить там в одиночестве со своими фантазиями.

3. Однажды пациенту С. снится: он находится в пустынной, жуткой местности между скалами. И вдруг на него начинают падать камни. В конце концов, на него обрушивается груда камней. В то время, когда он дрожит от страха, у него возникает чувство, будто где-то в земле есть яма, чтобы быть полностью защищенным, ему необходимо туда проскользнуть. «При этом я с блаженством чувствую тепло, материнское». В детстве пациент подвергался частым и жестоким телесным наказаниям со стороны тиранического отца. (Град камней, который обрушивается на него). В этих сценах ребенок испытывает ужасный страх. В своих фантазиях он удаляется от этого страха, спрятавшись за тело матери.

В этих примерах говорится о более или менее легко распознаваемых «фантазиях об утробе матери». Целью приведенных наблюдений вовсе не является обогащение казуистики этих фантазий, они выступают здесь в качестве сравнения с родственными феноменами народной психологии. Прежде всего, я вкратце упоминаю о библейских мифах, где говорится о рождении и перерождении

человеческого рода. В первом мифе встречается символический *сад* Эдем, в последнем — дом (ковчег). В течение некоторого времени в этом доме живет Ной, который в точности соответствует зародышу при человеческой беременности.

В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на малоизвестный религиозный культ материнского тела. В России существует местная религиозная секта, приверженцы которой называются дыромоляи, т. е. *обожатели дыр*. Внутри своих домов в стене они сверлят дыру, перед которой исполняют культ. Их молитва звучит: «Изба моя, дыра моя, спаси меня». По-немецки: «Mein Haus, mein Loch, erlke mich». Но, к сожалению, в переводе ритм этой молитвы сохранить не удастся.

Таким образом, в этом культе мы снова находим подобную символику, противоречащую вышеупомянутым фантазийным изображениям.

О ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕЙ СИЛЕ ИМЕНИ

(1911e)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1911: Über die determinierende Kraft des Namens. / / Zentralblatt für Psychoanalyse. — 1911. — Jahrg. II. — Heft 3, December — S. 133—134.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Небольшая заметка, в которой К. Абрахам размышляет об определенном давлении имени на судьбу человека через его символическое или персональное значение.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

В своем сочинении «Обязательство имени»¹ Штекель указал на скрытые отношения между именем и профессией, а также между именем и неврозом. Как доказывает автор через множество примеров, имя во многих случаях оказывает обязывающее влияние на своего носителя или вызывает определенные психические реакции (упрямство, гордость, стыд). Вопрос, затронутый Штекелем, бесспорно заслуживает внимания, для его разъяснения я написал нижеследующую статью.

Из опытов с моими пациентами-невротиками я могу подтвердить наблюдения Штекеля. Упомяну, например, что у двух невротиков с навязчивостью я нашел совпадение между значением их имени и содержанием их навязчивых идей, и что я лечил одного гомосексуалиста, имя которого совершенно соответствовало его феминной сущности. Добавлю, что в отдельных семьях продолжает наследоваться определенная черта характера, выраженная в имени; я знаю одну семью, которая отличается особой гордостью, имена членов которой совершенно подходят к их сущности. В такого рода случаях возможно, что предок получил или принял имя вследствие одного качества, так бросающегося в глаза. Черта характера передалась бы по наследству даже без влияния имени, последнее, однако, влияет настолько обязывающе, насколько оно дает потомкам повод афишировать свое своеобразие.

Классический пример определенного влияния имени находится в произведении Гете «Избирательное родство» (часть 1, глава 2)²:

«... Миттлер рассказывал о своих сегодняшних делах и намерениях. Этот необыкновенный человек был прежде духовным лицом и, неумоимо деятельный в своей службе, отличался тем, что умел уладить и прекратить любую ссору и спор как в семье, так

¹ *Stekel, W.* Die Verpflichtung des Names. // Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie. — 1911. — Bd. III. — Hef 2.

² [*Geme, И. В.* Избирательное родство. // Гете, И. В. Собрание сочинений в 10-ти томах. — М., 1976. — Т. VI. — 4.1. — Гл. 2. — С. 234. Пер. А. Федорова.]

и между соседями, а впоследствии и между целыми приходами или несколькими землевладельцами. Пока он служил в своей должности, ни одна супружеская чета не возбудила ходатайства о разводе, и местные суды никто не утруждал тяжбой или процессом. Вовремя поняв, как важна для него юриспруденция, он целиком погрузился в ее изучение и вскоре уже чувствовал себя в состоянии помериться с любым адвокатом. Круг его деятельности необычайно расширился, и его уже собирались пригласить в резиденцию, дабы сверху завершить то, что он начал снизу, как вдруг на его долю выпал крупный выигрыш в лотерее, он купил себе небольшое имение, сдал его арендаторам и сделал центром своей деятельности с твердым намерением — или, скорее, то была старая склонность и привычка, — не бывать в таких домах, где не требовалось кого-либо мирить и кому-нибудь помогать. Те, кто вкладывает в имена суеверный смысл, утверждают, что *самая фамилия побудила его принять это своеобразное решение.*» [Курсив Абрахама.]

Несомненно, частым явлением становится то, что мальчик, у которого такое же имя, как и у знаменитого мужчины, равняется на него или как-нибудь иначе проявляет к нему особый интерес. Например, имя Александр предоставляет своему носителю повод специально поинтересоваться об Александре Великом и идентифицировать себя с ним в своих фантазиях. Примечателен пример историка Оттокара Лоренца, который составил историю Богемского короля Оттокара. Я могу также согласиться со Штекелем в том, что в любовном выборе часто проявляется детерминирующее влияние имени, однако я должен отказаться от того, чтобы сообщить здесь известные мне примеры.

Также представляет интерес указание на привычку некоторых людей преобразовывать свои имена игровым способом. Штекель упоминает здесь Стендаля. Немецкая литература показывает особенно странный случай этой манеры: Иоганн Фишарт, который со своим именем производил самые странные превращения и использовал его для создания чудных ассоциативных представлений.

Я бы возразил только против термина, выбранного Штекелем; обозначение «обязательство имени» кажется мне не совсем понятным, а также формально не безукоризненным. Я хотел бы порекомендовать то, которое я употребил в заглавии этого сообщения.

АНАЛИЗ СНОВИДЕНИЙ У ОВИДИЯ

(1911f)

Еще в том же году, когда в 1911 году...

1. Овидий, *Метаморфозы*, пер. В. П. Лаврова, М., 1911.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1911: Eine Traumanalyse bei Ovid. // Zentralblatt für Psychoanalyse. — 1911. — Jahrg. II. — Heft 3, December — S. 159—160.

Небольшая заметка, показывающая особенности толкования сновидений в элегиях римского поэта Овидия.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

В третьей книге Овидия «О любви»¹ пятая элегия содержит подробное описание одного сновидения. В очень удачном и буквальном переводе, выполненном доктором Александром Бергом, стихотворение звучит следующим образом:

Ночь наступила, и сон смежил мне усталые веки,
Вот что приснилось мне — и содрогнулась душа.
Снился мне какой-то холм, открытый на юг и поросший
Рошей дубовой. В ветвях множество пряталось птиц.
Книзу от рощи был луг с густой зеленой травой;
Влагой его орошая, тихо журчащий ручей.
Сам я от летней жары под листвою древесной укрылся,
Но под древесной листвою тоже томила жара.
Тут появилась вдруг чисто-белая, вижу, корова;
Стала она мураву вместе с цветами щипать.
Снега белее была, который недавно лишь выпал
И не успев полежать, влагой прозрачную стать,
Иль молока, что едва из упругих сосцов заструилось
Дойной овцы и в ведре белою пеной шумит.
Ей сопутствовал бык, супруг коровы счастливый;
Рядом на мягкий лужок с нежной прилег он женой.
Так он лежал и меж тем не спеша пережевывал жвачку, —
Ел, надеясь опять съеденной раньше едой.
Скоро привиделось мне, что он разомлел от дремоты,
Что круторогой приник он головою к земле.
Вдруг ворона, гляжу, каркая, села; потом
Трижды клонула грудь белоснежной коровы и нагло
Клювом вырвала вмиг несколько белых клоков.
Та, хоть не сразу, ушла, на месте оставив супруга,
А на коровьей груди кровоподтек багровел.
И увидав, что быки пасутся на лугах недалеко,
Ибо и вправду быки неподалеку паслись, —
Сразу помчалась туда и, в стадо сейчас же вмешавшись,
Стала пастись на лугу, где посочнее трава.
«Кто бы ты ни был, скажи, ночных сновидений
рассказчик-отгадчик, —
Если в нем истина есть, что предвещает мой сон?» —
Так я спросил, и в ответ отгадчик ночных сновидений

¹ *Ovidius, N.P. Amores. / übersetzt von Alexander Berg. // Ovid. Werke. —*
2. Aufl. — Berlin: Langenscheidt, 1891—1893.

Молвил, взвесив в уме каждое слово мое:
«Знай, то, чего ты избежать под листвою стремился,
Хоть и не смог избежать, — это любовная страсть.
В белой корове твою не трудно подругу узнать:
Цвет у них общий: а бык — сам ты, любовник ее.
Острым клювом ей ворона клевала — понятно:
Старая сводня с пути сбила подругу твою.
То, что корова ушла от быка, хоть ушла и не сразу,
Значит: ты будешь один зябнуть в постели пустой.
То, что кровоподтек багровел на груди коровы, —
Знак, что изменницы грудь тоже, наверно, с пятном.
Кончил — и я помертвел, от шек отхлынула сразу
Кровь, и глубокая ночь мраком окутала взор

1.

Представленное в стихотворении толкование сновидения с точки зрения нашего научного анализа сновидений является неполным. Здесь явно не прослеживается тенденция сновидения (исполнение желания). В первых шести строках стихотворения автор не придает значения символическому содержанию. Но в остальных строках (холм, роща, птицы, вода) он рассматривает полный смысл символов так, что отсюда следует ошеломляющее совпадение с нашими сегодняшними восприятиями.

¹ [Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. — М.: Художественная литература, 1983. — Кн. III. Пер. с лат. С.В. Шервинского.]

ДЖОВАННИ СЕГАНТИНИ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
(1911g)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1911: Giovanni Segantini: Ein psychoanalytischer Versuch. / / Schriften zur angewandten Seelenkunde. — 1911. — Heft 11. — 65 s.

1925: Idem. — 2. revidierte und erg. Aufl. — Leipzig : L. Deuticke, 1925. — III, 70 s.

Издание на русском языке:

1913: *Абрагам, Карл. Джованни Сегантини : Психоаналит. этюд.* — Одесса: Жизнь и душа, 1913. — 84 с.

Фундаментальный труд К. Абрахама, посвященный анализу основных жизненных стремлений в личности итальянского художника Джованни Сегантини. Указывается на значительную привязанность Сегантини к образу матери и доминирующие мотивы и стремления к смерти.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой, Д.Ф. Зайнутдиновой.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой работы вызвало, наряду с одобрениями, также и негативные мнения. Прошедшие с тех пор 13 лет углубили мой опыт в области психологии, но не дали мне повода отречься от изложенных в первой книге воззрений. Мне доставляет удовольствие тот факт, что у меня есть право сохранить все раннее сказанное спустя столько лет. С другой стороны, я воспользуюсь случаем для создания определенных психоаналитических знаний нового времени в опыте 1911 года, чтобы сделать их доступными для последующего понимания художника. В последние годы я особенно отдался изучению душевных состояний депрессий и отныне верю, что наше понимание может приблизиться к меланхолическим наклонностям Сегантини. Все, что мне хотелось бы сказать по этому поводу, представлено в дополнении.

Силс-Мария, июнь, 1924 год.

Д-р Карл Абрахам

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Мы владеем лишь небольшим количеством набросков о жизни и искусстве Джованни Сегантини, а также большим биографическим, художественно-критическим трудом, принадлежащим перу Франца Серваеза. Этот труд сохранился в монументальном произведении о Сегантини, опубликованном австрийским правительством, а, кроме того, в дешевом популярном издании¹.

¹ *Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). Все в дальнейшем встречающиеся, снабженные номером страницы указания касаются этого издания. [Дополнительные редакторские цитирования в квадратных скобках относятся к четвертому изданию 1920 года.]

Серваез дает отличную характеристику Сегантини как художнику, так и личности. Стало быть, намерением этого сочинения не является превознесение данного автора. Оно задает вопросы, относящиеся к другой области знаний: не нужно еще раз *представлять* своеобразие Сегантини, необходимо *объяснить его с точки зрения психологии*.

Психоаналитические исследования З. Фрейда и его школы могут пролить свет на типичные и индивидуальные явления душевной жизни. Исходя из исследований о *бессознательном*, они были в состоянии привести важные выводы о законах художественного творчества¹. Одно из основных сочинений Фрейда «Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи»² — исключая его результаты на тот момент, — также открыло важные взгляды на художественную индивидуальность этого художника. Напротив, ранее не предпринимались попытки рассматривать всю жизнь и психическое своеобразие художника с точки зрения психоанализа, подтверждать действие бессознательных влечений в его художественном творчестве.

Среди художников нашего времени Джованни Сегантини выделяется как сильная и самостоятельная личность. Его развитие, его внутренняя и внешняя жизнь, творческая деятельность, произведения обладают ярко выраженным своеобразием настолько, что ставят индивидуальную психологию перед целым рядом нерешенных проблем. Целью данной работы является представить ее в свете психоаналитических размышлений.

Возможно, в глаза бросится то, что *врач* при помощи этой новой методики пытается анализировать внутреннюю жизнь художника. Причина лежит в развитии психоаналитического исследования. Оно возникло на основе опыта, который первоначально преследовал цель отыскать бессознательные корни болезненных душевных процессов (нервных состояний или неврозов). И хотя психоанализ в скором времени перешагнул узкую границу этой области применения и зарекомендовал себя как эффективный метод исследования

¹ Cp. Rank. O. Der Künstler. Ansätze zu einer Sexualpsychologie. — Wien und Leipzig: Hugo Heller & Cie, 1907.

² [Freud, S. Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (1910c). // G. W. Bd. 8. — S. 127–211.]

в различных областях душевной жизни, все-таки круг его сторонников по упомянутой исторической причине до сегодняшнего дня преимущественно состоит из врачей. Врач, который ознакомился с анализом бессознательного у невротиков, находится в выигрышном положении по сравнению с другими сторонними наблюдателями. Потому что в случае с художником он встречается с определенным числом психологических качеств, которые являются для него привычными в работе с невротиками; речь идет о таких чертах, которые взаимосвязаны с сознательной или бессознательной жизнью фантазий.

Разумеется, возникает значительное различие между моим замыслом и медицинским применением психоанализа. Врач-психиатр, который на практике применяет этот метод, объединяется с большим для совместной работы. Постепенно он ближе знакомится с его бессознательным и ждет, когда сможет заполнить пробелы в своем материале при помощи внезапных мыслей пациента. Но совсем по-другому обстоит дело тогда, когда осуществляется анализ душевной жизни умершего человека. Здесь следует указать на то, что имеющийся фактический материал объясняется на основании исследований, считающихся достоверными. Но материал, который мы обнаружили в произведениях Сегантини, в его записях, письмах и т. д. или собранный другими людьми, естественно, является неполным¹. Поэтому я не могу пренебречь мнением, что этот анализ не сможет разрешить все вопросы. И по этой причине эксперимент не должен состояться? Яркая личность Сегантини предлагает слишком много притягательного и странного, так что хочется отказаться от этой затеи.

Гениальная творческая личность, какой был Сегантини, требует того, чтобы мы, его современники, стремились углубиться в ее своеобразие и исследовать ее. Также мы не ошибемся, если будем ожидать от этих стараний обогащения нашего общего знания в области психологии творческой личности. Так пусть сам эксперимент разрешит, насколько мы можем приблизиться к пройденному Фрейдом пути в направлении этих целей.

¹ *Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909.*

I

28 сентября 1899 года, когда умер Сегантини, смерть выдворила его из исполненного чувствами творчества. За десять дней до этого он поднимался на Шафберг около Понтрезины, чтобы там, наверху, завершить картину «Триптихон мира Альпов».

Его последнее масштабное произведение было для него важнее, чем прославленное изображение высокогорья. Потому что с его точки зрения задача живописи не исчерпывалась тем, чтобы дать точное отражение действительности: она должна выражать идеи и чувства, которые наполняют внутренний мир художника. Поэтому он рисовал приносящую плоды природу, мать с ребенком на груди и, наряду с женщиной, мать из мира животных. Он рисовал пробуждение дня, пробуждение природы и становление человека, рисовал все живущее во всем величии бытия и, наконец, уходящий день, увядание природы и кончину человека. Так, в своем последнем произведении он убедительнее, чем когда-либо, указал на общее отношение всех созданий к природе, на их общую судьбу.

Все вышеназванные мотивы Сегантини — по отдельности и в различных сочетаниях — представил в новых вариациях. Так появились его нетленные шедевры: «Матери», «Весна в Альпах», «Пахота в Энгадине», «Возвращение на родину» и многие другие. Все это привело его к произведению, которое должно было стать последним. И в этой симфонии жизни должно было отразиться объединенное выражение всего того, что, как ему казалось, имело глубочайший смысл и значимость.

Это намерение художника следует разгадать не только из его картины. Он четко выразил его также и словами. Он повторял, что перепутал кисть с пером, чтобы представить свою точку зрения о существовании искусства по отношению к другим мнениям. За год до смерти он дал ответ на вопрос Толстого: «Что есть искусство?» В этом ответе он настойчиво подчеркивает значение главной эстетической идеи произведения искусства. Занятие искусством является для него культом. Оно должно прославлять и преображать *труд, любовь, материнство и смерть*. Здесь Сегантини сам называл источники, из которых постоянно пополнялась его художественная фантазия.

Пожалуй, из них же черпали идеи и другие художники. Но для индивидуальности Сегантини является типичным то, каким образом все эти источники стекаются в один поток, как кажущиеся отличными друг от друга идейные круги являются для него неразрывно связанными.

Взгляд на жизнь Сегантини показывает, что он был захвачен такими равными силами, как его искусство. *Каким образом — задаемся мы вопросом, — он сохранил в своем творчестве и жизни это направление?* Пример и воспитание — насколько мы можем говорить об этом с уверенностью, — не внесли в это положительного вклада. Потому что уже пятилетним мальчишкой Сегантини лишился родителей. Окружение, в котором он провел свою молодость, не могло способствовать ни духовному, ни этическому развитию. Он вырос, не получив хорошего образования, практически безграмотным, и ни те годы, когда его избивали сводные братья и сестры, и ни те, что он провел в исправительном учреждении, не могли повлиять на него облагораживающим образом. Его молодость, лишенная светлых моментов, была продолжительной борьбой против враждебных сил. Он должен был создать свои художественные идеалы, свой характер, свое мировоззрение из самого себя практически в одиночку.

Лишь психоаналитические методы исследования могут отвечать загадкам этого процесса развития, так как исходным пунктом их рассмотрения является *жизнь влечений в детские годы*. И если бы я сейчас вышел на этот путь, то я сам не смог бы работать с другим менее значимым авторитетом, чем Сегантини.

«Вы спрашиваете меня, — пишет он в одном письме¹, — как в моей почти дикой жизни в природе развились мышление и чувство искусства. Я действительно не знаю, как ответить на этот вопрос, *может быть для того, чтобы получить объяснение этого, следует обратиться к корням, чтобы изучить и проанализировать все ощущения души до их первых, а также самых отдаленных движений детства*».

Следуя этому указанию художника, я обращусь к его детству.

¹ *Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 82. [Курсив Абрахама.]*

Самым роковым событием детства Сегантини явилась смерть его матери. Ему едва исполнилось пять лет, когда он пережил эту потерю.

Вероятно, редко сын с такой любовью хранит воспоминание о матери, как это делал Сегантини. И эта любовь с течением лет все возрастала; мать постепенно стала для него идеальным образом, богиней; ее культу и принадлежало искусство сына.

Тот, кто осиротел так рано, должен был всю свою молодость обходиться без заботы, полной любви и ласки. Побудило ли его это лишение к тому, чтобы стать художником, изображающим материнство? Превозносил ли он к идеалу то, чего лишился в реальной жизни? Это объяснение так близко к истине, что его недоработки все-таки должны скоро открыться.

Никакой другой ребенок в нежном возрасте не испытывал подобного несчастья, как наш художник. Это едва ли объясняет масштаб потери, скорее утешает и сильнее побуждает его к воспоминаниям об умерших, которые взрослые пробуждали в нем. Порой воспоминания, детские чувства не стираются из памяти так легко. В случае Сегантини иначе! В нем не погасает образ матери, нет — его фантазия развивает это дальше и ставит в центр его внимания мир его мыслей.

Неприятный момент — лишение материнской заботы — сам по себе не может объяснить такую господствующую силу идеала матери. Сегантини сам дал точное указание, где мы должны искать корни этой силы. В начале его автобиографии мы читаем ¹:

«Я храню ее, мою маму, в памяти, и если бы это было возможно, чтобы сейчас, в этот момент, она появилась перед моими глазами, я бы узнал ее спустя 31 год. Я снова вижу ее глазами духа, этот высокий образ, как она устало шагает. Она была красивой, не такой, как утренняя заря или день, а как закат солнца весной. Когда она умерла, ей не было еще и 29 лет».

Эти слова зрелого мужчины вообще не упоминают заботливой материнской любви! И давайте прочтем его описание скорбного вре-

¹ [Цит. по: *Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 7; а также по: *Segantini, B.* (Hrsg.) *Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 3.]

мени, которое пришло к нему со смертью матери, и мы напрасно считываем на то, что он приведет сравнение, как он прекрасно жил с матерью и очень плохо без нее. Мы не находим ни одного слова об этом.

Сегантини говорит о совершенно других вещах: о красоте, об образе, движении и положении, о молодости его матери, о запечатленном представлении, которое всегда перед его глазами!

Думается, что из вышеупомянутой цитаты следует удалить два слова — «моя мама» — и тогда можно объединить смысл тех строк. Объяснение могло бы звучать таким образом: *так говорит любящий человек о возлюбленной, которую он потерял*. Только с этой точки зрения объясняется окраска чувств, которая присуща его словам.

В словах взрослого звучит эротика ребенка. Психоаналитическая наука знакомит нас с мнением о том, что первые проявления эротики у мальчика обычно обращены к *матери*. Эти любовные чувства, характер которых для непредубежденного наблюдателя четко обнаруживается в раннем детстве примерно до 5 лет, в ходе развития постепенно меняют свою форму проявления. *Примитивная* эротика ребенка определенно эгоистическая. Она направлена на неограниченное владение объектом, она завидует другим, стремясь также привлечь к себе желание встречи с любимым человеком. Она точно так же проявляет ненависть, как и любовь. В это время к еще управляемым аффектам и влечениям, наряду с любовью мальчика, присоединяется черта агрессивности и жестокости.

Изучение невротической психики установило, что у определенных людей все эти побуждения необычайно сильны. В этой связи крайность в детстве обрадуют те личности, которые позже заболевают неврозом навязчивости; их жизнь влечений характеризуется тем, что чувства любви и ненависти постоянно борются друг с другом и дают повод для тяжелых внутренних конфликтов. У них регулярно обнаруживают признаки безмерной любви к родителям с быстрой их сменой ненавистью, которая сводится к *желанию смерти*¹.

¹ Cp. Freud, S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (1909d). // G. W. — Bd. 7. — S. 453—455 {379—463}. Присутствие подобного можно доказать у личностей, склонных к меланхолическим состояниям.

В следующем периоде детства как у здоровых людей, так и у невротиков следует сдерживание влечений через процесс вытеснения и сублимации. При этом образуются важные социальные препятствия, которые ограничивают влечения в какой-то мере или полностью исключают их деятельность в определенных случаях либо направляют на другие, а именно на альтруистские цели. В зависимости от духовных установок человека сублимированные сексуальные энергии часто преобразуются в духовную, приблизительно научную или художественную деятельность. За духовными задатками человека часть сублимированной сексуальной энергии переходит в духовную, как научную, так и художественную деятельность. Чем сильнее было первоначальное влечение, тем более интенсивной и охватывающей сублимации требовалось в том случае, если индивидуум должен был покориться требованиям господствующей культуры.

Примитивные чувства по отношению к родителям берут начало, как мы считаем в противоположность приведенному учению, из сексуальности ребенка так же, как и других проявлений любви или ненависти. Индивидуум должен покориться требованию культуры «уважать» отца и мать. Следует отметить требование не приказывает *любить* родителей, потому что с этим были бы запрещены лишь порывы ненависти. Требование в равной мере обращено как к любви, так и к ненависти, так как оба чувства, согласно их первоначальной сущности, есть проявления сексуальных влечений. *Оба* нарушают *запрет инцеста*, из их общей сублимации возникает чувство уважения, которое свободно от сексуального акцента.

Должно ли уважение по отношению к матери, высочайшее одухотворение которого является характерным признаком произведений Сегантини, в действительности основываться на сексуальной почве?

Исследования психоанализа определенно позволяют нам ответить на этот вопрос утвердительно. Эти исследования, однако, как уже упоминалось, большей частью получены в работе с невротиками, так что необходима небольшая оговорка, если мы хотим применить их к личности Сегантини. У творческих людей и невротиков много общего в их психических задатках. Жизнь влечений тех и других первоначально необычайно сильна, но вследствие особенно значительного вытеснения и сублимации она претерпела существенные преобразования. Творческие личности и невротики стоят одной

ногой за пределами реальности, в мире фантазий. Вытесненные фантазии невротиков преобразовываются в симптомы их болезней. У людей искусства они находят свое выражение в их произведениях, но не только в них. Потому что у этой группы людей всегда обнаруживаются невротические черты. Сублимация их вытесненных влечений удастся им не полностью, отчасти они преобразуются в нервные проявления. Это также относится и к Сегантини.

Как учит психоанализ невротиков, процесс вытеснения приводит к роковому сдвигу в чувствах мальчика. В его сознании благодарная, уважительная любовь к заботливой матери занимает место сильнейшего сексуального влечения. В то время как желание инцеста с силой *вытесняется*, *материнство* приобретает соответствующее *преувеличение*¹.

Компенсирующее преувеличение материнства в случае Сегантини выражено совершенно необычно, подобным образом это происходит у невротиков. Из этого и упомянутых позже других явлений возникает вывод, что если детское либидо Сегантини воплощено в образе преодолимых побуждений любви и ненависти к его матери, то тогда обнаруживается внешне ярко выраженная сублимация. Она призвана, я полагаю, возвысить культ материнства, внутреннее почитание материнской природы, самоотверженную, альтруистскую любовь, передающуюся всем другим созданиям.

У Сегантини абсолютно так же, как и у невротиков, проявляются отдельные прорывы вытесненных влечений. Первоначальная эротика ребенка не может быть сублимирована полностью; однако, иногда она обнаруживается в сильно ослабленной форме. Изображение матери, которое выполнил Сегантини, не позволяет нам увидеть эротический элемент, хотя оно сильно усовершенствовалось. Искусство должно было служить возвышению образа матери над всеми земными чувствами. Целый ряд прекрасных произведений Сегантини показывает нам его мать, склонившуюся в нежном созерцании ее младенца. Каждый раз этот образ стройной молодой женщины, слегка склоненной, с нежными и приятными чертами лица приводит нас в восторг.

¹ Другие совпадающие с этим процессом последствия будут обсуждаться позже.

Эти картины появились приблизительно к тридцатилетию художника, когда он жил в Саваньине в кантоне Граубюнден. Тогда он создавал разные произведения, основываясь на своей фантазии. У двух из них есть особенная история возникновения, которая представляется для нас наиболее интересной.

Как рассказывает сам Сегантини, созерцание розы вызвало в нем чувственное ощущение, которое не покидало его. В то время, когда с цветов облетали лепестки, у него было видение румяного, молодого лица. Это видение побудило его перерисовать старую картину, изображающую женщину, умирающую от чахотки, таким образом, что из нее получилась румяная, молодая женщина.

Представленный случай станет более ясным при иллюстрации другого похожего случая, описание которого я беру из биографии Серваеза.

«Однажды, когда Сегантини — так рассказывает он сам, — намеревался подняться на внешний хребет одной из высоких гор в Альпах, в тот момент, когда до вершины оставалось лишь несколько шагов, он отчетливо увидел, как на фоне сияющего голубого неба выделялся большой цветок. Тот был необычайной красоты и цвета, который, как Сегантини ошибочно полагал, он никогда не видел. Лежа на животе на склоне горы, художник рассматривал милое чудо, которое одиноко стояло полностью освещенное на фоне неба. И тут случилось так, что цветок перед его глазами словно превратился в гиганта и в его воображении получил привлекательные человеческие формы. Большой стебель превратился в согнутую ветвь, и из этого возник полный грации образ сидящей румяной молодой женщины со светлыми волосами, держащей на коленях голенького ребенка; а ребенок держал в руках яблоко темно-красного цвета, соответствовавшего цвету крепкого стебля, выросшего из цветка. Тогда Сегантини нарисовал это видение и назвал его: «*Da un fiore dell' alpe*», «О цветке Альп». Позже он переименовал картину в «Плод любви».

Красота цветка у художника ассоциируется с красотой давно умершей матери! В этот момент цветок и мать для него идентичны. Цветок превращается перед его глазами в изображение Мадонны.

Эротичный подтекст этой фантазии станет более понятным тому, кто обратит внимание на значение определенных символов, проявившихся здесь, повторяющихся во всех плодах человеческой фантазии.

Серваез по праву отмечает, что образ ребенка на картине «Плод любви» представлен полным энергии, здоровья в отличие от нежной

матери. Большой интерес также представляет собой объяснение этой черты странной картины.

Изобразил ли художник самого себя в этом жизнерадостном ребенке рядом с матерью? Напротив, кажется, факты говорят, что Сегантини родился очень слабым, что он должен был быть крещен в спешном порядке. И все-таки другое обстоятельство дает нам право сохранить наше предположение в силе. Так говорится в автобиографии¹: «Своим рождением я ослабил мою мать, от чего она и умерла спустя 5 лет. Чтобы оправиться от этой слабости на четвертый год после родов она отправилась в Триент, но лечения не оказали ожидаемого действия». Молодая женщина так и не пришла в себя и зачахла, в то время как ребенок, который отнял у нее силы, вырос и пережил ее!

Но процитированные слова заслуживают внимания и по другой причине. У невротиков часто встречается мысль о вине в смерти любимого человека.

Как уже упоминалось, детское либидо невротика отличается сильными порывами ненависти. Они проявляются в фантазиях о смерти любимого человека или, если он действительно умирает, в чувствах удовлетворения и ужасном восторге. Если позже вытеснение развивает свою силу, то появляется чувство вины, от которого невротик не может защититься, хотя у него в сознательном воспоминании нет ни одной причины для подобных упреков. Он упрекает себя в виновности в смерти отца или матери, несмотря на то, что преступление его детства состоит лишь в запретных фантазиях и аффектах. Здесь попытки того, что позже совершенная несправедливость изглаживается, заканчиваются, особенно большое место они занимают в неврозе навязчивости. Воспоминание о любимом человеке лелеется теперь с чрезмерной любовью, окружается ореолом славы. Или совершается попытка вытеснить из сознания факт смерти, снова в своей фантазии пробудить мертвых к жизни.

О том, что для Сегантини культ матери также представлял противовес, при помощи которого он компенсировал враждебные

¹ [Цит. по: *Servaes, F.* Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 7; а также по: *Segantini. B.* (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 3.]

или ужасные порывы своего детства, с убедительной ясностью говорит событие из его детства, о котором он сам рассказывает¹.

«В первый раз я взял в руки карандаш для рисования, когда услышал, как женщина, всхлипывая, говорила своей соседке: “Ах, если бы у меня хотя бы была ее картина, она была так красива!” При этих словах я взволнованно взглянул на красивое лицо молодой, полной отчаяния матери. Одна из присутствующих женщин показала на меня и сказала: “Пусть картину нарисует этот мальчик, он очень способный”. Красивые, полные слез глаза молодой матери обратились ко мне. Она ничего не сказала, пошла в комнату, и я последовал за ней. В колыбели лежало тело маленькой девочки, которой было не больше года; женщина дала мне бумагу и карандаш, и я начал. Я работал много часов, женщина хотела, чтобы я изобразил ребенка живым. Я не знаю, получилась ли работа художественной, но я помню, что, вероятно, один миг женщина была счастлива, казалось, она забыла о своей скорби. Все же карандаш остался в доме бедной матери, а я лишь спустя много лет снова принялся за рисование. Тем не менее, возможно, это послужило первым зерном, из которого развилась мысль о том, что при помощи этого я мог бы выражать чувства».

Было бы слишком просто сделать вывод о первом превосходном рисунке мальчика по благородному, сострадательному порыву, тем более известно, что Сегантини, взрослому человеку, такие порывы были свойственны. Но тогда следует не упустить из внимания нечто знаменательное в этом событии.

К тому времени Сегантини было максимум 12 лет; тогда мне кажется странным, что мальчик на протяжении нескольких часов пребывал в одиночестве рядом с трупом, не испытывая страха и ужаса. Психическая реакция страха, ужаса, сочувствия постепенно возникает в детстве через сублимацию компонентов жестокости. Если она чрезвычайной силы, то происходит изменение к особенно выраженному сочувствию по отношению к страданиям другого человека и тревожному страху перед смертью. Обе эти черты в дальнейшей жизни Сегантини были выражены в редкой степени. В то время, когда он рисовал мертвого ребенка, процесс сублимации в этом направлении продвинулся несильно, из чего следует вывод,

¹ В письме к писательнице Neera; собрание Бьянки Сегантини [*Segantini, B.* (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909.] — S. 84f.

что один очень сильный компонент жестокости на двенадцатый год жизни с успехом сопротивлялся полной сублимации.

Компоненты жестокости в представленной сцене находят удовлетворение в рассматривании трупа ребенка и виде скорби матери. Но этого достаточно для порывов сочувствия, в то время как он с любезностью рисует картину красивой молодой матери, чтобы смягчить ее боль.

В рассказе этого случая Сегантини дважды упоминает *красоту* молодой женщины почти так же, как и при описании своей собственной матери. Та, что стоит здесь перед ним, сразу через «перенос»¹ занимает в его фантазии место его собственной матери и пробуждает в нем художественность! *Оказывая любезность матери, он становится художником.* Теперь мы уже догадываемся, что наш художник — так же, как и невротик, — пытается загладить вину перед чужой матерью, чего он не достиг по отношению к собственной посредством желания смерти, что подтверждается другим фрагментом из его рассказа. Несколько часов пребывания рядом с трупом Сегантини мотивирует тем, что по желанию скорбящей женщины *должен был представить мертвого ребенка живым.* Итак, имелось такое искусство, при помощи которого можно было возвращать мертвых к жизни! Позже он неоднократно при помощи своего искусства вызывал воспоминания о матери. В этом, как мы теперь понимаем, состоял акт покаяния, который на себя наложил взрослый человек за грехи своего детства. Подобное поведение напоминает о людях, страдающих неврозом навязчивости, которые — разумеется, в другой форме — неоднократно налагают на себя различные действия покаяния.

После этой первой пробной попытки прошли годы, во время которых Сегантини под давлением безрадостных обстоятельств должен был отказываться от рисования. В конце концов, ему удалось получить доступ в академию Брера в Милане. Первые картины, идеи и образы которых он теперь брал из своей фантазии, непосредственным образом были связаны с самой первой детской попыт-

¹ Из психологии неврозов нам известен процесс, когда чувства, относящиеся к первоначальному сексуальному объекту, могут переходить на другого человека, между тем в фантазии они идентифицируются с их предшественником.

кой рисования, как будто с тех пор едва прошел один день. Все, что он изображал, — это либо смерть, либо материнство!

Картины смерти будут обсуждаться позже. Здесь следует подумать о тех картинах, которые Сегантини закончил и представил на выставке, будучи студентом академии. Это голова *Ниобы*. Он должен был чрезвычайно трогательно представить *скорбь матери*, чтобы картина привлекала внимание.

К этому моменту Сегантини находился в возрасте физического и духовного развития. Мы знаем, что этот возраст будоражит в человеке все то, что в течение второго периода детства через вытеснение и сублимацию утихает. Для взрослеющего человека это значит окончательно занять определенную позицию по отношению к людям, на которых была направлена его первая любовная симпатия. Он должен решить, хочет ли он относиться к ним с первоначальными чувствами или изменит их, чтобы суметь перенести свои чувства на новый объект. И далее в это время принимается решение, в какой степени он вытеснит и изменит свои влечения.

У Сегантини перенос чувств любви к матери — которая уже давно умерла, — в полной мере проявился лишь теперь. Подобная фиксация либидо должна была привести к мощному сексуальному вытеснению, отражение которого мы также видим в жизни и произведениях Сегантини.

Из сообщений об этом периоде его жизни мы не узнаем ничего о его любовных связях, которые ожидает общественность от молодого художника. Напротив, он был сдержан и скромен по отношению к женскому полу. Он отличался от своих сверстников большой деликатностью, а также тем, что в разговоре избегал любого неприличного слова.

Из этого мы видим, что жизнь влечений Сегантини была ограничена, и можем объяснить этот факт лишь фиксацией его либидо на матери.

Только в 22 года он пережил то, что обычно называют «первой любовью». С раннего детства и до этого возраста над ним полностью господствовала лишь одна настоящая *первая* любовь — любовь к его матери. Также и сейчас еще проявлялась ее сила. У Сегантини мы находим необычное ограничение в отношении выбора сексуального объекта. Ему не удавалось, как это обычно бывает у молодых людей,

устанавливать отношения и разрывать, совершенный выбор был для него окончательным. Эта *моногамная* черта, которую мы находим и у невротиков¹, проявляется у Сегантини, и на это следует обратить внимание.

В свои 23 года (1881 г.) Сегантини нарисовал *первую картину эротического содержания*, которая — если мы воздержимся от упоминания нескольких сцен из жизни пастухов, — была единственной в этом роде! Сегантини при помощи своего друга Карло Бугатти просил его сестру Беатриче позволить ему нарисовать ее. Он рисовал ее в костюме средневековой дамы благородного происхождения, на левой руке у нее сидит сокол, которого она кормит с правой руки. Картина называется «La Falconiera». Серваез по праву отмечает, что на первый взгляд обнаруживается влюбленность рисующего. Сегантини в действительности влюбился и вскоре после того женился на своей прекрасной модели.

Его любовь к Беатриче — в семейном кругу ее называли Биче, — была пылкой и неизменной, как любовь к матери. Его брак и в малом не соответствовал понятию, которым обозначали браки художников. Этим должно быть сказано больше, Сегантини был хорошим главой семейства. До самой смерти он с пылкой влюбленностью был привязан к своей спутнице. Об этом свидетельствуют письма, которые он писал ей, когда они порою разлучались. Они кажутся странными, как излияния любви юноши. По тону чувств они напоминают некоторые места его автобиографии, где идет речь о матери художника.

В случае Сегантини мы находимся перед необычным явлением, потому что вся его любовная жизнь разворачивалась в его рано заключенном браке. Но ясно, что неодолимые влечения художника могли вынести такое ограничение лишь в том случае, если они должны были стекаться в сублимированной форме в совершенно *неограниченное* количество существований. В своей любовной жизни Сегантини строго моногамно должен был обращать свою одухотворенную любовь ко всему человечеству, ко всей природе.

¹ Ср. с моим сочинением «Место брака между родственниками в психологии неврозов» [Abraham, K. Die Stellung der Verwandtenehe in der Psychologie der Neurosen. // J. — 1909. — Bd. I. — S. 110—118. См. наст. том, С. 61—71.].

Здесь мы должны остановиться. Мы намереваемся проанализировать действие этих сил в искусстве и жизни зрелого мужчины. Но мы не должны оставлять время его молодости, до тех пор, пока не удостоим вниманием не только значение матери, но и отца.

II

В автобиографии художника мы очень мало читаем о его *отце*. Мы узнаем, что он вместе с пятилетним мальчиком после смерти матери Джованни покинул свое место жительства Арко. Он собирався в Милан к своим взрослым детям от предыдущего брака. Когда он прибыл в Милан, то в скором времени вместе с одним из своих сыновей от первого брака отправился в Америку и оставил Джованни с его сводной сестрой. С этого времени художник больше никогда ничего не слышал о своем отце.

В глаза бросается то, как Сегантини, потерявший обоих родителей одного за другим, подробно и с преданной любовью сообщает о своей матери, а о своем отце — не больше, чем приведенные выше скудные факты. И в то время как он призывает свое высочайшее искусство, чтобы прославить идею материнства, в то время как в каждом из своих произведений он вновь воздвигает памятник матери, напрасно искать положительное выражение тех чувств, которые связывали его с отцом. Если однажды на картине, кроме фигуры матери, и встречается фигура отца, то она никогда не находится одна в центре картины.

Так возникает предположение, будто отец не оказал влияния на развитие сына и его произведения, что сын был равнодушен по отношению к отцу. Но молчание Сегантини красноречиво, оно основано, как мы сразу можем заметить, на подавлении сильнейшей, направленной на отца враждебности.

Все заключается в бисексуальной склонности человека, которая направляет эротические чувства мальчика к обоим родителям. Но *предпочтение матери* сразу же становится явным. Порывы *ревности и враждебности по отношению к отцу* являются прямым следствием этого. После смерти матери причина ревности

исчезает. Теперь вся любовь мальчика естественно должна была бы обратиться к отцу. Именно в этот момент отец совершает то, что должно убить в ребенке всю любовь и усилить враждебные чувства: он привел мальчика с богатым воображением, духовные потребности которого он не заметил, из рая Гардазее в пустыню и нищету большого города, передав его в руки сводной сестры, которая не могла подарить ему ни времени, ни тем более любви и бросила его на произвол судьбы.

Так чувства симпатии по отношению к отцу были разрушены в зародыше; нам жаль, что у молодого Сегантини также отсутствовали и формы замены, которые при нормальных отношениях возникают через сублимацию любви к отцу.

В пубертате обычно происходит большее или меньшее значительное освобождение от отцовского авторитета, но также и после этого его действие заметно в выражениях детского уважения и любви. Сублимация продолжительного положительного переноса на отца влияет на общий ход жизни: в качестве потребности в поддержке сильного, в качестве склонности к подчинению собственной воли, в качестве несамостоятельного удержания принесенного. Бывает так, что и после пубертата сын противостоит родителям абсолютно неизменившимся отношением детской зависимости. Тогда обычно консервативная тенденция особенно велика, а стремительная активность особенно незначительна.

Сегантини резко противоречит этому последнему типу, он, так сказать, образует другую крайность. У него совершенно отсутствует дух подчинения, консервативная черта. Он пишет: «Первостепенной целью всякого развития, будь оно социальное или религиозное или еще какое-либо, является отрицание старого, нигилизм, разрушение». Этим Сегантини напрямую выражает революционные тенденции. Он мстит за отцовскую силу, против которой он должен был протестовать в раннем детстве; эта месть, прежде всего, за то, что отец после смерти матери оставил его в нищете и одиночестве. Но Сегантини не довольствуется отрицанием существующего; через устранение старого он хочет проложить дорогу к более совершенному новому. Он требовал этого не только с точки зрения теории, но и действовал согласно данному мировоззрению задолго до того, как провозгласил это открыто.

Итак, у Сегантини мы можем обнаружить определенно негативное значение отца. И как вся любовь к матери в сублимированной форме — ко всей природе, так и его ненависть, которая первоначально относилась к отцу, распространяется на все, что препятствовало выражению его воли. Разумеется, агрессивные импульсы, которые направлены против жизни противника, смягчаются сублимацией. Они дают Сегантини энергию, с которой он держится и добивается успеха против всего насилия. Жизнь Сегантини с самого детства — это протест против любого авторитета, который считает, что хорошо знает его индивидуальность.

Теперь эта энергия обращается против отцовской силы, и все-таки нельзя упускать из внимания то, что Сегантини в ней идентифицирует себя со своим отцом. Потому что отец для мальчика — это непосредственный пример выдающихся величины и силы, энергии и знания. Соперничество с отцом в значительной степени должно вызвать желание быть равным ему во всех этих качествах. Оно дает важный толчок к фантазиям о величии у ребенка.

Соппротивление против отцовской власти и желание быть самостоятельным, независимым, взрослым обнаруживается у маленького Сегантини в необычном выражении. Эти черты его характера позволяют нам понять его развитие как личности и его место как художника.

Шокирующим в жизнеописании художника является то, что он в возрасте шести лет должен был проводить свои дни запертым с утра до вечера в тесной, холодной, пустой комнате. Некоторое время он терпит такую судьбу, пока однообразное окружение не дает толчок для пробуждения его любопытства и фантазии. Это значит:

«Однажды утром, когда я, ни о чем не думая, тупо смотрел в окно, до моего уха донеслась болтовня соседок: они болтали о ком-то, кто будучи молодым человеком ушел пешком из Милана и прибыл во Францию, где совершил великие дела... Это было для меня, словно открытие. Итак, можно было покинуть это место и отправиться путешествовать... Я знал дорогу — мой отец показал ее мне, когда мы гуляли по дворцовой площади. Там, — сказал он, — за этим поворотом тянутся победоносные французские и пьемонтские войска. Триумфальную арку и дорогу воздвигли по указу Наполеона I; дорога, пролегающая среди гор, должна вести прямо

во Францию¹. И идея достичь Франции той дорогой больше не покидала меня¹.

Слова женщин напомнили мальчику о впечатляющем рассказе отца, в котором также шла речь о Франции и великих делах одного человека. Детские желания величия уже активны, а его импульсивная энергия требует немедленных действий. Шестилетний мальчик бежит, запасается куском хлеба, проходит через триумфальную арку и попадает на дорогу великого Наполеона.

Незадолго до этого так же и его отец, не говоря ничего, однажды покинул Милан. Малыш повторяет за ним. Но он не довольствуется фантазиями всех мальчишек быть похожими на своих отцов — он хочет стать таким же, как тот мужчина, чье величие вызвало восхищение даже у отца².

Дальнейшая история детства художника, как он сам рассказывает, богата странными переменами — настолько богата, что появляются сомнения, происходило ли все это в действительности. Не могла ли здесь чрезвычайно богатая фантазия ребенка и взрослого выдумать или хотя бы преобразовывать что-то до такой степени, что критика такого же человека уже не в состоянии разграничить эту фантазию и действительно пережитое.

Право на такое предположение вытекает из знания определенных фантазий, которые производятся удивительно одинаковым образом у многих индивидов так, что мы распознаем в них что-то типичное, общечеловеческое. Названные идеи мы находим в массовых фантазиях, то есть в мифах различных народов и времен. Ранее в моем исследовании «Сновидение и миф»³ я привел доказательство того, что мифы по форме и содержанию в значительной мере совпадают с детскими фантазиями отдельного человека. Ранк⁴ в специ-

¹ [Цит. по: *Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 15.]

² Люди, чьи агрессивные порывы задерживаются сильным вытеснением, и по сей день в своих фантазиях с удовольствием отождествляют себя с Наполеоном. Здесь находится важнейший бессознательный источник культа Наполеона.

³ Сновидение и миф. Исследование о психологии народов, [наст. том. С. 73—142.].

⁴ *Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden.* // *Schriften zur angewandten Seelenkunde.* — Helf 5. — Leipzig und Wien: F. Deuticke, 1909.

альном исследовании изложил «Миф о рождении героя». Каждый народ в своих легендах объясняет рождение и детство своего героя чудесными событиями, которые полностью совпадают с фантазиями детства отдельного человека. История детства Сегантини, как он сам ее представляет, поразительным образом напоминает об этих героических легендах.

Легенды о Моисее, Саргоне, Кире, Ромуле и Реме и т. п. — все совпадают в том, что сын знатных родителей по какой-то причине должен был быть устранен. Но чудесным образом он спасается, например, его достают из воды или случайно находят люди из низшего сословия, и он воспитывается, как их сын, выполняя грязную работу. Уже в юности, например, во время игры со своими сверстниками, он проявляет особые качества, которые отличают его от его окружения и определяют более высокое предназначение. Когда он вырастает, то узнает тайну своего происхождения, мстит своим угнетателям, совершает героические поступки и, наконец, достигает надлежавшей ему славы.

Давайте послушаем сообщение Сегантини о его детстве дальше!

Мальчик побежал вперед по дороге, пока при наступлении ночи не упал от усталости на обочину дороги и не заснул. Он не заметил, как вымок во время кратковременного дождя. Он проснулся, когда крестьяне, шедшие по дороге, разбудили его. Они позаботились о нем, взяли с собой и отправились вместе с ним домой. По дороге он снова заснул и проснулся лишь в доме своих спасителей. Как только он высох и согрелся, ему начали задавать вопросы о его истории. В автобиографии это описано так¹: «Я помню, как я выдумал длинную историю со многими подробностями о несчастном случае, который однажды случился со мной и особенно запомнился мне. Однажды — мне было три-четыре года, — я переходил по узкому деревянному мостику, который с главной дороги вел к красильне и был перекинут через горный поток, который своей силой приводил в действие несколько мельниц». На мосту, так рассказывает Сегантини дальше,

¹ [Цит. по: *Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 18 f; а также по: *Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 15.]

он встретил взрослого мальчика, который неосторожным движением толкнул малыша вниз. Солдат прыгнул за ним и вытащил его из воды, когда его уже несло потоком к мельнице.

Далее следует конец рассказа. Когда крестьяне слышали от маленького Сегантини, что он ни в коем случае не хочет возвращаться к своей сестре, то сказали: «Мы оставим тебя здесь, несчастный сирота, тебе нужно солнце. Но мы небогаты, и поэтому, если ты хочешь остаться здесь и освоиться, ты должен быть хоть как-то полезен!»... «На следующий день женщина обстригла мои длинные волосы, которые роскошными завитками спадали на плечи. Другая женщина, стоявшая рядом, сказала: “*Со стороны он похож на сына короля Франции*”...

В тот день я стал свинопасом: возможно, мне тогда не было и семи лет!»¹

Лишь пару недель мальчик мог остаться в его новом окружении, в котором на его долю выпало больше забот, чем у его сестры в Милане. Именно этот короткий эпизод с большой точностью и вниманием к деталям представляет Сегантини. В этом рассказе мы снова находим все важные черты из мифа о рождении героя! Здесь и разлука с родительским домом, которая, однако, происходит другим образом, чем в легендах, затем следует чудесное спасение *сердобольными крестьянами*, которые хотели воспитывать его у себя. В рассказ об этом спасении Сегантини включает вторую историю спасения: он был *спасен из воды* трехлетним ребенком! У своих приемных родителей он должен был исполнять *грязную работу* свинопаса, как многие герои легенд. Он, чья внешность напоминала о королевском принце!

В этой истории из детства художника невозможно обнаружить четкую границу между вымыслом и правдой. Но кому известно, в какой степени события детства зависят от преображающей мощи фантазии, тот увидит следы этой работы. Я обращаю ваше внимание лишь на одно место. Сегантини помнит, примечание относится к шестилетнему возрасту, что он похож на сына короля Франции.

¹ [Цит. по: *Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 20; а также по: *Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 16. Курсив Абрахама.]

Не случайно и то, что он запомнил дословный текст высказанного тогда мнения. Но содержание идентично с содержанием типичных *фантазий происхождения* мальчика. Отец, пример всей мощи и величия, с удовольствием возвышается фантазией мальчика до короля или императора; это часто повторяется в сновидениях взрослых, в которых нередко отец выступает в роли короля. Враждебные порывы по отношению к отцу проявляются у мальчика в том, что он в своей фантазии свергает отца с престола, а себя возвышает до сына мнимого короля, а своему настоящему отцу определяет роль лишь приемного родителя. Видеть себя принцем — это самая распространенная фантазия величия в детском возрасте. Вполне возможно, что после известия о короле Франции маленький Сегантини смешал фантазию с представлением, которые впоследствии в силу того, что носили характер желания, остались в его памяти как реальное событие.

Вся захватывающая история детства Сегантини похожа на личный миф. Люди с ярко выраженным тщеславием обычно окружают свое детство созданием таких мифов. То, что они в нашем случае защищаются легендами о рождении героя, позволяет увидеть, как Сегантини создает из глубины человеческой души¹.

Как уже отмечалось, Сегантини вскоре должен был покинуть свой приют и вернуться к сестре. В последующие годы предоставляются скудные данные. Мы лишь знаем, что он обитал у своих сводных братьев и сестер. Какое-то время спустя он поселился у своего сводного брата, который занимался в Валь-Сугана торговлей колбасой, затем опять у своей сестры, которая тем временем вышла замуж за хозяина лавки спиртных напитков. Мальчик вынужден был жить в таком окружении, правда, в своих фантазиях он пребывал в далеких мирах, пару раз он убегал в полной уверенности, что, как в сказке, встретит свое счастье. Когда, наконец, никто не был в состоянии справиться с этим беглецом и бездельником, от него избавились и отдали его в исправительное учреждение в Милане. Там он занимался ремонтом обуви.

¹ Мы не можем предположить, что Сегантини в своих фантастических образованиях подвергался влиянию знакомства с героическими легендами; здесь его образования было недостаточно.

Дисциплина этого учреждения также была не в силах сломить волю двенадцатилетнего мальчика. И он противился духовному и всем другим авторитетам. Когда он должен был в первый раз идти на причастие, то настойчиво сопротивлялся. Он отбыл наказание, наложенное на него за это, и сбежал. Его схватили и вернули обратно, и он оставался в учреждении, пока ему не исполнилось пятнадцать лет. Его начальники сообразовали согласовать свои методы воспитания с его характером. При этом они стали лучше ладить с ним. В конце концов, он осуществил свое желание, которое долгое время лелеял, и его отдали в обучение художнику.

Теперь пятнадцатилетний ученик противостоял новому властелину, который представлялся как бравый мужчина, имеющий знания лишь в своей узкой области искусства. Он также не справился со своими обязанностями, как и его предшественники, которым самоуверенный воспитанник навязывал свои идеи.

Сегантини не хотел оставаться здесь долго. С энергичной решимостью он расстался со своим учителем, поступил в школу искусства Брера и с большим трудом пытался добыть себе пропитание. Всяческими способами он доставал скудный заработок, которого часто было недостаточно, чтобы унять голод.

Но благодаря своему превосходному дарованию и ярко выраженной индивидуальности он быстро завоевал уважение своих коллег. Среди тех учеников, которые протестовали против традиции и школы, он скоро стал лидером. В этом качестве он вызвал недовольство учителей. В следующий раз после первого успеха молодого революционера на миланской выставке его выставленной картине отвели совершенно недостойное место. Здесь проявилась вся импульсивность Сегантини. Произошло следующее, как сообщает Серваез: «Он вошел, сорвал свою работу и искромсал ее на части. Но это еще не все, когда он встретил на улице профессора, которого подозревал в постигшей его несправедливости, то с жаром призвал его к ответу за это, ему было трудно овладеть своим темпераментом, так что он схватился за фонарный столб и так долго тряс его, что плафоны задребезжали».

Теперь Сегантини не мог и здесь оставаться долго, и молодой человек двадцати лет, не терпящий никакой власти над собой, сделал смелый шаг в сторону самостоятельности. Постоянно борясь

с крайней материальной нуждой, он следовал своему пути с неиссякаемой энергией. Судьбу своей молодости он обобщил красноречивыми словами¹: «Своим телом, в которое судьба вложила мою душу, я должен был много бороться. Оно было покинуто и стало сиротой в шесть лет, так одинок без любви, так далеко от всех, как дикая собака. В такой ситуации я мог лишь одичать и в противоположность действующим законам постоянно был преисполнен беспокойством и протестом».

Возможно, сильнейшее проявление своего отвращения к подчинению в скором времени молодой Сегантини выразил следующим действием, которое Серваез осторожно обходит молчанием. Сегантини, австрийский подданный, уклонился от военной службы. По тому, что всевозможные последствия этого действия не могли воспрепятствовать ему, видно, как им очень сильно овладело стремление к независимости. Его наказанием было то, что он долгое время не имел права вступить на землю своей родины. Он очень сильно страдал от этого наказания, и умер, когда был близок к выполнению своего заветного желания — снова увидеть свою любимую родину.

Это действие кажется несовместимым с характером человека, который этически был таким чувствительным. Оно становится понятным нам из анализа его бессознательного. На родной земле он любил свою мать, но в государственной власти своей страны он ненавидел отца.

III

Мать, родина и природа образуют в мире идей Сегантини, а также и в его внутреннем мире нерасторжимое единство. В силу их внутреннего родства они сливаются воедино, как мы это обычно называем, в «подчеркнуто чувственный комплекс».

Необычная сила этого комплекса объясняется историей детства Сегантини. Когда он потерял свою мать, он должен был также поки-

¹ С. 72 собрания Бьянки Сегантини [*Segantini, B.* (Hrsg.) *Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 72.]

нуть родину и природу. Одним ударом он лишился всех своих самых дорогих благ, но в его воспоминаниях они остались неразделимо связанными.

Отец забрал его из окружения, которое он любил; большой город, где он стал одиноким, ничего не мог дать душе мальчика. Тогда он стал игнорировать отца и город. Так как они заставили его лишиться любви, он навсегда отвернул свои чувства от обоих. Избыток любви к матери, родине и природе должен был усилиться этим контрастом.

В самое плачевное время, которое он должен был пережить юношей, Сегантини использовал каждую свободную минуту, чтобы сбежать из города на природу, которую он, по воспоминаниям его друзей, любил с восторженной преданностью. Он страдал не так долго, потому что ему удалось найти замену матери в своей Биче в Милане. Его потянуло назад к природе; он также должен был найти замену и потерянной родине. Так, вместе со своей молодой женой он направился в Пузиано в Брианца, это местность между двумя южными протоками озера Комо. Там он стал живописцем своего простого родного окружения.

В то время Сегантини был еще далек от вершины своего искусства. Это было, как метко подметил Серваез, — ограниченное пространство, в котором вращалось его искусство. Он рисовал картины из деревенской жизни, которые не свободны от жанровой окраски: некоторые из них показывают, что он все-таки не полностью освободился от влияния школы. Он больше всего приблизился к своим поздним произведениям тогда, когда изобразил единство человека и животного. Все эти сцены содержали мало движения: мечтательные пастухи, пастушка, которая тихо молится своей Марии (Ave Maria), мать, скорбно склонившаяся над пустой колыбелью. И все эти картины были выдержаны в темных тонах. В это время Сегантини рисовал тусклый свет внутренних помещений, сумерки лунной ночи, мрачное грозное небо и с особым пристрастием — приглушенное освещение захода солнца.

Часто произведениям того времени присущ определенный чувственный тон. Человек заботится о животных с добротой и сочувствием. Полная материнской нежности пастушка на картине «Uno di più» [«Новорожденный»] несет на руках новорожденного ягненка;

пастух на картине «Стрижка овец» с любовью и сострадательностью склоняется к животному, шерсть которого стрижет.

Тогда в первом варианте появилась картина, сюжет которой художник позже снова использовал и полностью переработал: «Ave Maria a trasbordo» [«Ave Maria на переправе», 1886]. На этой картине изображена утомленная тишина. Мужчина в лодке кладет весла, женщина с ребенком на руках, кажется, погрузилась в дремоту. Стадо овец, которое наполняет лодку, прижимается в сторону, направленную на зрителя, но спины животных образуют лишь незначительно подвижную поверхность. Над всем лежит свет заходящего солнца, покой вечера.

Эта картина объединяет в себе все характерные черты периода Брианца; возможно, это лучшее произведение того периода — весь Сегантини. Тогда в художнике произошла перемена. Он прекратил пренебрегать чисто техническим и считать в произведении искусства чувственное содержание единственно существенным.

В этом отношении Серваез¹ говорит о «свободной самоотдаче» художника. У него была высокая продуктивность. Тот в большой мере уступил потребности творчески выразить свои душевные переживания («sentimenti»).

В автобиографических записках Сегантини говорит: «Природа для меня, словно инструмент, издающий звуки, которые сопровождали все то, о чем рассказывало мое сердце. И он поет спокойную гармонию заходящего солнца, внутреннюю суть природы. *Так моя душа жила большой меланхолией, которая звучала в душе с бесконечной усладой*»².

Мы должны выделить из душевной жизни Сегантини того времени два явления: склонность к мрачному настроению и сочувственную любовь, полную сострадания доброту к творению. Эта

¹ Данная здесь характеристика этого периода творчества опирается на представление Серваеза [Seroaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 66.].

² [Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 19. Курсив Абрахама.]

задача особенно интересует нас потому, что позже Сегантини в обоих случаях переживает заслуживающую внимания перемену.

Мы помним, что в период развития сексуальное влечение художника должно было претерпевать значительное ограничение. Если теперь — как было объяснено, — активный мужской компонент влечений в большой степени вытесняется, то обычно из этого образуется усиление противоположного ему компонента. Во всю внутреннюю жизнь вносится черта пассивности, которая больше, чем в одной характеристике, напоминает о психосексуальном поведении женщины. Готовность к страданиям предпочитается энергичной агрессии. Так возникают часто встречаемые у невротиков меланхоличные случаи мрачного настроения, которые регулярно, — однако, не всегда сознательным образом, — наряду с мучением, скрывают в себе удовольствие. Об этой «упойительной меланхолии» Сегантини рассказывает не как о зле, а как о богатом источнике творческого вдохновения. На картинах этого времени черта пассивности, грусть выражается *символически* через серьезное спокойствие и заглушенное освещение. Закат солнца, который Сегантини тогда часто изображал, указывает нам на мысли о смерти, как они принадлежат каждому случаю меланхоличного, дурного настроения и в то же время указывают на центр всех его фантазий — *мать*. «Она была прекрасна, как закат солнца весной» (см. выше [наст. том, С. 196]), — писал он о ней позже. Фантазии о смерти, которые однажды относились к матери и позже обернулись к собственной личности сына, нашли свою сублимацию в произведениях этого времени.

Участливая любовь к природе, «со-страдание» к всем существам было уже выведено раньше из вытеснения агрессивных порывов влечений. Так страдание и сострадание образовывали тогда цель сублимированных влечений.

В душевной жизни художника произошла большая перемена. Утомительная меланхолия прекратила быть преобладающим настроением, она уступила место *восторженной радости творчества*. Однако позже и особенно в последние годы жизни мрачное настроение снова одержало верх.

Мы хорошо знаем этот процесс по наблюдениям за невротиками. Так же и у них обычно пубертат приносит собой один выходящий за пределы нормы толчок вытеснения, вместе с чем сексуальность невротика в особенной степени приближается к *женскому* типу. Также невротики склонны с начинающегося пубертата до третьего десятилетия жизни и за его пределы к мрачному, обиженному на весь мир душевному настрою и пассивной готовности к страданиям. Они лишь постепенно преодолевают эту фазу и раскачиваются к решительному жизнеутверждению и нормальной, нередко даже чрезмерной производительности.

Теперь Сегантини счастливым образом удалось преобразовать свои агрессивные порывы влечений в мощное стремление к работе, вместо того, чтобы, напротив, парализовать их при помощи реакции, как это было ранее. Вместе с этим стремлением мужская активность стала в нем господствующим принципом, изменилась его точка зрения по отношению к природе и характеру его искусства.

Из Брианца Сегантини на короткое время переехал в Каглио, что находится выше озера Комо. Там он создал свою первую картину в большом формате «*Alla stanga*» [«На песчаной мели»]: обширная местность в предвечернем свете; на этой картине на песчаной мели расположены частью ближе к зрителю, а отчасти дальше ряды коров, среди них люди, с удовольствием занимающиеся сельской работой. Это уже не являлось жанровым фрагментом из жизни пастухов, это была смелая попытка охватить всю природу через искусство.

Вскоре после этого Сегантини вместе со своей супругой отправился в горы на поиски места для длительного поселения. После долгих поисков он выбрал деревню Савоньин в граубундских Альпах (1886 г.). Эта девственная часть земли, кажется, полностью соответствовала его ощущению природы. Тихая горная деревушка, название которой в большом мире едва ли кто-то знал, стала его новой родиной. Здесь вместе с женой и детьми он вел жизнь горцев.

Выход из предгорья Брианца в высокогорную долину Савоньин является вехой в развитии Сегантини. Что же потянуло его в высоту, сначала это были горы, которые он впервые так близко видел здесь, на своей новой родине, как в годы детства. Он желал большего, как написано в одном из его писем, — достичь совершенного познания природы. Глаз художника там, наверху, притягивали прозрачность

воздуха, чистота солнечного света, сочность цветов. Но прежде всего — выход на высоту символично значил для него, одиноко творящего, стремление ввысь, за совершенством, выражал страстное желание постоянно превосходить себя самого в неутомимом творчестве, потребность, как художник, завоевать всю природу, чтобы господствовать над ней, как король. «В той земле, — так написано в автобиографии, — я смелее обратил свой взор к солнцу, чьи лучи люблю, которое я хотел завоевать»¹.

Теперь работой следующих лет было что-то другое из-за «свободной самоотдачи». Это напряжение всех сил, в котором сублимированное агрессивное удовольствие нашло воплощение. По его собственному признанию Сегантини был охвачен волнением, которое не позволяло ему чувствовать работу и невзгоды. Теперь все в нем стремилось к *созданию произведения*, которое он обозначил как *отелеснивание духа в материи*!²

Какое различие в мировоззрении! Тот же человек, который на протяжении нескольких лет отрицал жизнь из-за утомительной меланхолии, теперь видел себя в смелом полете мыслей творцом, *властителем* природы. Он нашел путь к себе самому, а между тем снова возобновил фантазии величия своего детства.

Но добрая, сострадательная любовь к природе перешла в жгучую жажду, сильное желание обладания. Сегантини иллюстрирует это пылкими словами, отрывок которых следует привести здесь³:

«Да, я страстный почитатель природы. В прекрасный солнечный весенний день в этих ставших мне родиной горах ... я чувствую безмерное ликование; кровь в венах кипит, как во время первой юношеской любви к боготворимой девушке.

Я увлечен этой любовью, которая никогда не насытит [его], склоняюсь к земле и целую стебли травы, цветы ...

Я испытываю жажду, о земля, и, склонившись к твоим чистейшим и неисчерпаемым источникам, я пью, пью твою кровь, о земля, кровь моей крови».

¹ [Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 20.]

² [Cp. Ibid. — S. 28.]

³ [Ibid. — S. 54f.]

На язык науки мы переводим эти мысли так: *вид природы приводит чувства художника в опьянение, которое он ставит параллельно с сексуальным возбуждением*. Сублимированные влечения неистово требуют удовлетворения; их призыв направлен на не меньший объект, чем вся природа. В пылкой любви к материнской природе любовь к той матери празднует воскресение, которое было «кровью крови».

Первый год пребывания в Савоньине знаменуется произведениями, которые относятся к лучшим творениям Сегантини¹. Некоторые из них возобновляют ранние мотивы периода Брианца, но именно эти картины четче всего показывают рост его мастерства. В первую очередь здесь следует назвать «Ave Maria a trasbordo». Умелой рукой Сегантини придал картине немного измененное *деление пространства* и новое *освещение*; но прежде всего это был первый опыт использования новой техники *разделения цветов*, к которой мы вернемся позже. На это же время приходится создание восхитительной картины «Вяжущая у забора девочка». Когда он впервые представил похожий мотив в Брианца, то ему отводился лишь хмурый, мрачный свет. Сейчас все залито ослепляющим *солнечным светом*.

В этот период переворота в искусстве Сегантини был только *один* полюс спокойствия: комплекс матери. Что касается мыслей и чувств в этой области, то они, кажется, не изменились. Это вполне проявилось в следующей характерной черте Сегантини. Он не позволил юной крестьянской девочке, которую он изобразил «вяжущей», покинуть его. «Баба» — так ее звали, — должна была переехать в его дом. Во все последующие годы она оставалась его *единственной* моделью, наряду с этим, она была домочадцем в его семье. В ней он нашел тот тип, в котором нуждался для картин материнства и труда. Здесь не требовалось ни единого изменения, и он крепко держался за единственную модель.

Но идею материнства в дальнейшем он воплотил в великом шедевре пленительной силы — «Дее матери» [1898—99]. Девушка сидит в конюшне на скамеечке; в то время как она обнимает своего спящего ребенка обеими руками, в дремоте ее голова

¹ В дальнейшем представление тесно примыкает к Серваеу.

опускается. Рядом с ней видно массивное туловище коровы, у ног которой лежит маленький теленок. Свисающая лампа бросает сумеречный, красноватый свет на женщину с ребенком и заднюю часть туловища коровы; в остальном пространстве господствуют сумерки. Над группой царит торжественное спокойствие; можно лишь согласиться с тонким примечанием Серваеза, что художник при помощи всех этих фигур картины подчеркивает всеобщее спокойствие и настойчиво — схожесть характеров обеих матерей. Это действие усиливается при помощи другого такого же простого средства, а именно — характерного контура. В связи с этим Серваез говорит: «Корова стоит с прямой спиной и тихо опускает голову в корыто. А где заканчивается спина коровы, там начинается голова молодой женщины, спина которой принимает строго вытянутую горизонтальную линию и позволяет ей мягко скользнуть вниз. А далее картина заканчивается, так что четко видно (и все-таки становится лишь темнее), как край картины идет параллельно спине коровы. Деликатная торжественность этого деления для рассматривающего зрителя превращается в показатель чувств. Легкой рукой художник управляет нашими душами».

Примерно в 1890 году непрерывными стараниями Сегантини удалось привести технику разделения цвета к ожидаемому завершению. Чудесная картина «Пахари» (в раннем варианте она называлась «Целина») — первый зрелый плод этого труда. Сейчас ему удалось изобразить прозрачную ясность воздуха, колебание красок на той высоте, что не удавалось никому до него и после него. Он поставил человека вместе с его верными друзьями, домашними животными, чудесным образом пластично на переднем плане картины. Все детали ландшафта он выполнил с присущей лишь ему любовью. Вытянутая цепочка Альп на заднем плане с бесконечно богатым чередованием лучится от сияния скал и снега. А над всем этим лежит дрожащая голубизна сияющего чистого неба.

Сегантини достиг завершения этой разделительной техники абсолютно самостоятельно. Тогда подобной проблемой художники занимались повсюду, различными способами искали ее разрешения. Независимо от всех этих попыток со спокойной уверенностью Сегантини шел своим путем, пока не достиг цели.

Это был не только его превосходный талант художника, ука-
завший ему путь. Поиск света и цвета лежал глубоко в жизни его
влечений. Света и цвета жаждал его глаз, и так, следуя внутреннему
порыву, он должен был направить свое высочайшее стремление на
полное изображение обоих.

Уже в одной из своих ранних работ как ученик художника, он
поставил проблему освещения и решил ее. Затем, однако, во времена
меланхолического настроения он перешел к живописи в темной гамме.
Когда его потом потянуло в горы, и он захотел завладеть природой,
его настроение-победитель нашло отражение в тоске по лучистому
солнечному свету, который там, наверху, раскрыл свое полное сияние.

Мы уже узнали из собственных слов Сегантини, какие чувства
возбуждал в нем вид всех этих великолепий. Он смотрел на при-
роду глазами влюбленного, она приводила его в упоение блажен-
ством. Итак, не нужно доказательств, что здесь проявилась значи-
тельная сублимация тех половых компонентов влечений, которые мы
называем *удовольствие от зрелищ*. Это влечение служит импульсу
либидо при помощи наблюдения телесных качеств сексуального объ-
екта, которые мы обычно называем просто его прелестями. Субли-
мация влечения зрелища дает главную часть к оформлению тех сек-
суальных преград, которые мы обозначаем как чувство стыда, кроме
того, оно в большой мере способно на творчески-эстетическую суб-
лимацию.

Влечение к зрелищам у Сегантини, несмотря на его значитель-
ную силу, отвернуто от собственно сексуального в необычной сте-
пени. И лишь абсолютно в виде исключения мы находим на картине
обнаженную фигуру. Так, например, на картине «Источник зла»,
относящейся к более позднему времени. Обнаженный женский образ,
отражающийся в воде, аллегорически представляет собой тщеславие.
Здесь посредством изображения обнаженного тела художник пре-
следует этическую цель! Под прозрачной вуалью он прячет «*Dea*
ragana», языческую богиню чувственности. Оба названных произве-
дения характерным образом не относятся к блистательным шедеврам
мастера. Совершенно другая сила в «*Dea christiana*», доброй матери
с ребенком, в эту картину — так отмечают, — он вдохнул всю силу
своих чувств. В произведениях Сегантини совершенно отсутствует

все грубое. Там, где он представляет эротические сцены, он пишет нежно, задушевно и непорочно.

Его сублимированное влечение к зрелищам обращено к природе; свет и цвет были источником его восторженного счастья. Сегантини рассказывает о своем детстве, как вид одного маляра, возмужавшего с кисточками и красками, наполнил его жгучим любопытством. Мальчик, как зачарованный, наблюдал за безыскусной мазней ремесленника. В пятнах красок он обнаружил фантастические фигуры животных и людей; в пестром чередовании явления сменяли друг друга. Дальнейшие описания его детства показывают, с какой жадностью он воспринимал оптические впечатления и хранил их. Достояния внимания великая визуальная оживленность его изображений: каждая сцена автобиографии действует, как картина. Сегантини был не только преисполненным любовью наблюдателем природы; что его глаз впитал в себя от формы и цвета, то преобразовало его художественную фантазию в единое целое.

У него самого никогда не исчезало чувство, что он в этой наблюдательной и художественно формирующей деятельности во всей полноте проявлял свою эотику. Когда он однажды высказался о том, почему никогда перед написанием картины не делал эскизов, то написал:

«Художник, который сначала делает наброски, подобен молодому человеку, который приходит в восторг, когда видит красивую женщину и хочет овладеть ею на месте, хочет сразу же наслаждаться объятиями, покрыть ее губы и глаза поцелуями и пылко сотрясаться в блаженстве объятий. Теперь он создает свои эскизы... Мне, наоборот, нравится дать любви созреть и приласкать мои идеи в мысли, хранить их в моем сердце; хотя видя их оформленными наполовину, бичую себя и довольствуюсь тем, чтобы дать им хороший дом; между тем я продолжаю рассматривать их глазами души в этом освещении, в том положении, в измененной чувственной связи».¹

¹ [Из письма к Витторе Грubbичи от 28 декабря 1889; цит. по: *Servaes, F.* Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 89.; также *Segantini, B.* (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 171 f.]

Напротив, очень показательно то, что художник, пренебрегающий подготовительными набросками, после окончания картины снова несколько раз возобновлял их тему, пытался придать им тот или иной вариант, новые стороны. Комплекс, в рамках которого осуществлялось произведение, владел им так, что у него было чувство, что он еще не выразил самый чуткий порыв своей души.

IV

Со всей силой своих влечений Сегантини добился господства над светом и цветом. Тогда к восторженной радости стали примешиваться мрачные настроения такого же или схожего характера, которые так часто охватывали его в Брианца. Внутренние причины этой повторной перемены нельзя увидеть точно. Тем не менее, можно высказать некоторые предположения на основе общих знаний.

Колебание между двумя крайностями объясняется жизнью влечений невротика. Противоречащие друг другу влечения не достигают гармоничного равенства. Если одно из них добивается господства в сознательном, то другое, вытесненное в бессознательное, противоположное влечение не дает покоя. Под маской невротических образований замены оно обеспечивает себе доступ к сознательному. Если, например, мужская активность имеет преимущество и намеревается добиваться признания со свойственной невротическим влечениям импульсивностью, именно тогда возникает стимул для подавленного компонента обратить на себя внимание сознательного. К настроению триумфа примешиваются меланхоличные чувства.

У Сегантини добавляется и другой момент. Он с напряжением всей энергии довел до полного совершенства свою художественную технику, отвоевал у природы тайны цвета и света. После достижения желаемой цели напряжение резко снижается. Влечения, сублимация которых осуществила эти достижения, вдруг лишились цели. Они требуют новой цели, новой экспансии, потому что благодаря успеху они стали лишь более требовательными. Если это требование нельзя выполнить сразу, то возникает мрачное настроение. Человек чувствует себя беднее, чем раньше, беднее на надежды, и восторженная радость уступает место меланхолическому осадку.

«Час скорби» [1892] — первая картина, которую Сегантини создал в таком настроении. Она находится в сильном контрасте с предыдущими произведениями. В первый раз мы снова встречаем вечерние сумерки! «Перед маленьким дымящимся круглым котелком, под которым тлеет красный огонь, на каменистой пашне вечером сидит мерзнущая молодая крестьянка, погруженная в мрачные мысли. Напротив нее стоит пегая корова и, мыча, вытягивает шею» *.

Настроение картины — безутешное одиночество. Но при помощи чудесного мастерства художник через характерные контуры устанавливает тесную связь между человеком, животным и ландшафтом. Так, в картине звучит утешение: человек не покинут, если он чувствует себя единым с природой; это вероисповедание художника, который не знал индивидуального по-отцовски заботящегося бога.

Вскоре после завершения этой картины Сегантини захватило одиночество. Здесь проявилось то, как каждое произведение выходило из глубины его внутреннего мира. Одиночество, которое соответствовало его душевному состоянию, он нашел высоко над Савоньином в деревне Тюсан, где летом 1893 года жил в хижине. Здесь он был окружен богатой альпийской растительностью и мог бы и там наслаждаться светом и цветом, вместо этого, он часами поднимался к высокогорному пастбищу, где не было пышных трав и богатого обилия цветов. Он рисовал эту глушь с маленьким стадом пасущихся овец. «Здесь сидит грустный пастух, почти еще мальчик, но все-таки обессиленный и усталый, как старик. Загорелое от солнца лицо в полусне наклонилось вперед, руки вяло и расслабленно покоятся на коленях. Местность простирается, становясь все более серой и черной»².

Картина носит название «Альпийское пастбище». Каждая черта в ней напоминает о меланхолии в период жизни в Брианце. В жалком одиночестве «Альпийского пастбища» Сегантини находит единс-

¹ Серваез [Serraes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 119.]

² Ibid. [Seruaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 121.]

твенное утешение. Здесь, где природа едва дает своим созданиям пару сухих стеблей травы, для него проявляется материнство во всем его величии. На переднем плане картины стоит овечка, кормящая двух ягнят. Любовь матери — так гласит этот символ, — для животного и человека в ситуации одиночества является самым надежным убежищем.

В период с 1890 по 1893 годы возник ряд произведений, которые называют *«Картинами нирваны»*. Очень часто Сегантини представлял себе подобную идею в различных вариациях. Первая версия (под названием *«Преисподняя для сластолюбцев»* [1891], сейчас она находится в музее Ливерпуля) и последняя (названная *«Плохие матери»* [1896—97], находится в современной галерее Вены) с художественной точки зрения относятся к величайшим творениям художника. Но с точки зрения содержания *«Преисподняя для сластолюбцев»* встречается с особенно большим противоречием. Так как ее не понимали и, несмотря на все попытки, не могли прийти к совершенному поясняющему толкованию.

Это случилось в то время, когда художественность Сегантини уже приобрела достойную значимость. Картина, которую следует объяснять? До него этого не случалось. Его ранние произведения — подразумеваются, например, картины материнской любви, — в четкой и простой манере исполнения обращались к сердцу каждого человека. Загадка этих картин еще и сегодня не решена полностью. Удастся ли психоанализу раскрыть тайну?

Нам известно, что Сегантини получил толчок для создания *«Преисподней для сластолюбцев»* в буддистской мифологии. Там он обнаружил учение о том, что женщины, которые жертвуют свою жизнь чувственности, вместо того, чтобы посвятить себя материнству, приговариваются за это *после смерти к скитанию и парению над пустынными снежными полями*. Теперь он рисовал широкое снежное поле, на котором глаз не находил спокойного места, с темной цепочкой гор на ближнем и ослепляюще-белой на заднем планах. Над безотрадной поверхностью неподвижно парят призрачные, мертвенные тела женщин.

Поздняя версия (*«Плохие матери»*) на переднем плане содержит парящую фигуру женщины, волосы которой запутались в кустарнике. «Весь изгиб ее тела, словно плаксивая жалоба; вытянутые

руки, словно беспомощное разочарование; развевающиеся, висящие на дереве волосы, словно боль самоубийцы; мертвенно-бледное лицо с искривленным ртом и выдавленными глазами, словно мука раскаяния. Шокирующее действие оказывает ищущая, жаждущая головка покинутого ребенка, склонившегося над обнаженной холодной грудью матери, которая замерзла от бессердечности»¹. Добавлена фигура ребенка. Вместо нескольких женщин на переднем плане парит лишь *одна*. Вдали виднеется стая других кающихся, парящих над заснеженным полем.

Бессердечная мать и покинутый ребенок на этой картине, как отмечает Серваез, составляют резкий контраст матери-овце и ягнят на картине «Альпийское пастбище». Эта картина и «Плохие матери» возникли в Тюсане. Сегантини, как он сам позже писал, хотел при помощи «Преисподней для сластолюбцев» наказать плохих матерей, потому что, по его мнению, их жизнь противоречила самому главному принципу природы. Мы не должны сомневаться, что это намерение мысленно представилось ему во время работы. Напротив, это показывает, что самые близкие и истинные мотивы, которые побудили его создать это произведение, ускользнули от сознательного художника.

Все продукты человеческой фантазии, нормальные и болезненные, позволяют, — как указывал Фрейд, — наряду с явным («манифестным») содержанием, различать скрытое («латентное»). Сознательное знает лишь первое, в то время как скрытое содержание ускользает от него. И все-таки это истинное — самое важное содержание образования фантазии. Часто явное содержание без него совсем непонятно. Латентных источников образований фантазии достигают при помощи психоанализа, он раскрывает вытесненные влечения, доступ которых к сознательному разрешен лишь тогда, когда они становятся неузнаваемыми благодаря значительному искажению.

Мистико-фантастические произведения Сегантини и по сей день непонятны полностью, так как в глаза бросается лишь их манифест -

¹ Серваез [Sereaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 135 f.]

ное содержание. Психоанализ ставит задачу исследовать вытесненные желания, которые выражаются в трудно понятных символах.

Это должны быть глубоко вытесненные, особенно противоречивые сознательному порывы желания — иначе Сегантини представил бы их коротко и ясно, что всегда являлось его манерой. Он мог бы быстрее и напрямую достичь цели наказания плохих матерей. Потому что, являясь непонятными, они не достигают цели поговорить с сердцами женщин.

Сегантини — как мы узнали раньше, — с большой интенсивностью подавлял компонент жестокости в своей жизни влечений. В первую очередь это были агрессивные, жестокие порывы по отношению к его *матери*, которые должны были претерпеть преобразование в противоположные чувства. Во всех своих произведениях он проявил себя снисходительным, добрым, сочувствующим. А теперь он показал жестокие наказания потустороннего мира! И наказанными были матери! Это бывшие враждебные порывы желания смерти ребенка по отношению к собственной матери, которые мы видим здесь вернувшимися из вытеснения. Однако, на картине «Преисподняя для сластолюбивцев» изображено больше парящих фигур, и у зрителя не создается впечатления, будто художник специально желал указать на одну из них. По-другому это выглядит в позднем варианте! Здесь он обращает наш взгляд на одну кающуюся в ее безутешном одиночестве и на брошенного ребенка. Разве сам Сегантини был брошен не так же, как этот ребенок? Одиночество после смерти матери пробудило в нем первые муки страха. За желанием в общем наказать плохих матерей теперь проявляется *бессознательное желание наказать собственную мать, отомстить ей*.

Весь страх и уныние, которые он сам испытал в состоянии одиночества, Сегантини проецировал из себя самого на кающуюся мать. Буддистская легенда, приговорившая плохих матерей к мукам одиночества, коснулась родственных мыслей в его душе. Ни одно другое наказание не могло ощущаться так четко, как то, что пережил брошенный ребенок!

Мальчик, привязанный к своей матери со всей страстью детской эротики и с ревностью следящий за каждым ее шагом, чувствует себя покинутым ею, если она даже на короткое время отворачивается от него. Его охватывают чувства страха, ревности по отно-

шению к своим соперникам и враждебные мысли по отношению к матери. Она может дать ему еще столько любви, но останется для него плохой матерью, потому что никогда не даст ему ее в достаточном количестве. Бессознательное взрослого невротика требует, как это показывает психоанализ, мести матери, так как однажды она дала больше любви его отцу, чем ему самому. В некоторых симптомах невроза сын осуществляет возмездие матери из-за этого случая. Такое возмездие собственной матери находится в «Преисподней для сластолюбцев» Сегантини.

То, что бесчувственные матери перенесены для наказания за их холодность сердца в пустынные снежные поля, несложно понять. Напротив, следует объяснить, почему, согласно буддистскому мировоззрению, плохие матери *парят* над снежными полями. Понятное объяснение гласит, что парящие женщины приговорены к мукам долговременного бездействия; именно бесконечно однообразное движение над пустынной поверхностью увеличивает впечатление вечного наказания.

Но миф мог бы выразить то же самое при помощи другой символики, например, посредством бесконечного скитания в песках пустыни. Подробный анализ мифа, как и любого другого образования фантазии показывает нам строгую причинную обусловленность каждого символа¹. Также и у Сегантини должна была иметься особая причина для того, чтобы он перенял это представление из мифа, иначе бы его творческая фантазия не позаимствовала подобных идей. Итак, мы должны глубже исследовать взаимосвязь между виной матери и способом ее наказания.

Одно произведение нашего художника, возникшее примерно в тот же период времени, что и картины нирваны, дает нам ключ к разгадке этой проблемы. Это уже упоминавшаяся картина «Dea rapana». Сегантини представил богиню чувственной любви *парящей*. Удобно положив голову в собственные руки, она, кажется, наслаждается сладострастным удовольствием плавного парения, в то время как неземная Dea Christiana спокойно опустилась и погрузилась в блаженное созерцание своего ребенка.

¹ Ср. с моим вышеупомянутым исследованием «Сновидение и миф», [наст. том. С. 73—142.]

Мы стоим перед удивительным фактом, одно и то же движение на одной из картин символизирует наивысшее удовольствие, а на другой — тяжелейшую муку. Однако, для психоаналитика подобный парадокс привычен и понятен. Ему известно, что также в сновидении парение воспринимается либо как крайне приятное, либо как тревожное состояние.

Многие люди отчетливо помнят, что в детстве испытывали примитивнейшие чувственные ощущения, когда парили в воздухе. Это происходит при качании, прыжках вниз и при различных других движениях, которые выполняются ребенком во время игры. Здесь речь идет о проявлениях детского «аутоэротизма», т. е. чувства удовольствия образуются через телесное раздражение, не нуждаясь для этого, как это происходит при нормальных сексуальных отношениях взрослых, во втором партнере. Некоторые дети ненасытны в таких занятиях. К удовольствию легко присоединяется чувство тревожного напряжения. Из исследований Фрейда мы узнали, что этот страх происходит от вытеснения влечений.

Сновидение предоставляет вытесненным порывам влечений убежище. К тому времени, когда аутоэротизм уже давно приобретает значительное ограничение, у большинства, а возможно, даже у всех взрослых бывают сновидения, в которых сновидец летит по воздуху, падает в бездну или совершает похожее движение. Эмоциональный тон этих сновидений колеблется — в зависимости от степени вытеснения — между удовольствием и страхом, или это смесь того и другого. Непосредственно здесь мы видим, как высочайшая степень удовольствия переходит в мучение¹.

Символика сновидения — это символика бессознательного вообще, к тому же она является общей для всех образований фантазии, как для произведения художника, так и для мифа одного народа.

¹ Появлению аутоэротических порывов желаний в сновидении все же приписывается еще одно значение. Нередко они являются замещением символической заменой таких эротических желаний, которые не осуществляются в реальной жизни взрослого человека. Сновидение — образование желания как любой фантазии человека — представляет исполнение такого желания; только актуальная эротическая потребность, которая не должна называться, заменяется детской аутоэротической. Бессознательное оберегает воспоминание от такого первоначального занятия как от прототипа получения удовольствия.

Теперь символика парения у Сегантини разъясняется. Dea pagana безудержно предается сладкому удовольствию парения. Плохие матери действовали по образцу этой «языческой» богини, вместо того, чтобы следовать идеалу материнства Dea christiana. Нам известно, что Сегантини обращает эти упреки против собственной матери *бессознательно*. Одновременно он кричит ей: ты была предана отцу в чувственной любви, а мне не дала ничего! Свое вытесненное желание мести он удовлетворяет в жестокой фантазии, которая лежит в основе картины. Высочайшее чувственное удовольствие, которое воплощается в парении, преобразуется у матерей — его матери — в ужаснейший страх, мучения которого они должны будут испытать после смерти в аду сластолюбцев. Для них мучительным наказанием является то, что они без конца будут предаваться этому движению. Во сне мы переживаем несколько секунд, во время которых думаем, что падаем в бездну, словно в вечность!

В тот период, когда Сегантини рисовал эти символично-мистические картины, у него проявилось сильное обращение внутрь. Через его бегство к одиночеству внешне проявилась тенденция к разрыву с внешним миром. Его искусство приобретает таинственно-фантастическую черту. Но чем больше человек отворачивается от реальности, чем больше он ставит на место реальности вымышленное исполнение, тем меньше его понимают другие. Его выражения не в состоянии привести в резонанс ни одно наше чувство, близкое к его. Так ощущал себя тогда Сегантини.

Сообщение через символы выбирает тот, кто не может высказать свои мысли открыто и все же не может полностью умолчать. Символика одновременно намекает и скрывает, иногда преобладает та, иногда другая тенденция. Темный язык картин нирваны указывает на то, что хотя глубочайшие комплексы Сегантини нуждались в выражении, что художник предавался этому стремлению, но, в конце концов, сила вытеснения оказалась достаточной, чтобы скрыть внутренний смысл произведения искусства.

Сегантини выпустил в свет первую картину «Преисподняя для сластолюбцев», не беспокоясь о том, будет ли она понята или нет. Именно это позволяет нам узнать, как сильно он в то время был отчужден от действительности и ориентирован лишь на свои комплексы. В связи с этим еще более странным является то, что при

изображении парящих женских тел Сегантини противоречил действительности, т. е. законам природы. Он, как выражается Серваез, «нарисовал сластолюбicc, словно лежащими в воздухе, почти как на мягкой кровати, которую не видно, а их для призрачных образов слишком тяжелыми, физическими». И далее! На этот раз он, пока уважал советы и критику своего друга Витторе Грубичи, с волнением говорил о его выражениях мнения, которые позже не мог полностью забыть.

Следствием сужения к определенному комплексу представления, отчуждения от реальности всегда является повышенная возбудимость к последствиям. Мы каждый день можем наблюдать это у здоровых людей, и особенно это бросается в глаза у невротиков. У Сегантини эта возбудимость проявилась еще тогда, в примечательном случае.

Он выставил картину «Преисподняя для сластолюбцев» в 1891 году в Берлине. Эта картина, безусловно, была выдающегося художественного качества, несмотря на возражения, которые по праву высказывались против представления. Жюри не удостоило ее высочайшей награды, а на долю Сегантини выпало «почетное упоминание», которое должно было означать для него оскорбление. В иной раз художник, пожалуй, воспринял бы эту оценку, смеясь и пожимая плечами. Но это произведение занимало особое место; кто прикасался к этому, тот дотрагивался до самого чувствительного места Сегантини. Так однажды непринужденно проявилась вся импульсивность его влечений, когда он ответил своим судьям.

Об этом он сам сообщает в письме к Витторе Грубичи, являющимся очень типичным, поэтому его следует привести здесь¹.

Савоньин, 5 августа 1891

Дорогой Витторе!

Я получил твою открытку и очень благодарен тебе за это. Я не колебался ни минуты, чтобы отказаться от «похвального упоминания». В тот же момент, когда меня известили, это произошло 29 числа, я отправил в Берлин ту телеграмму:

«Берлин. Председателю и жюри Международной выставки.

¹ Cp. S. 184 f. собрания Бьянки Сегантини [*Segantini, B.* (Hrsg.) *Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann.* — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 184 f.]

Ни на одной выставке мира, на которых я выставял свои картины с первого дня и по сей день, не было комиссии, которая считала нужным оскорблять меня, за исключением этого берлинского жюри. Я прошу вас лишь о единственной любезности, официально вычеркните меня из списка ваших премиантов.

Джованни Сегантини».

Примечание: я отправил телеграмму с оплаченным ответом, но они ... не посчитали нужным ответить мне. Это уж слишком. Всего наилучшего.

Твой Д. С.

Как уже упоминалось, Сегантини окончил последнюю версию мотивов нирваны в 1893 году. Вскоре после этого произошло событие, которое повлекло за собой похожую тенденцию, как и ранее описанная перемена в конце периода Брианца. Письмо к Витторе Грубичи, датированное 21 декабря 1893 года, позволяет нам отчетливо увидеть переход от удрученного душевного состояния к радости жизни и труда. Художник ссылается на более раннее письмо и позволяет узнать: «Мое письмо, которое ты называешь меланхоличным, было продиктовано мне одним из тех моральных мгновений, которые похожи на удар голенью об острый край и заставляют нас вскрикнуть! И так как моей привычкой является писать лишь то, что я чувствую, то я пишу с громким криком моей души». Затем, после примечания о своих рабочих планах, он продолжает: «*Да, настоящая жизнь — это единственное сновидение, сновидение о том, чтобы постепенно приблизиться к идеалу, который по возможности находится далеко, но и высоко, высоко до прекращения материи*»¹.

Бросающейся в глаза чертой в душевном строении художника, без сомнения, является совершенно необычная способность к сублимации. Так, он предпринял вторичную попытку в этом направлении, чтобы снова стать господином вытесненных влечений, абсолютно так же, как он с успехом выполнил это семь лет назад. Но так же в этой связи для него должно было появиться ограничение, которое нельзя было нарушать безнаказанно. Ему не удалось изгнать эти влечения навсегда. Примерно с 1891 года,

¹ [Segantini. B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 190. Курсив К. Абрахамы. Ср. также *Servaes, F.* Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 190.]

когда он работал над картиной «Преисподняя для сластолюбцев», они снова выдвинулись вперед и в последующие годы вплоть до его преждевременной гибели были заняты внутренней борьбой, последствием которой явилась частая смена его настроения. Он, кто находился тогда в расцвете лет и на вершине своего творчества, подвергался невротическим колебаниям настроения, смыслом которых являлось отрицание жизни! Пожалуй, он всегда преодолевал их. Но победа стоила чудовищных жертв его психической энергии, и часто выдвигающуюся меланхолию можно было компенсировать лишь при помощи жестких средств.

В это время Сегантини больше, чем прежде, искал убежища в царстве фантазии; знал ли он сам, что жизнь в мире фантазий была для него самой желанной. Наряду с упомянутыми изображениями «Плохих матерей», в 1891—1894 годы он создал многие другие фантастические работы, которые не относятся к области живописи.

В первую очередь сюда относится план музыкальной драмы, о котором он сообщает в письме к своему другу Витторе. Интересно то, что в этом плане есть место, которое позволяет распознать похожие порывы жестокости, которые я обнаружил в картинах нирваны. Это изображение пожара; художник оформил его такими сильными аффектами, и мы сразу предполагаем, что здесь говорит голос из самого глубокого бессознательного. Это место гласит: «Женщина падает во время бегства от пожара, полуобнаженная, волосы запутаны вокруг плеч, с двумя детьми, один из которых полностью обожжен. Когда женщина видит обожженного ребенка, она поднимает ужасный крик, падает на колени перед часовней, которая находится на дороге, и там она сетует и молится, в то же время поднимая обоих детей к иконе. После этого она опускает их вниз. Обожженный ребенок мертв! Она тупо смотрит на него (бессмысленно), осознает и испускает два скорбных крика, поднимается, с угрозой протягивает кулаки к небу и навзничь падает на землю»¹.

Не подлежит сомнению, что здесь Сегантини переработал отмеченное сильным аффектом воспоминание из своего раннего детства.

¹ [Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 177. Ср. также Servaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 145.]

Сын его родителей, родившийся перед ним, погиб во время пожара. Мне неизвестно, был ли Джованни свидетелем этого происшествия, но он определенно видел скорбь своей матери по мертвому ребенку. Не будет ошибкой предположить, что это впечатление в таком раннем возрасте вызвало у мальчика жестокие чувства, которые удовлетворили садистический компонент влечения. Я вспоминаю о том, что первый художественный опыт Сегантини приобрел, находясь рядом с мертвым ребенком и наблюдая скорбь матери. Лишь сейчас становится в полной мере понятно, почему это происшествие так сильно повлияло на его внутренний мир, он почувствовал вытесненное воспоминание в ситуации удовлетворения детства. И теперь работа взрослого мужчины находилась во власти указанных вытесненных желаний детства, под их влиянием он создал картины плохих матерей и план музыкальной драмы.

Другие плоды его фантазии этого времени посвящаются компенсации трудно вытесненного компонента жестокости. Это «Сновидение рабочего», утопическое, фантастическое произведение. Сначала у сновидца появляются видения, которые символически представляют господствующую классовую борьбу. Затем он стремительно падает со своего места наблюдения, но не касается земли, а остается парить в воздухе, парит и прибывает в страну, жители которой пользуются счастливейшими общественными ситуациями. В этой утопии автор переживает осуществление своих социальных идеалов, которые искажают первоначальные жестоко-эгоистические наклонности до противоположности! Примечательным в этой похожей на сновидение фантазии является чувство парения, в этом случае это вполне приятный процесс.

Следует упомянуть далее фантастичное описание идеальной художественной общности. Все эти порождения показывают, насколько в то время Сегантини был склонен к тому, чтобы погрузиться в мечтания о далеких и высоких идеалах. Но не во всех фантазиях он позволил своей собственной личности отступить на задний план, как в представленных утопических мечтах. Напротив! Я уже ранее указывал на то, что из вытесненных порывов агрессии или жажды власти вперед выходят образы фантазии, которые высоко возвышают индивидуума над его окружением, ставят в центр мира.

Всю свою жизнь Сегантини испытывал в душе *фантазии величия* этого рода. Теперь они старались выразиться сильнее.

В фантазиях о происхождении в молодости он создал себе образ царственного отца и тем самым возвысил себя самого. Теперь он прославлял свою мать как божественный, идеальный образ. Сначала я пытался объяснить такие картины, как «Плод любви» и «Dea Christiana», лишь с точки зрения материнского комплекса как выражение сублимированной эротики и компенсированных «садистских» порывов, которые в раннем детстве относились к матери. Нельзя упускать из внимания то, что *анофеоз матери также возвышает и сына*. Раньше я уже обращал внимание на то, что ребенок на тех картинах идентифицируется с самим художником. Но Сегантини не остановился на том, что представил себя младенцем Христом. Вскоре после создания «Dea Christiana» (1895 г.) он нарисовал *автопортрет*, который полностью носит характер образа Христа. Мечтательные глаза говорят о страданиях и унынии. Полный тоски взгляд обращен к далеким идеалам¹.

В том, что Сегантини абсолютно не симпатизировал религиозной догме, отрицал существование индивидуального бога, но представлял себя на картинах *Христом*, совершенно нет противоречия. То, что побуждало его идентифицировать себя с Христом, было его этикой, его обоготворением материнской любви и его страданием. Здесь мы видим, как в немного отличном случае из глубочайшего до отрицающего жизнь уныния вырастает чувство величия.

Но все же Сегантини не был праздным фантастом. Скорее это была именно работа, при помощи которой он раньше сублимировал часть вытесненных влечений. Да, это произошло в то время, когда

¹ Фантазии величия проявляются у Сегантини в незначительных чертах, которые чаще всего не принимаются во внимание. В то время как ранние картины художника подписаны инициалами, на поздних отсутствует подобный знак. На вышеупомянутом автопортрете указан лишь год создания. Очевидно, что его чувство собственного достоинства увеличилось настолько, что он больше не считал нужным добавлять на картине знак того, кто ее нарисовал. Многие мистические картины представляют S-образное, изогнутое дерево, форма которого бросается в глаза зрителю. Я предполагаю, что Сегантини применял эту форму, напоминающую первую букву его фамилии, в качестве отличительной черты. Тем самым он помещал себя в природу и подчеркивал, что чувствовал себя в единстве с природой, которая означала для него мать.

он отдавался работе *сполна*. Когда в 1894 году он покинул Савоньин и переехал в Малою в Обер-Энгадине, он вступил в последний период своей жизни и стал — как выражается Серваез, — «*фанатиком труда*».

V

С тех пор, как Сегантини переселился в Савоньин, прошло восемь лет. Тогда он был искателем. В постоянном непосредственном соприкосновении с природой он созрел до мастера. Сейчас его снова потянуло ввысь так же, как и тогда, когда он стряхнул с себя тоску периода Брианца. Ему было 36 лет, когда он переехал в Обер-Энгадин. Он осмелился войти в сердце высокогорья; в ясном сознании своего умения он должен был поставить сейчас самые высокие задачи. Он чувствовал пылкую любовь к долине, в которой должен был провести последние пять лет своей жизни. Он с религиозным уважением относился к горам этой страны. Так, однажды он писал своему другу: «Иногда поутру, в то время, когда я в течение нескольких минут наблюдаю за этими горами, еще перед тем, как берусь за кисть, я чувствую себя стесненно, хочу упасть перед ними на колени, как будто перед чистым, воздвигнутым под небом алтарем»¹.

Не может быть ошибкой, что здесь Сегантини сразу постиг смысл и что полностью сросся с этой землей, ее природой, горами и жителями. Он наслаждался сверкающим блеском вечных снегов и ледников, мерцающей голубизной неба и сиянием солнца, типичными для Энгадина, с восторгом смотрел на богатый ковер цветов, которому короткое лето позволяло распуститься в единственно возможном цветовом великолепии. По всему этому величию Энгадина тосковал его глаз. Но его нрав, его характер на этой земле был настроен не хуже, чем где-либо². Долина обладает самостоятельной

¹ Ср. Серваез, S. 202 [Sercaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 202.].

² Содержащиеся далее указания могут способствовать объяснению странных фактов, что среди восхищенных любителей мира Альпов существовала особая разновидность мечтателей Энгадина. Кажется, эта мечтательность совпадает с определенными чертами характера, которые также у Сегантини были выра-

древней культурой, ее жители в вековой замкнутости сохранили их особый язык, собственные обычаи, своеобразный архитектурный стиль. Требовались тяжелый труд и неиссякаемая энергия, чтобы превратить эту высокогорную долину в жилое место для людей. Сегантини чувствовал себя родственным этим людям, этой земле.

Сначала в Малое он создал произведение, которое тяготит своим скорбным, мрачным настроением. Все же здесь отсутствует мистика, видения. С удивительной правдивостью художник представил событие из повседневной жизни; уныние прошлых лет он словно побуждает замирать в элегии. Семья везет на родину тело сына. Бесконечная скорбь повисла над картиной: на ней объединяются отец, который со склоненной головой ведет коня под уздцы, две женщины, склонившиеся над гробом, конь, устало везущий свой груз по горной местности, и пес, который крадется за траурной процессией. Это — «Возвращение на родину» [1895], одно из трогательнейших произведений художника.

Здесь мы снова видим вечернее освещение, как и на всех картинах смерти. Но на ней Сегантини раскрыл новые стороны. Нежная окраска облачного вечернего неба представлена в чудесном великолепии; оно воздействует как успокаивающее утешение по отношению к мрачному настроению, которое овладело процессией.

Затем последовал ряд великих творений, одновременно выдающихся, благодаря глубине присущих им идей и также совершенной технике. Следует назвать некоторые, которые отчетливо показывают переменчивое настроение, которому был подвержен их творец. Это «Аюбовь у источника жизни» [1896]. Молодая пара подходит к источнику, который охраняет ангел. Эта картина относится к символичным, но в противоположность ранним картинам этого вида она свободна от страха и скорби. Она светится яркостью и светлыми красками.

О спокойном и веселом душевном состоянии говорит «Весна в Альпах» (1897 г.). Сам Сегантини считал это произведением лучшим. Оно полностью выдержано в самых светлых и сияющих

жены необычным образом. Уже само понятие «альпинизм» часто в общем относится к действию сублимированных влечений, так как эта специальная форма, кажется, в особенной мере обусловлена комплексом.

цветовых тонах. «Сенокос» выглядит серьезнее. Мы видим на лугу женщин за тяжелым трудом; они напоминают нам о «Сборщиках колосьев» Миллета. Небо начинает покрываться темными грозowymi облаками, они одновременно гонят друг за другом призрачные образы.

«Утешение веры» [1895—96] снова возобновляет тему смерти. Родители находятся у могилы ребенка на маленьком сильно заснеженном дворе церкви. Сегантини с большой точностью отметил в осязании обоих, как они находят свое утешение в вере¹. Но в этом случае картина, наряду с ее реалистичным содержанием, имеет и таинственные элементы. «На могильном кресте поблизости появляется видение плата Вероники с головой спасителя. Если же мы обратим наш взгляд выше зубчатых гор в ясную высь, высоко-высоко над вершинами, то увидим для этой цели установленный специальный люнет — успокаивающее небесное явление. Два ангела с большими крыльями с любовью несут маленькое обнаженное тело мертвого ребенка в царство вечной радости».²

Склонность к мистике, к сверхъестественному, о котором скоро пойдет речь, однажды снова одержала верх.

Ряд великих произведений периода Малой завершается триптихом «Природа, жизнь, смерть» (также его называют «Возникновение, бытие, исчезновение»). Это мощное творение показывает потребность художника уравновесить, примирить борющиеся в нем влечения, привести в гармонию жизнь и смерть. Языком искусства он возвещает единство всего бытия, и так его последнее, незавершенное произведение становится монистическим вероисповеданием.

Это были годы самой напряженной работы, которые Сегантини прожил в Малойе. Его потребность в работе, которую мы видим в вышесказанном, становилась все больше. «Моя душа, жадная, как старый скупердяй, пылкий, дрожащий, пристально смотрящий глаз, расправленные крылья тоскуют подняться на горизонт духа, где на свет появятся новые произведения». Так он писал в письме к Вит-

¹ Ср. с описанием Серваеза, С. 210 [Sereaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 210.]

² Серваез [Ibid.].

торе Грубичи незадолго до того, как переехал в Малойю¹. В последующие годы он доказал, что это были не пустые слова. Его энтузиазм в работе был безграничен и довел его самого до чрезвычайного напряжения сил. Летом в ранний час он отправлялся работать, часто преодолевая дальние расстояния, пока не достигал своего рабочего места, которое он менял в зависимости от потребности. И тогда до вечера он неустанно работал над своим произведением. Зимой видели, как он трудился под открытым небом на пронизывающем холоде. Прежде чем он завершал произведение, его наполняли новые проекты и планы.

В первую очередь это было его восторженное, творческое влечение и вместе с ним любовь к природе, благоговейное почитание ее красоты, которые должны были оградить его от погружения в меланхоличное настроение, которое так часто подступало к нему.

В этой удивительной внутренней борьбе была поставлена близкая цель. Из всех частей триптиха «Природа» была хороша, словно законченная работа. Над двумя другими в сентябре 1899 г. Сегантини работал с большим рвением. «Жизнь» по большей части была готова; над «Смертью» он работал как раз в последние дни, которые провел в Малое. Эта картина осталась в незавершенном виде, когда он 18 сентября в сопровождении Баба² и своего младшего сына Марио поднялся на Шафберг. На следующий день туда была принесена средняя картина, над которой он собирался работать.

Его неистовое творческое влечение, несмотря на неподходящее время года, привело его на эту высоту (2700 м), где он должен был жить в скромном каменном доме. Ясным вечером он прибыл на эту свою последнюю станцию.

Теперь он стоял здесь, посреди величия своей империи. Вершины Бернины предстали перед ним в вечернем блеске и побудили его к словам: *«Я хочу нарисовать ваши горы, энгадинцы, чтобы всему миру рассказать об их красоте!»*

В течение дня, когда он работал над картиной жизни, его охватила временами совпадающая с переменой погоды лихорадка. Она

¹ Собрание писем [Segan/Ini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — S. 191.].

началась очень стремительно. Мансарда домика, конструкция которой обеспечивала лишь очень небольшую защиту против бури и холода, превратилась в больничную палату.

Кажется странным то, что мы услышим о дальнейшем ходе этой болезни. Ночью Сегантини встал и, несмотря на жар, неоднократно выходил на улицу в метель. На следующий день он поплелся к картине, которая стояла в небольшом отдалении от шалаша, и попытался работать. От слабости он заснул, его разбудили, и с трудом удалось проводить его домой. Абсолютно уставший, он лежал теперь больным. Но отказывался вызвать врача, хотя с ближайшим доктором Бернхардом из Самадена его связывали личные дружеские отношения. Марио, которому по другой причине нужно было спуститься в Самаден, было разрешено сказать врачу лишь о недомогании отца. Вскоре после этого врач велел передать через гонца, что готов сразу же прийти на Шафберг, но Сегантини отказался. Но когда его состояние ухудшилось, Марио должен был, в конце концов, подняться на Понтрезину; он вызвал врача по телефону, и тот пришел туда, наверх, ночью в непогоду, когда, однако, уже ничего нельзя было сделать.

Умиравший, вокруг которого собралась его семья, кажется, не осознавал угрожающей ему опасности, наоборот, время от времени он шутил. Когда небо над ним прояснилось еще раз, он потребовал, чтобы его кровать развернули к оконцу: «*Voglio vedere le mie montagne*»¹, — это были последние слова его желания. «Тогда он лежал там, опустив пристальный взгляд на противоположно лежащую цепочку гор, которые походили на те, что он хотел дорисовать до конца на своей картине. Но в этом взгляде не было меланхолического прощания, в нем присутствовал совершенно ненасытный голод художника и влюбленного: он впитывал в себя эти цвета, формы, свет и линии, т. к. хотел сформировать из них что-то, что должно было быть высочайшим искусством...»²

Поведение Сегантини в последние дни его жизни бросает яркий свет на раздор психических сил его внутреннего мира. В полном осознании сил он поднимается на Шафберг. В проникнутых энту-

¹ [Хочу увидеть мои горы (um.).]

² Серваез [Sercaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 226.].

зиязмом слова он объявляет там, наверху, цель своих собственных стремлений. Безотлагательно, с рвением он приступает к работе и сразу за этим сильно заболевает, подвергает себя опасности тем, что выходит в ночную метель, истощивает свои силы, в которых остро нуждается для борьбы с болезнью, и упорно отказывается помощи, предлагаемой ему!

Мы спрашиваем себя: были это лишь его жажда деятельности и радость творчества, которые побудили его разыскивать эту высоту? Поднялся ли он наверх, чтобы жить там и работать, или, наряду с этими осознанными мотивами, существовал также и другой — бессознательная тоска по смерти или влечение к ней, которое подталкивало его? Мы сможем внести ясность в этот вопрос лишь в том случае, если создадим по возможности полный обзор того, какое значение придавалось мыслям о смерти в душевной жизни Сегантини.

Он рано познал влияние смерти в его окружении: потерял брата, а затем мать. Он узнал, что смерть матери связана с его рождением; рассказывали, что он родился очень слабым, что едва ли считали, что он выживет; он вспоминал, что два раза благодаря чуду ему удалось избежать смерти. Таким образом, он рано понял, что смерть в любое время близка к человеку, и что его взгляды на жизнь должны содержать серьезный характер.

Однако эти грустные познания детства не объясняют чрезвычайную силу мыслей о смерти у Сегантини. Скорее, мы должны вернуться к ранее обсуждаемым *внутренним* мотивам. Садистические порывы влечений, чувства ненависти, желания смерти должны были отодвигаться от объектов, на которые они преимущественно были направлены. Отчасти они отбрасывались назад, как мысли о собственной смерти, на субъект, отчасти они были обречены на сублимацию и на пути «образования реакции» претерпевали изменение в противоположные порывы.

Полное значение, которое придавалось сублимации фантазий смерти у Сегантини, лучше всего проясняется из того, что его первой попыткой рисования и его последней незаконченной картиной являются *изображения смерти*.

Вскоре после того, как он покинул школу Брера, он обеспечил себе доступ в анатомический театр, где произвел свои первые

эскизы с трупов. Как несколько лет назад он неустанно стоял у трупа ребенка, так же и теперь его привлекал вид смерти. Так возникла одна из его самых первых картин, названная «Iprode», «Мертвый герой». Тогда во время работы он столкнулся со случаем, оставившим глубокое впечатление. Он поставил труп, служивший ему моделью, вертикально к стене. В то время как он углубился в свою работу, тело, подвергавшееся воздействию солнечных лучей, потеряло свою неподвижность, закачалось и упало вперед. Юный Сегантини считал этот случай дурным предзнаменованием и долгое время не мог избавиться от страха перед смертью.

Склонность к суеверию, ярко выраженная у нашего художника, напоминает о душевных особенностях человека, страдающего неврозом навязчивости. Сомнения таких больных заняты, главным образом, продолжительностью их жизни и судьбой после смерти. Они всегда готовы верить в связанные с этим предзнаменования. Сегантини ведет себя абсолютно так же, скоро мы узнаем подробности этого. За «I hrode» последовали другие картины смерти. В раннее время возникли, например, «Для наших покойников», «Пустая колыбель» [1880—90], «Осиротевшие» [1888—90]. Затем присоединяются скорбные картины настроения периода Брианца. В Савоньине мысли о смерти нашли свое отражение в картинах нирваны. И, наконец, в Малое появились «Возвращение на родину», «Утешение веры» и напоследок — «Смерть» [1898] как часть большого триптиха. Но все это лишь примеры из большого числа картин, которые описывают смерть.

Предчувствия смерти не покидали его. Пожалуй, он защищался от них, но они снова возвращались из глубины его бессознательного. Среди записей Сегантини (С. 52 собрания Бьянки Сегантини¹) есть рассказ сновидения, озаглавленный «Ужасный сон», который с яркой выразительностью показывает нам борьбу противопоставленных влечений. Далее я привожу первую половину:

«Я сидел грустный в таинственном месте, которое одновременно было комнатой и церковью. Напротив меня глупо стояла странная фигура, существо с безобразными, отталкивающими формами. У него

¹ [Segantini, B. (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909.].

были белые стеклянные глаза, цвет его тела был желтый, наполовину он казался идиотом, наполовину мертвецом. Я поднялся и властным взглядом прогнал это существо, которое после того, как осмотрело меня со стороны, исчезло. Я следил за ним взглядом до темной норы, в которой оно исчезло. Я подумал: это видение трупа должно быть для меня плохим предзнаменованием. Когда я повернулся, чтобы сесть, по всем членам тела прошла дрожь, потому что то безутешное видение снова стояло напротив меня. Я поднялся, словно фурия, угрожая, проклял его. Оно снова безропотно исчезло. Я сказал себе: может быть, я поступил плохо, что прогнал его таким способом, оно будет мстить».

Здесь в тесном помещении все сходится: страх перед смертью, попытка защиты, возвращение едва ли преодоленных мыслей, взрыв сдерживающих аффектов, повторная победа над мыслями о смерти и, наконец, печальное познание: они будут мстить, и в конце концов я состарюсь!

В подобных сновидениях так же, как и в известных других происшествиях, Сегантини видел нехорошее предзнаменование. Но чем чаще его путали предзнаменования смерти, тем больше он нуждался в противовесе. При помощи этого становится понятно, почему он послушно выслушивал всевозможные предсказания. Особенно он привязался к сделанному ему пророчеству, согласно которому должен был достичь возраста Тициана. Рассказывается, что он очень сильно полагался на эти предсказания, как раз в то время, когда в нем самом с особенной силой возникали печальные мысли.

Но он шел дальше. Так же и здесь он шел путем, который мы знаем из анализа невроза навязчивости. Самая эффективная защита от мыслей о смерти — направлены ли они против собственной личности или кого-либо другого, — состоит в отрицании смерти. Смерти не существует — это было фантазией желания человечества во все времена. Но чаще всего за продолжение жизни после гибели цеплялись те, чье существование постоянно было обеспокоено фантазиями смерти — страдающие неврозом навязчивых состояний. У них мы видим своеобразный вид религиозности, в котором вера в бессмертие играет большую роль. Если продолжение жизни существует, то мучительные упреки, которые эти люди себе делают, недействительны: те, в чьей смерти они боятся быть обвиненными, не умерли, а ведут жизнь в другом месте.

Уже раньше мы видели, что Сегантини своеобразным способом отрицал факт смерти. Картину парящей чахоточной больной он переписал и превратил в картину цветущей жизни! В дальнейшие годы его потребности не исчерпались. Так возникла склонность к сверхъестественному, и особенно к *спиритизму*, которому предавался художник. В это же время часть его произведений приобретает ту характерную мистическую черту, о которой речь шла раньше.

Как в «Ужасном сне», так же он чувствовал себя и в действительности. Мысли о смерти все больше овладевали им. Однако он компенсировал их с большой затратой сил. Но в то время, когда он осознанно обратился к новым планам и творениям, в то время, когда с энтузиазмом рассказывал о своей рабочей программе, из его бессознательного все более внятно поднимался зов смерти.

Сам Сегантини рассказывает случай, который должен был произойти примерно за год до его смерти, как доказательство того, что связь с мертвыми существует. Зимой во время прогулки он заблудился, устав, сел в снег и заснул. Он бы точно обморозился и умер, если бы в момент опасности его не позвал голос, в котором он узнал *голос своей матери*. Он сам объясняет этим случаем свою веру в потусторонний мир.

Посредством изучения бессознательного мы узнали, что в различных маленьких «случайностях» жизни присутствует более глубокое значение, чем обычно принято считать¹. Однако не в смысле предзнаменования будущего. Но, пожалуй, они определяются бессознательными влияниями, которые исходят от вытесненных комплексов. Особенно следует указать на ошибочные действия, которые мы обозначаем как неловкость, ошибочность, затруднение определения и т. д. Каждый такой случай вызывает предположение о случайности и нецелесообразности, в то время как на самом деле он заключает в себе закономерность и цель, — правда, бессознательную — полностью достигнутую.

Особый интерес для нас представляют нередкие случаи *бессознательного* — попытки и осуществления — *самоубийства*. Люди, страдающие депрессивным настроением, обычно упускают из

¹ Freud, S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum (1901b). // G. W. — Bd. 4.

внимания самые простые и являющиеся до этого для них саморазумеющимися меры предосторожности. Они неосторожно выбегают на дорогу перед автомобилем, вместо безвредного лекарства по ошибке принимают ядовитое или из-за неумения причиняют себе какие-либо повреждения, чего не случалось с ними в других ситуациях. Все эти действия могут происходить без осознанного намерения, а из-за бессознательных импульсов. К области бессознательного самоубийства также относятся, например, некоторые из частых несчастных случаев в горах.

В глаза бросается то, что живущий в горах Сегантини, бродивший в той местности в любое время как художник, турист и как охотник, потерял дорогу и был недостаточно осторожен, когда в зимний мороз уснул в снегу. Факт, что он заблудился и заснул в снегу, вызывает у нас подозрение, что здесь присутствует попытка бессознательного самоубийства. Этот факт дает нам право на предположение о том, что в бессознательном Сегантини особенно часто в то время возникали мрачные мысли, что тоска по смерти дала знать о себе слишком отчетливо. Но это осталось лишь попыткой. Противоположно направленной воле к жизни удалось проявиться в форме голоса, который прервал начинающийся сон. Голос матери, который возник из его внутреннего мира, но который он спроецировал наружу, вернул дремлющего к жизни. Именно это имеет свое глубокое значение, ведь все-таки материнство было для него принципом всей жизни.

Можем ли мы сделать выводы из этого случая, касающиеся смерти Сегантини, которая вскоре последовала?

Давайте послушаем, что произошло незадолго до восхождения на Шафберг! Супруга художника рассказала нам следующую историю¹:

«В прошлое воскресенье, когда он остался в Малое, он растянулся на нескольких стульях в своей рабочей комнате, чтобы отдохнуть. Я осталась снаружи и разговаривала с детьми. Когда я вошла, то думала, что он спит и сказала: “О, мне жаль, я разбудила тебя, тебе нужно поспать!” — на это он сразу ответил: “Нет, моя любовь, ты хорошо сделала. Представь

¹ Серваез, С. 264 [Seruaes, F. Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — S. 264.]

себе, я видел сон (и думаю, что я спал с открытыми глазами, я уверен), что это был я, кого они вынесли на своих носилках из шалаша (и он указал на картину «Смерть»), одной из женщин, которые находились поблизости, была ты, и я видел, как ты плакала». Естественно я сказала ему, что он заснул и видел сон. Но он оставался при своем мнении, твердо убежденный в том, что он не спал и видел все это открытыми глазами. Что-то подобное тому, что он сказал мне, вскоре после этого он рассказывал нашей Баба. То, что он видел, осуществилось через двенадцать дней. Его картина смерти представляла его собственный конец, из того шалаша они вынесли его гроб. Местность была такой же, какой он изобразил ее на картине; женщина, которую можно видеть на картине плачущей недалеко от носилок, была я. Нужно отметить, что на момент видения он чувствовал себя хорошо, так хорошо, что в то воскресенье еще продолжил писать. На следующий день он работал с четырех часов утра до девяти, а затем привез картину домой, закрытую в ящике, с места, где он рисовал, до дома; еще в тот же вечер он был в состоянии проделать трехчасовой переход с Понтрезины до вершины Шафберга. Он так твердо верил в спиритизм, что если бы после того видения полностью уверенный не покинул Малою, то не был бы абсолютно здоровым».

Я усматриваю в этом сне наяву не предзнаменование в общепринятом смысле, а выражение тоски по смерти, которая с силой проникла в сознательное. Сравнение с ранее упомянутым «ужасным сном» установило примечательное различие: тогда, во сне, живую, страстную защиту смерти, теперь — лишь неподвижный ужас из-за ее близости.

Супруга Сегантини наглядно представляет, как в день после этого сна наяву он произвел почти нечеловеческую работу. Прибыв на гору, он с гордостью произнес слова, которые, казалось, происходили из неограниченного чувства силы. Но мы понимаем, что стремление к жизни могло стойко держаться лишь благодаря внешней сублимации всех подчиненных влечений натиску мыслей о смерти.

Это значит, что окружение Сегантини до последнего времени воспринималось лишь временами, что он должен был защищаться от мрачных настроений. Это могло бы показаться преувеличением, если бы я придал этой внутренней борьбе настолько большое значение.

Но борьба против вытесненных влечений — тихая борьба, о которой такой чувствительный человек как Сегантини говорил так мало, насколько только было возможно. Незадолго до смерти победа

была на стороне жизнеутверждения. Лишь когда тоска по смерти одержала верх, признаки этой борьбы дали знать о себе внешне.

Так обстояло дело с Сегантини, когда он поднялся на Шафберг. А там наступила болезнь, которая стала его роком. Может быть, на этой высоте в момент всего великолепия он черпал новую смелость жизни, завоевывал новую энергию, чтобы выполнить то, за что он хвалил энгадинцев, если бы не наступила болезнь. Но когда она его застала, его, кто никогда до этого не знал, что такое недомогание, то бессознательные силы использовали момент. Его поведение, как уже было описано выше, сначала, однако, вызвало впечатление, как будто он, положившись на свое здоровье, не обращает внимания на физические страдания. Но является ли это самообороной, которая открывает ворота врагу, желающему пробить брешь? Как мы это часто испытываем, сознательное в бессознательных импульсах ищет последующее действие, как его собственное произведение, чтобы отнять время и обосновать его в своем смысле, в то время как в действительности у произведения имелись другие, чуждые сознанию и совершенно противоположно направленные причины.

Сегантини стал жертвой коварной болезни — но не только ее. Возможно, он преодолел бы ее. *Но темные силы его бессознательного пришли на помощь болезни, облегчили разрушительное действие и сами вызвали смерть.*

Между тем в своем бессознательном, полном страстной любви, он зацепился за то, что для него обозначало жизнь. И в то время как смерть приближалась к нему, он обращал свой тоскующий взгляд на горы, красоту которых его искусство желало прославлять и дальше. Давайте вспомним о Моисее, который на исходе своей жизни поднялся на гору, с которой мог смотреть на прославленную землю. Но это был его последний путь туда, наверх.

«Spenti son gli occhi umili e degni ove s'accolse l'infinita
bellezza, partita e l'anima ove l'ombra e la luce la vita
e la morte furon come una sola
preghiera, e la melodia del ruscello e il muggio de l'armento e il tuono
de la tempesta e il grido de l'aquila e il gemito de l'uomo
furon come un sola parola»¹.

¹ [Угасли покорные и достойные глаза,
в которых соединяется бесконечность и красота;

В этих чудесных стихах на смерть Сегантини Габриэль д'Аннунцио вспоминает всеохватывающую любовь художника, которая напоминает нам о Франциске Ассизском.

Но мы знаем, тот человек, который в бесконечной любви хотел охватить все живущее, в своем внутреннем мире прятал волю к разрушению собственной жизни.

Психоаналитическое наблюдение, которое обеспечивает нам возможность знакомства с борьбой осознанных и бессознательных сил, позволяет понять и прочувствовать этот внутренний раздор. Оно открывает нам весь трагизм жизни этого скоропостижно скончавшегося, что его, без устали творящего, на всех дорогах сопровождает тень смерти.

ДОПОЛНЕНИЕ

В вышесказанном речь неоднократно шла о душевных расстройствах, которым Сегантини был подвержен на различных этапах его жизни. Приумноженный научный опыт последних лет в настоящее время делает возможным для нас более глубокое ознакомление с возникновением и причинами таких депрессивных состояний. В каждом отдельном случае требуется, однако, самое тщательное психоаналитическое исследование бессознательного, если мы хотим добиться удовлетворительных объяснений. Общие результаты душевного анализа таких состояний мы имеем право применять к болезни человека, которого мы не могли в течение его жизни подвергать такому исследованию, лишь с наибольшей осторожностью и сдержанностью.

Психологическое исследование учит нас, что депрессивные состояния, как их описывает медицинская наука под именем меланхолических расстройств, возникают по различным поводам. Мы далеки от мысли, подчинять болезнь Сегантини определенной кли-

исчезла душа в тени и на свету,
жизнь и смерть как одна единственная молитва,
в которой мелодия ручья и мычание стада,
и шум урагана, и крик орла,
и сетования человека как одно единственное слово.]

нической картине болезни. А потому должна быть лишь сделана попытка сказать намеками, насколько определенные, более новые результаты исследования могут пролить свет на душевное состояние деятеля искусства.

Меланхолические состояния следуют с большим постоянством за переживанием, до которого душевная конституция человека еще не доросла, а именно, за потерей, потрясшей до глубины его душевную жизнь и кажущейся ему совершенно невыносимой и непреодолимой, о которой он ошибочно полагает, что никогда больше в его жизни не сможет найти ей замену или возмещение. Речь всегда идет о потере того лица, которое было центром в чувственной жизни того человека и на котором была сконцентрирована вся его любовь. Однако, оно не обязательно может быть потеряно в результате смерти; речь идет скорее о впечатлении, что прежняя душевная связь с тем человеком полностью пропала. Самый частый пример подобной потери — сильное, непоправимое более разочарование, которое постигло нас со стороны особо дорогого нам человека. Это чувство полного одиночества, которое затем вызывает душевную депрессию.

Подобное актуальное переживание само по себе, однако, не в состоянии вызвать такое тяжелое расстройство душевного равновесия, каким оно выступает в меланхолической депрессии и родственных состояниях. Сила аффекта, который связывается с переживанием, объясняется большей частью более *ранними* впечатлениями подобного рода, которые в свое время уже вызывали подобное потрясение. В психоанализе такого случая мы, при помощи постепенно пробуждающегося воспоминания, дошли обратно до событий раннего детства, которые подвергли еще недостаточную душевную сопротивляемость индивидуума труднейшему испытанию. По предыдущим сведениям, при мужчине всегда находилась мать, из-за которой он в тот ранний период детства пережил подобное разочарование.

В случае Сегантини мы, конечно, не в состоянии досконально проследить образцовый для дальнейшей жизни процесс. Однако, как доказано ранее, художник перенес с собой столкновение чувств, которое время от времени вновь активировалось по душевным поводам, из его детства в более поздний возраст.

Еще более широкое представление могут обеспечить нам новые успехи психоанализа. А именно, мы узнали не только то, что различ-

ного рода душевные состояния зрелого возраста по содержанию и форме берут пример с переживаний былого времени, но и что человек просто подчиняется *принуждению*, *повторить* впоследствии ранее пережитое.

Мы приходили к предположению, что в жизни Сегантини за счастливым ранним детством последовало время одиночества и далее — с трудом обузданное стремление к отшельничеству. С указанной сменой различных душевных состояний мы сталкиваемся, однако, в его дальнейшей жизни. Мы помним о счастливом, деятельном времени в Савоньине, за которым последовало одно из мрачных настроений. Избранное самим художником одиночество повторяет то состояние одиночества, которое мы упоминали; оно должно казаться нам могущественным стремлением, полностью впасть в мрачное, скорбное настроение. А затем появляются картины, которые, по собственному свидетельству Сегантини, должны карать злых матерей. Как будто его бессознательное принуждало художника, вновь и вновь, по примеру его детства, повторять счастье, разочарование, мстительную враждебность и в итоге ее преодоление.

Если мы проникнем психоаналитическим путем еще глубже в душевную жизнь такой личности, подверженной депрессивным состояниям, нам нередко будут открываться очень схожие с теми, что мы познакомились у Сегантини, ходы мыслей. Аишь недавно один пациент поведал мне о сновидении, которое поразительно напоминает изображения «злых матерей» Сегантини; этому пациенту не были известны ни эти изображения, ни использованные Сегантини индийские источники. В сновидении он видел парящий в воздухе женский образ, который постепенно становился похожим на его мать; она приближалась к нему, как будто хотела приманить его к себе, чтобы тот час снова отлететь. Этот процесс повторялся много раз.

Это душевное расстройство, из-за которого данный пациент подвергся психоанализу, находилось в самой тесной связи с его отношением к матери, которое в детстве принесло с собой целый ряд сильнейших любовных разочарований. Изначально любящая и нежная мать однажды отказала маленькому мальчику во всех ласках, потому что он явно реагировал на нее чувственно-эротическим способом. Основание, которым мать оправдывала ее изменившееся

поведение, вызвало, однако у мальчика сильнеешие аффекты. Мать объяснила, что испытывает отвращение к нежностям. Однако перед этим и после этого малышу представился случай наблюдать ласки родителей и — как он считал — установить, что мать принимала в них активное участие, да еще и провоцировала на них отца.

Мать в сновидении, приближающаяся к спящему, чтобы тут же вновь отдалиться, становится нам после этого легко понятной. Ее парящая поза указывает на чувственное желание; эта символика известна нам из многих сновидений и других областей человеческой фантазии. Остается только добавить, что определенные детали сновидения позволяют увидеть тенденцию к мести матери. Соответствие сновидения изображению злых матерей Сегантини становится благодаря этому неопровержимо отчетливым.

В случаях болезни, которые мы должны приписывать клинической картине меланхолии, в самом глубоком слое души мы находим — нагруженную такими фантазиями о мести — тоску по матери в самом исконном смысле слова. В определенном душевном облике тоска становится очевидной после самого раннего удовлетворения у груди матери. Один единственный пример мог бы это разъяснить. Пациент, чье сновидение я описывал, однажды находился в депрессивном состоянии, из которого, как он чувствовал, не было выхода. В это время он встречался с женщиной, которая представляла в его душевной жизни мать — как в хорошем, там и в плохом смысле. Сексуальной связи с ее стороны ничего не препятствовало; она даже подавала ему явные знаки желания. Но с его стороны все происходило по-другому. Положив голову на ее грудь, он засыпал. Когда он просыпался, то чувствовал себя избавившимся от душевной депрессии. Прежде сомневающийся и пресыщенный жизнью, он, по крайней мере, на некоторое время вернул определенную связь с жизнью.

Как схоже с этим процессом поведение Сегантини незадолго до смерти! Однажды, в зимний день, он, одолеваемый усталостью, опустился на снег. Через некоторое время его разбудил голос его давно умершей матери. Он нашел путь назад к жизни и смог — по крайней мере, на мгновение — стряхнуть мрачное настроение.

Первая и самая стойкая душевная привязанность человека к другому человеческому существу наступает, согласно всему опыту психоанализа, благодаря самым ранним полным удовольствиям впе-

чатлениям, которые связаны с всасывающим приемом пищи. Сила этой привязанности к кормящей матери проявляется в человеческой душевной жизни в многократном образе. Мы видели ранее, что земля, природа, альпийский ландшафт в жизни Сегантини представляли мать. Страстность, с которой он впитывал в себя вид природы, была на протяжении долгого времени его сильнейшим влечением к жизни, до тех последних слов, выразивших еще раз тоску по его горам.

Сейчас нам будет представляться еще более очевидным, чем раньше, то, что изначально удовлетворяемая, а позднее разочарованная тоска по матери лежала в основе смены настроений Сегантини, что она была той, которая дала ему жизнь и забрала ее.

ЗАМЕТКИ О ПСИХОАНАЛИЗЕ ОДНОГО СЛУЧАЯ
ФЕТИШИЗМА НОГИ И КОРСЕТА

(1912a [1910])

Сочинение Фрейда, С. 1. М.: Психологическое общество, 1912.
С. 1. 24-25. 1-й том.

Издания на немецком языке:

1912: Bemerkungen zur Analyse eines Falles von Fuß- und Korsett fetischismus. / / Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen). — 1912. — Bd. III. — S. 557—567.

1921: Idem. / / Abraham, K. Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

В данной статье К. Абрахам на примере одного клинического случая раскрывает механизмы специфической фиксации на частичных объектах при торможении инфантильной сексуальности. Фетишизм ноги возникает как следствие парциальных вытеснений и сублимации ряда инфантильных влечений, в том числе, влечения к подглядыванию, копрофильного влечения и гомосексуальных тенденций.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Психоаналитическое исследование до сегодняшнего дня не обращало особого внимания на проблемы фетишизма. Еще в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности» Фрейд отвел ему особое место, как по отношению к другим сексуальным заблуждениям, так и по отношению к неврозам. Однако накапливающийся опыт показал, что таких случаев немало, когда и фетишизм, и невроз присутствуют в одном и том же индивидууме. Второе издание названного сочинения содержит краткое указание на то, что Фрейд возникновение фетишистских феноменов приводит к своеобразной разновидности *вытеснения* («парциальное вытеснение»). Таким образом, ранее выделенное противоречие устранено.

Анализ случая с фетишизмом ноги и корсета, о котором здесь пойдет речь, привел меня к определенным результатам о психогенезе этой формы фетишизма; другие случаи полностью подтвердили эти результаты.

В качестве основы следует рассмотреть своеобразную сексуальную конституцию, которая изначально характеризуется как *аномальная сила определенных парциальных влечений*. Исходя из этого, интересующий нас комплекс явлений возник благодаря взаимодействию двух факторов: уже упомянутого *парциального влечения* и требующего тщательного обсуждения *процесса смещения*¹.

Пациенту, о котором отныне вкратце пойдет речь, во время проведения анализа было 22 года. Он учился в одном высшем учебном заведении. Как только началось лечение, он предоставил автобиографию, в которой особенно подробно говорилось о его сексуальности. Учитывая эти записи, стоит в первую очередь обратить внимание на то, что в пубертате пациент, в общем-то, отличался от своих сверстников. Их сексуальные интересы к женскому полу были для него абсолютно чужды. Однако и к мужчинам он не испытывал любовного влечения. Также он удивительно поздно получил сознательные

¹ О понятии смещения ср. у Фрейда (*Freud, S. Die Traumdeutung* (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — S. 311—313.)

знания о важнейших фактах половой жизни, а когда он узнал об этом, тотчас стал строить предположения, что, возможно, он — импотент. Он чувствовал сильную неприязнь к мануальному самоудовлетворению, которое получали другие молодые люди.

Его сексуальные интересы имели иное направление. С четырнадцати лет он сам себя начал «приковывать». Он повторял это, пока дома никто не мог ему помешать. Он находил удовольствие в книгах, в которых говорилось об этом, а именно в историях об индейцах, где пленные привязывались к столбу пыток и подвергались мучениям. Но он ни разу не пытался «приковывать» других, его возбуждало, когда он в действительности терпел то же самое от других.

Когда ему было около пятнадцати, на курорте он увидел мальчика, которому было около восьми-девяти лет. На нем были элегантные ботинки, чем он тотчас привлек внимание пациента. «Каждый раз, когда я сталкивался с ним, — пишет пациент в автобиографии, — и когда я мог присматриваться к его сапогам, меня охватывала радость, и я желал этого случая». Вернувшись после каникул, он и в своем родном городе стал присматриваться к элегантной обуви, особенно своих одноклассников. Вскоре этот интерес передался и к *женской* обуви и перерос в пристрастие. «Женская обувь притягивает мои глаза магической силой... Незелантная обувь отталкивает меня и внушает отвращение». При виде красивой дамской обуви он чувствует «внутреннюю радость». Это чувство радости перерастает иногда в сильное возбуждение, особенно, когда он видит лакированные сапоги на высоких каблуках, какие часто носят дамы полусвета. Его возбуждает не только вид обуви, но также то представление, которое пациент живо себе рисует, как, должно быть, неудобно ходить в такой обуви. Чтобы испытать то чувство на себе, когда обувь жмет ноги, он неоднократно менял свои собственные сапоги: на правую ногу натягивал левый сапог, а на левую ногу — правый.

Вскоре его интерес к обуви сменился на интерес к корсетам. Когда ему было шестнадцать лет, он забрал себе старый корсет матери, крепко себя зашнуровывал и нередко носил его на улице под костюмом. В описании жизни дается следующая характеристика: «Когда я вижу женщин и девочек в туго затянутых корсетах, я представляю себе давление корсета на их грудь и нижнюю часть живота,

так я могу достичь эрекции. У меня часто возникает желание стать женщиной, чтобы иметь возможность себя туго зашнуровать, носить дамские сапоги на высоких каблуках и стоять перед магазинами, где продаются корсеты, не привлекая при этом внимания других. Но так как такое невозможно, это остается моим заветным желанием — носить женскую одежду, корсеты, соответственно, женскую обувь».

Высматривание элегантной обуви и туго затянутых талий стало самым главным занятием пациента. Этот интерес также занял первое место в его ярких снах наяву. Ночные эротические сновидения были в основном о корсетах, шнурках и т. д. Как уже упоминалось, пациент предпочитал литературу, где рассказы были садистского характера.

Все, что касается его склонностей, пациент строго держал в секрете до тех пор, пока не обратился за советом к врачу — специалисту, который с целью психоанализа, направил его ко мне. В отношении терапевтического успеха я с самого начала вел себя скептически.

Акцидентальные причины, которым в древней литературе отводится большое этиологическое значение для возникновения фетишистских склонностей, в нашем случае не могли быть обнаружены. Тот факт, что пациент еще мальчиком не раз наблюдал, как его мать натягивает корсет, не может нанести психическую травму. Интерес к корсету матери, а также к обуви мальчика, несомненно, был выражением его перверсии. Этиологическое значение не может иметь ничего общего с этим случаем.

Что не только в нашем, но и в другом подобном случае проявляется четче всего, так это чрезмерное *снижение сексуальной активности*. Собственно, речь не может идти о сексуальных действиях, если не учесть то, что пациент раньше пытался себя зашнуровывать и «приковывать». К другим личностям он никогда не испытывал садистического или подобного желания; от своих подобного рода желаний он освобождался исключительно в фантазиях. На практике он никогда не переступал за границу *аутоэротизма*.

Так мало примечательного в половой активности, такое яркое сексуальное *влечение к подглядыванию*. Однако и оно отклонено от своего круга интересов. Оно руководствуется не общими впечатлениями о теле других личностей, не первичными и вторичными

характерами полов, а определенными частями одежды. Итак, его интересует не голое тело, а его покров. Здесь оно снова специализируется на обуви и тесной одежде верхней части тела лиц женского пола.

Сексуальные потребности не выходят за пределы рассмотрения этого объекта. Таким образом, здесь речь идет о фиксации временной сексуальной цели¹. Вид женской обуви доставляет удовольствие только тогда, когда она имеет элегантную форму и исполнение, большая, ужасная обувь вызывает отвращение. Итак, наряду со склонностью к сексуальной переоценке фетиша, здесь проявляется также ярко выраженная склонность к аффективным отклонениям, которые обнаруживаются у невротика. Высокие требования, которые, как правило, фетишист обуви с точки зрения эстетической значимости предъявляет к сексуальному объекту, доказывают необходимую потребность в идеализации объекта.

Если такого рода сексуальная активность снизится, как в данном случае, а влечение найдет свое удовлетворение в достижении временной сексуальной цели, то отсюда ни в коем случае не следует, что существует первичное бессилие либидо. Анализ невроза указывает на ясность того, как изначально чрезмерно сильное влечение может быть парализовано из-за вытеснения. Для случая с фетишизмом, о котором идет речь, анализ показал абсолютно аналогичный ход. Исходя из богатого фактического материала, о котором здесь может быть сказано только частично, можно сделать вывод, что активные садистические компоненты влечения и сексуальное удовольствие от подглядывания были изначально ненормальной силы. Оба влечения, которые находятся в тесном «скрещивании»², подвергаются совместному вытеснению.

Как оказалось, в этот процесс вытеснения были включены также и другие парциальные влечения. Особая потребность фетишиста в эстетической ценности его сексуального объекта позволила предположить, что либидо изначально настаивает на определенных целях, которые, в общем-то, нормальному взрослому кажутся

¹ Ср. у Фрейда: *Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie* (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145.

² *Adler, A. Über neurotische Disposition.* // J. — 1909. — Bd. I. — S. 526—545.

особенно неэстетичными и вызывают у него отвращение. Перед тем, как я начал анализировать, мое внимание привлекла определенная область жизни влечений. Из одного частного сообщения профессора Фрейда я узнал, что по его наблюдениям вытеснение *конрофильного удовольствия от нюхания* играет своеобразную роль в психогенезе фетишизма ноги. Вскоре мои собственные исследования полностью подтвердили эту точку зрения. Оказалось, что и в этом случае с фетишизмом удовольствие от «отвратительного» запаха тела было изначально необычной силы. Совместное *вытеснение конрофильного удовольствия от нюхания, от подглядывания и сексуальной активности* привело к возникновению замещающего формирования; именно оно образует характерное своеобразие фетишизма ноги.

Есть такие случаи фетишизма, где сексуальная аномалия выражена через невытесненное, абсолютно сознательное удовольствие от отвратительных запахов. При так называемом *фетишизме запаха* удовольствие от нюхания особенно часто относится к неприятному запаху невымытых ног. Между тем это касается и удовольствия от подглядывания. В проанализированном мною случае оказалось, что пациент прошел стадию, которая соответствовала только что описанному фетишизму запаха. После этого произошло своеобразное преобразование: удовольствие от нюхания было вытеснено, а удовольствие от подглядывания было сублимировано в удовольствие от эстетически воздействующей обуви.

Но как могли *вращения к подглядыванию* и к нюханию концентрироваться в такой степени на ногах, вместо того, чтобы обращаться на сексуальные органы и на их выделения.

На основании определенных знаний можно предположить, что интерес обоих влечений изначально касался генитальных зон, но что ранее другие эрогенные зоны конкурировали с этими. Такое преимущество других эрогенных зон (рот, зад и т. д.) известно нам как из учения о сексуальных заблуждениях, так и из анализа неврозов и сновидений.

В действительности, анализ показал, что ранее между генитальной зоной и анальной была жесткая конкуренция, что своеобразный сексуальный интерес в первом периоде детства отходит на задний план в пользу заинтересованности в экскреторных процессах, что в пубертате происходит сдвиг вытеснения в одном

и том же направлении. Пациент необычайно долго настаивал на определенных детских взглядах, которые экскреторным процессам придавали значение сексуальных функций. Его сновидения указывают на соответствующую этим функциям символику. Его удовольствие от подглядывания и нюхания — поскольку они не были сбиты с ног, — в большей степени остались направленными на процессы мочеиспускания и испражнения или на их продукты.

Воспоминания пациента о его раннем детстве касаются, прежде всего, впечатлений, произведенных обонянием, и только потом относятся к зрительным впечатлениям. Прежде всего, следует упомянуть об определенных прорывах, которые часто появляются тогда, когда внимание пациента обращается на его раннее детство. Сначала он чувствовал запах йодоформа и древесного уксуса, двух субстанций, которыми в его детские годы пользовалась мать. Другой вспоминающийся случай касается одной сцены, которая произошла на одном курорте. Каждый раз пациенту на глаза попадалась его мать, когда она купалась в воде. Своеобразное значение этого явления было объяснено только благодаря дополнительной идее. В то время мальчик несколько раз пачкал себя, поэтому мать приводила его к морю, чтобы помыть.

Но в памяти пациента осталось необычайно много реминисценций о запахах, которые относились к более поздним годам его детства: как он, например, в комнате матери нашел пакет с волосами, запах которых был для него приятен; как он нежно обнимал мать, чтобы вдохнуть запах ее подмышечных впадин. Одно воспоминание также возвращало его в раннее детство: как сестра, которая была моложе его, лежала на груди матери, как он сам ртом касался другой груди и при этом ощущал приятный запах тела матери.

Нежность по отношению к матери проявлялась до тех пор, пока пациенту не исполнилось десять лет. До тех пор он часто забирался на ее кровать. Сейчас место симпатии заняла антипатия. Он стал крайне восприимчив к запаху женского тела. С вытеснением удовольствия от нюхания его сексуальный интерес к женскому полу исчез и перешел к следующему мужскому объекту — к отцу.

Причиной этого переноса является ярко выраженный интерес к опорожнению тела. Естественно, благодаря определенным особенностям отца, внимание мальчика было обращено на эти процессы.

Например, нередко бывало так, что отец мочился на глазах ребенка. Фантазии мальчика в высшей степени относились ко всему тому, чего касались эти функции при нем самом и при его отце¹.

После того, как внимание пациента перешло на отца, у него возникло желание стать женщиной. Как уже было упомянуто, он находился тогда в пубертате. Но насколько это было осознанно, данное желание не было направлено на то, чтобы ощущать половые функции женщины. Скорее, пациенту явилось желаемое, как женщина «носить ботинки на шнуровке и корсеты и, оставаясь незамеченной, смотреть на соответствующие товары на витрине». В пубертате — как уже сообщалось, — он несколько раз под своей одеждой носил корсет. Бессознательно, посредством некоторых явлений, выражалось желание стать женщиной, о котором необходимо еще рассказать.

Порыв детского протеста и ревность пациента должны непременно быть направлены против отца и матери. Наряду с этими явлениями, стоят в известной нам взаимосвязи фантазии о смерти и кастрации. Последнее носит то пассивный, то активный характер. Активные фантазии о кастрации относятся к матери, которая направляет их на объект, которому детские фантазии приписывают мужской половой орган. Пассивные представления о кастрации соответствуют желанию пациента стать женщиной. Они возникли в то время, когда главная идея заключалась в том, что женский пол посредством кастрации лишает его пениса, который свойственен ему изначально. Все названные представления играют большую роль в его жизни сновидений. Ему необходимо хотя бы одной женщине ампутировать палец. Или сделать мужчине (отцу) операцию, после чего мать поможет ему зашить рану. В других сновидениях ребенок должен быть обезглавлен. Среди многолетних сновидений есть такое, о котором нельзя забывать, где один человек с ножом в руках преследует кого-то. Особое проявление комплекса кастрации показывает изначальноная сила садистическо-мазохистических импульсов влечений.

¹ В связи с этим развивается описанная Фрейдом (ср. *Freud, S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben* (1909b). // G. W. — Bd. 7. — S. 241—377.) абсолютно идентичная символика лошади и жирафа.

Кастрация в фантазиях пациента имеет не только само собой разумеющееся значение кастрации, но, наряду с этим, указывает на определенное представление, которое с давних пор имеет особый интерес. Содержание этой идеи состоит в том, что вследствие кастрации больше невозможно мочиться. Отсюда нити ведут к другому комплексу представлений.

У всех невротиков, у которых анальная и уретральная зоны являются особо эрогенными, наблюдается задержка экскретов. Это в первую очередь относится к представленному случаю. Детские воспоминания большей частью связаны со знакомой в этом направлении деятельностью, которая приносит радость.

Нервный симптом — сбой в мочеиспускании — также связан с такой деятельностью.

Пациент с давних пор в своих фантазиях представлял себе ситуации, в которых необходимо было сдерживать потребности. Со страстью он изображал себе, как он был захвачен индейцами, привязан к столбу пыток, а затем был вынужден сдерживать содержимое мочевого пузыря и кишечника. Здесь, помимо этого, выступает сильный мазохистический элемент. Также одним из его любимых представлений было то, будто бы он — полярный исследователь и, что ужасный мороз препятствует ему с целью телесной разгрузки расстегнуть пальто на некоторое время.

И попытки схватить самого себя были определены посредством таких мотивов, обычно, эти попытки производились в уборной. Вообще, «наложение оков» на пациента, которое играет известную роль в жизни садистов и мазохистов, достигает своего существенного значения благодаря ассоциативной связи с функциями телесной разгрузки. Шнуровка тела давит на мочевой пузырь и кишечник, что пациент находит очень забавным. Когда он в первый раз натянул корсет, началась эрекция, которая сопровождалась мочеиспусканием.

Важная детерминизация шнурования (корсета, обуви) лежит в определенных аутоэротических привычках пациента, которые сопровождаются прищемлением гениталий.

Особый акцент на анальных зонах находит свое выражение в том, что эта часть тела в детстве пациента выполняла своеобразную аутоэротическую деятельность: пациент старался сесть так, чтобы пятка

одной ноги давила на анальную область. В соответствующих воспоминаниях мы находим непосредственную связь ноги и анального отверстия. Пятка определенным образом выступает в качестве мужского, анальное отверстие — в качестве женского органа.

Эта связь чрезмерно усиливается благодаря копрофильному удовольствию от нюхания. Его аутоэротизм получает обильное удовольствие от запахов его собственных выделений тела. Неприятный запах кожи, гениталий, ног еще раньше вызывали особое удовольствие. Так, нога в бессознательной фантазии пациента могла приобрести значение гениталий.

Касаясь копрофильного удовольствия от нюхания, стоит упомянуть, что пациент часто видит сновидения либо в уборной, либо сновидения приносят исполнение анально-эротических желаний в прозрачную символику. Особенно характерным является сновидение, в котором он засовывает свой нос между двумя большими полушариями.

Было уже сказано, что влечение к подглядыванию направлено преимущественно на экскременты. В сновидениях отец и брат пациента часто встречаются в соответствующих ситуациях. Во многих сновидениях вода выступает в качестве символа. Интерес вызывает то сновидение пациента, в котором он со своим братом на корабле проплывает через порт. Чтобы выйти из порта, им нужно переплыть своеобразный проход, построенный в виде дома над водой. Затем они плывут по открытой воде, после чего внезапно оказываются на суше и, не касаясь земли, едут на корабле по улице. Они едут по воздуху, при этом за ними наблюдает шутман. Для объяснения этого сновидения требуется лишь несколько замечаний! Сначала следует указать на двусмысленность слова порт (в определенных диалектах = горшок) и на созвучие слова «корабль» с вульгарным термином, обозначающим «мочеиспускание». Проход, через который необходимо проплыть во время выхода из порта, напоминает ему об установленных под углом колоннах храма Филая. В другом случае звучит: Колосс из Родоса. Колосс изображает человека, который с поставленными друг против друга ногами стоит над входом в порт Родоса. Он напоминает пациенту его отца, которого он ребенком видел в соответствующем положении тела, когда тот мочился. Последующая совместная с братом

поездка на корабле — при которой корабль движется по воздуху, — связана с воспоминаниями из детства, а именно с воспоминаниями о нередко проводящихся среди мальчиков состязаниях, касающихся испражнений.

В этом сновидении значение имеет также эксгибиционистский момент: испражнение происходит перед глазами шуцмана; опыт показывает, что надзирателем в сновидении является отец.

В чрезвычайно богатом материале о сновидениях, который был предоставлен пациентом во время анализа, содержится множество подобных намеков. Удивительная изменчивость этих сновидений позволяет сделать вывод, что копрофильное удовольствие от подглядывания в совершенно необычайной степени занято фантазией пациента.

Следует упомянуть, что в пациенте обнаруживаются типичные признаки характера сублимированной анальной эротики — это, прежде всего, педантичная экономность и любовь к порядку.

Но в какой степени для пациента нога заменяет мужские гениталии, примечательным образом следует из известных сновидений, два из которых должны быть воспроизведены. Как-то в сновидении пациент носит домашние туфли; обувь сзади стоптана так, что были видны его пятки. Это сновидение оказалось эксгибиционистским; пятка была выставлена напоказ, как в обычных эксгибициональных сновидениях выставляются сексуальные органы. Аффект был таким, каким мы его знаем из типичных, сопровождающихся страхом эксгибициональных сновидений.

В другом относящемся сюда сновидении пациент своей ногой задевает женщину, таким образом, пачкает ее. Это сновидение понятно и без комментариев.

В связи с этим становится ясно, почему для пациента сапоги на высоком каблуке представляли особый интерес. Каблук обуви соответствует пятке, и именно пятка посредством процесса смещения, о котором уже было сказано, содержит в себе значение мужских гениталий. Так, в пристрастии к женской ноге и к ее покрытию, а в особенности к каблуку, продолжает жить инфантильный сексуальный интерес, который когда-то пациент выражал по отношению к воображаемому им самим пенису женщины.

Приведенный фактический материал представляет лишь ничтожную долю того, что обнаружил анализ. Но мне кажется этого

достаточно, чтобы привести доказательство, что ноге придается значение замещения гениталий. Влечение к подглядыванию и к нюханию, которые с давних пор в необычайной степени были направлены на испражнения, были подвержены значительному естественному и неравномерному преобразованию. Влечение к нюханию было в большей мере вытеснено, влечение к подглядыванию, наоборот, подчеркивалось, однако оно отклонялось от своей первоначальной области интересов и идеализировалось. Этот процесс, жертвой которого стало лишь одно из двух нижеприведенных влечений, заслуживает названия «парциальное влечение», которое ему было дано Фрейдом.

С тех пор, как был проведен подробный анализ этого случая, у меня было много возможностей проанализировать такие фетишистские черты у невротиков, которые в какой-то степени образовывали второстепенные данные. Во всех случаях я получил одинаковые результаты относительно значения тех влечений, которые в вышеуказанном случае выступали как основополагающее фетишизма. Из-за однообразных результатов я не буду сообщать подробности этого анализа.

Мне остается еще добавить кое-что о терапевтической деятельности психоанализа в вышеуказанном и других случаях фетишизма. В описанном случае мне не удалось достичь устранения фетишизма. Вероятно, после разъяснительной работы анализа, которая была проведена с пациентом, власть сексуальной аномалии, господствовавшая до этого времени над ним, частично потеряла свою силу. Его сила сопротивления против привлекательности женской обуви и т. д. существенно возросла. Во время анализа нередко возникали нормальные сексуальные порывы. Я вполне допускаю, что последовательно продолжающееся лечение постепенно привело бы к укреплению нормального либидо.

Здесь я нахожу удачными шансы, когда речь идет о менее выраженных случаях; когда, например, наряду с неврозом, возникают явления фетишистского рода. Как кажется, мною вкратце проанализированный случай этого рода доказывает, что симптом невроза совместно с симптомом фетишизма посредством психоанализа могут быть приведены к исчезновению, чтобы уступить место нормальному сексуальному поведению.

**Подходы К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМУ
ИССЛЕДОВАНИЮ И ЛЕЧЕНИЮ МАНИАКАЛЬНО-
ДЕПРЕССИВНОГО РАССТРОЙСТВА
И РОДСТВЕННЫХ ЕМУ СОСТОЯНИЙ¹**

(1912Ь [1911])

¹ В основу статьи положен доклад, сделанный автором на III психоаналитическом конгрессе в Веймаре 21 сентября 1911 года.

Издания на немецком языке:

1912: Ansätze zur psychoanalytischen Erforschung und Behandlung des manisch-depressiven Irreseins und verwandter Zustände. // Zentralblatt für Psychoanalyse. — 1912. — Jahrg. II. — Heft 6, March — S. 302—315.

1921: Idem. // Abraham, K. Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

Эта статья К. Абрахама во многом предваряет дальнейшие психоаналитические разработки проблемы депрессии. Одной из важных тем статьи — значение ненависти в маниакально-депрессивных расстройствах. Состояние меланхолической депрессии, как показывает Абрахам, часто начинается с ненависти, парализующей способность любить; она может овладевать больным, вызывать чувство вины или проецироваться на других. В любом случае, момент ненависти становится центральным в различных состояниях маниакально-депрессивных расстройств.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

В то время как состояния страха описаны в психоаналитической литературе подробно, депрессивные состояния не нашли должного внимания. А между тем депрессивный аффект распространен во всех формах неврозов и психозов в той же мере, что и аффект страха. Зачастую оба аффекта наблюдаются у одного и того же индивида одновременно или поочередно. Человек, страдающий навязчивым страхом, подвержен депрессивным настроениям; меланхолик, пребывающий в глубоко подавленном состоянии, жалуется на то, что испытывает страх.

Один из самых первых результатов Фрейда в области исследования невроза гласил: невротический страх возникает в результате сексуального вытеснения. И благодаря этому происхождению невротический страх отличается от боязни. Аналогичным образом мы отделяем аффект скорби или подавленность от бессознательно мотивированной, т. е. основанной на вытеснении невротической депрессии.

Между страхом и депрессией возникает аналогичная связь, как и между ужасом и скорбью. Мы опасаемся будущего несчастья, скорбим из-за произошедшего. Невротика охватывает страх, когда его влечение стремится к удовлетворению, достижение которого запрещено ему его вытеснением. Если он безуспешно, и не получив удовлетворения, отказывается от своей сексуальной цели, то начинается депрессия. Он чувствует себя неспособным любить и нелюбимым, поэтому он разочаровывается в жизни и теряет надежду на будущее. Этот аффект продолжается до тех пор, пока не исчезнут причины его появления — будь то действительное изменение ситуации, либо психическая переработка представлений, окрашенных в тона неудовольствия. Любое невротическое депрессивное состояние, равно как и родственное ему состояние страха, всегда содержит тенденцию отказа от жизни.

Вышеизложенные соображения едва ли поразят своей новизной тех, кто рассматривает неврозы с точки зрения теории Фрейда, хотя в литературе можно отыскать на удивление небольшое коли-

чество сведений о психологии невротической депрессии. Между тем проблема депрессивного аффекта в рамках *психозов* заслуживает скрупулезного исследования. Задача его изучения усложняется еще и тем, что часть принимаемых в расчет болезней протекает «циклично» и меланхолическое состояние чередуется с маниакальным. Однако все предшествующие работы¹ были посвящены лишь одной из двух фаз заболевания.

За многие годы работы частным психотерапевтом-практиком я имел возможность наблюдать шесть имеющих к этому отношение случаев. Два из них относились к слабо выраженным маниакально-депрессивным пациентам, одного из которых, однако, я лечил некоторое время (это случаи так называемой циклотимии); третий пациент страдал короткими, но быстро сменяющимися друг друга депрессивными состояниями, сопровождающимися типичными проявлениями меланхолии. В случае с двумя другими пациентами речь шла о первичном депрессивном психозе, хотя у них и раньше проявлялась склонность к легким маниакальным и депрессивным колебаниям настроения. Один пациент впоследствии, в возрасте 45 лет, заболел тяжелым хроническим психозом.

По примеру Крепелина, многие психиатры не расценивают депрессивные состояния на пятом десятке лет, как проявление маниакально-депрессивного расстройства. В результате значительного совпадения психических структур, что было выявлено путем анализа, я отношу вышеназванный случай к числу тех, чья принадлежность к маниакально-депрессивному расстройству не вызывает сомнений. Относительно вопроса разграничения этих психозов я не буду высказывать свою точку зрения.

Я не намереваюсь детально рассматривать депрессивные состояния с точки зрения *Dementia praecox*.

Уже в самом начале анализа депрессивного психоза я обратил внимание на то, насколько по своему строению психоз похож

¹ *Maeder, A. E.* Psychoanalyse bei einer melancholischen Depression. // C.— 1910. — S. 50—58.

Brill, A. A. Ein Fall von periodischer Depression psychogenen Ursprungs (Übersetzung). — Z. — 1911. — Bd. I — S. 158 ff.

Jones, E. Psycho-Analytic Notes on a Case of Hypomania. // Bulletin of the Ontario Hospitals for the Insane. — 1910.

на невроз навязчивости. У людей, страдающих неврозом навязчивости,¹ — я имею в виду тяжелые, ярко выраженные случаи, — либидо не может развиваться естественным образом, потому что две различные тенденции — ненависть и любовь — постоянно причиняют друг другу вред. Склонность враждебно относиться к окружающему миру настолько велика, что способность любить существенно снижается. Но одновременно человек, страдающий неврозом навязчивости, в результате вытеснения ненависти (или, если говорить в общем: первоначально преобладающего садистического компонента своей любви) теряет силы и энергию. Похожая неуверенность возникает и при выборе объекта относительно его пола. Неспособность либидо к установлению определенного отношения приводит, к общему чувству неуверенности, а далее к болезненному сомнению. Человек, страдающий неврозом навязчивости, не может принять решение, в любой ситуации он испытывает страдания от чувства недостаточности и в жизни выглядит беспомощным.

Теперь я приведу историю болезни циклотимией по возможности наиболее кратко и в том виде, в каком она предстала передо мной после завершения анализа.

Пациент вспоминает, что сильное половое влечение очень бурно стало проявляться у него слишком рано, т. е. до того, как ему исполнилось шесть лет. В качестве первого сексуального объекта того времени он называет воспитательницу детского сада, присутствие которой возбуждало его. Также и его фантазия была живо занята ею. Возбуждение того времени привело к онанизму, которым он имел обыкновение заниматься, лежа на животе и совершая движения с эффектом трения. Этому занятию помешала воспитательница (ранее кормилица). Она запретила ему заниматься этим, неоднократно била его и, если он нарушал ее запрет, грозила, что из-за этого он может стать несчастным на всю жизнь. Во время учебы в школе пациент несколько лет испытывал длительное эротическое увлечение одним одноклассником.

В детские годы, а также и позднее пациент никогда не чувствовал себя удовлетворенно в родительском доме. У него всегда создавалось впечатление, что родители отдают предпочтение старшему брату, потому что тот

¹ Следующая краткая характеристика согласуется с описанием, которое приводит Фрейд в статье «Заметки об одном случае невроза навязчивых состояний» (*Freud, S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose* (1909d). // G. W. — Bd. 7. — S. 381 {379—463}).

казался особенно умным, в то время как он сам обладал лишь средними способностями. Также он считал, что младшему болезненному брату мать уделяла больше внимания, чем ему. Из-за этого он стал враждебно относиться к родителям, в то время как братья вызывали у него ревность и ненависть. Насколько сильным было это ненавистное отношение, свидетельствует пара импульсивных поступков из детства. В результате незначительной ссоры он дважды избивал младшего брата с такой жестокостью, что сбивал его с ног и оба раза наносил ему серьезные телесные повреждения.

Эта жестокость особенно бросается в глаза, когда мы узнаем, что в школьные годы пациент был самым маленьким и слабым среди учеников класса. Он так ни с кем и не подружился и чаще всего держался особняком. Он был прилежным, но это не принесло соответствующих результатов. В пубертате отчетливо стало заметно, что влечения, которые сначала сильно проявлялись, в результате вытеснения были парализованы. Он почувствовал, — в отличие от своего поведения в детстве! — что женщины не привлекают его. Его сексуальная деятельность оставалась той же, что и в детстве, но занимался он ею не в состоянии бодрствования, а во сне или полусне. Друзей у него не было. Сравнивая себя с другими, он сам замечал отсутствие жизненной силы. Дома он не находил никакого воодушевления, напротив, ему нередко доводилось выслушивать от отца пренебрежительные замечания. Ко всем этим удручающим моментам добавилась еще и особая психическая травма. Учитель совершил жестокий поступок, обзавав его однажды перед всем классом умственным и физическим калекой. Вскоре после этого пациент впервые испытал депрессивное состояние.

В последующие годы он также избегал знакомств с людьми, намеренно держался от них в стороне, потому что опасался, что его будут считать ограниченным. Добрые взаимоотношения у него складывались только с детьми, в обществе которых у него не возникало привычного чувства недостаточности. В остальном он держался особняком. Женщин он просто боялся. Он был способен на нормальные сексуальные отношения, но, тем не менее, не испытывал к ним никакой склонности, а также не получал от них никакого удовлетворения. Также и в последующие годы онанизм во сне по-прежнему оставался основной формой его сексуальной деятельности. В практической жизни он показал себя мало энергичным; особенно трудно пациенту было принимать решение в сложных ситуациях.

Вышеизложенная предыстория в точности совпадает с особенностями, которые мы обнаруживаем у людей, страдающих неврозом навязчивости. Однако мы находим у нашего пациента не проявления невроза

навязчивости, а циклические колебания настроения, которые неоднократно происходили теперь уже на протяжении примерно двадцати лет.

В течение *депрессивной фазы* настроение пациента — в зависимости от тяжести депрессии, — пребывает либо в «подавленном» состоянии, либо в состоянии «апатии». (Я привожу здесь используемые самим пациентом обозначения.) Он чувствует себя стесненным, заставляет себя выполнять даже самые простые действия, говорит медленно и тихо, желает смерти и предается мыслям о самоубийстве. Его представления обладают депрессивным содержанием. Он часто говорит сам себе: «я отверженный», «изгой», «проклятый», «я не отмираю». У него появляется необъяснимое чувство, как будто состояние депрессии послано ему в качестве наказания. Он испытывает чувство собственной ничтожности, часто представляет себе, как бесследно исчезнет с лица земли. Пребывая в таком настроении, он ощущает слабость, страх и давление в голове. Продолжительность депрессивной фазы чаще всего составляет несколько недель, иногда она бывала и короче. Интенсивность депрессии также колеблется между отдельными приступами; за год у пациента дважды или трижды случались тяжелые приступы меланхолии и около шести раз — более легкие состояния. Во время каждого отдельного приступа наблюдается постепенный подъем, затем пребывание на уровне депрессии и постепенное снижение дурного настроения, и это было заметно не только самому пациенту, но и объективному наблюдению.

Примерно в 28 лет у пациента появилось еще и дурное настроение совсем иного рода; с тех пор у него наблюдалась постоянная смена состояний гипомании и депрессии.

В начале фазы мании пациент пробуждается от своей апатии, начинает мыслить живо, даже слишком живо. Он много работает, не знает усталости, он встает рано утром и тотчас хватается за служебные дела. Он предприимчив, считает себя очень успешным, разговорчив, смеется и шутит. Он расположен к игре слов и каламбурам. Он сам замечает, что его мысли мимолетны; объективно у него наблюдается легкая степень полета идей. Он говорит в более быстром темпе, живее и громче обычного. Настроение бодрое и приподнятое. Обычно во время обострения маниакального расстройства эйфория переходит в раздражительность и импульсивную вспыльчивость. Например, если кто-то мешает ему работать, встает у него на пути, если на улице перед ним проносится автомобиль, он бурно выражает аффект гнева. Охотнее всего пациент сразу же ударил бы обидчика. Пребывая в подобном состоянии, он нередко вступает в пререкания с другими людьми и ведет себя вызывающе. Если во время депрессии сон спокойный, то в течение маниакальной фазы он испытывает

по ночам сильное беспокойство, которое особенно усиливается во второй половине ночи. Чаще всего в такие ночи наблюдается резкое сексуальное возбуждение.

Пациент, либидо которого проявилось очень рано и с большой энергией, отчасти утратил способность любить и ненавидеть. Подобно людям, страдающим неврозом навязчивости, он стал неспособным любить. Однако он не страдает импотенцией, сам он лишен сексуального наслаждения. Пациент испытывает большее удовлетворение от поллюции, чем от коитуса. Его сексуальная деятельность протекает по большей части во сне. В этом проявляется свойственное также и невротикам аутоэротическое стремление оградить себя от внешнего мира. Такие люди получают удовольствие только в полном уединении. Любое живое существо, любой неодушевленный предмет может помешать. И лишь полностью оградив себя от любого внешнего впечатления, — например, во сне — они переживают удовлетворение своих сексуальных желаний. Наш пациент говорит по этому поводу: «В кровати я чувствую себя лучше всего, здесь я как в собственном доме»¹.

В пубертате пациент замечал, что он во многом уступает своим ровесникам. Он не был им ровней в физическом отношении. Он опасался, что в умственном отношении — особенно по сравнению со своим старшим братом — он окажется неполноценным. Теперь у него появилось чувство сексуальной неполноценности. Именно в этот момент ударом судьбы явилась критика учителя («умственный и физический калека»). Ее действие большей частью объясняется тем, что она, согласно мнению пациента, вызвала у него воспоминание о предсказании кормилицы. Она напугала его тем, что из-за мастурбации его жизнь станет несчастной. Как раз в это время, когда он должен был возмужать и почувствовать себя мужчиной, как его ровесники, существовавшее в нем и раньше чувство неполноценности значительно усилилось. За этим последовало первое на его памяти состояние депрессии.

Начало собственной болезни повлекло за собой — как мы можем видеть это в случаях невроза навязчивости, — принятие окончательного решения посредством отношения пациента к окружающему миру, посредством последующего использования либидо.

¹ Здесь следует отметить, что другие пациенты-мужчины, с которыми я также проводил анализ по причине депрессивного психоза, вели себя точно так же. Ни один из них не был импотентом. Тем не менее, аутоэротическое поведение с давних пор было для них более приятным, в то время как связь с женщинами тяготила и обременяла их.

В других проанализированных случаях конфликт подобного рода явился причиной начала состояния депрессии. Так, например, один из пациентов обручился. Но вскоре чувство недостаточной способности любить победило его, из-за этого он впал в тяжелую меланхолическую депрессию.

Во всех случаях болезнь определенно начиналась с парализующего способность любить отношения ненависти. Впрочем, в этих случаях, как и в психогенезе невроза навязчивости, выявились конфликты в жизни влечений пациентов в качестве болезненных факторов. Я особенно отмечаю здесь неуверенность относительно половой роли. В случае у Медера¹ особенно бросался в глаза конфликт между мужской и женской ориентацией. У двоих моих пациентов я обнаружил данные, поразительно напоминавшие описанные Медером.

По мере дальнейшего развития оба эти заболевания отдаляются друг от друга. Невроз навязчивости создает на месте недостижимых сексуальных целей *замещающие цели*; в их смысле деятельность связана с проявлениями психического принуждения. Иначе протекает процесс при возникновении депрессивных психозов. К процессу вытеснения присоединяется процесс, известный нам главным образом из области психогенеза определенных психических расстройств под определением «*проекция*».

В «Психоаналитических заметках об одном автобиографически описанном случае паранойи (*Dementia paranoides*)»² Фрейд дает точную формулировку психогенеза паранойи. Короткими выражениями он уточнил стадии, которые протекают до образования параноидного бреда (loc. cit., с 298 по 302). Теперь на основе моих анализов депрессивных психических расстройств я хотел бы попытаться дать подобную формулировку для генезиса депрессивных психозов.

Фрейд видит — как минимум в большей части случаев параноидных галлюцинаций — зерно конфликта в гомосексуальной фантазии желания любить индивида того же пола. (Формула: я {мужчина} люблю его {мужчину}). Мания преследования обнаруживает

¹ [Maeder, A.E. Psychoanalyse bei einer melancholischen Depression. // C. — 1910. — S. 50—58.]

² Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (*Dementia paranoides*) (1911c). // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316.

противоречие относительно этой ориентации, громко заявляя: «Ян *е* люблю его, я ненавижу его, вот так». Поскольку при паранойе внутреннее восприятие заменяется восприятием извне, то собственная ненависть представляется следствием неприязни, которую претерпели снаружи. Третья формула звучит так: «Да, я не люблю его — да, я ненавижу его, — потому что он меня преследует».

Теперь в занимающих нас психозах кроется другой конфликт. Он берет свое начало от преодолённого отношения ненависти либидо, которое сначала распространяется на близких родственников, а затем обобщается. Это отношение можно выразить посредством следующей формулы:

1. Я не могу любить людей; я должен их ненавидеть.

Тяжелые чувства неполноценности этих больных берут свое начало от этого неприятного «внутреннего восприятия». Если теперь содержание восприятия вытесняется и проецируется вовне, то индивидуум понимает, что его окружение — сначала снова подразумеваются родители и т. д., а затем более широкий круг лиц — не любит, а ненавидит его. Это понимание исходит от их первоначальной причины с собственной установкой ненависти и связывается с другими — психическими и физическими — недостатками¹. Кажется, что обилие таких недостатков благоприятствует возникновению депрессивных состояний.

Таким образом, вытекает вторая формула:

2. Люди меня не любят; они ненавидят меня ... потому что у меня много врожденных недостатков². *Поэтому я несчастен, удручен.*

Однако вытесненные садистические порывы не успокаиваются. Они проявляют тенденцию вернуться в сознание и снова принять всевозможные формы в сновидениях и симптоматических действиях, но особенно в мучительных склонностях по отношению к окружающим, сильной жажде мести и криминальных импульсах. Как правило, подобные приступы не доступны для прямого наблюдения,

¹ В некоторых случаях — по-видимому, преимущественно в легких — первоначальная причина исчезает лишь отчасти. Все-таки потом также отчетливо узнаваемой остается тенденция смещения.

² Следует обратить внимание на этимологию слова «*häßlich*» — уродливый: то, что вызывает ненависть.

поскольку чаще всего они остаются неоконченными. Но при более близком знакомстве с больным — возможно, во время катамнеза — можно получить достаточно сведений об этом. Кто не заметил эти порывы во время депрессивной фазы, получает возможность наблюдать их в течение фазы мании. Но об этом позже.

Именно относительно этой жажды мести, жестоких действий и т. п. выступает склонность отвлекать ее от мучительного чувства физического и душевного несовершенства, вместо собственного недостаточно вытесненного садизма. Каждый больной маниакально-депрессивной группы склонен к выводам Ричарда III, который безжалостно открывает все свои физические недостатки и делает из этого вывод:

«Нет!.. Раз не вышел из меня любовник,
Достойный сих времен благословенных,
То надлежит мне сделаться злодеем,
Прокляв забавы наших праздных дней»¹.

Из-за своих недостатков Ричард не может любить, его ненавидят. Поэтому он хочет мстить. Того же самого желает каждый из наших пациентов; однако они не способны на это, поскольку активность их влечений парализована вытеснением.

Для него из подавления этих достаточно часто всплывающих порывов ненависти, мести и т. п. появляются новые болезненные проявления — *идеи виновности*. Согласно имеющимся на данный момент данным я считаю, что могу сказать: чем сильнее бессознательные порывы мести, тем отчетливее склонность создавать бредовые идеи вины. Как известно, этот бред может приобретать чудовищные размеры, так что больной уверен, что только он является виновником всех грехов с самого зарождения мира, или что все зло мира исходит от него одного. Речь идет об индивидах с неутолимим вытесненным в бессознательное садизмом, который направлен на всех и все. Разумеется, представление о столь чудовищной вине крайне мучительно для сознания; такой степени вытесненного садизма соответствует особенная тяжесть депрессивного аффекта. Тем не менее, идея вины

¹ [Шекспир, В. Комедии, хроники, трагедии. — М.: Худож. лит., 1989. — Т. 1. — С. 306.]

содержит исполнение желания: вытесненного желания ощутить себя преступником величайшего покая, взять на себя больше вины, чем все вместе взятые люди. Теперь мы также вспомним об определенных психических процессах навязчивых невротиков. Я назову лишь представление этих больных о «всемогуществе» их мыслей. Они часто испытывают страх, посредством мыслей о смерти некоторых людей они могут на самом деле стать виноватыми в их смерти. У человека, страдающего неврозом навязчивости, садистические порывы влечений также подавлены. Так как он не может *действовать* сообразно своему первоначальному влечению, то он бессознательно предается фантазии, что своей мыслью способен убить, а в сознании это желание преподносится не как таковое, а как мучительное беспокойство.

Мы видим, что в результате вытеснения садизма возникают депрессия, страх и упреки самого себя. Но если же важный источник удовольствия активной деятельности влечений недоступен, то разумеемся следствием этого является обращение к мазохизму. Пациент становится пассивным, он черпает удовольствие из своих страданий, из постоянных отражений себя в зеркале. Даже самая глубокая меланхолия доставляет скрытое удовольствие.

Некоторые больные, прежде чем впасть в настоящее состояние депрессии, особенно активны в профессиональной жизни и других сферах. Они — часто насильно — сублимируют либидо, которое не могут подчинить своим собственным целям. Таким образом, они скрываются от конфликтов внутри себя и защищаются от депрессивных настроений, которые хотят ворваться в их сознание. Это может продолжаться долгое время, но не полностью. Человек, длительное время защищающийся от мешающих воздействий, никогда не достигнет внутреннего спокойствия и уверенности. Ситуация, требующая определенного решения в вопросах либидо, внезапно ликвидирует кропотливо оберегаемое психическое равновесие. С началом депрессивного состояния прежние интересы (т. е. сублимации) пациента тотчас теряют силу, результатом этого является сужение психического кругозора, которое может дойти до так называемого «монидеизма».

Если депрессивный психоз манифестный, то в качестве главного проявления выступает общее психическое торможение. Оно осложняет связь больного с внешним миром. Будучи неспособным

к продолжительному положительному применению своего либидо, больной бессознательно ищет уединения от мира. Это аутоэротическое стремление проявляется в виде торможения больного. Теперь в симптоматике невротизов и психозов в распоряжении имеются еще и другие средства, которые могут выражать аутоэротическую тенденцию. То, что в этом случае возникает именно торможение, а не какое-то другое средство выражения, безупречно объясняется тем, что одновременно торможение может служить еще и другим бессознательным тенденциям. Особенно мне бы хотелось выделить тенденцию *отказа от жизни*. Именно высшие степени торможения, которые называют депрессивным ступором, представляют собой символическую смерть. Больной не реагирует даже на применение сильных внешних раздражителей, словно уже не принадлежит миру живых. Следует заметить, что выше были рассмотрены лишь две общие причины, вызывающие торможение. В каждом случае анализ дает более подробные, связанные с индивидуальными особенностями, определения.

Отдельные симптомы депрессивного состояния станут нам понятными, если мы прибегнем к помощи хорошо обоснованного психоаналитического опыта. Здесь следует назвать часто встречающуюся идею обнищания. Например, пациент жалуется на то, что он и его семья были обречены на голодную смерть. Если началу болезни действительно предшествовали денежные потери, то пациент уверяет, что он не может пережить этот удар, он конченный человек. Этот своеобразный, часто полностью овладевающий пациентом ход мыслей объясняется обычной идентификацией либидо с деньгами, сексуальным и финансовым «состоянием». Для больного либидо, так сказать, ушло из мира; в то время как другие могут заполнять своим либидо объекты окружающего мира, у него нет такого капитала. Идея обнищания исходит от вытесненного восприятия неспособности любить.

Особенно часто опасения или ярко выраженные бредовые идеи подобного содержания мы встречаем при депрессивных состояниях инволюционного возраста. Насколько позволяют сделать вывод мои достаточно скромные аналитические знания об этих состояниях, речь идет о людях, любовная жизнь которых длительное время не получала удовлетворения. В предыдущие годы они вытесняли это

обстоятельство и компенсировали собственное спасение другим образом. Вытеснению не справиться с климактерической революцией. Эти люди как будто оглядывают теперь свою потерянную жизнь и одновременно понимают, что уже поздно что-либо менять. Их сознание изо всех сил противится всем представлениям, но будучи слишком слабым, чтобы полностью подчинить их, оно вынуждено предоставлять им доступ в завуалированной форме. Они по-прежнему остаются мучительными в сокрытии бреда обнищания, но теперь уже не остаются настолько невыносимыми.

Во внешнем проявлении *маниакальная фаза* циркулярных расстройств является полной противоположностью депрессивной фазы. При поверхностном рассмотрении маниакальный психоз выглядит весьма забавно, отказываясь от более глубокого исследования при помощи психоанализа, можно прийти к выводу, что обе фазы противопоставляются с точки зрения содержания. Однако психоанализ с уверенностью позволяет признать, что обе фазы находятся под господством *одинаковых* — не противоположно направленных — комплексов. Различным является лишь отношение больного к одинаковым комплексам. В депрессивном состоянии он подавляется комплексом и не видит никакого другого выхода, кроме смерти, в качестве ухода от своей бедности¹; пребывая в маниакальном состоянии, он не обращает внимания на комплекс.

Мания начинается тогда, когда вытеснение больше не может сдерживать натиск вытесненных влечений. Больного, особенно в случаях сильного маниакального возбуждения, как во сне захватывают его влечения. Здесь особенно следует отметить, что позитивное и негативное либидо (любовь и ненависть, эротическая потребность и агрессивная враждебность) одинаково устремляются в сознание пациента.

Из-за того, что оба вида либидинозных порывов снова получают доступ в сознание, создается состояние, которое пациент однажды уже переносил в раннем детстве. Если во время депрессивной фазы все направлено на отказ от жизни, на смерть, то охваченный манией начинает жизнь заново. Он возвращается на ту стадию, когда влеч-

¹ Некоторые пациенты также отстаивают мнение, что они смогут исцелиться при осуществлении внешнего условия, которое чаще всего невыполнимо.

чения еще не подверглись вытеснению, когда он еще не подозревал о надвигающемся конфликте. Примечательно, что в этот момент многие больные — в том числе и в вышеописанном случае, — утверждают, что они чувствуют себя как «новорожденные». Мания таит в себе исполнение всех желаний:

«Верни мне дух неукротенный,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!»¹

Настроение маньяка заменяется по сравнению с обычным или депрессивным состоянием то беззаботным и буйным весельем, то повышенной раздражительностью и самоуверенностью. В зависимости от индивидуальности преобладает то или иное вытеснение, также на различных стадиях болезни может преобладать то или иное настроение.

Аффект удовольствия от мании может исходить из тех же источников, что и *удовольствие от остроумия*. Последующие рассуждения могут тесно присоединиться к теории остроумия², разработанной Фрейдом.

Когда меланхолик находится в состоянии общего торможения, то с началом мании частично или даже полностью теряют силу также имеющиеся и у здорового человека торможения влечений. Обусловленная этим экономия торможения становится источником удовольствия, причем на длительный срок, в то время как остроумие доставляет лишь временное устранение торможений.

Экономия в расходах торможения все-таки ни в коем случае не единственный источник удовольствия мании. В результате устранения торможений снова становятся доступными старые источники удовольствия, которые уже давно были подавлены, вот тут-то и выясняется, что мания коренится в инфантильном. В качестве третьего источника удовольствия следует назвать технику маниакальной

¹ [Гете, И.В. Фауст. Трагедия. // Гете, И.В. Собрание сочинений в 10-ти тт. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 2. — С. 13. Пер. с нем. Б. Пастернака.]

² Freud, S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c). // G. W. — Bd. 6.

мысленной продукции. Упразднение логической навязчивости и игра слов — две основные черты процесса маниакального представления — означают значительное «восстановление инфантильных свобод».

В качестве противоположного симптома меланхолическому торможению мыслительного процесса в маниакальной фазе проявляется скачка идей. Там сужается круг идей, здесь происходит быстрая смена содержания сознания. Самое главное различие между скачками идей и нормальным мышлением заключается в том, что здоровый человек в процессе мышления или речи последовательно продвигается к цели мыслительной операции, между тем как охваченный манией очень легко теряет представление цели¹. Этим отличаются формальные особенности скачки идей, но не ее значения для человека, охваченного манией. Следует отметить, что скачка идей доставляет больному значительные возможности для получения удовольствия. Мы уже упоминали о том, что психическая работа экономится в результате упразднения логической навязчивости и установки на звучание слова, а не его смысл. Но, исходя из этого, полет идей выполняет двоякую функцию. Он позволяет играючи обходить неприятные для сознания представления, например, представления неполноценности. Он, подобно остроумию, способствует достижению другого круга представления. Кроме того, скачка идей позволяет шутя прикоснуться к подавленному полному удовольствию.

Во многих чертах выражается сходство маниакальной и детской психики. Достаточно привести лишь одно доказательство в этом направлении. В состояниях легкой маниакальной экзальтации проявляется вид беззаботной веселости, которая явно носит детский характер. Психиатр, который много общался с такими пациентами, отчетливо замечает, что благодушные отношения с ними похожи на отношения с ребенком лет пяти.

Более высокие степени мании похожи на опьянение свободой. Садистический компонент влечения освобождается от оков. Вся сдержанность исчезает, вместо этого, он демонстрирует склонность к бесцеремонному, агрессивному поведению. На малейший повод на этой стадии маньяк реагирует резкой яростью, преувеличенной

¹ *Liepmann, W. Über Ideenflucht. — Halle, 1904.*

местью. Когда у пациента, страдавшего циклотимией, о котором речь шла выше, экзальтация достигала известного предела, он чувствовал импульс убить на улице всякого, кто не удосужился уступить ему место. Обычно больные одновременно выражают преувеличенное чувство силы, но при этом они измеряют свою силу не в действительных достижениях, а в порывистости влечений, которую они в данный момент необычайно хорошо чувствуют. Нередко проявляются идеи величия, и в этот момент они очень напоминают ребенка, который хвастается своей силой или своими способностями.

Я не решаюсь дать однозначный ответ на вопрос, возникающий при подробном описании случая циклотимии. Остается объяснить, почему пациент, у которого уже давно проявилась склонность к депрессии, только к двадцати восьми годам стал впадать в маниакальную экзальтацию. Я предполагаю, что речь в этом случае идет о психосексуальном пубертате, который намного отставал от физического развития. Мы видим, что у невротиков развитие жизни влечений часто происходит с запозданием. Следовательно, пациент испытывал бы в пубертате не усиления жизни влечений, а толчок вытеснения поженски, в то время как лишь к концу третьего десятилетия неминуемое пробуждение влечений успешно осуществилось в форме первого маниакального состояния. Фактически его сексуальный интерес в обозначенном возрасте отвернулся от аутоэротизма и обратился к женскому полу сильнее, чем раньше.

Теперь я хотел бы рассказать о терапевтическом действии психоанализа.

Случай заболевания, который я подробно представил, к моменту чтения моего реферата в Веймаре так широко анализировался, что в общем его структура стала очевидной. Однако многие подробности еще оставались неясными. Терапевтический успех был замечен с самого начала; по прошествии двух с половиной месяцев он очевиден. Разумеется, я еще не могу высказать окончательное мнение с этой точки зрения, потому что улучшение этих 2 месяцев является незначительным по сравнению с 20-летним стажем болезни, прерывающимся различными по продолжительности интервалами. Тем не менее, следует сообщить о достигнутых результатах. За этот период пациент ни разу не впадал в состояние депрессии, а последнее прошло сравнительно легко. В результате чего в это время

пациент сохранял работоспособность. Согласно маниакальным чертам в это время у него дважды случались колебания настроения, которые не могли ускользнуть от тщательного наблюдателя, но по степени они значительно отставали от ранних экзальтаций и определенно были лишены обычно постоянно наблюдаемых проявлений. Между двумя маниакальными фазами не было — как обычно, — депрессивной фазы, а наблюдалось состояние, которое за неимением всех проявлений циклотимии, можно обозначить как нормальное. Здесь нам необходимо дать сведения о дальнейшем ходе событий. Следует только добавить замечание. Если бы в этом случае удалось достичь состояния, в котором пациент пребывал на протяжении двух месяцев, то для него и такой парциальный успех был бы ценен. В другом ранее упомянутом случае циклотимии наблюдение длилось очень короткое время, чтобы высказывать мнение относительно терапевтического воздействия, в то время как относительно структуры болезни с самого начала выявились удивительные аналогии с первым случаем.

В третьем приведенном ранее случае эффективность анализа проявилась очень убедительно, несмотря на то, что в силу внешних обстоятельств курс лечения пришлось прервать на сороковом сеансе. Уже на начальном этапе лечения однажды удалось купировать только что начавшуюся меланхолическую депрессию, чего прежде не удавалось добиться. Со временем удалось добиться более стойкого воздействия — это проявлялось в заметном повышении настроения и значительном увеличении работоспособности. В последующие после прекращения лечения месяцы настроение не упало на прежний уровень. Следует отметить, что именно в этом случае было очевидно, что больной испытывает сильную ненависть и считает себя неспособным на любовь, а приступы депрессии связаны с чувством неполноценности.

В двух ранее названных случаях первичной меланхолической депрессии невозможно было провести анализ до конца ввиду внешних обстоятельств. Но эффект все-таки был очевиден. Прежде всего, психической взаимосвязи с пациентом, что никогда не удавалось мне ранее, удалось достичь в результате психоаналитического распутывания определенных фактов и в з а и м ъ зависимостей. Формирование переноса у подобных пациентов, которые во время депрессии

отворачиваются от всего мира, чрезвычайно затруднено; психоанализ, который до этого момента позволял лишь преодолеть препятствие, кажется мне единственной рациональной терапией маниакально-депрессивных психозов.

Еще более веским аргументом в пользу этого утверждения может служить шестой случай, особенно потому, что лечение проводилось до конца. Результаты терапии были просто превосходными. Пациент заболел за год и три месяца до начала лечения; он уже побывал в различных санаториях, что приносило ему лишь временное облегчение и позволяло ненадолго устранять отдельные проявления болезни.

Спустя несколько недель после начала лечения, больной стал время от времени испытывать облегчение. Через четыре недели тяжелая депрессия начала отступать. По словам пациента, временами у него вновь появлялась надежда, что когда-нибудь к нему вернется работоспособность. Он достиг определенного уровня сознания: «Только такой эгоист, как я, может считать свою участь трагичной». На третьем месяце настроение было великолепным, все психические проявления не отличались прежним характером торможения. Половину дня или целыми днями он пребывал в хорошем расположении духа и строил планы на будущее. Тогда он заметил относительно своего настроения: «Когда у меня хорошее настроение, я становлюсь таким безмятежным и спокойным, каким не бывал никогда прежде». На четвертом месяце он объявил, что о депрессии не может быть и речи. На протяжении пятого месяца психоаналитические сеансы уже не проводились ежедневно, однако еще были заметны перепады в настроении пациента, но нельзя было отрицать улучшения. На шестом месяце пациент мог закончить лечение; даже его знакомые стали замечать, что он изменился в лучшую сторону. С тех пор прошло полгода, и за это время не было ни одного рецидива.

Поставить диагноз в данном случае было совсем нетрудно, поскольку мне не приходилось сомневаться в том, что речь идет именно о депрессивном психозе, а не о неврозе климактерического возраста. К сожалению, я не могу опубликовать подробности этого случая: они столь своеобразны, что мне, наверняка, не удалось бы сохранить инкогнито пациента. У меня есть и предрассудки, которые вынуждают меня хранить молчание, невзирая на то, что иные факты представляют научный интерес. Что касается самой терапии,

то я встретился только один раз с возражениями. У читателей может сложиться впечатление, что я взялся за лечение пациента — когда он мог быть вылечен и без моего участия, — на той стадии, когда он уже шел на поправку. Поэтому и возникают возражения по поводу того, что я преувеличиваю лечебную значимость психоанализа.

Я подчеркиваю, что с самого начала я размышлял о том, как оградить себя от подобного рода самообмана. Когда я принялся за лечение, то передо мной, судя по всему, предстал не поддающийся лечению больной, обессиленный от болезни. Я скептически относился к успеху лечения. Каково же было мое удивление, когда я после преодоления всех сопротивлений достиг объяснения определенных, полностью завладевших пациентом идей и наблюдал действие этой объяснительной работы. Непосредственно к распутыванию совершенно определенных продуктов вытеснения присоединились как это первое, так и последующее улучшение. Во время всего процесса анализа со всей ясностью можно было заметить, что к успеху анализа присоединился успех улучшения.

Сообщая о научных и практических результатах моих прежних психоанализов при экзальтативных и депрессивных психозах, я осознаю недостаточность сказанного. Я сам отмечаю недостатки своей работы. У меня не было возможности подкрепить свои утверждения в той мере, в какой мне этого хотелось, посредством подробной передачи аналитических случаев. Относительно одного из них причины были уже названы. В других трех очень содержательных случаях сообщить некоторые подробности мне помешали особые обстоятельства такта. Благоразумная критика не упрекнет меня в этом. Читатели, которые всерьез интересуются психоанализом, могут восполнить недостающие сведения моих публикаций на основе своего материала.

То, что исследования должны быть продолжены, необходимо подчеркнуть особым образом. Некоторые вопросы вообще были не затронуты или лишь обозначены. Особенно следует напомнить, что хотя мы и смогли узнать, до какого момента совпадает психогенез неврастении и циркулярного психоза, но мы так ничего и не выяснили о причинах, почему одни люди в этот момент выбирают один путь, а другие — другой.

В терапевтическом отношении следует дать еще один совет. Было бы весьма благоприятно у больных, у которых бывают между отдельными маниакальными и депрессивными приступами длительные, свободные промежутки, проводить психоанализ именно в это время. Преимущество очевидно. Нельзя проводить психоанализ меланхоликов с сильным торможением и маниакальных больных с невнимательностью.

На данный момент наши результаты отнюдь не полные и имеют пробелы, потому что сам психоанализ только снимает покров с таинственной структуры большой группы психических заболеваний. Первые успехи в этой области внушают нам надежду на то, что психоанализ оставит за собой право освободить психиатрию от кошмара терапевтического нигилизма.

**О СЛОЖНОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ
НЕВРОТИЧНЫХ ЖЕНЩИН
(19III)**

Издания на немецком языке:

1912: Über ein kompliziertes Zeremoniell neurotischer Frauen. // Zentralblatt für Psychoanalyse. — 1912. — Jahrg. II. — Heft 8, May. — S. 421—425.

1921: Idem. // *Abraham, K.* Klinische Beiträge zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907—1920. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

На клиническом примере из своей работы К. Абрахам показывает структуру навязчивого церемониала у одной женщины, смысл которого состоит в защите от сексуальности.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Много лет тому назад Фрейд в одной небольшой статье¹ описал отношения между *неврозом навязчивости и религиозной деятельностью*. Ежедневное наблюдение учит нас тому, что многие невротики — и не только люди, страдающие неврозом навязчивости, — в частном порядке делают из чего-либо культ, формы которого между тем напоминают религиозные ритуалы и церемонии. Часть этих обычаев ежедневно повторяется в жизни невротика с той регулярностью, с которой каждое утро и вечер при соблюдении определенных форм происходят почти молитвенные упражнения религиозного общества.

Несмотря на то, что пространство для индивидуального создания подобного приватного культа очень широко, что мы встречаем у его людей, которые происходят из совершенно различных кругов и значительно отличаются своими условиями жизни, судьбами, их духовными способностями, воззрениями, тем не менее, часто совпадающие или все же очень похожие невротические церемонии. Это особенно относится к самым простейшим формам. Так, например, необходимость во время ходьбы по улице определенным образом ступать на плитку тротуара распространена в высшей степени; я не рассматриваю значение этой необходимости детально, т. к. с другой стороны запланировано исследование этого. Также часто встречается необходимость считать шаги при ходьбе или в то время, когда человек поднимается по лестнице, и достичь цели при определенном числе, которое должно делиться на два. Здесь речь идет о мерах уравнивающейся справедливости, о сверхкомпенсации определенных запрещенных побуждений влечений, на которые здесь все же следует лишь указать.

Более необычно то, когда мы встречаем у невротичной женщины довольно сложный церемониал и вскоре после этого находим

¹ Freud, S. Zwangshandlungen und Religionsübungen (1907 b) // G. W. — Bd. 7. — S. 129—139.

такой же у второй, другой натуры, точно незнакомой с первой пациенткой. Я хочу рассказать здесь о подобном ранее неисследованном церемониале, сообщив из психоанализа первого случая необходимые для понимания детали; о втором я упомяну лишь для того, чтобы привлечь во внимание характерные отступления от первого.

По определенному, позже упомянутому поводу в ходе психоанализа пациентка, будем называть ее г-жа Z., неожиданно сообщила: когда она вечером собирается спать, ей по-настоящему делается неприятно, причем в определенном надлежащем порядке. Особенно она заботилась о правильности прически. Она вплетала в распущенные волосы белую ленту. К этому первому, неполному описанию своего церемониала в качестве обоснования она добавила: могло случиться так, что она неожиданно умерла бы ночью, и тогда бы ее нашли в неряшливом или неэстетичном состоянии.

На другом сеансе она дополнила описание следующим: прическа, которую она делала вечером, была такой же, какая была у нее, когда та была молодой девушкой. После преодоления явных сопротивлений пациентка продолжила: когда она ложится, то заботится о том, чтобы ее кровать по возможности оставалась в порядке. Ночью она часто просыпалась и тогда как следует расправляла свою рубашку и постельное белье, которые, возможно, лежали беспорядочно. После этого она могла бы вновь заснуть, но спустя некоторое время снова просыпалась, чтобы произвести названные поправки. Не выполнить какую-либо часть этого упражнения до этого момента было для нее невозможно.

Мотивы этого странного поведения большей частью находятся в области бессознательного, и их сложно разгадать. Сначала мы можем перевести лишь кое-что на наш язык с символического способа выражения: каждую ночь г-жа Z. ожидала смерти. При этом она перемещается в очень молодой возраст. Она украшает свои волосы лентой, белый цвет которой сразу же говорит о девственной невинности и смерти. Дама заботится о том, чтобы в случае ее смерти на ней и ее постели не было найдено ни одного признака беспорядка, чтобы не возникло и тени сомнения в ее девственности.

Дальнейшее объяснение о смысле церемониала мы получаем из контекста, в котором пациентка впервые упоминает

представленную привычку. После того, как уже ранее рассказав об очень выраженной фобии змей, однажды она сообщила о сновидении, в котором видела, как маленькая девочка играла со змеей. После пробуждения по определенным особенностям пациентка сделала вывод, что она сама была маленькой девочкой, которая играла со змеей. Вскоре после этого последовало сообщение, что в последнее время она почти каждую ночь вскакивала и потом испытывала сильный страх, что в ее кровати находится толстая змея. Во время последнего анализа этого страха она всегда говорила о «большой змее».

Идея, послужившая причиной возникновения вышеупомянутого сновидения, сначала привела нас к умершему старшему брату пациентки, которого она чрезвычайно сильно любила. Она рассказала, как они детьми — и хотя не только в раннем детском возрасте, — ежедневно видели друг друга обнаженными во время одевания, раздевания и купания, как они спали в одной комнате и часто приходили друг к другу в кровать. Дальнейшие ассоциации и привели к последующему отвращению пациентки к мужскому телу.

Далее она рассказала о брате, что он был фантазером и полностью жил в своих приключенческих рассказах об индейцах, как он вечерами перед тем, как идти спать, ложился на изготовленный им самим щит, присваивал себе имя известного молодого индейца. На этом месте наступил ступор: имя «последнего из могижан» («Ункас») не приходило ей на ум. Это нарушение памяти могло иметь лишь одну функцию — препятствовать дальнейшему продвижению по избранному пути. Но в этом случае не сложно установить ассоциативный контекст, против установки которого было направлено сопротивление. В приключенческих рассказах Купера об индейцах отец Ункаса носит имя «Чин-гач-гук», по-немецки: *«большая змея»*.

Сновидение, в котором пациентка, будучи маленькой девочкой, играет со змеей, теперь не составляет труда истолковать. Она играет с гениталиями брата, которые пока еще незрелые. Вопрос, который обычно в одинаковой степени интересует мальчиков и девочек, таков, значительно ли больше пенис взрослого мужчины (прежде всего, подразумевается отец!), чем ребенка. Возникает склонность получить преувеличенное представление о его размерах. Ранее на эту тенденцию уже указывал Штекель в своей монографии

о нервных состояниях страха¹. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» Фрейда² представление ребенка о гигантском размере пениса мужчины играет большую роль.

«Большая» или «толстая» змея теперь становится понятна как противоположность еще инфантильному пенису брата, как пенис взрослого мужчины. Если пациентка боялась того, что в ее кровати была «большая змея», то прежде всего мы видим в этом типичный страх невротичных женщин перед мужскими гениталиями. Но в качестве постоянно повторяющегося термина обозначение «большая змея» определенно указывает нам на личность отца.

В том направлении анализ уже и ранее предоставил достаточно материала, который теперь был еще дополнен. С раннего детства, но особенно с момента ранней смерти матери, пациентка была глубоко фиксирована на отце. Самым главным объектом ее вытесненных сексуальных фантазий был отец. Кто-либо другой, она была убеждена в этом, никогда бы не смог ее удовлетворить. Она наблюдала за его отношением к другим людям с большой ревностью. Проявились яркие аффекты, когда она сообщила, как после смерти матери некоторое время спала рядом с отцом, и как он позже случайно шел через ее спальню. Отец умер, когда она была в возрасте пубертата. *В то время у нее была прическа, какую она делала каждый вечер с педантичной аккуратностью.* Теперь мы уже в большей части понимаем ее церемониал. Она возвращается в то время, когда отец еще жил. Он тот, кого она ждет каждую ночь. Когда пробуждается ото сна и представляет в своей постели «большую змею», то в этом она переживает исполнение ее желания инцеста, направленного на отца, которое, однако, может пройти только под действием яркого страха. В другом контексте, впрочем, выявляется вытесненное желание иметь от отца ребенка.

Фактически пациентка замужем. Ее бессознательное отклоняется от брака с другим мужчиной, а не с отцом; все возможные признаки сексуального отклонения позволяют узнать это отчетливо.

¹ [Stekel, W. Nervöse Angstzustade und ihre Behandlung. — Berlin und Wien: Urban & Schwarzenberg, 1908.]

² [Freud, S. Analyse der Phobie eines funrfjährigen Knaben (1909 b). // G. W. — Bd. 7, — S. 241—377.]

Ее фантазия уводит ее далеко от реальности, так что она каждый вечер, как молодая девушка и как невеста, накладывает макияж. Тем самым она доказывает отцу, которого ожидает, свою верность, в своем бессознательном она привязана к нему одному.

Однако, *осознанно* она ожидает не отца, а *смерть*. Но анализ показывает, что оба представления идентичны. В жизни фантазий, особенно в сновидениях пациентки, большую роль играют нападения и насилие. В этих фантазиях она дает себе мазохистическую установку: она ожидает сексуальной атаки мужчины — отца! — смерти.

В фантазии она переживает судьбу Асра, «которые умирают, когда любят». Таким образом, сорочка невесты и покойницы, постель невесты и покойницы становятся для пациентки идентичными представлениями, которые в образах ее бессознательной фантазии могут заменять друг друга.

Следует отметить, что в создании интересующего нас церемониала, наряду с вытесненными желаниями инцеста, также принимает участие и вытесняющая инстанция. Пока пациентка бессознательно постоянно ожидает сексуального нападения, она всегда должна содержать в порядке постель и ночное одеяние, чтобы точно увидеть, что ее смерти не предшествовали сексуальные действия.

Символ змеи, хотя и не сам церемониал, занимающий, пожалуй, в относящемся сюда материале такое важное место, неоднократно точно определен. И является не только символической заменой мужских гениталий. Змея может убить своим ядовитым укусом. Поэтому символ может одновременно выразить мысль фантазии коитуса и смерти. В этой связи следует отметить также, что змея обвивает свою жертву и раздавливает; такая смерть — это смерть в обвитом состоянии! Кроме того, в бессознательной фантазии представление «змеи» и «червя» расположены рядом друг с другом. Червь также является сексуальным символом¹ мужчины и символом смерти. В нашем случае детское воспоминание входит в роль страха. Пациентка, будучи девятилетней девочкой, однажды вместе с мальчиком пыталась во дворе церкви сдвинуть с места камень и была очень сильно

¹ Обычно у невротиков, наряду с фобией змей, возникает и фобия червей.

напугана, когда под камнем она увидела кучу червей. Мысль об этой сцене все еще вызывает у нее самое сильное чувство страха.

Страх перед змеей все-таки имеет особенно важную причину. Змея является для нее заменяющим отца животным-тотемом. *Детский страх перед отцом* перенесен на этот символ. При этом, кажется, также учитывается определенное детское воспоминание. Примерно в девять лет пациентка однажды испытала сильный страх перед глазами своего отца; благодаря многим фактам народной психологии нам известно, что взгляд змеи особенно опасен. Идентификация отца и змеи приобретает в результате этого еще более широкое сверхопределение.

Из данных второй пациентки следует, что она также в течение многих лет каждый вечер соблюдала строгий церемониал. После того, как она раздевалась, она педантично приводила в порядок снятую одежду. Она ложилась на спину, преувеличенно тщательно разглаживала постельное и нижнее белье, затем скрещивала руки над грудью и заставляла себя лежать по возможности неподвижно, чтобы не нарушить порядка своей постели. Свое поведение — также как и первая пациентка, — она объясняла тем, что ночью она могла умереть, тогда у нее ничего не найдут в неряшливом или неэстетичном виде. Она скрещивала руки, потому что обычно руки умерших кладут так. Также прическа была сделана определенным образом. Последнюю процедуру пациентка совершенно осознанно объясняла тем, что хотела убедиться, с какой прической больше всего понравилась бы мужу, если бы позже выходила замуж. Это объяснение удовлетворительно, поскольку оно допускает эротическую подоплеку церемониала. Но оно переводит эротическое ожидание в неопределенное будущее, в то время как ожидание смерти переносится на ближайшие часы. Процесс смещения здесь совершенно очевиден. К сожалению, было невозможно провести в этом случае тщательный психоанализ. О связи церемониала с отцовским комплексом я не могу сказать ничего определенного; как и в первом случае, кажется, налицо совершенно похожие обстоятельства.

Предположительно сложные действия совершенно схожего характера, как описанные здесь, встречаются у невротиков чаще после того как однажды на них обратили внимание. Особенно я испытываю ожидание относительно тех людей, которые уступают

давлению расположить перед сном свою одежду совершенно определенным образом, который нельзя нарушить.

Я хотел бы придать проанализированной выше форме церемониала название «Церемониал смерти невесты».

PORTRÄTKOPF VON EINER
STATUETTE DER KÖNIGIN
TEJE, DER MUTTER DES
KETZERKÖNIGS ECHNATON

IM BESITZ DES HERRN JAMES SIMON, BERLIN

Скульптурный портрет Тейи, матери Эхнатона.
Репродукция из: *Breasted. J.H. Geschichte Ägyptens. / Deutsch*
von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911. — S. 296.

АМЕНХОТЕП IV (ЭХНАТОН)

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ВКЛАДЫ К ПОНИМАНИЮ

ЕГО ЛИЧНОСТИ И МОНОТЕИСТИЧЕСКОГО

КУЛЬТА АТОНА

(1912f)

Издания на немецком языке:

1912: Amenhotep IV (Echnaton). Psychoanalytische Beiträge zum Verständnis seiner Persönlichkeit und des monotheistischen Aton-Kultes. / / Berliner psychoanalytische Gesellschaft. — 1912. — Juli.

1912: Idem. // Imago. — 1912. — Bd. I. — Heft 4. — S. 334—360.

Уникальность этого исследования К. Абрахама состоит в том, что реконструкции подвергается личность и психические особенности исторического персонажа, жизнь которого протекала несколько тысячелетий назад. Абрахам со ссылкой на археологические исследования, а также с присущей ему интуицией, раскрывает культурный поворот, свершившийся с введением монотеистического культа во времена правления Эхнатона.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

В 1880 году недалеко от египетской деревни Тэлль-эль-Амарна было обнаружено большое количество дощечек с азиатскими текстами. Эти дощечки оказались важными историческими документами, и в частности предоставили поразительные объяснения о царе Аменхотепе IV и времени его правления. Сохранившиеся с той эпохи иероглифические тексты вместе с дощечками из Амарны предоставили исследованию возможность составить наглядное представление о личности царя. Мы обладаем рядом книжных источников и обработок египетской истории, которые могут сообщить множество интересных фактов той эпохи¹. Они послужили основой данного исследования. Я главным образом ссылаюсь на работу Брестеда *«История Египта»*, недавно изданную в отличной немецкой обработке, а также на превосходную монографию Вейгалла о жизни Аменхотепа IV.

Египтологи с особенным интересом, даже с воодушевлением, которое должно показаться непосвященным странным и непонятным, взялись за «царя-еретика», который приписал себе позже объясняющееся имя *Эхнатон*. Ведь нас все же отделяют три тысячелетия и несколько столетий от периода Амарны! Но когда такой авторитетный исследователь как Брестед описывает царя как удивительный образ в древней восточной истории и склоняется к тому, чтобы предоставить ему в мировой истории совершенно

¹ *Breasted, J.H. History of Egypt. — Chicago, 1905. Нем. издание: Breasted, J. H. Geschichte Ägyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911. Breasted, J.H. Ancient Records of Egypt. — 2 Bde. — Chicago, 1906.*

Weigall, A.E.P.B. The Life and Times of Akhnaton Pharaoh of Egypt. — Edinburgh und London, 1910.

Niebuh, C. Die Amarna-Zeit. // Alte Orient. — Leipzig, 1899. — Jahrg. 1. — Hef 2.

Sethe, K. Urkunden der 18. Dynastie. (Band 4 der Urkunden des ägyptischen Altertums). — Leipzig, 1906.

Petrie, Sir W. M. Flinders. A History of Egypt. — 2 Bde. — London, 1896.

особенное место, то мы желаем знать, благодаря каким качествам или поступкам Аменхотеп IV заслужил такое почетное положение.

Аменхотеп IV, относящийся к восемнадцатой династии, жил в 14 веке до рождения Христа. Он не был ни завоевателем, ни политически мудрым властителем, как некоторые из его предков. Напротив, во время его непродолжительного правления основанное ими всемирное царство погибало, однако молодой царь пассивно наблюдал за катастрофой. Его величие заключается в другой, духовной области. Многие удивляются, когда узнают только в некоторых чертах содержание этой короткой жизни.

В возрасте десяти лет Аменхотеп IV вступает на трон; в двадцать восемь лет он умирает. В непродолжительное время между этим он производит грандиозный переворот в области религии, этики, мировоззрения и искусства. Все, что мы узнаем об этой духовной революции, позволяет нам сделать выводы о том, что царь значительно опережал свое время. Он представляется носителем идей, которые частично были возобновлены лишь спустя более тысячи лет. Если его предки в действительности были могущественными, то последний прямой потомок восемнадцатой династии является до некоторой степени мечтателем, мыслителем и идеалистом, этиком и эстетом. Он первый великий человек в ряду умов, о котором сообщает история человечества.

Тому, кто привык рассматривать все душевное с точки зрения исследований Фрейда, жизнь Аменхотепа IV бросит вызов, чтобы взглянуть на нее с точки зрения психоанализа. Потому что это с очевидностью позволяет познать, как в ту далекую культурную эпоху человек был подвластен тем же «комплексам», как в нем действовали те же психические механизмы, которые обнаружены Фрейдом и его школой в исследовании неврозов у индивидов наших дней.

На время восемнадцатой династии выпало первое «мировое царство» Египта. Тутмос III, который основал его, был среди прямых предков Аменхотепа IV. Во время своего длительного правления он расширил границы своего царства вплоть до Евфрата. Это требовало ряда государственных ежегодно повторяющихся военных походов для укрепления египетского государства. Из всех этих мероприятий энергичный Тутмос выходил победителем. У его

последователя, Аменхотепа II, было много хлопот, чтобы окончательно поработить азиатские народы. По воинственному духу, дикости и жесткости он превзошел всех своих предшественников. Его физическая сила была знаменита: ни один другой мужчина — так рассказывали, — не мог натянуть лук царя. Его сын, Тутмос IV, правивший непродолжительное время, обладал незначительной физической силой. Тем не менее, он поднял политическую мощь Египта не столько с помощью военных успехов, сколько благодаря женитьбе на азиатской принцессе Гилухипе, дочери царя Митанни (Месопотамии) Артатама. После смерти он оставил несовершеннолетнего сына, мать которого приняла регентство на себя, до тех пор, пока он сам не смог вступить на трон в качестве Аменхотепа III. Это регентство создавало азиатскому влиянию основу при египетском дворе. Во время правления Аменхотепа III пик египетского могущества был уже пройден. Ему еще больше, чем его отцу не доставало боевого духа. Он, напротив, был воодушевленным охотником, который завещал своим потомкам рассказы о своих охотничьих успехах в равной мере, как и его предшественники о своих воинских подвигах. Он окружил двор неизвестной ранее роскошью. Искусство могло процветать длительное мирное время. Но самым роковым образом был открыт путь чужому влиянию тем, что и этот царь также женился на чужеземке, именовавшейся Тейя. Она была дочерью одного, по-видимому, переселившегося из Азии проповедника, который был близок ко двору. Поскольку она не родила ему ни одного наследника, он взял себе вторую супругу. Она тоже была не египтянкой, а азиаткой: Тадухипа, принцесса Митанни, дочь тогда правившего там царя Тухратта. Аменхотеп III выбрал в ее лице кузину по материнской линии. Его первая жена Тейя позднее все же родила по-прежнему страстно желанного сына, ставшего впоследствии царем Аменхотепом IV.

С годами правление все больше переходило от царя к царице. Вследствие этого внешняя политика страны не претерпела значительных перемен. В религиозной области, напротив, вскоре обозначился ощутимый переворот. Царица и ее свита пытались устранить традиционный культ *Амона* и отдавали предпочтение менее популярному до этого времени богу *Атону*.

В то время Амон бесспорно являлся главным божеством Египта¹. Резиденция фараонов — Фивы — это важнейшее место его культа, и жрецы Амона из Фив обладали чрезвычайным влиянием как при дворе, так и в народе. Такую же доминирующую роль играл и прежде нижнеегипетский бог Ра (или Re) до тех пор, пока внутривластные изменения не сосредоточили центр тяжести государственной и религиозной жизни в более молодой резиденции — Фивах. Все же культ Ра ни в коем случае не был устранен полностью — мы даже находим очень характерную для религиозных воззрений египтян попытку объединить оба соперничающих божества в одно — «Амон-Ра». Таких объединенных божеств существовало немало. Группа жрецов какого-либо менее признанного бога любила добавлять к его имени Ра или Амон, чтобы повысить тем самым его авторитет. Историки указывают на достойный внимания, ранее уже упоминавшийся факт, что отец царицы Тейи был жрецом одного из таких объединенных божеств, а именно Мин-Ра. Мин примерно соответствует Пану у греков; Мин-Ра означало, таким образом, соединение бога плодородия с животворным богом солнца. Культ одного из таких божеств, Адониса, существовал тогда в соседней Сирии. В то время азиатское влияние увеличивалось. А так как теперь отец царицы являлся, вероятно, переселившимся из Азии жрецом, то отсюда вытекает предположение, что эти азиатские влияния стали проявляться в культе Мин-Ра.

В надписях более поздних лет правления Аменхотепа III часто упоминается имя бога *Атона*, который в далеком прошлом, наряду с Ра, почитался в качестве бога Солнца в нижнеегипетском царстве фараонов. Необычным является фонетическое сходство обоих имен Атон и Адонис. Адонис был богом заходящего солнца. Не следует игнорировать предположение, что старое имя Атон возникло из проникшего в Азию культа Адониса. Известные исследователи упоминают эту точку зрения.

После смерти Аменхотепа III культ Атона, как уже отмечалось, принял большие размеры. На такое переходное время выпало начало правления несовершеннолетнего царя Аменхотепа IV (1375—1358 до р. Х.).

¹ Греки идентифицировали его со своим *Зевсом*.

Молодой царь был хрупкого, слабого телосложения, не отличался крепким здоровьем и умер в возрасте двадцати восьми лет. Это также значит, что он страдал от «приступов» (о которых я, однако, нигде не смог найти более подробной информации), а еще от видений. Поэтому было высказано мнение о том, что он был эпилептиком; пожалуй, такие же несправедливые утверждения делались и относительно других знаменитых исторических персонах. Эпилепсия сопровождается постоянно прогрессирующим умственным разрушением больного. Если человек отличался особым духовным талантом и до конца оставался полон этого дарования, то предположение об эпилепсии можно исключить уже по этой причине. Аменхотеп IV, как вытекает из всех источников, был идеалистом и мечтателем, который беспомощно противостоял важным требованиям жизни. Ему не была свойственна эпилептическая импульсивность; значительное вытеснение в его жизни влечений и выраженные образования реакций в его характере, напротив, напоминают нам поведение невротика. Давайте вспомним о том, что, согласно опыту, талантливые люди — поэты и художники — постоянно проявляют примесь невротических черт, таким образом, мы, скорее, причислим Аменхотепа IV к этому классу людей.

Если бы молодой царь не был подвержен невротическим состояниям в большей или меньшей степени, то он наверняка совмещал с ними необычайно рано развившийся и разносторонний интеллект, на редкость эмоционально богатую жизнь. Мы снова узнаем в нем тип, который существует в наше время. Также и сегодня мы достаточно часто наблюдаем, как в семье приходят в упадок энергия и физическая способность, в то время как умирающий род порождает еще одного или другого отпрыска, в котором с духовной точки зрения, возможно, обозначится подъем, но гармоничному развитию его тела и души препятствует невротическая предрасположенность.

Один взгляд на историю таких семей позволяет отметить, как из ее среды возвышается личность и пробивает себе дорогу своей активностью. Сын одного из таких мужчин часто способствует падению семьи. Зачастую ему не достает энергичной конституции отца. Если он ее унаследовал, то все равно он подрастает в тени могущественной личности, что препятствует свободному расцвету. Он продолжает дело отца, не превосходя его успехов.

Его потребность влияния все больше проявляется в его повышенных требованиях к жизни, в склонности к удовлетворению и роскоши. Последующее поколение обычно еще больше сдает в энергии и активности, проявляет тенденцию к интеллектуальной изощренности и сентиментальности. Не справляясь с требованиями реальности, оно идет навстречу неврозу.

Много сходных черт обнаруживается в процессе развития восемнадцатой египетской династии от ее древних могущественных представителей до Аменхотепа III и его сына, мечтателя и философа, личность которого теперь следует представить в психоаналитическом свете.

Если мы применим на одном невротике психоаналитический опыт, то мы не удовлетворимся знаниями его судьбы и констатацией картины его болезни, мы проникнем в *бессознательное* пациента и раскроем его отношение к проявлениям невроза. В совместной работе с пациентом мы реконструируем историю его либидо, т. е. его состояние в детстве, воздействие сексуального вытеснения и возврат вытесненных порывов желаний в сознательное. Каждый случай болезни, который мы исследуем подобным образом, учит нас по-новому распознавать значение, которое в установке ребенка соответствует отношению к родителям.

Однако мы узнали, что здоровый человек так же, как и невротик, скрывает в своем бессознательном такие же силы влечений, что у него бессознательное отношение к родителям также образует «ядерный комплекс». То, что либидо мальчика сначала устремляется к матери, и что его враждебно-ревностные порывы относятся к отцу, мы можем заново наблюдать у каждого индивида. Только здоровому индивиду удастся сублимировать те силы влечений, вытеснение которых необходимо по социальным причинам, и уравновесить между собой влечение и вытеснение, в то время как невротик бросается из одной крайности в другую.

Чтобы сделать Аменхотепа IV объектом психоаналитического исследования, что должно быть совершенно фантастическим и бесперспективным занятием, мы не хотели бы собирать сведения о «родительском комплексе» молодого короля из его истории, полученные ненадежным способом. Но факты, о которых скоро пойдет

речь, поражают значительной аналогией с практическими знаниями психоаналитиков.

В браке его родителей, царя Аменхотепа III и царицы Тейи, последняя без сомнения имела перевес. Женщина с большим умом и предприимчивостью, она все больше и больше брала в свои руки бразды правления. В активности, инициативе и практической дальновидности она гораздо превосходила своего супруга, который, кажется, в последние годы жизни проявлял мало интереса к делам правления. В жизни их сына можно отчетливо распознать ее влияние во всем. Он должен был с детства быть особенно близок к ней. Его либидо в необычайной степени зафиксировалось на матери, в то время как в отношении к отцу выступает в такой же степени выраженное негативное отношение.

Для постоянной фиксации молодого царя на своей матери, наряду с ее духовным значением, мы можем выявить и другую причину: это красота Тейи. Мы имеем возможность создать живое представление о внешности этой необычной женщины. Небольшой, находящийся в частном владении бюст (копией которого владеет Берлинский музей) показывает в ее чертах редкое объединение красоты, благоразумия и энергии. Она настолько оживленна, что также и сегодня не преминет произвести свое впечатление на посетителя. Даже созерцание репродукции¹ — смотри иллюстрацию [в этом томе на С. 300], — подскажет осведомленному человеку, что этот утонченный, чувствительный сын в особенной степени был фиксирован на матери.

Подобного рода сильная и постоянная привязанность либидо к личности матери раскрывает в дальнейшем определенное воздей-

¹ Изображение взято из богато иллюстрированного немецкого издания Брестеда «История Египта»*, выпущенного издательством «Curtius». [При указании права собственности Абрахам, должно быть, допустил ошибку. Оригинал бюста находится во владении Государственного музея поддержки прусского культурного наследия, египетский отдел, Берлин. При изображении речь идет о копии бюста.]

[*Breasted, J.H. History of Egypt. — Chicago, 1905. Нем. изд.: Breasted, J.H. Geschichte Ägyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911. — S. 296.*]

твие на эротику достигающего зрелости или взрослеющего сына. Во время пубертата это осложняет ему усилия — как я это уже указывал в одном из более ранних сочинений — освободить свое либидо от матери и перенести его на новые объекты любви; нередко совершенное освобождение не удается полностью. В большинстве случаев оно возможно не в полной мере, тогда вперед выступает склонность моногамно привязываться к *одной* личности, которая станет заменой матери. Осуществленный однажды перенос либидо обычно является окончательным, не подлежащим отмене.

Как раз эта моногамная черта обнаруживается у молодого короля в ярко выраженной форме. Судьба его любовной жизни рассказана просто. После смерти своего отца, ему еще не исполнилось 10 лет, он вступил в брак. В супруги он получил азиатскую принцессу-ребенка. Следует отметить, что это был третий раз, когда в будущие царицы была избрана азиатка. Будущей — поскольку власть оставалось пока в руках царицы-матери Тейи и ее советников. Повзрослев, молодая царица родила несколько дочерей, в то время как желаемый наследник трона мужского пола отсутствовал. Аменхотеп IV все же не предпринял попытку жениться во второй раз, как его отец, он ограничился любимой им больше всего Нефер-Нефру-Атон. Этот факт становится еще более странным, если принять в расчет, что предыдущие цари согласно восточным обычаям содержали гарем. Аменхотеп IV, как правильно это отмечает Вейгалл, — единственный из фараонов, который жил в строго моногамном браке. Он ограничился одной единственной женщиной, которая к тому же вступила с ним в брак, когда он был еще ребенком. Таким образом, он отказался на всю жизнь от собственного выбора объекта. На своей супруге он был фиксирован с похожей силой, как и на матери. Когда он повзрослел, он предпочитал показываться

¹ *Abraham, K.* Die Stellung der Verwandtenehe in der Psychologie der Neurosen. // J. — 1909. — Bd. I. — S. 110—118 [наст. том, С. 61—71.]. Там я особенно принимал во внимание частые браки между двоюродными братьями и сестрами. Поэтому я указываю на второй брак Аменхотепа III с кузиной по материнской линии.

на публике в сопровождении обеих женщин, которые также оказывали значительное влияние на его правление I

Сразу после смерти Аменхотепа III вдовствующая царица дала понять, насколько она склонна к культу Атона и насколько для нее было важным сделать несовершеннолетнего сына инструментом своих реформаторских планов. При вступлении на престол Аменхотеп IV получает высочайший титул. К его имени Аменхотеп, которое означало «любимый Амоном», было добавлено: «Главный жрец Ра-Хоракти, который на горизонте пользуется своим именем: *пламя Атона*». Так мать словно указала сыну путь, которому он должен следовать согласно ее желанию.

Атон теперь совершенно официально стал соперником Амона. Еще ничего не указывало на то, что спустя несколько лет он будет возвышен до единственного бога, как это и случилось, как только царь достиг совершеннолетия. Еще никто не подозревал о новом мировоззрении, в центр которого должен был выйти Атон. Тейя была умна и достаточно рассудительна, чтобы предотвратить быстрый переход к новому культу и вообще враждебно не относиться к сторонникам старого культа. В то время было бы безнадежным мероприятием сразу начинать борьбу с жречеством Амона. Все же первые меры ее регентства, к которому она стремилась, уже можно отчетливо различить.

Первой постройкой, которая была возведена под (формальным) правлением Аменхотепа IV, был храм Ра-Хоракти-Атона в Карнаке. Установленное здесь изваяние показывает царя, почитающего бога Амона, как это соответствовало его

¹ Здесь можно упомянуть еще один незначительный факт. Среди объектов любви детства, на которых с упорностью фиксируется человек с невротической предрасположенностью, особенным предпочтением очень часто пользуется кормилица. Обычным делом является то, что кормилица остается в такой близости после отлучения ребенка от груди. Доставляющие удовольствие воспоминания ребенка о сосании груди кормилицы благодаря этому сохраняются от забывания, так что ребенок и дальше питает к кормилице особенную любовь. В психоанализах невротических личностей я довольно часто мог подтвердить последствия этой любви к кормилице. Какое значение придается кормилице в сновидениях взрослых людей, недавно подробно объяснил Штекель¹. Теперь мы узнаем, что кормилица и ее муж играли значительную роль при дворе Аменхотепа IV.

* *Stekel, W.* Die Sprache des Traumes. — Wiesbaden: Bergmann, 1911.

имени. Но это же произведение искусства также содержит символ Атона: находящийся на небе солнечный диск с лучами, которые переходят в руки и окружают царя. Пожалуй, мы должны распознать в этом вид осторожного внимательного отношения к жрецам Амона, что здесь царь устанавливает связь с обоими божествами. Но Фивы, столица и средоточие правления Амона, получает новое имя: город сияния Атона.

Примерно в пятнадцать лет Аменхотеп IV сам принял правление. Теперь он находился в возрасте физического созревания. Пожалуй, вскоре проявилось, какая сильная индивидуальность была скрыта в юноше. Вероятно, со временем каждый должен был увидеть, что Аменхотеп пойдет своей дорогой. Тем не менее, было несомненным влияние матери, пока она была жива. Сын продолжал начатое ею дело с юношеским воодушевлением. В полной силе впервые проявилась его фиксация на матери, если для сравнения взять его стремления освободиться от отца.

Все поведение молодого царя в последующие годы находится под знаком протеста против своего уже давно скончавшегося отца. К сожалению, мы совершенно не осведомлены о том, как он относился к нему будучи мальчиком, но его отношение во время пубертата и более поздние годы полностью совпадает с тем, что мы можем видеть сегодня у многих индивидов: они бессознательно зависят от отца, как в детстве. Когда они вырастают, то пытаются освободиться от этой внутренней зависимости. Внешне появляется *видимость, как будто они борются против отца в личности*. В действительности же это царящая в их бессознательном фиксация на отце, против которой они протестуют, это имаго отца, от господства которого они хотят избавиться. Только так объясняется то, что часто невротик ведет борьбу, которая — в соответствии с его внешним проявлением — направляется против умершего.

В молодом царе возникло противоречие двух партий, консервативной и революционной. Опыт показывает, что при таких обстоятельствах это ведет к психологическим образованиям компромисса.

Согласно всему, что было сообщено о юноше до этого времени, нужно ожидать, что его протест против комплекса отца пройдет не в бурно-жесткой форме, а фактически проявится, как он сублимиро-

вал свой протест против отцовской силы и авторитета в идеальных стремлениях, которые, однако, самым решительным образом были направлены против сообщенной отцом *традиции*. Но несмотря на то, что позже с известной точки зрения насильственная революционная тенденция проявилась более открыто, мы сделаем вывод о силе внутренней борьбы, которая происходила в Аменхотепе. Революционной тенденции противодействовала, как уже было упомянуто, консервативная. У Аменхотепа IV мы наблюдаем процесс, который нам хорошо известен по невротикам. Они отклоняют авторитет отца в религиозном, политическом или другом отношении, заменяют его другим и откровенно показывают посвященным, что в действительности не потеряли потребность в отцовском авторитете.

Вряд ли существуют более выразительные примеры для образований компромисса этого вида, чем предлагает история Аменхотепа IV. Вскоре после его вступления в управление государством он окончательно рвет с религиозной традицией, рвет с Амоном, богом своего отца, и переходит к Атону, которого наделил силой и авторитетом, чем до этого не обладал ни один бог. Тем самым он позволяет возродиться древнему нижеегипетскому культу солнца в новой форме. Но пока он возвращается к культу Ра-Хоракти-Атона, он следует примеру старших царей, ведущих свое происхождение непосредственно от Ра. Чтобы задокументировать еще отчетливее, как он близок к ним, как далек от своего отца, он постоянно носит корону нижнего Египта, т. е. более древнего царства, и вообще с самого начала предпочитает нижний Египет. Другие достойные внимания симптомы присоединяются.

В это время мы встречаем первые изменения стиля искусства, именно они очень характерны. Знатоку египетского искусства на картинах царя бросаются в глаза некоторые особенности, благодаря которым они с первого взгляда отличаются от произведений предшествующих лет: вытянутый в длину череп и шея, выступающий живот и чрезмерно широкие бедра и икры. Исследователи пытаются объяснить эти отклонения различным образом. Особенно они склонялись к предположению, что у царя была телесная деформация, которая отразилась в рисунках и скульптурах. Но эту гипотезу пришлось оставить, когда была найдена мумия царя. Потому что деформация, представленная на графических изображениях Амен-

хотепа IV, не была обнаружена в костях мумии. Вейгалл дает одной из таблиц очень содержательное сопоставление изображений древних времен египетского искусства и интересующей нас эпохи. Опора стиля этих последних лет на архаический стиль очевидна.¹ Молодой царь создает особенно глубокую связь между самим собой и более старшими царями благодаря восстановлению старого стиля.

Смысл этих первых введенных самим Аменхотепом IV изменений в культ и искусство очевиден: царь не хочет быть сыном и преемником своего отца, а хочет быть *сыном бога Ра*. Он хочет почитать не бога своего настоящего отца, а своего *воображаемого* отца Ра (Атона).

Таким образом, это напоминает нам об известных явлениях, которые находят свое объяснение посредством психоаналитического исследования неврозов. Это так называемые *фантазии о происхождении*, которые также проявляются не только у невротичных людей.

Отец изначально является для ребенка образцом силы и величия. Если против него выступают враждебные порывы, то часто в своей фантазии мальчик свергает с престола отца, в то время как сам возвышается до сына воображаемого царя, его настоящему отцу, напротив, определяется лишь роль приемного отца. Быть принцем — это одна из самых обычных фантазий мальчиков. У душевнобольных из таких отказов от отцов образуются бредовые идеи, содержанием которых является высокое происхождение больных. Похожий ход мыслей известен нам из мифов и сказок, в которых часто герой как сын воспитывается у родителей низкого происхождения до тех пор, пока позже не заслуживает звание властителя, которое полагается ему в соответствии с его настоящим происхождением. Это такие мифы, в которых выражается древний конфликт между сыном и отцом во всевозможных тайнах².

¹ Новейшая история искусства предлагает в прапрафаэлитях аналогичный пример для возвращения к примитивным образцам.

² Ср. мое сочинение «Сновидение и миф» [*Abraham, K. Traum und Mythos. Eine Studie zur Völkerpsychologie // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Helf 4. — Leipzig und Wien: Deuticke, 1909. — S. 40 {1—73}. (см. наст. том, С. 111.)*], а также Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden. // *Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Helf 5. — Leipzig und Wien: F. Deuticke, 1909.*

Аменхотеп IV совершенно испорчен в этом смысле: он отвергает происхождение своего истинного отца и помещает на его место более привилегированного. Но так как он в действительности был сыном царя, то не мог возвыситься над своим отцом посредством обычной для других фантазии о царском происхождении. Он уже должен был подняться на одну ступеньку выше — к богам. Нужно принять во внимание, что в то время египетский царь был властелином всемирного царства. Не было ни одного смертного, который бы превзошел его во власти. Поэтому у фантазии оставалась лишь одна возможность — связать свое существование с внеземным существом. Роль отца не могла достаться Амону; ведь он был божеством, почитаемым Аменхотепом III! Влияние матери указало на Атона или, соотв<етственно> Ра, который, сверх того, в древние времена считался прародителем первых царей.

Так, правление Аменхотепа IV началось не с военных подвигов или других событий внешней политики, а с нововведений в духовной области. Сначала, конечно, не было речи о переменах в прямом смысле, а, скорее, о возвращении к старому, доисторическому. Но чем больше царь взрослел, тем больше нового и собственного он добавлял в старое, к чему был привязан. В качестве доказательства того, что введенный переворот в искусстве происходил по личной инициативе царя, у нас теперь есть ценные свидетельства в паре надгробных надписей художников, которые выполняли постройки царя. В Египте был обычай, чтобы в надгробной надписи покойный в известной степени лично рассказывал о своей жизни. Как известно, мы обязаны этим сохранившимся в большом количестве надписям немалой частью наших знаний о египетской истории. Царский архитектор Бек, чьим произведением была упомянутая столица, сообщает в своей надгробной надписи, что его *величество сам давал ему* указания. В этом можно было бы углядеть направленную в адрес царя придворную лесть, но это совершенно неверно! Но также и без этих свидетельств мы в состоянии увидеть в художественном искусстве той эпохи дух царя, так как живопись и пластика его времени — это воплощение идеалов, заботе о которых самоотверженно посвятил себя молодой мечтатель. Ниже еще пойдет речь о неизменном подчеркивании истины в его этических

учениях и о кажущемся современным *реализме* в искусстве его эпохи.

Если его предки стремились к расширению и сохранению их политической сферы власти, то их потомок стремился к постоянному расширению своего духовного кругозора. Он обратил свой интерес к иностранному искусству, чужой религии и мифам; по всей видимости, ему также удалось заинтересовать авторитетные круги столицы занимающими его вопросами.

Спустя два года после вступления на престол семнадцатилетний царь сделал шаг величайшей и принципиальной важности: он основал новую резиденцию, которая получает имя «Ахет-Атон» («Горизонт Атона»). Он приказал возвести этот город примерно на 450 км севернее бывшей столицы Фив. Тем самым он демонстративно удалился от старого города Амона и приблизился к дельте Нила (т. е. древнему царству). Новый город Атона находился на месте сегодняшней Тель-эль-Амарны, здесь также были обнаружены упомянутые в начале дощечки. Вскоре там выросли пышные дворцы и храмы. Кроме того, также в Нубии и Сирии было основано по одному городу, названия которых означали, что они были посвящены богу Атону. Спустя два года — в девятнадцать лет — Аменхотеп IV окончательно покинул Фивы и перенес свою резиденцию в Ахет-Атон. К этому времени он изменил свое имя и впредь звался *Эхнатон*, «угодный Атону»¹.

Между тем развивались сложные конфликты с жречеством Амона, которое не повиновалось нововведениям. Но Эхнатон осуществлял свое намерение с железным упорством. Он лишил владений враждебное к Атону жречество, и в то время, пока боролся с почитанием всех других богов, *сделал Атона единственным божеством в стране*. В особенности он объявил войну Амону. Эхнатон направил свое стремление на то, чтобы везде искоренить следы бога, в честь которого были названы его отец и он сам. Ненавистное имя больше нельзя было произносить вслух. *Итак, он приказал таким же образом устранить из всех надписей и с па-*

¹ Дочери царя уже при рождении получили имена такие, как «Мерит-Атон» (любимая Атона) и «Бекет-Атон» (служанка Атона).

мятников имя Амона и имя своего отца Аменхотепа. В этой странной акции чистки в агрессивной форме прорывается старая, долго сдерживаемая или сублимированная враждебность сына. Образ действия царя проявляется как осуществление древнего восточного проклятия против дьявола, которому обычно желают, чтобы о нем не помнили. Эхнатон пытался устранить память об Амоне и одновременно об отце. Позже, когда умерла его мать Тейя, он сделал последние шаги в этом направлении. Мумия Тейи была погребена не рядом с ее супругом, а недалеко от города Атона в новой гробнице, в которой однажды хотел покоемся и сам Эхнатон. В надгробной надписи она называлась супругой «Небмаара». Небмаара — это личное имя Аменхотепа III, которое он неофициально ввел будучи царем. Еще более примечательно то, что слово «мать» было написано не с помощью иероглифического письма символом коршуна, а буквенным способом. Символ коршуна означал не только «мать», а еще богиню Мут, которая была супругой Амона. Поскольку символ был хотя и косвенным, но отчетливым намеком на Амона, то по этой причине должен был быть опущен. Эхнатон хотел, таким образом, после смерти покоемся рядом со своей матерью, которую он разлучил с ее супругом. До самого гроба должно было проявляться его соперничество с отцом за обладание матерью! Так он осуществлял с мертвым то, чего не мог сделать с живым. Эта характерная черта особенно напоминает нам о поведении невротических индивидов.

Так же демонстративно, как он избегал имени отца, царь использовал каждую возможность называть себя *сыном Атона*. Надписи об Ахет-Атоне показывают нам это очень отчетливо. Например, относительно района, который был посвящен богу: «Эта область от ... до ... должна принадлежать моему отцу Атону».

С возведением новой резиденции и ее святилищ дальнейшая разработка новой религии шла рука об руку с разработкой ее культа.

Атон является отцом Эхнатона, но все же не в том же смысле, как когда-то Ра служил отцом первых царей. Новый бог — это идеализированный отец, и он не только отец царя в буквальном смысле этого слова, но и отец всех созданий, источник всего. Он не бог рядом с другими или над другими — как Ра или Амон, — а *единс-*

твенный бог, не национальный бог, а универсальный, в равной степени близкий всем существам.

Следует особо отметить, что Эхнатон не почитал солнце как божество, а персонифицировал в Атоне тепло солнца как животворную силу. Брестед¹ справедливо отмечает: «Если Эхнатон не предпринял попытки скрыть идентичность своего нового божества со старым богом Ре, то все же это было не только почитание солнца, к которому он стремился. Слово Атон использовалось вместо старого слова «бог» (*neter*), и сам бог отчетливо отличался от небесного светила. К старому имени бога солнца добавили объясняющую часть предложения — «что значит: жар, которые содержится в солнце (Атоне)», в связи с этим его также называли «господин солнца (Атон)».

Если Флиндерс Петри усматривает в Эхнатоне предшественника монотеизма, то, пожалуй, можно в значительной степени дополнить это суждение. Учение Эхнатона содержит не только существенные составные части ветхозаветного иудейского монотеизма, а опережает его в некотором отношении. Да, то же самое получается, если поместить идеи Эхнатона рядом с идеями на тринадцать веков более молодого христианства. И не меньше напоминает нам о современных, появившихся под влиянием естественных наук воззрениях!

Сохранившиеся до наших дней молитвы и гимны, самые важные из которых будут приведены позже, позволяют хорошо изучить точку зрения Эхнатона относительно существования единственного бога. Атон — это любящее, всемилостивое существо, которое проходит сквозь время и пространство. Ранним египетским божествам абсолютно были чужды такая доброта и милосердие, точно так же, как и людям, которыми они почитались. Атон не знает ни ненависти, ни ревности, ни наказания, как бог Ветхого завета. Он был *господином мира*, а не войны. *Он свободен от всех человеческих страстей.* Эхнатон представляет его себе не телесным, — как старых богов, — а духовным и обезличенным. *И поэтому он*

¹ *Breasted, J.H. History of Egypt. — Chicago, 1905. Нем. издание: Breasted, J.H. Geschichte Ägyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911. — S. 296.*

запрещает любое художественное изображение бога, в этом он проявляет себя предшественником иудейского законодательства! Атон — это животворная сила, которой все живое благодарно за свое существование.

Вейгалл указывает на то, что точка зрения Эхнатона о боге больше похожа на христианскую, чем на иудейскую. Особенно правильно он замечает (стр. 117): «The faith of the patriarchs is the lineal ancestor of the christian faith; but the creed of Akhnaton is its isolated prototype»¹.

Весь мир воззрений и вся религиозная система Эхнатона показывают единственную в своем роде тенденцию к обожествлению. Отменяется не только живопись, а все, что раньше было приложением и балластом религии. Церемониал религии Атона внешне был прост — все было направлено по возможности на осознание. В нем не было мрачных мистерий, смысл новой веры был представлен в сочиненных царем гимнах в одновременно понятной и увлекательной форме. Кроме того, отсутствовало все, что могло бы напомнить об уходе из мира или аскетизме. Также были устранены боги мертвых и подземного мира, Осирис тоже потерял свое значение. Адские наказания, которые составляли существенную часть старой веры, больше не упоминались. Покойнику приписывалось лишь одно единственное желание — снова увидеть солнце, т. е. сияние Атона; и молитвы умершего, относящиеся к этому времени, высеченные на надгробных памятниках, отныне касались только того, чтобы его душа увидела свет.

Упоминавшийся уже большой гимн лучше всякого описания отражает религиозные идеи Эхнатона. Поэтому он приводится здесь полностью. Перевод взят из немецкого издания «История Египта» Брестеда. Он звучит так:

Сияние Атона.

Твое сияние так красиво на краю неба,
Ты живой Атон, живущий в первый раз!
Когда ты восходишь с восточной стороны неба,
То наполняешь каждую страну своей красотой.

¹ [Вера в патриарха — это линейный прообраз христианской веры; но вероисповедание Эхнатона — это его отдельный прототип].

Потому что ты красивый, великий и искрящийся,
ты высоко над землей:
Твой лучи обнимают все страны, все, что ты создал.
Ты Ра, и ты все их объял;
Ты пленяешь их своей любовью.
И хотя ты далеко, твои лучи на земле;
И хотя ты высоко наверху, следы твоих ног — это день!

Ночь.

Когда ты заходишь на западной стороне неба,
То люди лежат в темноте, словно мертвые.
Они спят в своих комнатах,
Их головы покрыты,
Их носы заложены, и ни один не видит другого.
Украдено все их имущество,
которое лежит у них под головами,
Без их ведома.
Каждый лев выходит из своей пещеры,
Все змеи жалят,
Царит темнота, мир молчит;
Потому что тот, кто создал их, ушел на небосклоне ко сну.

День и человек.

Светла земля,
Когда ты восходишь на небосклон,
Когда ты светишь днем, словно Атон.
Темнота изгоняется, когда ты простираешь свои лучи,
Обе страны ¹ празднуют каждый день,
Бодрствуя и стоя на своих ногах,
Потому что ты поднял их.
Они умываются и берут свои одежды;
Когда ты появляешься, их руки поднимаются
в знак поклонения тебе.
Все люди выполняют свою работу.

День, животные и растения.

Весь скот доволен своим пастбищем,
Все деревья и цветы цветут,
Все птицы парят над своими болотами,

¹ Верхний и нижний Египет.

А их крылья поднимаются в знак поклонения тебе.
Все овцы скачут на своих ногах,
Все птицы, все, что порхает —
Они живут, если ты поднялся над ними.

День и вода.

Корабли плывут вверх и вниз по течению,
Каждый пролив открыт, пока ты светишь.
Рыбы в реке прыгают перед тобой,
И твои лучи посреди большого моря.

Сотворение человека.

Это ты, кто создает мальчиков в женщинах,
Семя в мужчинах;
Кто дает сыну жизнь в утробе его матери,
Кто его успокаивает, чтобы он не плакал,
Ты кормилица в материнском теле.
Ты, кто дает дыхание, чтобы жило все, что ты создал!
Если он выходит из утробы,
... в день своего рождения,
то ты открываешь его рот для речей,
ты даешь ему то, в чем он нуждается.

Сотворение животных.

Цыпленок уже пищит в скорлупе,
Ты даешь ему дыхание, чтобы оживить его.
Если ты сделал полностью
Так, чтобы он мог расколоть скорлупу,
То он выходит из яйца,
Чтобы питаться, сколько он может;
Он бегает кругом на своих ножках,
Когда выходит из яйца.

Все творения.

Как разнообразны все твои творения,
Они скрыты от нас,
О, ты единственный бог, властью которого не обладает никто,
Ты создал землю по своему желанию,
Пока ты был один:
Люди, весь скот, большой и маленький,

Все, что есть на земле,
Что шагает на своих ногах;
Все, что высоко наверху, что летает на своих крыльях.
Страны Сирия и Нубия
И страна Египет; ты садишь каждого на свое место
И даешь ему то, в чем он нуждается.
У каждого есть свое владение,
и его дни сочтены.
Их языки говорят на разных языках,
Также их образы и цвета различны,
Да, ты различил людей.

Орошение земли.

Ты создал Нил в преисподне,
Ты привел его вверх по своей воле,
Чтобы сохранить людям жизнь,
Как ты их сделал себе,
Ты, всех их господин!
Ты солнце дня, страх каждой далекой страны,
Ты также создаешь ее жизнь.
Ты поставил Нил на небо,
Чтобы он падал для них,
И волны ударялись о горы, как море,
И их поля орошались в их городах.
Как прекрасны твои планы, ты господин вечности!
Нил на небе для чужих стран
И для дичи пустыни, которая ходит на своих ногах;
Но (настоящий) Нил бьет ключом из ада для Египта.
Так питают твои лучи каждый сад,
Когда ты поднимаешься, то они живут и растут для тебя.

Времена года.

Ты придумал времена года, чтобы создать все твои творения.
Зиму, чтобы охладить их, а также зной (лета).
Ты сделал далекое небо, чтобы взойти на него,
Чтобы осмотреть все, что ты создал,
Пока был один,
Светясь в твоем образе, как живущий Атон,
Рассветный, лучащийся, отдаляющий и повторяющий тебя.

Красота благодаря свету.

Из себя одного ты создал миллион образов.
В городах, деревнях и поселках,
На улице или на реке —
Все глаза видят перед собой тебя,
Если ты дневное солнце над землей.

Атон и царь.

Ты в моем сердце,
Нет никого другого, кто знает тебя,
Кроме твоего сына Эхнатона.
Ты посвятил его в свои планы
И в свою силу.
Мир в твоих руках,
Каким ты его создал.
Если ты поднялся, то они живут (люди),
Если ты заходишь, то они умирают.
Потому что ты сам — время жизни,
И они живут благодаря тебе.
Все глаза смотрят на твою красоту,
Пока ты не зайдешь.
Вся работа откладывается в сторону,
Когда ты заходишь на западе.
Когда ты восходишь,
Они растут для своего короля.
С тех пор, как ты основал землю, ты поднял их,
Ты поднял их для своего сына,
Который произошел из тебя самого,
Для короля, который живет правдой,
Для господина обеих стран Нефер-Хеперу-Ре, Уа-Ен-Ре,
Для сына Ре, который живет правдой,
Для господина короны Эхнатона, жизнь которого длинна;
(И для) великой царской супруги, любимой им,
для госпожи обеих стран, Н сфер - Н ефру - Атон.
Она живет и цветет всегда и вечно.

Язык этой поэзии настолько понятен, что не требуется никаких пояснений. Следует указать лишь на некоторые особенно характерные части.

Вводная строфа указывает на любовь Атона, благодаря которой он охватывает все страны и все существа. Пожалуй, впервые в духовной жизни человечества здесь восхваляется *любовь как покоряющая мир сила*. Затем, когда речь снова идет об этике Эхнатона, происходит возврат к предыдущей теме.

Описание божественной доброты, которая достается всем существам без различий, в большой мере напоминает об иудейской псалменной поэзии. Брестед и другие авторы особо обращают внимание на удивительное сходство между определенными местами гимна Атону и 104 псалмом. Особенно в стихах с 20 по 24 и с 27 по 30 проявляется примечательное сходство:

«Ты создаешь темноту, так это ночь; в ней двигаются все лесные животные. Львы рычат о еде, в то время пока они требуют себе пищу у бога. Когда восходит солнце, они идут обратно и ложатся в свои норы. Человек идет на свою работу и работает до вечера. Как много твоей работы, Яхве! Ты создал их всех в мудрости; земля полна твоих созданий...».

«Они все ждали тебя, чтобы ты дал им в свое время пищу. Ты даешь ее им, они собирают; ты подаешь свою руку, они насыщаются добром. Ты прячешь свое лицо, они смущаются; ты вдыхаешь, и они снова ложатся на землю. Ты посылаешь свое дыхание, они создаются; и ты обновляешь лицо земли».

Следует предположить, что 104 псалом появился под прямым влиянием поэзии Эхнатона ¹.

Флиндерс Петри в своем обсуждении гимна Атону отмечает, что он не только свободен от всего, что могло бы напоминать о политеизме, но также упускает все антропоморфное в мнении о единственном боге. Это, однако, теперь соответствует, не совсем без ограничения, а несомненно в большей степени, как какое-либо другое монотеистическое мнение. Следует принять во внимание, что культ

¹ Вейгалл предполагает, что 104 псалом также обязан своим своеобразным видом этому влиянию. В стихах с 6 по 7 речь идет о солнце (род которого в иудейском языке мужской):

«И он выходит наружу, как жених из своей комнаты, и радуется, как герой, идти по своему пути. Он восходит с одной стороны неба и идет к другой, и ничто не может скрыться от его пламени».

Определенно здесь речь идет об остатках гимна богу солнца; вопрос о том, египетского ли они происхождения, остается нерешенным.

Атона согласно своему самому глубокому смыслу означает почитание силы природы, обезличенный принцип.

Как уже упоминалось, Атон не был представлен образно. Его заменяет символ: солнечный диск, каждый луч которого переходит в руку. А руки охватывают графическое изображение царя и его супруги или также его детей.

Если царь видел в Атоне своего отца, то брал свое начало в буквальном смысле от обезличенной силы. Благодаря этому мы вспоминаем о зачатии Христа от святого духа. Только Эхнатон зачат не от Атона и женщины-человека, — как минимум нет указаний на такое представление, — Атон является для него *одновременно отцом и матерью*.

Религия Эхнатона не должна рассматриваться в одиночку. Она становится понятной лишь в полном объеме, если во внимание принимается его этика, которая собственно стоит в центре его интересов, его религиозного ощущения и его образа жизни.

В своей этике Эхнатон отвергает — как спустя много веков по аналогии с ним Христос, — любое проявление ненависти, любое насилие. Он хотел, точно так же, как говорится в гимне, править через любовь. Он противник кровопролития в любой форме. Им приказано повсюду устранить изображения человеческих жертв. Ему чужды страстные военные стремления. Так как он почитает Атона как господина мира, то также не хочет знать о войне в своем государстве. Особенно интересно сравнить в этом отношении Эхнатона с его предшественниками. Елусть это будет воинственный и жестокий Аменхотеп II, о котором говорится, что он приказал повесить на своем корабле сирийских государей, которых взял в плен во время одного из своих походов, и так с триумфом вел свой корабль по Нилу. А отец Эхнатона, не такой воинственный, как его предок, еще в некоторой степени следовал своим агрессивным пристрастиям, пока страстно предавался охоте. Сын подавил почти каждое проявление агрессивных и жестоких тенденций. Его этика в первую очередь основывается на необычно широкой сублимации садистского компонента влечения. Упрямое следование этим этическим принципам не могло не обернуться самыми тяжелыми последствиями для него самого и его государства.

Особенно после смерти матери Эхнатон пытался претворить в жизнь свои идеалы, не считаясь с препятствиями, которые должны были встретиться ему. Он хотел осчастливить свое царство согласием, т. е. в смысле того времени — весь мир. При этом он полностью упустил из вида, что его время не готово для таких идеальных стремлений, совсем не заметил роль, которую играет в жизни отдельного человека и народов ненависть, жадность и т. п. Он стоял во главе могущественного царства, которое должно было развалиться, если его не будет удерживать сильная рука. Но он пытался, как это приписывал Атону, заковать мир в цепи своей любви.

Эхнатон не только пренебрегал расширением или сохранностью своего царства посредством силы, но также не хотел и в мирное время применять силу властителя. Он стремился сблизиться с народом как человек. Это означало надлом всей дворцовой традиции. Фараоны издавна пользовались в стране почти божественным почитанием. Эхнатон же выступал скромно и просто, без позы властителя. На всех художественных изображениях он появляется в естественной для человека манере. Здесь нет ничего от героических жестов старых изображений фараонов. Он предстает перед народом — как это изображено на различных картинах, — со своей семьей. Он всегда сообщает народу, что не является надменным и строгим правителем, каким его привыкли видеть люди, что он не радуется власти и царскому изобилию, а что ему знакома лишь эстетическая радость. Он предпочитал называться царем, «который живет в истине».

Именно это стремление к истине требует особой признательности. После появления Эхнатона прошло много веков, прежде чем наиболее значительные культурные народы пришли к осуждению лжи! Но Эхнатон превзошел этическое значение правды, возведя ее до принципа в искусстве. Как выразился Брестед, Эхнатон учил художников своего двора заставлять «рассказывать резец и кисть о том, что они действительно видели». «Успехом, — так говорится дальше, — был простой и красивый реализм, который видел яснее и правильнее, чем это раньше делало какое-нибудь искусство. Расположение зверей фиксировалось, как в моментальной картине:

охотящаяся собака, убегающая дичь, прыгающий хищник; потому что все это принадлежало правде, которой жил Эхнатон».

Сексуальная этика Эхнатона требует особого упоминания, хотя некоторые относящиеся к ней черты уже затрагивались. Его моногамная фиксация уже упоминалась. Все доступные нам источники показывают, с какой искренней любовью Эхнатон относился к своей супруге. Он отказался жениться на второй женщине, когда не было наследника трона. Более того, он использовал каждую возможность показаться народу в кругу своей семьи. Нефер-Нефру-Атон родила ему четырех дочерей, которых он нежно любил. Счастье, которое Эхнатон находил в своей семейной жизни, он выражал прежде всего тем, что во всех общественных объявлениях, надписях и т. д. особенно подчеркивал свое почитание царицы. Он приписывал ей различные титулы, такие, как «госпожа его счастья» и подобное. Он пытался создать в народе новое представление о браке, пропагандировал измененное отношение мужчины к женщине. Ранее уже указывалось на то, что при правлении Эхнатона женщины пользовались небывалым ранее влиянием.

Нежность отношений между царем и царицей прекраснее всего изображает рельеф, который находится в Берлинском музее. Он изображает царя в юном, почти девическом образе, опирающимся на посох, и напротив него царицу, дающую ему понюхать букет цветов. Нигде в более раннем египетском искусстве нельзя найти изображение, которое могло бы быть поставлено рядом с этим относительно содержания или восприятия¹.

Характерным для искренних чувств, которые связывали фараона с близкими, является также изображение на надгробном памятнике одной из его дочерей, которая рано умерла. Никогда прежде скорбь семьи об умершем ребенке не находила такого выражения.

А какую нежность чувств показывает гимн Атону! Следует вспомнить лишь изображение вылупляющегося цыпленка.

В тесной взаимосвязи с уклонением от всего жестокого находится у Эхнатона страх перед чем-либо безобразным, потребность

¹ Ср. репродукцию из немецкого издания: *Breasted, J.H. History of Egypt. — Chicago, 1905* (нем. изд.: *Breasted, J.H. Geschichte Agyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911*).

в красоте. Гимн Атону содержит описание красоты бога. Эхнатон заботился не только об изобразительном искусстве. Он разбивал великолепные сады и любовался там красотой цветов и животных. С особенным интересом он относился к музыке. Так в разнообразных формах выражались его потребность в благородных наслаждениях, порыв к сублимации.

Религия, мировоззрение и этика Эхнатона образуют в совокупности произведение, которое удивляет нас не только великолепием концепции, а также и последовательностью внутреннего оформления. Но если царь хотел провести такие всеохватывающие, глубоко затрагивающие жизнь народа реформы, то ему была необходима величайшая энергия и не меньшая практичность, чтобы, продвигаясь вперед, удостоить вниманием те силы, которые могли воспрепятствовать его пути. Юноша, который унаследовал всемирное царство, планировал ни много ни мало, как введение в мировую религию единственного всемирного бога. Однако в то время, пока он начинал создавать господство бога, он потерял свое собственное.

Ясно, что Эхнатон мог укрепить господство Атона только в том случае, если бы сохранил свой собственный авторитет в качестве царя. Но чем больше он, следуя своему идеализму, стирал различия между собой и народом, чем больше он становился врагом жрецов старых божеств, чем радикальнее проводил свои реформы, тем больше утрачивал свое влияние на народ. Для его религии, кроме него самого, во всяком случае, созрела лишь маленькая часть избранных, в то время как они никоим образом не принимали во внимание потребности масс. Вейгалл сравнивает введение культа Атона и христианство. Он приходит к мнению, что христианство только потому смогло найти такое быстрое и всеохватывающее распространение, что оно, согласно потребности масс, обеспечило определенное пространство, чувственно осязаемые и антропоморфные объекты почитания. Потому что здесь, наряду с единственным Богом, существовал намного более близкий людям образ Христа, потому что существовал дьявол, ангелы, святые, духи и т. д. Вера в единственное божественное существо, невидимое для людей, точно не нашла бы отклика у народа. Этим правильно подмеченным Вайгаллом обстоятельством объясняется, пожалуй, также неболь-

шая привлекательность иудейского монотеизма, который вскоре последовал за культом Атона.

Так много мы узнаем из источников о внутренних переворотах, которые происходили при правлении Эхнатона, и так мало мы узнаем о событиях внешней политики. Не произошло ничего. И именно потому, что ничего не произошло, из-за разбойничьих племен границы империи стали небезопасными. Одновременно восстала часть сирийских вассальных князей и атаковала тех, кто оставались верными. Те обратились за помощью к Египту. Но все их просьбы оставались не услышанными. Тогда на шестнадцатом году правления Эхнатона произошло вторжение *хеттов* в Сирию. В это время царь уже страдал болезнью, которая через два года должна была унести его жизнь. Питая антипатию к любому насильственному вторжению, он предоставил находящуюся в тяжелом положении азиатскую провинцию самой себе. К этому времени относится та достопримечательная корреспонденция, которая почти полностью стала известна нам благодаря обнаружению дощечек поблизости от Эль-Амарны. Речь идет о большом количестве клинописных дощечек, которые в течение недавнего времени были доставлены из Азии. Они содержат неотложные жалобы азиатских вассалов, которые больше не могли бороться с мятежниками и вторгающимися варварами. Здесь будет представлен характерный раздел одного из таких прошений о помощи, которое Брестед цитирует по «Амарнским письмам» Кнудtzона. Старейшины находящегося в осаде города Тунипа просят о помощи против мятежного князя Азиру в следующих словах: «Если Азиру вторгнется в Симиру, то он будет делать с нами все, что ему заблагорассудится, на территории нашего господина, царя, и несмотря ни на что наш господин держится от нас в стороне. И ныне плачет твой город Тунип, и текут его слезы, и нет для нас помощи. Уже двадцать лет мы посылаем гонцов нашему господину, царю Египта, но никакого ответа мы не получили, ни одного слова».

Беспорядки в провинциях все больше возрастали, и важнейшие города и опорные пункты египетской власти один за другим терялись, так города и, соответственно, районы, Аскалон, Тирус, Сидон, Симира, Библос, Ашдод, Иерусалим, Кадет, Тунип, кроме

в красоте. Гимн Атону содержит описание красоты бога. Эхнатон заботился не только об изобразительном искусстве. Он разбивал великолепные сады и любовался там красотой цветов и животных. С особенным интересом он относился к музыке. Так в разнообразных формах выражались его потребность в благородных наслаждениях, порыв к сублимации.

Религия, мировоззрение и этика Эхнатона образуют в совокупности произведение, которое удивляет нас не только великолепием концепции, а также и последовательностью внутреннего оформления. Но если царь хотел провести такие всеохватывающие, глубоко затрагивающие жизнь народа реформы, то ему была необходима величайшая энергия и не меньшая практичность, чтобы, продвигаясь вперед, удостоить вниманием те силы, которые могли воспрепятствовать его пути. Юноша, который унаследовал всемирное царство, планировал ни много ни мало, как введение в мировую религию единственного всемирного бога. Однако в то время, пока он начинал создавать господство бога, он потерял свое собственное.

Ясно, что Эхнатон мог укрепить господство Атона только в том случае, если бы сохранил свой собственный авторитет в качестве царя. Но чем больше он, следуя своему идеализму, стирал различия между собой и народом, чем больше он становился врагом жрецов старых божеств, чем радикальнее проводил свои реформы, тем больше утрачивал свое влияние на народ. Для его религии, кроме него самого, во всяком случае, созрела лишь маленькая часть избранных, в то время как они никоим образом не принимали во внимание потребности масс. Вейгалл сравнивает введение культа Атона и христианство. Он приходит к мнению, что христианство только потому смогло найти такое быстрое и всеохватывающее распространение, что оно, согласно потребности масс, обеспечило определенное пространство, чувственно осязаемые и антропоморфные объекты почитания. Потому что здесь, наряду с единственным Богом, существовал намного более близкий людям образ Христа, потому что существовал дьявол, ангелы, святые, духи и т. д. Вера в единственное божественное существо, невидимое для людей, точно не нашла бы отклика у народа. Этим правильно подмеченным Вайгаллом обстоятельством объясняется, пожалуй, также неболь-

шая привлекательность иудейского монотеизма, который вскоре последовал за культом Атона.

Так много мы узнаем из источников о внутренних переворотах, которые происходили при правлении Эхнатона, и так мало мы узнаем о событиях внешней политики. Не произошло ничего. И именно потому, что ничего не произошло, из-за разбойничьих племен границы империи стали небезопасными. Одновременно восстала часть сирийских вассальных князей и атаковала тех, кто оставались верными. Те обратились за помощью к Египту. Но все их просьбы оставались не услышанными. Тогда на шестнадцатом году правления Эхнатона произошло вторжение *хеттов* в Сирию. В это время царь уже страдал болезнью, которая через два года должна была унести его жизнь. Питая антипатию к любому насильственному вторжению, он предоставил находящуюся в тяжелом положении азиатскую провинцию самой себе. К этому времени относится та достопримечательная корреспонденция, которая почти полностью стала известна нам благодаря обнаружению дощечек поблизости от Эль-Амарны. Речь идет о большом количестве клинописных дощечек, которые в течение недавнего времени были доставлены из Азии. Они содержат неотложные жалобы азиатских вассалов, которые больше не могли бороться с мятежниками и вторгающимися варварами. Здесь будет представлен характерный раздел одного из таких прошений о помощи, которое Брестед цитирует по «Амарнским письмам» Кнудtzона. Старейшины находящегося в осаде города Тунипа просят о помощи против мятежного князя Азиру в следующих словах: «Если Азиру вторгнется в Симиру, то он будет делать с нами все, что ему заблагорассудится, на территории нашего господина, царя, и несмотря ни на что наш господин держится от нас в стороне. И ныне плачет твой город Тунип, и текут его слезы, и нет для нас помощи. Уже двадцать лет мы посылаем гонцов нашему господину, царю Египта, но никакого ответа мы не получили, ни одного слова».

Беспорядки в провинциях все больше возрастали, и важнейшие города и опорные пункты египетской власти один за другим терялись, так города и, соответственно, районы, Аскалон, Тирус, Сидон, Симира, Библос, Ашдод, Иерусалим, Кадеш, Тунип, кроме

того, долины Иордана и Оронтеса и многие другие области. Однако Эхнатон оставался равнодушным ко всему этому, продолжая жить в своих идеалах и позволив погибнуть всему египетскому царству, которое его предшественники воздвигли величайшими жертвами.

То, каким равнодушным оставался мечтатель на троне перед лицом всех этих нужд своего царства, он еще раз показал в последние месяцы своей жизни. Вместо того, чтобы воспрепятствовать опасности, пришедшей извне, он не думал ни о чем другом, как об устранении всех следов раннего политеизма. Последней важной мерой его правления, о котором имеются свидетельства, было то, что он приказал устранить отовсюду имена старых богов, если это не было сделано ранее. Даже обозначение «боги» было уничтожено. Подобное действие в этот момент требовалось менее всего. Так как тогда авторитет царя ослабел, нельзя было давать народу или, скорее, жрецам, которые влияли на него, никакого повода для возмущения. Тем не менее, Эхнатон допустил эту ошибку и, возможно, что только его смерть, которая последовала вскоре за этим, уберегла его от того, чтобы пережить насильственное окончание своей власти.

Едва только Эхнатон умер, жрецы Амона осуществили контрреформу. Вскоре они вновь внешне достигли власти. Потому что зять Эхнатона Сменкхара не был человеком, который защищает дело своего предшественника; ему также было отведено весьма короткое время правления. Эхнатон был заклеен как еретик, и (его дело было разрушено с такой же основательностью, с какой он сам уничтожал доставшиеся ему традиции. Его имя постигла точно такая же судьба, какую он уготовил именам своего отца и его бога Амона. Имя Эхнатона стерли и даже проникли в склеп, чтобы и здесь уничтожить ненавистное слово, напоминающее об Атоне. Не довольствуясь этим, убрали также мумию царицы Тейи, которая покоилась рядом с останками Эхнатона, и поместили ее рядом с Аменхотепом III. И как однажды Эхнатон отказался от имени Аменхотепа, так и один из его наследников, которые быстро сменяли друг друга, был вынужден преобразовать свое имя Тут-Анх-Атон на Тут-Анх-Амон.

Эхнатон был революционером, конечно, не в обычном смысле слова. Потому что он в удивительной степени сублимировал свои

агрессивные порывы влечения и преобразовал в изливающуюся на все существа любовь так, что сам не мог противостоять врагам своей империи насилием. Самая сильная враждебность направлялась против отца, которого она не могла встретить в действительности, потому что тот давно умер. Это удивительным образом напоминает нам поведение некоторых невротиков, которые слишком слабы для того, чтобы активно действовать против живых, *изливают свою ненависть и мстительность на мертвых*, часто, однако, лишь в фантазиях или в форме невротических симптомов.

Как уже упоминалось, Эхнатон не мог — несмотря на все протесты против власти отца, — обойтись без представленного этой властью авторитета. Таким образом, он создал себе новую, приспособленную к его личным потребностям религию с отеческим богом в центре. Он наделил его безграничной властью — всемогуществом, которое каждый ребенок изначально отводит своему отцу. Он сделал его единственным богом, следуя образцу неповторимости отца. Тем самым он стал предшественником иудейского монотеизма, в котором единственный бог несомненно нес в себе черты патриарха, неограниченного властелина в семье. Но, кроме того, он приписал новому богу безграничную любовь и доброту, которые отличали его самого. Так он создал себе бога по своему собственному образу, чтобы затем — как это часто делали люди, — вывести от него свое происхождение. *В Атоне, таким образом, отражается сам Эхнатон со всеми своими качествами.* И если он обозначает Атона, который фактически был плодом его фантазии, духом от его духа, своим отцом, то в этом мы не прочтем ничего другого, кроме желания Эхнатона *происходить от отца, который обладал бы такими же личными качествами, как он сам.*

Так и в наше время многие индивиды — как нам известно, особенно невротики — образуют себе частную религию, некоторые из них также частный культ. Они, как часто объясняет психоанализ, являются людьми, которые в глубине своего бессознательного восстают против отца, но переносят свою потребность в зависимости на божественное, т. е. также стоящее выше отца существо. Нередко они чувствуют себя призванными пропагандировать коренящиеся в их отцовском комплексе идеи, тогда они становятся основателями религий или предводителями сект.

В других случаях сын пытается поставить на место настоящего отца созданный его фантазией отцовский идеал. Тогда он несет в себе, не ожидая ничего другого, все эти качества и характерные черты, благодаря которым сын надеется превзойти своего отца. В качестве ядра этих продуктов фантазии выявляется *желание произвести самого себя, быть собственным отцом*. Но об Атоне, который является для нас лишь снабженным отцовским всемогуществом, возвышенным до бога отражением Эхнатона, как раз и говорится в приведенном гимне, *что он породил себя сам*¹

Если его отношением к отцу объясняется то, что Эхнатон стал основателем монотеистического культа и религии любви, то еще остается ответить на вопрос, почему он ставит в центр нового культа именно Атона, а не какого-нибудь другого бога. Хотя выше уже были приведены различные причины, как, например, проникновение азиатского служения Адонису, предпочтение Атона царицей-матерью и ее влияние на малолетнего сына. Но этими внешними причинами не объясняется ни рвение, бросающееся в глаза в большом гимне, ни тот факт, что Эхнатон посвятил служению Атона все свои мысли, лучшие силы, даже жизнь. Исходя отчасти из психоаналитического опыта, отчасти из фактов народной психологии, я попытаюсь дать внутреннее обоснование поведению царя.

Новейшие исследования¹ указали нам на особое значение солнца в качестве *символа отца*. Доказательства этого значения обнаруживаются не только в психологии неврозов и душевных расстройств, но также и в представлениях самых различных народов. Но как *символ единственного бога солнце* подходит прежде всего потому, что оно, в противоположность другим небесным телам, в одиночестве совершает свой путь по небу.

Эхнатон почитает теперь, как говорилось выше, не собственно само светило, но *жар солнца*. Солнечное тепло в жизни представлений народов приобретает значение порождающей, животворной силы. Так и в понимании Эхнатона. Но здесь встречается — в знак

¹ Я особенно называю здесь: *Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]). // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316. Freud, S. Nachtrag zu dem autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1912a [1911]). // G. W. — Bd. 8. — S. 317—320.*

его необычайно сильной тенденции к сублимации, — второе значение солнечного тепла: *оно становится символом всеобъемлющей любви Атона*. Первые строфы гимна позволяют отчетливо понять это. Лучи солнца, которые обнимают все страны, идентифицируются с любовью Атона, которой он пленяет эти страны. Эта символика хорошо известна нам из сновидений здоровых и невротических личностей. Кроме того, в картине болезни неврозов очень часто проявляется аномальное чувство жары и холода. Большей частью они находятся в очевидной взаимосвязи, о которой в этом месте можно упомянуть лишь мимоходом, с эротикой больного.

Позвольте сделать еще один шаг, который, однако, ведет в область чистой гипотезы. Однажды уже указывалось на связь между Атоном и сирийским богом Адонисом. Адонис почитался в образе прекрасного юноши, который рано умер¹. Если думать, что юный царь в почитаемом им божестве создал только копию себя самого, то можно высказать предположение, что в своем представлении он сначала идентифицировал себя с Адонисом. Слабый и болезненный с детства, находясь постоянно под угрозой ранней смерти, он, пожалуй, мог сравнивать себя с Адонисом. И то, к чему он стремился, был не мужественный поступок, а жизнь в красоте.

Со своим богом Атоном Эхнатон согласен относительно одной особенной черты своего существа: *он тоже был одиночкой*. Вероятно, он собрал вокруг себя небольшой круг приверженцев, но он не состоял в живом контакте со своим народом, несмотря на все попытки сближения. Чрезмерное сексуальное вытеснение мешает чувственным отношениям человека с другими людьми и лишает его связи с действительностью. Это ведет к встречающемуся у невротиков и нередко именно у одаренных личностей частому аутоэротическому сужению: собственные фантазии желания становятся исключительным предметом интереса. Тогда невротик больше живет не в мире действительных событий, а в мире, созданном его фантазией. Он становится безучастным по отношению к реальным событиям, как будто они вообще не существуют для него. Поведение Эхнатона полностью соответствует описанному. Живя полностью в мире своих мечтаний и идеалов, в котором существует только

¹ Ср. похожий образ Бальдура (бог света) в германских сказаниях.

любовь и красота, он закрыл глаза на то, что в действительности среди людей господствуют ненависть и вражда, несправедливость и несчастье. Так же и в природе — гимн позволяет отчетливо понять это, — он игнорирует господство сильнейшего и нужду слабого, он видит все создания только резвящимися и прыгающими, преисполненными радостной благодарностью, слышит их ликование в честь их творца.

Так он и не услышал крики о помощи своих азиатских подданных, так и не видел ужасов, которые происходили в его провинциях. Его глаза видели только красоту и гармонию, в то время как его государство рушилось. «В Ахет-Атоне, новой и сияющей столице, пышный храм Атона отзывался хвалебной песней, которая воспевалась новому богу царства, — но само это царство больше не существовало» (Брестед¹).

Греческая мифология рассказывает нам о юноше Фазтоне, сыне Гелиоса, который осмелился вместо своего отца повести по небу солнечную колесницу. Он потерял власть над своими лошадьми и, выпав из колесницы, лишился жизни. Судьба этого сына солнца так же касается нас, как подобие истории Эхнатона. Он тоже начал свой путь с отважного полета мысли. Стремясь к высоте солнца, он упустил поводья, которые сильной рукой держали его предки, и над ним свершилась судьба многих идеалистов: в то время, пока они живут в мире своих мечтаний, действительность губит их.

¹ *Brested, J.H. History of Egypt. — Chicago, 1905. Нем. издание: Brested, J.H. Geschichte Ägyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911. — S. 296.*

БИБЛИОГРАФИЯ

В данный указатель вошли все ссылки на литературные источники, даваемые К. Абрахамом, а также раскрытия неявных цитирований, дополненные издателями. Все указания на персоналии, имеющиеся у К. Абрахама внутри его текстов, представлены в Именном указателе (С. 343).

- Abraham, K.* Über die Bedeutung sexueller Jugendtraumen für die Symptomatologie der Dementia praecox. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVII, Juni. — S. 409—415. — 15; 18; 19; 22; 69; 98; 107.
- Abraham, K.* Das Erleiden sexueller Traumen als Form infantiler Sexualbetätigung. // C. — 1907. — N. F. — Bd. XVIII. — November. — S. 855—866. — 107; 121.
- Abraham, K.* Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. // C. — 1908. — N. F. — Bd. XIX, Juli. — S. 521—533. — 30; 70.
- Abraham, K.* Die Stellung der Verwandtenehe in der Psychologie der Neurosen. // J. — 1909. — Bd. I. — S. 110—118. — 205; 310.
- Abraham, K.* Traum und Mythos. Eine Studie zur Volkerpsychologie. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Wien und Leipzig: Deuticke, 1909. — Heft 4. — S. 1—73. — 35; 55; 56; 170; 209; 229; 314.
- Adler, A.* Über neurotische Disposition // J. — 1909. — Bd. I. — S. 526—545. — 260.
- Bleuer, E.* Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie der Psychosen // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1906. — Helf. 8. — S. 323—324, 338—339. — 5,- 95.
- Breasted, J.H.* Ancient Records of Edypt. — 2 Bde. — Chicago, 1906. — 303.
- Breasted, J.H.* History of Egypt. — Chicago, 1905 (нем. изд.: *Breasted, J.H.* Geschichte Ägyptens. / Deutsch von Hermann Ranke. — Berlin: Curtius, 1911). — 303; 309; 318; 327; 334.
- Brill, A.A.* Ein Fall von periodischer Depression psychogenen Ursprunds (Übersetzung). // Z. — 1911. — Bd. I. — 272.
- Cohen, H.* Mythologische Vorsytellungen von Gott und Seele. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — 1868. — Bd. 5; 1869. — Bd. 6. — 100.

- Delbrück, B.* Die Entstehung des Mythos bei den indogermanischen Völkern. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1865. — Bd. 3. — 137.
- Forel, A.* Die sexuelle Frage. Eine naturwissenschaftliche, psychologische, hygienische und soziologische Studie für Gebildete (1905). — 15. Aufl. — München: Reinhardt, 1923. — XVI, 640 s. — 54.
- Forel-yvorne, A.* und *Juliusburger, O.* Über Blastophthorie (Keimverderbnis). // Zschr. für Sex. Wiss. — 1908. — Bd. I. — S. 346—350. — 58.
- Freud, S.* (совместно с: *Breuer, JoseJ*) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. 1. — S. 75—312. — 11; 18; 75; 106; 146; 171.
- Freud, S.* Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 2/3. — 64; 75; 77; 78; 81; 82; 83; 84; 105; 107; 109; 110; 114; 115; 137; 257.
- Freud, S.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum) (1901b). // G. W. — Bd. 4. — S. 201. — 17; 25; 116; 245.
- Freud, S.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c). // G. W. — Bd. 6. — 54; 75; 175; 283.
- Freud, S.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145. — 21; 23; 33; 43; 51; 53; 64; 75; 91; 128; 260.
- Freud, S.* Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]). // G. W. — Bd. 5. — S. 161—286. — 35; 46; 69; 93.
- Freud, S.* Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen (1906a [1905]). // G. W. — Bd. 5 — S. 149—159. — 9; 15.
- Freud, S.* Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva» (1907a [1906]) // G. W. — Bd. 7. — S. 29—122. — 76; 99.
- Freud, S.* Zwangshandlungen und Religionsübungen (1907b). // G. W. — Bd. 7. — S. 129—139. — 293.
- Freud, S.* Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität (1908a). // G. W. — Bd. 7. — S. 191—199. — 59.
- Freud, S.* Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität (1908d). // G. W. — Bd. 7. — S. 143—167. — 65.
- Freud, S.* Der Dichter und das Phantasieren (1908e [1907]). // G. W. — Bd. 7. — S. 213—223. — 77.
- Freud, S.* Allgemeines über den hysterischen Anfall (1909a [1908]). // G. W. — Bd. 7. — S. 235—240. — 151; 153; 171; 175.
- Freud, S.* Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b). // G. W. — Bd. 7. — S. 241—377. — 130; 170; 263; 296.

- Freud, S.* Bemerkungen Über einen Fall von Zwangsneurose (1909d). // G. W. — Bd. 7. — S. 379—463. — 121; 197; 273.
- Freud, S.* Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (1910c). // G. W. — Bd. 8. — S. 127—211. — 192.
- Freud, S.* Psychoanalytische Bemerkungen Über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]). // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316, — 129; 277; 332.
- Freud, S.* Nachtrag zu dem autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1912a [1911]). // G. W. — Bd. 8. — S. 317—320. — 332.
- Jones, E.* Psycho-Analytic Notes on a Case of Hypomania. // Bulletin of the Ontario Hospitals for the Insane. — 1910. — 272.
- Juliusburger, O.* Zur Lehre von den Fremdheitsgefühlen // Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie. — 1912. — 36. Jahrg. — S. 270—282. — 173.
- Jung, C.C.* Diagnostische Assoziationsstudien. Beiträge zur experimentellen Psychopathologie (1906). Bd. I. — Leipzig: Barth, 1911. — 93.
- Jung, C.G.* Über die Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907. — 5; 33; 115.
- Kleinpaul, R.* Leben der Sprache und ihre Weltstellung, — 3 Bde. — Bd. 1: Die Rätsel der Sprache, Leipzig 1888. — 94.
- Kleinpaul, R.* Leben der Sprache und ihre Weltstellung, — 3 Bde. — Bd. 2: Sprache ohne Worte. — Leipzig, 1890. — 87; 93; 95.
- Kleinpaul, R.* Leben der Sprache und ihre Weltstellung. — 3 Bde. — Bd. 3: Das Stromgebiet der Sprache. — Leipzig, 1892. — 35.
- Kleinpaul, R.* Leben der Sprache und ihre Weltstellung. — 3 Bde. — Leipzig, 1893. — 87.
- Kraepelin, E.* Psychiatrie, ein Lehrbuch. — 2 Bde. — Leipzig, 1898. — 37.
- Kuhn, A.* Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. — Berlin, 1859. (2. Ausg., Güttersloh, 1886.) — 99; 103; 112; 114; 119; 127; 131; 135.
- Liepmann, W.* Über Ideenflucht. — Halle, 1904. — 284.
- Löwenfeld, L.* Über traumartige und verwandte Zustände. // C. — 1909. — S. 539—552 und S. 578—598. — 145.
- Maeder, A.E.* Psychoanalyse bei einer melancholischen Depression. // C. — 1910. — S. 50—58. — 272; 277.
- Niebuhr, C.* Die Amarna-Zeit // Alte Orient. — Leipzig, 1899. — Jahrg. I. — Helf 2. — 303.

- Oppenheim, H.* Lehrbuch der Nervenkrankheiten für Ärzte und Studierende. — 2. Bde. — 5. Aufl. — Berlin, 1908. — 64.
- Ovidius, N.P.* Amores. / übersetzt von Alexander Berg. // Ovid. Werke. — 2. Aufl. — Berlin: Langenscheidt, 1891—1893. — 187.
- Peschel, O.* Völkerkunde. — Leipzig, 1875. (6. Aufl. Bearbeitet von A. Kirchhof, 1885.) — 100.
- Petrie, Sir W. M. Flinders.* A History of Egypt. — 2 Bde. — London, 1896. — 303.
- Rank, O.* Der Künstler. Ansätze zu einer Sexualpsychologie. — Wien und Leipzig: Hugo Heller & Cie, 1907. — [II] +85 + [1] s. — 34; 53; 192.
- Rank, O.* Der Mythos von der Geburt des Helden. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Helf 5. — Leipzig und Wien: F. Deuticke, 1909. — 170; 209; 314.
- Riklin, F.* Psychologie und Sexuelsymbolik der Märchen. // Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. — 1907. — Bd. IX. — S. 22—24. — 92; 99.
- Riklin, F.* Wucherfüllung und Symbolik im Märchen. // Schriften zur angewandten Seelenkunde. — Bd. 2. — Leipzig und Wien: Deuticke, 1908. — 57; 77.
- Rohleder, H.* Über Masturbatio interrupta. // Zeitschrift für Sexualwissenschaft. — 1908. — Bd. 1. — 153.
- Sadger, I.* Die Bedeutung der psychoanalytischen Methode nach Freud. // C. N. P. — 1907. — 35.
- Sadger, I.* Konrad Ferdinand Meyer. Eine pathographisch-psychologische Studie. // Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens. — Bd. 59. — Wiesbaden: Bergmann, 1908. — 70.
- Segantini, B.* (Hrsg.) Giovanni Segantinis Schriften und Briefe / Übersetzt von Georg Biermann. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1909. — 193; 195; 196; 201; 202; 210; 211; 214; 217; 219; 223; 232; 233; 234; 239; 243.
- Servaes, F.* Giovanni Segantini. Sein Leben und sein Werke. — Leipzig: Klinkhardt & Biermann, 1907. (4. Aufl. 1920). — 191; 196; 201; 209; 210; 211; 217; 223; 225; 227; 233; 234; 237; 239; 241; 246.
- Sethe, K.* Urkunden der 18. Dynastie. (Band 4 der Urkunden des ägyptischen Altertums). — Leipzig, 1906. — 303.
- Steinthal, H.* Die Prometheussage in ihrer ursprünglichen Gestalt. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — 1862. — Bd. 2. — 100; 103; 112; 115; 122.
- Stekel, W.* Die Sprache des Traumes. — Wiesbaden: Bergmann, 1911. — 311.

- Stekel, W.* Die Verpflichtung des Names. // Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie. — 1911. — Bd. III. — Helf 2. — 183.
- Stekel, W.* Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung. — Berlin und Wien: Urban & Schwarzenberg, 1908. — 68; 173; 296.
- Weigall, D.E.P.B.* The Life and Times of Akhnaton Pharaoh of Egypt. — Edinburgh und London, 1910. — 303.
- Wernicke, C.* Über Halluzinationen, Ratlosigkeit und Desorientierung in ihren wechselseitigen Beziehungen. // Neurologisches Centralblatt. — Leipzig, 1900. — 173.
- Weygandt, W.* Kritische Bemerkungen zur Psychologie der Dementia praecox. // Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie — Bd. XXII. — 1907. — 95.
- Winckler, H.* Himmels- und Weltenbild der Babylonier als Grundlage der Weltanschauung und Mythologie aller Völker. // Der alte Orient. — Leipzig, 1902. — 137.
- Второзаконие (Пятикнижие Моисеева. Кн. 5.). — 17.
- Гёббель, Ф.* Избранное. В 2-х т. Т. 1. — М.: Искусство, 1978. — 160.
- Гете, И. В.* Избирательное сродство // Гете, И. В. Собрание сочинений в 10-ти томах. — М., 1976. — Т. VI. — 183.
- Гете, И.В.* Фауст. Трагедия // Гете, И.В. Собрание сочинений в 10-ти тт. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 2. — 283.
- Овидий.* Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. — М.: Художественная литература, 1983. — 188.
- Сервантес, М. Де.* Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский // Сервантес, М. Собрание сочинений. — 4.1. — Гл. XLV. — М.: Художественная литература, 1970. — 18.
- Софокл.* Царь Эдип. // Софокл. Драмы. — М.: Наука, 1990. — 84.
- Суд. = Книга Судей Израилевых. — 123.
- Числа (Пятикнижие Моисеева. Кн. 4.) — 121.
- Шекспир, В.* Комедии, хроники, трагедии. — М.: Худож. лит., 1989. — Т. 1. — 279.

ЛИСТ СОКРАЩЕНИЙ

- C. = Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie.
G. W. = *Freud, S. Gesammelte Werke.* — Bd. I—XVIII.
J. = Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen).
Z. = Zentralblatt für Psychoanalyse.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В данном указателе приведены имена исторических деятелей, непосредственно упоминаемые в текстах К. Абрахама. Это также касается работ З. Фрейда, названия которых упоминаются в текстах. В случае если у Абрахама дается ссылка только на литературный источник, помещаемый в настоящем издании в сноску, то данные упоминания персоналий в этот указатель не помещаются, их необходимо смотреть в Библиографии (С. 337).

Азиру (XIV век до н. э.) — правитель восточно-средиземноморского государства Амурру. — 329.

Аменхотеп II (правл. 1436—1412 до н. э.) — древнеегипетский фараон. — 305.

Аменхотеп III (XIV в. до н. э.) — древнеегипетский фараон. — 305; 306.

Аменхотеп IV (Эхнатон) (1375—1358 до н. э.) — древнеегипетский фараон. — 303—334.

Артатама (XV в. до н. э.) — царь Митанни. — 305.

Байрон, Джордж Ноэл Гордон [Byron, George Noel Gordon] (1788—1824) — английский поэт. — 70.

Беатриче — жена Сегантини. — 205; 215.

Бек — древнеегипетский архитектор. — 315.

Берг, Александр [Berg, Alexander] — 187.

Бернхард, д-р [Bernhard] — 241.

Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен [Bismarck, Otto Eduard Leopold von Schonhausen] (1815—1898) — прусско-германский государственный деятель. — 111.

Блейлер, Эйген [Bleuler, Eugen] (1857—1939) — швейцарский психиатр, директор частной психиатрической клиники Бухгольца. — 5; 33 прим.; 95 прим.

Брейер, Йозеф [Breuer, Josef] (1842—1925) — австрийский психиатр. — 11; 18; 75; 106; 146 прим.; 171.

Брестед, Джеймс Генри [Breasted, James Henry] (1865—1935) — американ-

- ский египтолог, археолог и историк, — 299; 305 прим.; 314; 315; 320; 322; 325; 330.
- Бугатти, Карло* [Carlo Bugatti] (1856—1940) — итальянский дизайнер. — 205.
- Вейгалл, Артур* [Weigall, Arthur Edward Pearse Brome] (1880—1934) — немецкий историк. — 299; 306; 309; 315; 320 прим.; 324.
- Вейгандт, Вильгельм* [Weygandt, Wilhelm] (1870—1939) — немецкий психиатр. — 95.
- Вернике, Карл* [Wernicke, Carl] (1848—1905) — немецкий психиатр. — 173.
- Винклер, Ганс* [Winkler, Hans Alexander] (1877—1945) — немецкий историк-египтолог. — 137.
- Геббель, Фридрих Кристиан* [Hebbel, Christian Friedrich] (1813—1863) — немецкий драматург. — 160.
- Гете, Иоганн Вольфганг Фон* [Goethe, Johann Wolfgang von] (1749—1832) — немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель. — 183 и прим.; 279 прим.
- Гилухина* — жена Аменхотепа III. — 305.
- Грубичи, Витторе* [Grubicy, Vittore] (1851—1920) — итальянский художник. — 223 прим.; 232; 233; 234; 239.
- д'Аннунцио, Габриэле* [d'Annunzio, Gabriele] (1863—1938) — итальянский писатель. — 249.
- Дельбрюк, Бертольд Густав Готлиб* [Delbrück, Berthold Gustave Gottlieb] (1842—1922) — немецкий лингвист. — 100; 137.
- Йенсен, Вильгельм* [Jensens, Wilhelm] (1837—1911) — немецкий писатель. — 99.
- Кир Младший* [Cyrus] (род. не ранее 423 г. до н. э.) — персидский царь. — 210.
- Кляйнпауль, Рудольф* [Kleinpaul, Rudolf] (1845—1918) — немецкий лингвист. — 35; 87; 89; 90; 91; 93 прим.; 95.
- Крепелин, Эмиль* [Kraepelin, Emil] (1856—1926) — немецкий психиатр. — 37; 40; 268.
- Коген, Германи* [Cohen, Hermann] (1842—1918) — немецкий философ. — 100.
- Кнутзон, Йорген* [Knudtzon, Jorgen Alexander] (1854—1917) — норвежский лингвист и историк. — 329.
- Крупп фон Болен, Густав* [Krupp von Bohlen und Haibach] (1870—1950) — немецкий промышленник. — 167.

Кубин, Альфред Леопольд [Kubin, Alfred Leopold Isidor] (1877—1959) — австрийский график. — 161.

Кун, Адальберт [Kuhn, Franz Felix Adalbert] (1812—1881) — немецкий лингвист и историк. — 99; 100; 103 и прим.; 104; 112; 114; 115; 119; 120; 127; 131; 133; 134 прим.; 135; 137.

Купер, Джеймс Фенимор [Cooper, James Fenimore] (1789—1851) — американский писатель. — 291.

Лёвенфельд, Леопольд [Löwenfeld, Leopold] (1847—1924) — немецкий сексопатолог. — 145; 146; 147; 161.

Леонардо да Винчи [Leonardo di ser Piero da Vinci] (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. — 192.

Лоренц, Оттокар [Lorenz, Ottokar] (1832—1904) — австрийско-немецкий историк. — 184.

Марио — сын Сегантини. — 240; 241.

Мейер, Конрад Фердинанд [Meyer, Ferdinand Conrad] (1825—1898) — швейцарский поэт. — 70.

Мёрике, Эдуард [Mörike, Eduard Fridrich] (1804—1875) — немецкий поэт. — 70.

Мюллер, Макс [Müller, Max] (1823—1900) — немецкий и английский филолог, мифолог. — 100.

Наполеон I Бонапарт [Napoleon Bonaparte] (1769—1821) — /И; 167; 170; 208; 209 и прим.

Овидий Назон [Publius Ovidius Naso] (43 до и. э.—17 и. э.) — римский поэт. — 187.

Оппенгейм, Герман [Oppenheim, Hermann] (1858—1919) — немецкий невропатолог. — 64 прим.; 66 прим.

Оттокар II [Ottokar] (1233—1278) — король Богемии. — 184.

Оттокар, Лоренц [Lorenz, Ottokar] (1832—1904) — австрийско-немецкий историк. — 184.

Петри, Флиндерс [Petrie, Sir William Matthew Flinders] (1853—1942) — британский египтолог. — 318; 324.

Пешель, Оскар [Peschel, Oskar] (1826—1875) — немецкий географ. — 100.

Рембрандт, Харменс Ван Рейн [Rembrandt Harmenszoon van Rijn] (1606—1669) — голландский художник. — 170.

- Риклин, Франц* [Riklin, Franz] (1878—1938) — швейцарский психиатр. — 57; 77 и прим.; 99.
- Ричард III* [Richard III] (1452—1485) — король Англии. Персонаж трагедии Шекспира. — 275.
- Рот* — [Roht] — 100.
- Саргон* (ок. 2316—2261 до н. э.) — царь Аккада и Шумера; персонаж поэмы «Легенда о Саргоне». — 210.
- Сегантини, Джованни* [Segantini, Giovanni] (1858—1899) — итальянский живописец. — 133 прим.; 189—249.
- Серваез, Франц* [Servaes, Franz] (1862—1947) — немецкий писатель, искусствовед. — 191; 192; 200; 213; 215; 216; 220 прим.; 225 прим.; 227 и прим.; 231; 236; 237 прим.; 239 прим.; 241 прим.; 246 прим.
- Сервантес Сааведра, Мигель де* [Cervantes Saavedra, Miguel de] (1547—1616) — испанский писатель. — 18 прим.
- Сменкхара* — зять Эхнатона. — 330.
- Софокл* [ЕоОокХцс:] (495 до н. э.—405 до н. э.) — 83; 84.
- Стендаль* (Бейль, Анри-Мари) [Sthendal; Beyle, Henry-Marie] (1783—1842) — французский писатель. — 184.
- Тадухипа* — жена Аменхотепа III. — 305.
- Тейя* — мать Эхнатона — 305; 306; 309; 310; 311; 317; 330.
- Тициан Вечеллио* [Tiziano Vecellio] (1477—1576) — итальянский живописец. — 244.
- Толстой, Лее Николаевич* (1828—1910) — русский писатель. — 194.
- Тутмос III* (XV или XVI век до н. э.) — древнеегипетский фараон. — 304.
- Тутмос IV* (правл. 1412—1402 до н. э.) — древнеегипетский фараон. — 305.
- Тухратт* — царь Митанни. — 305.
- Фишарт, Иоганн* [Fischart, Johann] (1546/47— ок. 1590) — немецкий поэт, сатирик эпохи Реформации. — 184.
- Форель, Огюст* [Forel, August] (1848—1931) — швейцарский невропатолог, психиатр, энтомолог. — 54.
- Франциск Ассизский* [Franciscus Assisiensis] (1182—1226) — монах, католический святой. — 249.

Фрейд, Зигмунд [Freud, Sigmund] (1856—1939) — австрийский психиатр, основатель психоанализа. — 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 15; 17; 18; 21; 22; 23; 24; 25 и прим.; 26; 27; 29; 30; 33 и прим.; 34; 42; 43; 46; 47; 51; 52; 53; 54; 58; 59; 60; 64 и прим.; 71; 75; 76 и прим.; 77 и прим.; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 86; 87; 91; 92; 93; 94; 95 и прим.; 99; 103 прим.; 104; 105; 106; 107; 108; 109; 110; 114; 115; 116; 117; 121 и прим.; 122; 124; 127; 128; 129; 137; 140; 141; 142; 146 прим.; 148; 151; 170 прим.; 171 и прим.; 175; 176; 192; 193; 227; 230; 253; 256 прим.; 257; 259 прим.; 263; 267; 269 прим.; 273; 279; 289; 292; 300.

Труды:

- Исследование об истерии (1895d) — 11; 75; 106; 146 прим.
- Толкование сновидений (1900a) — 82 прим.; 107; НО; 115.
- Психопатология обыденной жизни (1901b) — 25; 116.
- Три очерка по теории сексуальности (1905d) — 33; 75; 253.
- Поэт и фантазирование (1908e [1907]). — 77 прим.
- Анализ фобии одного пятилетнего мальчика (1909b) — 170 прим.; 292.
- Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи (Dementia paranoides) (1911c) — 273.

Халъс, Франс [Hals, Frans] (1580/85—1666) — голландский живописец. — 170.

Хиршфельд, Магнус [Hirschfeld, Magnus] (1868—1935) — немецкий врач, сексолог. — 67 прим.; 69 прим.

Шварц [Schwarz] — 100.

Штекель, Вильгельм [Stekel, Wilhelm] (1868—1940) — австрийский психиатр, психоаналитик. — 68; 183; 184; 291; 307 прим.

Штейнталь, Хейман [Steinthal, Heymann] (1823—1899) — немецкий философ и языковед. — 100; 103 прим.; 112 прим.; 115; 122.

Эсхил [Αἰσχύνης] (525 до н. э.—456 до н. э.) — древнегреческий драматург. — 120.

Юлиусбургер, Отто [Juliusburger, Otto] (1867—1952) — немецкий психиатр. — 173.

Юнг, Карл Густав [Jung, Carl Gustav] (1875—1961) — швейцарский психиатр, психоаналитик. — 5; 33 прим.; 93 прим.

ЛИСТ ПАЦИЕНТОВ

- Девушка, 19 лет, травматический невроз, бессознательное намерение к самоубийству — 26—27.
- Женщина, 43 года, Dementia praecox — 7—8.
- Женщина, 57 лет, Dementia praecox — 5—7.
- Женщина, Dementia praecox — 27.
- Женщина, Dementia praecox — 8—9.
- Женщина, Dementia praecox, бессознательное намерение к самоубийству — 27-28.
- Женщина, гебефрения, сопровождающаяся бредовыми идеями — 10.
- Женщина, невроз навязчивости — 294—298.
- Женщина, невроз навязчивости — 298.
- Женщина, склонность к сновидным состояниям — 160—161.
- Мужчина, депрессивный психоз — 287.
- Мужчина, истерия с фобиями и навязчивыми явлениями, склонность к сновидным состояниям 149—159.
- Мужчина, истерия, склонность к сновидным состояниям — 163—166.
- Мужчина, маниакально-депрессивный психоз — 273—276.
- Мужчина, меланхолическая депрессия — 277.
- Мужчина, меланхолическая депрессия — 281.
- Мужчина, меланхолия — 252
- Мужчина, невроз навязчивости — 129—130.
- Мужчина, склонность к сновидениям наяву — 146.
- Мужчина, эритрофобия, склонность к сновидным состояниям — 167—171.
- Юноша 27 лет, Dementia praecox., негативизм — 46.
- Юноша, 22 года, фетишизм ноги и корсета — 257—266.
- Юноша, 24 года, Dementia praecox — 9—10.
- Юноша, 30 лет, Dementia praecox, галлюцинаторный психоз — 38—39.
- Юноша, истерия, склонность к сновидным состояниям — 162—163.

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ
И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Агни* — в ведийской и индуистской мифологии бог огня. — 102; 112; 119; 123; 126; 133; 134.
- Адам* — в библейской мифологии первый человек. — 93; 109.
- Адонис* — в греческой мифологии умирающий и воскресающий бог. — 306; 332; 333.
- Амон* — в египетской мифологии бог солнца. — 305; 306; 311; 312; 313; 314; 316; 317; 330.
- Аполлон* — в греческой мифологии один из олимпийских богов. — 10; 70; 122.
- Атон* — в египетской мифологии бог солнца. — 305; 306; 311; 312; 313; 314; 315; 316 и прим.; 317; 318; 319; 320; 322; 323; 324; 325; 326; 327; 328; 330; 331; 332; 333; 334.
- Афина* — в греческой мифологии богиня мудрости. — 99.
- Васуки* — в индуизме полубожественное существо с туловищем змеи. — 135.
- Венера* — в римской мифологии богиня любви. — 93 прим.
- Вотан* — в германской мифологии верховный бог. — 99.
- Гандхарвы* — в древнеиндийской мифологии группа полубогов. — 134 и прим.
- Гелиос* — в древнегреческой мифологии солнечное божество. — 334.
- Геракл* — в древнегреческой мифологии герой, сын верховного бога. — 122; 123.
- Гермес* — в римской мифологии бог торговли. — 134.
- Гиады* — в древнегреческой мифологии нимфы. — 134.
- Дагон* — западно-семитское божество. — 123.
- Далила* — в ветхом завете женщина-филистимлянка. — 123.
- Деметра* — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и земледелия. — 89.
- Диана* — в римской мифологии богиня растительного и животного мира, женственности и плодородия. — 10; 70.

- Дионис* — в древнегреческой мифологии бог виноделия. — 56; 89; 132; 134.
- Дон Кихот* — персонаж романа М. Сервантеса. — 17.
- Дханвантари* — в индийской мифологии врач богов. — 135.
- Ева* — библейский персонаж: первая женщина. — 92; 93; 109.
- Зевс* — в древнегреческой мифологии верховный бог. — 84; 85; 99; 119; 133; 134; 306 прим.
- Индра* — в индуистской мифологии бог-воитель. — 134; 135.
- Иокаста* — в древнегреческой мифологии царица Фив. — 83; 84.
- Кронос* — в древнегреческой мифологии титан; персонификация времени. — 84; 85.
- Дай* — в древнегреческой мифологии царь Фив. — 83; 84.
- Лот* — библейский персонаж. — 55.
- Мадонна* — новозаветный персонаж. — 138; 200.
- Мелькарт* — в финикийской мифологии бог мореплавания. — 124.
- Мин-Ра* — в египетской мифологии один из богов солнца. — 306.
- Миттлер* — персонаж повести И.В.Гете «Избирательное сродство» (1809) — 183.
- Моисей* — ветхозаветный персонаж, пророк. — 17 и прим.; 119; 120; 121; 122; 124; 134; 210; 248.
- Навсикая* — персонаж «Одиссеи». — 109.
- Ной* — ветхозаветный персонаж. — 180.
- Одиссей* — персонаж «Одиссеи». — 109.
- Орфей* — в древнегреческой мифологии певец и музыкант. — 99.
- Пегас* — в древнегреческой мифологии крылатый конь. — 132 прим.
- Персефона* — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых. — 133; 134.
- Прамантиха* — в индуистской мифологии один из эпитетов бога огня Агни. — 116; 120; 126; 127; 128; 131.
- Прометей* — в древнегреческой мифологии титан, защитник людей. — 56; 86; 99; 102; 103; 104; 105; 109; 111; 112; 113; 114; 115; 116; 119; 120; 121; 122; 125; 126; 127; 128; 131; 132; 133; 134; 136; 137; 138.

- Ра* — в египетской мифологии бог солнца. — 306; 313; 314; 315; 317; 320.
- Ромул и Рем* — легендарные братья — основатели Рима. — 210.
- Самсон* — ветхозаветный персонаж. — 112 прим.; 119; 122; 123; 126.
- Санчо* — персонаж романа М. Сервантеса. — 18.
- Сома* — в древнеиндийской мифологии божество, хранящее напиток сома. — 133; 134; 135.
- Сфинкс* — в древнегреческой мифологии чудовище. — 83.
- Ункас* — персонаж романа Дж.Ф. Купера «Последний из могикиан» (1826) — 291.
- Уран* — в древнегреческой мифологии бог, олицетворяющий небо. — 84; 85.
- Фауст* — персонаж трагедии И.В. Гете. — 279 прим.
- Фазтон* — в древнегреческой мифологии сын солнечного божества. — 334.
- Христос* — новозаветный персонаж. — 236; 325.
- Шива* — в индуистской мифологии одно из верховных божеств. — 89.
- Эдип* — в древнегреческой мифологии царь Фив. — 83; 84; 85; 86; 108; 137.
- Эриннии* — в древнегреческой мифологии богини мести. — 132 прим.
- Юнона* — в римской мифологии богиня брака и рождения. — 93 прим.
- Mätarisoan* — 102; 119; 123; 133.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аборт* — 83.
- Автоматическое послушание* — 40.
- Авторитет*
— отцовский — 207; 313.
— протест против него — 208; 213.
— родительский — 64; 65.
- Агрессивное поведение* — 284.
- Агрессивность* — 197.
- Агрессия* — 154; 217.
— вытесненные порывы — 235.
— сексуальная — 156.
— склонность к — 154; 155; 157.
- Агрессивные влечения / импульсы / порывы* — 158; 168; 208.
— вытеснение их — 209 прим.; 217.
— по отношению к матери — 228.
— преобразование/сублимация их — 218; 326.
- Алкоголизм* — 50; 59; 98.
— алкоголик — 58; 59.
— анализ его — 59.
— и невроз — 59; 60.
— и пerversия — 59.
— и сексуальность — 60.
- Алкоголь / алкогольный напиток* — 50; 51; 53; 54; 57; 58; 59.
— и «комплекс» мужественности — 55; 57. гнева — 275.
— и гомосексуальность — 58.
— и ограничения инцеста — 55.
— и отмена вытеснения — 58.
— и половое влечение — 52.
— и потеря стыда — 58.
— и сексуальность — 58.
— и сексуальный перенос — 58.
— и сублимация — 55.
- Алкогольная зависимость* — 54; 60.
- Алкогольное наслаждение* — 57.
- Алкогольное опьянение* — 54.
— и сексуальная работоспособность — 58.
- Амнезия* — 171.
- Анальная зона* — 46; 261; 264.
— анальное отверстие — 216.
- Анальная эротика*
— сублимированная — 266.
- Антипатия* — 35; 258; 325.
- Апатия* — 271.
- Аппетит* — 37.
- Аутоэротизм* — 42; 43; 45; 46; 47; 230; 265; 285.
— аутоэротическая деятельность / поведение — 264; 276 прим.
— аутоэротическая изоляция — 43; 44.
— аутоэротическая стадия — 47.
— аутоэротическое стремление / тенденция — 46; 276; 281.
- Аффект(ы)* — 7; 37; 39; 118; 147; 165; 171; 197; 201; 234; 244; 266; 271; 296.
— депрессивный см. *Депрессивный аффект*.
— скорби — 267.
— смещение его — 118.
— сновидения — 117.
— страха — 6; 109; 130; 147; 150; 157; 271.

- транспозиция его — 23.
- удовольствия от мании — 283
- Аффектация* — 129.
- Безбрачие*
 - как склонность к инцехту — 67 и прим.
- Бессознательное* — 5; 8; И; 19 прим.; 22; 24; 26—29; 43; 55 прим.; 65; 66; 76; 79; 82; 93 прим.; 95 прим.; 105; 106; НО; 116; 151; 152; 154; 155; 159; 174; 176; 192; 193; 214; 224; 230 прим.; 234; 243; 245; 246; 248; 279; 294; 296; 297; 308; 312; 331.
 - невротика — 193; 228.
 - ребенка — 16; 22.
 - символика его — 230.
- Библия* — 92; 109; 113; 120; 126.
- Бисексуальность* — 51.
- Болезнь*
 - бегство в — 175.
- Боязнь* — 34; 36; 267.
- Брак* — 6; 17; 61—71; 176; 205 и прим.; 206; 296; 309; 310 и прим.; 327.
 - между кровными родственниками см.
- Инцехт.*
 - Брат(ья)* — 8; 66; 67; 96; 97; 210; 265—266; 272; 276; 295; 310 прим.
 - его инфантильный пенис — 296.
 - конкуренция между ними — 80.
 - конфликты с братьями — 81.
 - любовь к — 64.
 - ненависть к — 39; 270.
 - перенос на — 54—55; 64.
 - психическая импотенция у — 68—69.
 - сводные — 195; 212.
 - симпатия к — 27; 28.
- Бред* — 69; 110; 279.
 - греховности — 121.
 - обнищания — 278.
 - параноидный — 211.
 - прегрешения — 24.
 - преследования — 77.
 - самообвинения — 24.
- Бредовые идеи* — 7; 10; 27; 279; 281; 314.
 - вины — 279.
 - греха — 11.
 - о происхождении — 111; 112.
- Бредовая мысль* — 44.
- Брезгливость*
 - как результат сублимации гомосексуальных компонентов — 34.
- Веды* — 92; 99; 102; 112.
- Вина* — 20; 25; 121; 203; 229; 280
- Вины*
 - чувство — 20; 21; 23; 24; 59; 122; 201; 239.
- Влагалище* — 93.
- Власть* — 84; 213; 214; 235; 267; 310; 315; 321; 326; 329; 330; 334.
 - бога — 121.
 - отцовская — 82 и прим.; 208; 330.
 - авторитета — 331.
- Влечение(я)* — 51; 141; 148; 154; 159; 160; 176; 197; 198; 204; 205; 217; 221; 222; 224; 228; 233; 239; 243; 247; 257; 260; 277; 280; 282; 293; 308.
 - агрессивные порывы — 218.
 - агрессивные см. *Агрессивные влечения*
 - бессознательные — 192.
 - борьба с вытеснением — 159.
 - вытеснение их — 156; 230; 260; 274; 307.
 - вытесненные — 198; 227; 230; 233; 236; 247; 279; 282.
 - гетеросексуальное — 36.
 - гомосексуальные компоненты — 165.
 - и сексуальная цель — 260.

- и сопротивление — 57.
 - инфантильные — 256.
 - к деятельности — 37.
 - к зрелищам — 222.
 - к мастурбации — 27; 155.
 - к независимости — 214.
 - к нюханию — 261; 267.
 - к подглядыванию — 256; 261; 267.
 - к самосохранению см. *Самосохранение, влечение к*
 - как основополагающее фетишизма — 267.
 - копрофильное — 256.
 - невротические — 224.
 - отдаться мужчине — 161.
 - парциальные см. *Парциальные влечения*
 - подавление их — 65; 155.
 - половые. См. *Половые влечения.*
 - садистические компоненты его — 235; 260.
 - садистические порывы их — 242.
 - садистско-мазохистские импульсы — 252.
 - сверхкомпенсация их — 293.
 - сексуальные. См. *Сексуальные влечения.*
 - сублимация их — 54; 198; 224.
 - сублимированные — 157; 217; 220; 222; 237 прим.; 330.
 - творческое — 240.
 - торможение их — 283.
 - у невротиков — 224; 271; 285.
 - частичные — 53; 54; 267.
 - эгоистическое — 110.
 - эксгибиционистские — 158.
- Влюбленность*
- аномальная — 69; 70.
- Воспитание* — 38; 53; 111; 141; 195; 213.
- ошибки в 60.
 - как вытеснение врожденных порывов — 108.
- Воспитательница*
- как сексуальный объект — 273.
- Восприятие* — 281.
- внутреннее — 278.
 - при паранойе — 278.
 - чувственное — 43; 44.
- Враждебность* — 39.
- агрессивная — 282.
 - враждебные мысли — 228.
 - враждебные силы — 195.
 - враждебные чувства — 207.
 - и мания преследования — 38.
 - по отношению к отцу — 206; 330.
 - сублимированная — 316.
- Враждебные импульсы / желания / порывы* — 81; 154; 201—202; 228; 314.
- по отношению к отцу — 212; 308
- Всемогущество* — 280; 331.
- Вторичная обработка* — 116; 117 и прим.; 118; 119.
- Вуайер* — 54.
- Вытеснение* — 5; 23; 38; 53; 93 прим.; 105; 108 и прим.; 113; 118; 120; 136; 138; 141; 148; 159; 172; 198; 199; 201; 204; 218; 228; 230; 231; 260; 262; 274; 283; 285; 307; 308.
- в пубертате — 57.
 - влечения — 65; 156; 217; 282.
 - врожденных порывов — 108.
 - гетеросексуального влечения — 36.
 - желаний в детстве — 79; 107; 109; 151.
 - и климактерическая революция — 282.
 - и проекция — 277.
 - инфантильное — 52.
 - инфантильной сексуальности — 141.
 - копрофильного удовольствия от нюхания — 261; 262.
 - массовое — 108.
 - невротической депрессии — 271.

- ненависти — 273.
- парциальное — 256; 257.
- продукты его — 137; 288.
- регрессивное — 139.
- садизма — 280.
- сексуального компонента — 128.
- сексуальных комплексов — 59.
- склонность к — 52.
- фантазии об инцесте — 65.

Галлюцинации — 6; 7; 10; 40; 70; 97; 98; 171.

- параноидная — 273.

Гебефрения — 10; 98; 173.

Гениталии — 190; 265.

- волшебная палочка как символический заместитель — 132.
- змея как символическая замена — 297.
- игра с ними — 295.
- интерес к — 6; 130.
- мужские — 102; 109; 266; 296.
- нога как заместитель — 266; 267.
- прищемление их — 264.

Гипноз — 35; 40; 145; 164; 174.

Гипноидные состояния — 171.

Гипомания — 275.

Гомосексуальность / гомосексуалист — 53; 69 и прим.; 183.

- гомосексуальная наклонность — 67 прим.; 69.
- и кровное родство — 69 прим.

Гомосексуальные влечения / порывы — 21; 46.

- Гомосексуальный компонент* — 50; 53; 70 прим.; 154; 166.
- гомосексуальный комплекс — 170.
- и склонность к алкоголю — 58.
- и сублимация — 34.

Гомосексуальные фантазии — 155; 277.

Гордость — 55; ИЗ; 183; 247.

Грех — И; 17; 121; 203; 279.

Грудь, женская — 194; 262.

- давление корсета — 258.
- матери — 227; 262.
- сосание ее — 311.

Девочка — 90.

- душевнобольная — 82.
- отвращение к матери — 82.
- половое созревание — 52.
- сновидения ее — 25 прим.

Девственность — 294.

Деменция — 44.

Депрессия — 7; 28; 158; 191; 276; 277; 280; 285; 287; 287.

- и гипомания — 275.
- и сон — 275.
- и страх — 271.
- как наказание — 275.
- как следствие вытеснения садизма — 280.
- меланхолическая. См. *Меланхолическая депрессия*
- невротическая — 271; 272.
- приступы — 286; 289.
- склонность к — 285.

Депрессивная фаза — 275; 279; 286.

- и маниакальная фаза — 282.

Депрессивный аффект — 271; 272; 279.

- и психозы — 272.

Депрессивное настроение — 245; 271; 280.

Депрессивный психоз — 272; 276 прим.; 277; 287; 288.

- генезис его — 277.
- манифестный — 280.

- Депрессивное состояние* — 147; 271; 272; 274; 278; 280; 282; 283.
 — и проявление меланхолии — 272.
 — и состояние страха — 271.
 — инволюционного возраста — 281.
 — невротическое — 271.
 — симптомы его — 281.
- Депрессивный ступор*
 — как символическая смерть — 281.
- Дети* — 88.
 — желание обнажаться перед другими детьми — 109.
 — и родители — 28.
 — и сексуальная травма — 15; 16; 18; 20; 22; 23.
 — отношение к заманиванию — 16; 18.
 — склонные к истерии — 15; 24; 64 прим.
 — фантазии их — 22; 78.
- Диарея* — 146.
- Диатез* — 25
- Душевнобольные* — 12; 22; 28; 29; 39; 43; 111; 112; 113; 116; 129.
 — галлюцинации их — 97.
 — и наркотические средства — 60.
 — изобретение словесных новообразований — 115.
 — образование бредовых идей — 310.
 — проявление инфантильных сексуальных травм — 15.
 — склонность к инцесту — 66.
 — сновидные состояния — 173.
 — хронические — 33; 37; 69.
- Дьявол* — 313; 324.
- Жадность* — 223; 326.
- Жалости чувство* — 54.
- Желание(ия)* — 17 и прим.; 23; 26; 29; 44; 76; 78; 85; 107; 111; ИЗ; 127; 128; 161; 168; 213; 214; 259; 331.
 — анально-эротическое — 265.
 — аномальное — 22.
 — бессознательного — 26; 28; 155.
 — быть «как все» — 155.
 — быть произвести себя самого — 331.
 — быть равным отцу — 208.
 — величия — 209.
 — враждебные — 81; 154.
 — вытесненное — 5; 43 прим.; 79; 80; 109; 127; 148; 149; 152; 166; 169; 176; 227; 231; 235; 308.
 — гетеросексуальные — 162.
 — дурное настроение у невротиков как выражение — 217.
 — и страх — 152.
 — и фантазия о — 128; 138; 333.
 — и цензура — 113; 117.
 — изнасиловать женщину — 156.
 — иметь от отца ребенка — 296.
 — инфантильные — 10; 106; 107; 109; 127.
 — инцеста — 199; 296; 297.
 — исполнение его — 6; 41; 77 прим.; 80; 84; 97; 98; 103; 105; 112; 118; 124; 125; 126; 128; 136; 138; 165; 174; 188; 280.
 — истерические симптомы как выражение — 69.
 — как основа мифов — 79; 83; 108; 125; 137; 140.
 — конфликт его с вытеснением — 148; 151.
 — любить индивида того же пола — 277.
 — мания как исполнение — 283.
 — навязчивое — 129.
 — наказать мать — 228.
 — невыполнимые — 105.
 — обладания — 219.
 — получить удовольствие от мазохизма — 160.
 — превосходить себя самого — 219.
 — применить грубую силу на отца — 84.

- раздеться — 156.
- сексуального удовлетворения — 6; 8.
- сексуальные, см. *Сексуальные желания*
- символическая маскировка его в сновидении — 85.
- смерти — 163; 197; 203; 228; 242.
- сновидение как исполнение его — 29; 79; 83; 110; 125; 126; 127; 188; 230 прим.
- стать большим — 112.
- стать взрослым — 156.
- стать женщиной — 165; 259; 263.
- сублимированные — 155.
- теория его — 108; 136; 138.
- человечества — 127; 244.
- честолюбивые — 157.
- Женщина(ы)* — 55; 57; 67; 82; 93; 123; 131; 203; 226; 227; 229; 234; 238; 258; 263; 264; 309.
- беременные — 83.
- боязнь их — 270.
- влюбленные во врачей — 42.
- вытеснение у — 52.
- гомосексуальный компонент — 58.
- душевнобольные — 93.
- истеричные — 161; 174.
- навязчивый церемониал у — 293.
- невротичная — 291; 293; 296.
- отношение мужчины к — 327.
- половое влечение — 52; 57.
- потеря чести и привлекательности — 58.
- психосексуальная конституция ее — 57.
- психосексуальное поведение ее — 217.
- сновидения их — 83; 92; 124; 126.
- страдающая Dementia praecox — 27.
- употребление алкоголя — 51.
- Жестокость* — 9; 54; 197; 203; 228; 234; 235; 274.
- и алкоголизм — 98.
- и сублимация — 202; 203.
- по отношению к детям и отцу — 85.
- по отношению к матери — 228.
- подавление ее — 228.
- Зависимость* — 163.
- алкогольная см. *Алкогольная зависимость*
- детская — 155; 207.
- от матери — 154.
- Запах* — 261.
- матери — 258.
- реминисценции о нем — 262.
- фетишизм его — 261.
- Запрет* — 114; 269.
- инцеста — 198.
- Здоровье* — 57; 83; 153; 200; 248; 307.
- Идеал(ы)* — 233; 235; 236; 315; 325; 329; 333.
- матери/материнства — 196; 234.
- отцовский — 331.
- сновидное состояние как воплощение — 164.
- социальный — 235.
- Идеализация* — 260.
- Идеализм / идеалист* — 304; 307; 328; 334.
- Идеи* — 165; 263.
- бредовые см. *Бредовые идеи*
- величия — 43 прим.; 111; 285.
- виновности — 279.
- вины — 279.
- кастрации — 264.
- материнства — 206; 220.
- навязчивые — 183.
- о смерти — 161.
- обнищания — 281.
- преследования. См. *Преследования идеи*
- религиозные — 136; 319.

- Идентификация* — 56; 57.
— с отцом — 158 прим.
- Игра* — 20; 210; 275.
— в шахматы — 157.
— маленькой девочки со змеей — 295.
— с гениталиями брата — 295.
- Изнасилование* — 6; 8.
— укол как — 60.
- Изоляция* — 149; 152; 160.
— аутоэротическая см. *Аутоэротическая изоляция*
— эмоциональная — 44.
- Импотенция* — 158; 164.
— психическая — 68; 69; 176.
— страх ее — 156; 159.
- Импотент* — 258; 276 прим.
— алкоголик — 58.
- Импульсивность* — 154; 213; 224; 232; 307.
- Инфантилизм* — 15.
— психический — 106.
— сексуальный — 69; 71; 141.
- Инцест* — 65; 66; 69 прим.; 70.
— алкоголь как разрушение ограничения его — 55.
— вытеснение желания его — 199; 297.
— исполнение желания его — 296.
— нарушение запрета — 198.
— отвержение его — 55.
— склонность к — 66.
— фантазия о — 64; 65; 68; 69; 155.
- Инцухт* — 63 прим.; 70; 71.
— в семьях — 63; 67.
— склонность к — 63; 67; 68.
- Испуг* — 80.
- Истерик* — 25; 38; 40; 172.
— психосексуальная конституция — 45.
- Истерический припадок* — 153; 171; 172; 173 прим.; 175.
- Истерические симптомы* — 5; 29; 36; 69.
- Истерия* — 5; 9; И; 12; 16; 29; 39; 75; 145; 149; 162; 171; 173; 174.
— в детстве — 45.
— захват объекта при — 45.
— и Dementia praecox — 22—25; 29; 30; 33.
— и желание смерти — 163.
— и морфий — 60.
— и невроз навязчивости — 32.
— и сновидные состояния — 151.
— пенсионная — 28.
— повышенная сублимация при — 45.
— травматическая — 28.
— этиология — 15.
- Кастрация* — 263; 264.
- Кататония* — 10.
- Кататонический припадок* — 173 прим.
- Коитус* — 58; 94.
— кататонические припадки как — 173 прим.
— подглядывание за — 129.
- Коллекционирование* — 36.
- Комплекс (ы)* — 23; 24; 27; 29; 39; 40; 55 прим.; 93 и прим.; 108 прим.; 112; 175; 214; 223; 231; 232; 237 прим.; 257; 282; 304; 308.
— аристократизма — 170.
— величия — 55; 111; 112; И3; 128; 139.
— внимания — 282.
— вытесненный — 174; 245.
— гомосексуальный — 170.
— и сновидение — 118; 169.
— кастрации см. *Кастрация*
— матери/материнский — 220; 236.
— мужественности — 55; 57
— отцовский — 298; 331.
— родительский — 308.

- сексуальный см. *Сексуальный комплекс*
— травматический — 29.
— эмоциональный — 214.
- Конверсия* — 5; 36.
- Конфликт* — 36; 99; 197; 277; 280.
— в жизни влечений — 277.
— в психозах — 278.
— как начало депрессии — 277.
— между братом и сестрой — 81.
— между желанием и вытеснением — 148; 151.
— между Моисеем и богом — 120.
— между мужской и женской ориентацией — 277.
— между отцом и сыном — 84; 314.
- Копрофильное удовольствие*
— от нюхания — 189.
— от подглядывания — 190.
- Либи́до* — 39; 43; 64; 91; 164; 175; 222; 273; 276; 278; 281; 282; 308; 310.
— аутоэротическое — 34.
— бессилие его — 260.
— вытесненное — 173.
— детское — 21; 199; 201.
— дифференциация его по полу — 52.
— идентификация его деньгами — 281.
— избыточное / аномальная сила его — 34; 65.
— инфантильное — 52; 165.
— мать как гетеросексуальный объект его — 154.
— невротическое — 36; 68.
— негативное — 282.
— неудовлетворенное — 34.
— отвод от матери — 46; 310.
— перенесение его — 39; 43; 54; 65.
— перенос на инфантильный сексуальный объект — 65.
— перенос на лиц противоположного пола, у ребенка — 34.
— перенос на объекты, живые и неживые — 35; 91.
— перенос на отца — 165.
— перенос на себя, у душевнобольного — 43.
— позитивное — 282.
— преждевременное появление его — 9.
— привязанность к личности матери — 309.
— сублимация его — 276.
— удаление/отвод от объекта, при шизофрении — 39; 42; 43 и прим.; 45;
— удовлетворение его — 176.
— фиксация его — 68; 70; 162; 204; 309.
- Любовь* — 68; 197; 201; 205; 207; 216; 217; 219; 221; 223; 237; 240; 253; 273; 282; 323; 325; 330; 331.
— воображаемая — 42.
— гетеросексуальная — 52.
— детей к родителям — 55; 64; 65; 82.
— истерических детей — 64 прим.
— к кормилице — 311 прим.
— к матери — 39; 196; 199; 204; 205; 206; 208; 220.
— к объекту — 45.
— к отцу — 154; 207.
— к порядку — 266.
— к сестре — 10.
— к супруге — 326.
— как замена сексуального влечения — 84.
— матери — 226.
— объектная см. *Объектная любовь*
— огонь как символ — 126.
— родителей к ребенку — 53; 83.
— сублимированная — 69.
— у больных женского пола — 42.
— эпилептика — 45.
- Любопытство* — 129; 156; 208; 223.
— болезненное — 130.
— сексуальное — 53.

- Мазохизм / мазохист* — 54; 160; 161; 164; 264; 280.
— склонность к 176.
- Мазохистическая установка* — 297.
- Макропсия* — 157 прим.
- Мальчик* — 90.
— враждебные порывы по отношению к отцу — 212.
— желание быть равным отцу — 208.
— интерес к корсету матери и обуви как выражение перверсии — 259.
— либидо его — 308.
— любовь его — 197; 207.
— половое созревание его — 52.
— привязанность к матери — 39; 228.
— роковой сдвиг в чувствах — 199.
— фантазия о происхождении — 212; 314.
— эротика его — 197.
— эротические чувства его — 206.
- Маниакальная фаза* — 275; 284.
— и депрессивная фаза — 286.
— циркулярного расстройства — 282.
- Маниакально-депрессивный психоз* — 287.
— маниакальная экзальтация — 284; 285.
— маниакальное расстройство — 272; 275.
— маниакальное состояние — 272; 285.
— маниакальные представления — 284.
— маниакальный приступ — 289.
— маниакальный психоз — 282.
- Мания* — 279; 282; 283; 284.
— аффект удовольствия от — 283.
— величия — 37; 43; 111; 131.
— и исполнение всех желаний — 283.
— и ревность — 59.
— начало ее — 275; 283.
— преследования — 8; 37; 38; 43 и прим.; 46; 111; 277.
- Мастурбация* — 6; 151; 153; 158; 164; 276.
— влечение к — 27; 155.
— и сновидные состояния — 162.
— у невротиков — 152.
- Материнское тело* — 179; 321
— дом как символ — 179.
— запах его — 262.
— культ его — 180.
- Материнство* — 194; 196; 204; 206; 220; 225; 226.
— идеал его — 230.
— как принцип жизни — 246.
— культ его — 199.
— преувеличение его — 199.
- Мать / матери*
— агрессивные порывы по отношению к — 228.
— аномальная влюбленность в — 69.
— апофеоз ее — 236.
— бессердечная — 227.
— бесчувственные — 229.
— головные боли во время менструации — 166.
— голос ее — 245.
— зависимость от нее — 154.
— замена ее — 68; 215; 310.
— идентификация с ней — 154; 165; 166.
— как объект гетеросексуального компонента либидо — 154.
— как природа — 236 прим.
— как цветок — 200.
— кающаяся — 228.
— комплекс ее — 220.
— культ ее — 201.
— любовь к ней — 199; 204; 205; 206; 208; 214; 215.
— месть ей — 229; 252.
— наказанные — 228.
— отведение либидо от — 46.
— отвращение к — 82.
— памятник ей — 206.

- плохие — 227—230; 235.
- порывы к насилию над ней — 154.
- привязанность к — 39; 69; 107; 252
- сексуальное влечение к ней — 84; 108;
- скорбь ее — 203; 204; 234; 235.
- смерть ее — 38; 82; 163; 164; 175; 196; 125; 136. 197; 242.
- тоска по ней — 252.
- фантазии о кастрации — 263.
- фиксации либидо на ней — 204; 309; 312.
- Махабхарата* — 135.
- Меланхолия / меланхолик* — 121; 217; 225; 234; 252; 272; 289.
- и жалобы на страх — 271.
- как источник вдохновения — 217.
- приступы ее — 275.
- склонность к — 216.
- торможение при — 283; 284.
- удовольствие от — 280.
- упоительная — 217.
- утомительная — 217; 219.
- Меланхолическая депрессия* — 250; 277.
- первичная — 286.
- Меланхолическое состояние* — 197 прим.; 249; 272.
- Менструация* — 7; 10; 160; 166.
- Месть* — 231; 279.
- бессознательные порывы — 279.
- жажда ее — 278.
- матери — 229; 252.
- преувеличенная — 284—285.
- фантазии о — 252.
- Миф(ы)* — 56; 77 и прим.; 79 и прим.; 93 прим.; 101; 108 и прим.; 109; 112 и прим.; 120; 122; 123; 125; 127; 132; 133; 135; 137; 180; 212; 314.
- анализ его — 118; 131; 229;
- библейские — 179.
- и исполнение желаний — 126; 136; 138.
- и патологическая фантазия — 129.
- и работа смещения — 119; 120.
- и сновидения — 86; 103; 104; 105; 107; 114; 115; 116; 117 и прим.; 124; 126; 140
- и теория желания — 78; 79; 83; 108;
- изобразительные средства в — 124. ^
- индогерманские — 101; 122; 132 прим.
- источник его — 137.
- исчезновение их — 139.
- как детские фантазии индивида — 209.
- как массовые фантазии — 209.
- мужской — 131.
- о Геракле — 122.
- о зачатии — 131.
- о происхождении напитка богов — 131; 133.
- о происхождении огня — 100; 120; 126; 131; 133.
- о Прометее — 86; 99; 103—105; 109; 111—115; 119; 120; 125—128; 131; 132; 136.
- о рождении героя — 210.
- о Самсоне — 122; 126.
- о Соме — 133; 134.
- о сотворении — 55.
- о Фэтоне — 334.
- об Уране и титанах — 84.
- об Эдипе — 83.
- теория возникновения — 136.
- языческие — 120.
- Мифология* — 99; 100; 101; 102; 103; 111; 120; 127; 138.
- антропогенез в — 130.
- буддистская — 226.
- германская — 132 прим.
- греческая — 92; 99; 102; 119; 131; 132 прим.; 134 прим.; 334.
- древних римлян — 102.
- индийская — 133.
- индогерманская — 56; 99.
- роль волшебной палочки в — 130.

- скандинавская — 92; 112.
- сравнительная — 137.
- языческая — 120.

Монидеизм — 280.

Монотеизм — 122; 138; 318; 328; 331.

- Мораль* — 51; 55; 65; 103 прим.
- моральные чувства — 41; 53.

Морфий

- и большие истерией — 60.

Морфинизм — 60.

Моча — 41.

Мочеиспускание — 262; 265

- и эрекция — 264.
- как нервный симптом — 264.
- сбои в — 264.

Мужественность — 57; 58.

- и алкоголь — 51.
- комплекс — 55; 57.
- курение как символ — 158.
- фантазия о — 159.

Мужчина (ы) — 25 прим.; 68; 170.

- «женское» поведение у — 53.
- активное либидо у — 52.
- алкогольное наслаждение в пубертате — 57.
- возбуждение от семени — 56.
- женитьба на кровной родственнице — 66.
- зависимость от алкоголя — 57.
- и сентиментальность — 58.
- комплекс величия у — 55.
- несамостоятельные — 67.
- отвращение от соприкосновения с женщиной — 53.
- пенис его — 295; 296.
- психическая импотенция у — 68.
- с гомосексуальной наклонностью — 67 прим.
- сексуальная активность — 55; 67 прим.

— сексуальная мания величия — 131.

- употребление алкоголя — 51.
- червь как сексуальный символ — 297.

Мышление — 79; 88; 103; 114; 139; 165; 171; 195; 284.

— инфантильное — 106.

Навязчивость — 129; 130; 183; 284.

- невроз см. *Невроз навязчивости*.
- представления — 24; 75; 121; 167.
- симптомы — 23.
- явления — 129; 130; 149.

Наркотик — 60 см. также *Морфий*, *Опиум*

Насилие — 17; 297; 325; 330.

Невроз — И; 23; 30; 36; 50; 65; 69; 71; 75; 106; 121 прим.; 129 и прим.; 130 прим.; 151; 154; 176; 179; 183; 192; 203 прим.; 205 прим.; 257; 271; 311 прим.; 314; 332.

- и алкоголизм — 60.
- и депрессивный аффект — 271.
- и парциальное влечение — 46.
- и пerversия — 59.
- и психоз — 59; 281.
- и сексуальность — 60.
- и сновидное состояние — 159; 174; 176.
- и требования реальности — 308.
- и фетишизм — 257; 267.
- климактерического возраста — 287.
- психоанализ его — 260.
- психосексуальная конституция как основа — 15; 71.
- симптомы его — 229.
- формирование его — 148.

Невроз навязчивости — 32; 47; 197; 201; 203; 243; 244; 273—277; 280;

- и религиозная деятельность — 293.
- и циркулярный психоз — 288.

- Невротик(и)* — 28; 29; 37; 59; 145; 329; 333 прим.; 334.
 — борьба за симптомы — 59.
 — и сны наяву — 148.
 — и фобия змеи — 333 прим.
 — и фобия червя — 333 прим.
 — несамостоятельность у — 65.
 — нетерпение алкоголя — 60.
 — пристрастие к неврозу — 50.
 — сексуальные влечения/сексуальность у — 33; 36; 63.
 — фантазийная жизнь его — 148.
Негативизм — 46; 70.
 — как противоположность переносу — 40.
Ненависть — 38; 45; 84; 197; 198; 199; 201; 208; 242; 277; 278 и прим.; 279; 286; 318; 325; 326; 331; 333.
 — вытеснение ее — 273.
 — и ревность — 274.
Объект(ы) — 21; 36; 42 и прим.; 52; 55; 89; 91; 107; 141; 156; 242; 256; 260; 263; 281; 311 прим.
 — асексуальный — 90.
 — владение им — 197.
 — выбор его — 55; 273; 310.
 — выбор его — 55; 65.
 — захват его — 45.
 — идеализация его — 260.
 — индифферентный — 130.
 — инфантильного мышления — 106.
 — инфантильный — 65; 66.
 — любовь к — 36; 45.
 — мать как — 154.
 — неодоушевленный — 35; 42; 43; 91.
 — отец как — 262; 296.
 — поиск его — 52.
 — сексуальный — 21; 34; 36; 42; 43; 52; 54; 58; 65; 66; 203; 204; 222; 260; 273.
 — удаление либидо от — 39; 43.
Объектная любовь — 34; 38; 42.
Одиночество — 163; 225; 228; 251.
Онанизм см. *Мастурбация*.
Опиум
 — и больные истерией — 60.
Оральная зона — 34.
Остроумие — 75; 76; 284.
 — теория Фрейда — 283.
 — удовольствие от — 283.
Отвращение — 36; 41; 53; 129; 8; 23; 24; 82; 166; 251; 258; 261.
 — к мужскому телу — 295.
 — к подчинению — 214.
 — от большой обуви — 260.
 — у мужчины 53.
Отец — 7; 8; 26; 55; 64; 69; 82; 84; 85; 138; 155; 169; 170; 206; 207; 208; 231; 262; 309; 312; 313; 331.
 — вообразаемый — 314.
 — враждебность против него — 207; 206; 308; 330.
 — для мальчика — 208.
 — желание иметь ребенка от него — 296.
 — змея как символ — 295; 297; 298.
 — идеализированный — 317.
 — идентификация с ним — 154; 158; 208.
 — как надзиратель — 266.
 — как объект сексуальных фантазий — 296.
 — как пример силы, энергии, знания — 208; 314.
 — как соперник в борьбе за мать — 154.
 — мочающийся — 263; 265.
 — негативное значение его — 208.
 — ненависть к нему — 84; 208; 214.
 — неприятие его — 84.
 — ожидание сексуальной атаки от него — 297.
 — отстаивание своей власти — 82.

- пенис его — 295.
- перенос на него — 165; 207.
- привязанность к нему — 154; 297.
- пример всей мощи и величины — 212.
- протест против него — 207; 312.
- смерть его — 81; 82; 84; 85; 154; 170; 201; 310.
- соперничество с ним — 82; 107; 170; 208; 317.
- страх перед — 298.
- тиранический — 179.
- фиксация на нем — 296; 312.
- чувства симпатии к нему — 207.
- Отрешение* — 146; 152; 160; 168; 171; 174.
- Раппорт* — 37.
- позитивный и негативный — 35;
- Рвота* — 146.
- Реальность* — 153; 152; 156; 161; 163; 171; 231; 308.
- и фантазия — 79; 155; 199; 297.
- отчуждение от — 146; 232.
- потеря ее — 160.
- Ребенок* — 7; 19; 41; 76; 83; 91; 105; 107; 141; 154; 155; 209; 228; 230; 311 прим.
- бессознательное его — 16; 22.
- враждебные импульсы его — 81.
- желание стать большим — 112.
- и сексуальная травма — 17; 21.
- и чувства стыда — 54.
- и чувство вины — 23.
- идентификация с художником — 236.
- любовь к родителям — 55.
- освобождение от родительского авторитета — 64.
- отсутствие чувства стыда — 54.
- покинутый/брошенный — 227; 228.
- попытка изнасилования его — 20.
- представление о размере пениса мужчины — 296.
- проявление либидо — 34.
- проявления либидо — 34.
- сексуальность его — 198.
- сексуальные влечения его — 52.
- сексуальные порывы/склонность его — 33; 34; 38.
- сознание его — 22; 23.
- страх его — 179.
- тяга к подглядыванию — 129.
- фантазии о величии — 208.
- эротика его — 197; 199.
- эротика его — 199.
- Ревность* — 39; 80; 81; 154; 206; 228; 263; 274; 296; 308; 318.
- алкоголика — 59.
- и мания — 59.
- у невротичных детей — 64.
- Революция*
- климактерическая — 282.
- Реминисценция* — 105; 122; 127.
- Ремиссия* — 38; 43; 44.
- Рисование* — 242; 202; 203; 204.
- Рисунок* — 161; 202; 213.
- Родители* — 38; 62; 82; 169; 195; 206; 207; 251; 273; 278; 308.
- враждебное отношение к — 274.
- контроль их — 65.
- кровное чувство — 63.
- любовь к — 197.
- любовь к ребенку — 53.
- неприятие их — 82.
- перенос на них — 64; 55; 163.
- почтение к ним — 82.
- сублимация любви — 55.
- чрезмерная любовь к ним — 82.
- чувство ребенка к — 80; 198.
- эротические чувства к ним — 206.
- Родственники* — И; 20; 24; 37; 38; 45; 63; 66; 67; 68; 80; 81; 158.
- близкие — 65; 104; 162; 278.

- брак между ними — 63; 65; 66; 67; 70; 71; 205.
— единокровные — 55; 63.
Рождение — 56; 97; 134; 179; 201; 210; 211; 212; 242; 316; 321.
Рот — 24; 93; 321; 158; 173; 226; 262.
— как эрогенная зона — 34; 261.

Паралитическая деменция — 44.
Паранойя — 277; 278.
Парестезия — 150.
Парциальное влечение — 34; 36; 53; 54; 256; 257; 260.
— аномальная устойчивость их — 46.
— гомосексуальное — 46
— у невротика — 148.
Парциальное вытеснение — 257.
Пассивность — 154; 156; 157; 160; 217.
— и сновидные состояния — 176.
— сексуальная — 164; 165; 166.
— спасительная — 165.
Педерастический акт — 46.
Пенис — 263; 295.
— вообразаемый у женщины — 66.
— инфантильный — 296.
— представление о его гигантском размере — 296.
Перверсия / Перверт — 54; 58; 109.
— и алкоголизм — 59.
— и невроз — 59.
— интерес к корсету матери как — 259.
— перверсивные импульсы/побуждения — 33; 52.
— полового влечения — 109.
— сексуальные — 33; 58; 59.
Перенос — 35; 162; 174; 203; 204; 262; 310.
— в психоанализе — 35.
— и негативизм — 40; 70.
— инфантильный — 67; 163;
— между братьями и сестрами — 38.
— на женщин — 65.
— на мать — 108.
— на отца — 165; 207.
— отсутствие / неспособность при шизофрении — 40;
— повышенный, при неврозе — 36.
— сексуальный — 34; 35; 38; 39; 64; 65; 163.
— способность / неспособность к — 35; 69.
— сублимированный — 35.
— суггестия как — 35.
— формирование его — 286.
— чрезмерный — 70;
— чувственный — 38.

Переоценка
— сексуальная — 36; 43 и прим.; 260.
— ценностей — 117.

Племянница
— брак с ней — 67.

Подавление — 158.
— влечений — 65; 155.
— враждебности — 206.
— деятельности сознания — 106.
— порывов ненависти — 279.
— садизма — 168.

Подглядывание
— влечение к — 256; 259; 261; 262; 265; 267.
— тяга к — 129.
— удовольствие от — 260; 261; 266.

Подсознательное — 19 и прим.; 23; 25.

Политеизм — 324; 330.

Половой акт см. *Коитус*
Половые влечения — 52; 57; 91; 92.

— ограничения их — 52.

— перверсия их — 109.

Поллюция — 276.

Потенция — 57; 59.; 176.

Потребность (и) — 36; 37; 207; 216; 328; 331.

— в зависимости — 155; 331.

— в идеализации объекта у фетишиста — 260.

— в красоте — 327.

— в любви у невропатичных детей — 64.

— в отцовском авторитете — 313.

— в помощи у истеричных женщин — 161.

— в работе — 239.

— в удовольствии — 21.

— в уюте, такте, деликатности — 37.

— в экспансии — 91.

— влияния — 308.

— необходимость сдерживать — 264.

— примирить борющиеся влечения — 239.

— сделать окружение комфортным — 40.

— сексуальная — 42; 260.

— эротическая — 64; 230 прим.; 282.

Предпубертат — 7; 9; 52.

Представления — 21; 22; 24; 36; 104; 115; 120; 124; 159; 163; 212; 264; 282; 297; 327; 332.

— алкоголика — 59.

— ассоциативные — 184.

— борьба между ними — 117.

— бредовые — 24.

— вытесненные — 92; 95 прим.; 105; 114.

— депрессивное содержание их — 275.

— желания — 125.

— здоровых людей — 38.

— и вине — 279.

— индифферентные — 23; 24; 130.

— контрастные — 149.

— маниакальное — 284.

— навязчивые — 24; 75; 121; 167.

— неполноценности — 284.

— о «всемогуществе» мыслей — 280.

— о кастрации — 263.

— о размере пениса — 296.

— о смерти — 81; 161.

— окрашенные отвращением — 23.

— преувеличенное — 295.

— при эпилептической деменции — 44.

— психическая переработка — 271.

— сексуальные — 52; 86; 92.

— символическое — 25 прим.

Преследование — НО.

— бред — 70.

— и мания величия — 43.

— идеи — 43.

— мания — 8; 37; 38; 43 и прим.; 111; 277.

— сексуальное — 8.

— эrogenное происхождение — 46.

Преследователь

— врач как — 46.

— гомосексуальный — 46.

— как сексуальный объект — 43.

— мнимый — 8.

Преступление / преступник — 16; 18; 201.

— в алкогольном опьянении — 54.

— сексуальное — 17; 25.

Привязанность

— инфантильная — 107.

— к матери — 190; 252.

— к отцу — 154.

— либидо — 309.

Проекция — 138; 228; 277; 278.

Проституция

— как форма мазохизма — 161.

Протест — 38; 214; 263.

— против авторитета — 208.

— против отца — 312; 313; 331.

— склонность к — 39.

- Психиатрическая клиника Цюриха* — циркулярный см. *Циркулярный психоз*.
33 прим.; 55 прим.; 93 прим.; 94.
- Психическое обнажение*
— непристойные шутки как —• 58.
- Психоанализ/анализ* — 35; 40; 75; 84;
140; 148; 174; 176; 192; 193; 198; 227; 229;
250; 252; 282; 289; 304; 331.
— алкоголизма — 60.
— душевной жизни умершего чело-
века — 193; 250.
— и морфинизм — 60.
— и психиатрия — 289.
— как метод исследования — 192.
— как рациональная терапия — 287.
— как терапевтическая деятельность —
267; 285.
— лечебная значимость его — 288.
— маниакальных больных — 289.
— меланхоликов — 289.
— мифов — 86; 118; 229.
— невротиков — 199; 260; 311 прим.
— психозов — 47.
— сновидений — 115; 138; 179; 188.
— сновидных состояний — 145; 151; 172;
176.
— фетишизма ноги и корсета — 255;
257; 267.
— эффективность его — 286.
- Психоз* — 7; 9; 30; 44; 47; 59; 98; 106;
НО; 272; 281.
— во время беременности — 8.
— галлюцинаторный — 39.
— депрессивный см. *Депрессивный психоз*.
— и депрессивный аффект — 271; 272.
— и конфликт — 278.
— и сновидение — 111; 127.
— маниакально-депрессивный см. *Ма-
ниакально-депрессивный психоз*.
— манифестные признаки — 7.
— содержание его — 98.
— хронический — 272.
- Психоневроз* — 174.
- Психопатические состояния* — 10.
- Психосексуальная конституция* —
51; 71; 141; 257.
— аномальная — 15; 16; 47.
— у больных *Dementia praecox* — 45.
— у женщин — 57.
— у истериков — 45; 60.
- Пубертат* — 21; 64; 65; 68; 154; 217;
257; 263; 276; 312.
— алкогольное наслаждение у муж-
чины — 57.
— и вытеснение — 57; 262; 274; 285.
— инфантильное сексуальное вытесне-
ние у женщины — 52.
— освобождение от отцовского автори-
тета — 207.
— проявление агрессии — 154.
- Пустота в сознании* — 146; 147; 148;
150; 152; 153; 162; 168.
- Пьяница(ы)* — 59; 98.
— хронические — 58.
- Пятка* — 265; 266.
— как мужской орган — 265.
- Садизм* — 54; 154; 156; 168.
— вытесненный — 279; 280.
- Садистические влечения / порывы /
компоненты* — 168; 235; 236; 242; 259;
260; 273.
— вытесненные — 156; 278.
— освобождение их — 284.
— подавление их — 280.
— сублимация их — 34; 156.
- Самосохранение*
— влечение к — 91; 92.

- Самоубийство* — 6; 7; 27; 28; 123; 126; — склонность к инцеху в — 63; 67; 68. 245; 246; 275.
— сниженная сексуальная активность — 66.
- Сгущение* — ИЗ; 114; 115; 116; 124; 171.
- Сексуализация* — 89; 90.
— «человек сексуализирует мир» — 35; 87; 91.
- Сексуальная деятельность* — 22; 36; 59; 121; 128; 151; 152; 153; 176; 274; 276.
— аутоэротическая — 42.
— инфантильная — 16; 22; 30; 69; 156.
— симптомы как — 59.
— способность к — 59; 156.
— у невротика — 59.
- Сексуальность* — 12; 15; 21; 22; 35; 38; 42; 51; 58; 60; 64; 76; 90; 91; 128; 141.
— аномальная — 9; 30.
— душевнобольных — 33.
— женская — 52.
— и алкоголь — 49—60.
— и наркотики — 60.
— и шизофрения — 5—12;
— инфантильная (детская) — 5; 10; 22; 30; 33; 34; 64 прим.; 107; 108; 141; 198.
— невротиков — 63; 218.
— суррогат ее — 58.
— теория сексуальности — 15; 33; 75; 92; 253.
- Сексуальные влечения / побуждения / желания* — 51; 54; 58; 84; 141; 149; 151; 198; 199; 217.
— вытесненное — 55.
— гомосексуальный компонент — 53.
— и агрессивное влечение — 168.
— к подглядыванию — 259.
— пассивное, у женщины — 52.
— у ребенка — 52; 55.
— у невротика — 36.
- Семья* — 65; 162; 183; 307; 326; 327.
— браки между родственниками в — 66.
— невропатическая см. *Невропатическая семья* — 63; 65.
- Семя* — 153.
— мужское — 56; 133; 134; 321.
— символическое замещение вином — 57.
- Сестра(ы)* — 1 \ 16; 26; 66; 67; 262.
— в образе Христа — 10.
— влюбленность в нее — 69.
— главная роль в галлюцинации — 10.
— как божественная девочка — 10.
— как центр психоза — 9.
— конфликты с братом — 81.
— кузина как замена — 66; 67.
— любовь к ней — 9; 64.
— перенос либидо на нее — 55; 64.
— привязанность к ней — 70.
— сводная — 195; 206; 207.
— фиксация на ней — 68; 162.
- Символика* — И; 36; 77 прим.; 86; 87; 94; 95 и прим.; 97; 99; 103 прим.; 127; 128; 171; 180; 229; 231; 252; 262; 263 прим.; 265; 332.
— бессознательного — 94; 230.
— мифическая — 139.
— сексуальная — 33; 35; 87; 88; 89; 90; 92; 93; 94; 98; 99; 134; 139; 170.
— сновидений — 9; 86; 98; 126; 230.
— языка — 35; 139.
- Символизация* — 4.
— склонность к — 11.
- Симптом(ы)* — 28; 79; 82; 168; 176; 331.
— Dementia praecox — 5; 12; 23.
— анализ их — 29; 59.
— болезни — 10; 36; 42; 98; 199.
— борьба за них у невротика — 59.
— в маниакальной фазе — 284.
— вазомоторные — 150.
— депрессивного состояния — 281.

- и вытеснение — 105.
- и сексуальная травма — 30.
- истерии/истерические — 5; 23; 29; 36; 69.
- источник 33.
- как последствия мастурбации у невро-
тиков — 152.
- как сексуальная деятельность — 36; 42.
- макропсии — 157 прим.
- невроз — 59; 151; 176; 229; 267.
- неврозности — 145.
- психическая импотенция как — 164.
- психоза — 7; 8.
- сбой в мочеиспускании как — 164.
- сумеречного состояния — 95 прим.
- травматического невроза — 26.
- сублимизма — 267.
- физические — 60.
- Скорбь* — 202; 224; 238; 271; 327.
- матери — 203; 204; 234; 235.
- Смех* — 40.
- Смерть* — 112; 123; 124; 159; 194; 201; 204; 217; 238; 239; 243; 246; 248 и прим.; 249; 252; 281; 294; 330; 333.
- бессознательное стремление к — 242.
- влияние ее — 242.
- желание ее — 163; 197; 203; 228; 242; 275.
- змея как символ ее — 297.
- и коитус — 297.
- как уход от бедности — 282.
- матери — 38; 163; 164; 175; 196; 197; 242; 296.
- мысль о ней — 242; 243; 244; 247; 280.
- ожидание ее — 297; 298.
- отрицание ее — 244.
- предзнаменования — 244.
- представление о — 81; 161.
- предчувствие ее — 243.
- символическая — 281.
- сновидения о — 80; 82; 83; 85; 104; 154; 175.
- страх перед ней — 202; 242; 244.
- тоска по ней — 246; 247.
- фантазии о ней — 84; 158; 163; 170; 201; 217; 242; 244; 263.
- церемониал ее — 299.
- червь как символ ее — 297.
- Сгушение* — ИЗ; 115; 116; 124; 171.
- Смещение* — 46; 59; 93; 116—123; 257; 266; 278 прим.; 298.
- Сновидение(я)* — 25; 75; 76; 79 прим.; 95; 97; 98; 109; 106; 107; 154; 161 прим.; 169 прим.; 179; 187; 233; 235; 244; 262; 263; 265; 297; 332.
- абсурдность его — 44.
- аналогия с истерией и Dementia
граесох — 11; 12.
- взрослых — 10; 212.
- выражение инфантильной сексуаль-
ности в — 108.
- желание как основа — 79.
- значение кормилицы в — 311 прим.
- и аффект страха — 109.
- и вытеснение — 118; 139.
- и мифы — 77; 78; 86; 99; 104; 107; 117; 118; 124; 126; 139; 140.
- и психоз 111.
- и сновидные состояния — 167; 171; 175.
- и сны наяву — 78; 168; 171.
- и сомнабулический сон — 171.
- и страх — 97; 98.
- изобразительные средства его — 124.
- инфантильная фантазия об inceste — 64.
- искажение его — 114; 117.
- исполнение желания как цель — 110.
- как исполнение желания — 97; 103; 110; 118; 125; 126; 169; 188; 230 прим.; 265.
- как убежище для вытесненных порывов влечений — 230.
- материал их — 138.
- о «большой змее» — 295.

- о ольве — 169.
- о наготe — 109; 118;
- о смерти родителей/родственников — 82; 104.
- переоценка ценностей в — 117.
- появление аутоэротических порывов желаний в — 230 прим.
- работа его — 117; 127; 171.
- реминисценция периода детства как основа — 105.
- сгущение в — 124.
- сексуальная символика языка — 35;
- символика их — 9; 86; 92; 97; 98; 126; 230; 252.
- скрытые мысли его — 114.
- смещение в — 117.
- страшное/ужасное — 6; 29.
- теория — 29; 104; 105; 108; 110.
- типичные — 79; 80; 83; 84; 86; 109; 118.
- толкование его — 83; 86; 104; 118; 127; 188.
- устранение вытеснения — ИЗ.
- чувство парения в — 230; 235.
- эгоизм его — 110.
- эксгибициональное — 266.
- эротические — 259.
- язык его — 110.
- Сновидное состояние* — 145; 147; 151; 156; 160; 161; 162; 164; 166; 171; 174; 175; 176.
- анализ их — 172; 176.
- возникновение его — 149; 167; 175.
- и аффект страха — 157.
- и борьба между влечением и вытеснением — 159.
- и гипноидные состояния — 171.
- и истерический припадок — 172.
- и мастурбация — 152; 162; 175.
- и парестезия — 150.
- и приступы страха — 173.
- и пустота в сознании — 153.
- и сны наяву — 146; 167; 168.
- ■ и сумеречные состояния — 171.
- и чувство удовольствия — 150; 153.
- изменение сексуальной цели — 176.
- как замена сексуальной деятельности — 176.
- как средство погружения в одиночество — 163.
- начальная фаза его — 157; 158; 159.
- невротическое — 148; 167; 171; 175.
- отсутствие мыслей как кульминация — 165.
- прерывание его — 163.
- стадия фантастической экзальтации как начало — 146.
- Сны наяву* — 78; 79; 146; 148; 154; 168; 179; 247; 259.
- визуальная оживленность их — 168.
- и детские фантазии — 171.
- и мастурбация — 152.
- и сновидные состояния — 167; 171; 173.
- инфантильные — 111.
- склонность к — 174.
- у душевнобольных — 173.
- Соблазнение* — 17.
- Сознание* — 5; 9; 55 прим.; 82; 91; 92; 93 прим.; 95 прим.; ИЗ; 147; 151; 155; 164; 172; 199; 248; 279; 282; 284; 287.
- «потеря» его — 172.
- взрослого — 23.
- и вытеснение — 52; 172; 201.
- и желания — 163; 280.
- и невроз — 36.
- и реминисценции — 79.
- и садистические порывы — 278.
- и сновидные состояния — 147; 156.
- и фантазии — 149; 155.
- нарушение /подавление функции его — 79; 105; 106; 171.
- расстройство его — 171.

- ребенка — 22; 23.
- слабое — 282.
- состояния пустоты в — 147; 148; 150; 152; 153; 162; 168.
- сужение его во время сна — 78.
- Сознательное* — 19 прим.; 29; 147; 224; 227; 247; 248; 308.
- Соппротивление* — 24; 52; 57; 288; 295.
- автоматическое послушание как — 40.
- против отцовской власти — 208.
- против привлекательности женской обуви — 267.
- Сострадание* — 34; 41; 53; 216; 217.
- Социальные чувства* — 34; 53.
- Спиритизм* — 244; 247.
- Страдание* — 160; 161; 163; 202; 217; 236; 248; 273; 280.
- готовность к — 217; 218.
- удовольствие от — 280.
- Страсть* — 36; 161; 264; 318.
- к коллекционированию — 36.
- к подглядыванию — 129.
- любовная — 188.
- Страх* — 7; 21; 29; 97; 129; 146; 149; 150; 152; 153; 155; 157 прим.; 159; 161; 162; 163; 168; 174; 179; 202; 228; 230; 231; 275; 280; 295; 296; 297; 332; 327.
- аффект его — 6; 109; 130; 147; 150; 157; 271.
- и вытеснение влечений — 230.
- и депрессия — 271.
- и сновидения — 80; 98.
- и сновидные состояния — 173.
- импотенции — 156; 159.
- источник его — 155; 156.
- навязчивый — 271.
- невротический — 271.
- невротичных женщин перед мужскими гениталиями — 296.
- нервный — 155.
- перед отцом — 298.
- перед смертью — 202; 242; 244.
- сексуальной слабости — 158.
- суеверный, перед змеями — 92; 298.
- у невротика — 271; 280.
- чувство — 60; 145; 150; 159; 169; 228; 298.
- эксгибиционных сновидений — 266.
- Стыд* — 37; 41; 42; 53; 54; 174; 183; 222.
- как результат сублимации любви к зрелищам и эксгибиции — 34.
- потеря его при алкоголе — 58.
- Сублимация* — 34; 36; 42; 52; — 54; 58; 149; 198; 202; 204; 217; 242; 280; 327; 332.
- агрессивных импульсов — 208.
- влечений — 53—54; 58; 198; 199; 222; 224; 247; 256; 325.
- гибель/неспособность при шизофрении — 42; 45.
- гомосексуальных компонентов — 34.
- и сексуальный перенос — 64.
- инфантильной любви к зрелищам и эксгибиции — 34.
- компонентов жестокости — 202; 203.
- любви к отцу — 207.
- пerversия — 54.
- повышенная при истерии — 45;
- разрушение при алкоголе — 58;
- родительской любви — 55.
- садистических и мазохистических компонентов — 34.
- садистических порывов — 156.
- сексуальной энергии — 34; 53; 55.
- социальная — 41.
- способность к — 32; 233.
- стремлений к эксгибиционизму — 156.
- творчески-эстетическая — 222.
- фантазий смерти — 242.

- чувство стыда как продукт — 42.
- Суггестия* — 40.
- как сексуальный перенос — 35.
- Сумеречные состояния* — 95 прим.; 97; 110.
- и сновидные состояния — 171.
- при истерии — 173.
- Тело — 34; 51; 52; 130; 133; 152; 159; 161; 165.
- женское — 262.
- запах его — 261; 262.
- материнское см. *Материнское тело*.
- мертвенное — 226.
- мужское — 295.
- Тест словесных ассоциаций* — 93.
- Торможение* — 94; 256; 280; 281; 283; 287; 289.
- влечений — 283.
- как аутоэротическое стремление — 281.
- как депрессивный ступор — 280.
- меланхолическое — 284.
- при депрессивном психозе — 280.
- развития и шизофрении — 45; 46; 47.
- у меланхолика — 283.
- устранение его — 283.
- характер его — 287.
- экономия его — 283.
- Травма* — 3; 4; 6; 7; 10; 15; 16; 18; 20; 21; 22; 24; 25; 28; 29; 30.
- психическая — 259; 274.
- психосексуальная — 9.
- сексуальная — 4; 7; 8; 9; 15; 16; 17; 18; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 30.
- Транспозиция* — 24; 121.
- аффекта — 23.
- Ужас — 53; 54; 169; 202; 247; 271; 334.
- Упрямство* — 183.
- Уретральная зона*
- у невротиков — 264.
- Утроба* — 321
- матери — 178; 179; 321.
- Фаллос* — 88; 89; 135 прим.
- Фантазия(и)* — 7; 8; 9; 10; 42; 45; 56; 77; 78; 79; 84; 85; 88; 90; 92; 99; 105; 139; 148; 153; 156; 157; 160; 167; 168; 172; 196; 200; 234; 133 прим; 148; 149; 152; 153; 161 прим; 165; 170 и прим; 173; 174; 176; 179; 184; 193; 200; 203; 209 и прим; 227; 230 и прим; 234; 259; 266; 280.
- бессознательная — 265; 297.
- болезненная — 9.
- вытесненные — 163; 172; 199.
- гомосексуальная — 155; 277.
- депрессивные — 147.
- детей/детские/ребенка — 22; 111; 112; 128; 138; 171; 208; 209; 210; 263.
- жестокая — 231.
- запретные — 201.
- индивидуальная — 77.
- инфантильная — 69; 109; 129; 156.
- инцестуозная — 62.
- коитуса и смерти — 297.
- любовного приключения — 45.
- мазохистские — 161; 164.
- мальчика — 263.
- массовая — 56; 109; 209.
- невротиков — 199.
- о величии — 167; 208; 212; 219; 236 прим.
- о желании — 128; 138; 244; 333.
- о замужестве — 8.
- о кастрации — 263; 264.
- о королевском происхождении — 111.
- о мести — 252.
- о наготы — 109.

- о происхождении — 170; 212; 235; 314; 315.
- о проституции 161.
- о силе и мужественности — 159.
- о смерти — 158; 163; 201; 217; 242; 244; 263.
- о смерти отца — 84; 170.
- о способности убить мыслью — 280.
- об интимных отношениях с матерью — 84.
- об инцесте — 64; 65; 68; 69; 154.
- об убийстве отца или матери — 154.
- об утробе матери — 179.
- образы ее — 235.
- патологическая деятельность — 129.
- перверсивно-сексуальные — 59.
- плоды ее — 235; 331.
- похожая на сновидение — 235.
- продукты ее — 139; 140; 141; 145; 331.
- сексуальная — 10; 87; 91; 156; 159; 137; 148; 158; 162; 176; 296.
- скрытые источники — 227.
- сновидения — 105, 108.
- творческая — 229.
- художественная — 194; 223.
- эротические — 149.
- Фетишизм* — 257; 260; 261; 267.
 - анализ его — 257.
 - запаха — 261.
 - корсета — 257.
 - ноги — 256; 257; 261.
 - психогенез его — 257; 261.
 - устранение его — 267.
 - фетишистские склонности — 259.
 - фетишистские черты — 267.
- Фиксация* — 68; 260; 326.
 - бисексуальная — 154.
 - либидо — 70; 162; 204.
 - на близких родственниках — 162.
 - на инфантильном объекте — 66.
 - на матери (или сестре) — 68; 204; 309; 312; 162; 309; 310.
 - на отце — 312; 296.
 - предварительной сексуальной цели — 58.
- Фобия* — 82; 149; 168; 296.
 - змей — 295; 297.
- Фригидность* — 69.
- Характер* — НО; 195; 213; 214; 221; 237; 266; 307.
 - детский — 284.
 - черты его — 170; 156; 183; 208; 237 прим.
 - черты, выраженные в имени — 183.
- Цензура* — 85; 110; 113; 114; 117; 126 149.
- Циклотимия* — 272; 285; 286.
 - история болезни — 273.
- Циркулярный психоз* — 288.
- Циркулярное расстройство* — 282.
- Чажотка* — 200.
- Шизофрения / шизофреник* — 5—12; 19; 22; 23; 24; 25; 27; 28; 30; 33; 37; 39; 40; 41; 44; 46; 47; 105; 121.
 - возвращение к аутоэротизму при — 42; 43; 45.
 - и бред преследования — 70.
 - и негативизм — 40; 70.
 - и сексуальная переоценка — 43 прим.
 - и склонность к инцесту — 66.
 - мания величия — 43.
 - мания преследования при — 38; 43.
 - неспособность к объектной любви при — 38; 42.
 - неспособность к сексуальному переносу при — 38.
 - неспособность к сублимации — 45.

- отсутствие симпатии к родственникам — 38.
- психосексуальная конституция при — 45.
- удаление либидо от объекта ■ — 39.

Юмор — 40.

Язык — 35; 88; 89; 91; 92; 103.

— сексуальная символика его — 35; 85; 139.

Эгоизм / эгоистическое — 7; 80.

— эгоизм сновидения — НО.

— эгоистические влечения — 110.

— эгоистическая эротика — 197.

Dementia praecox см. *Шизофрения*.

Эдипов комплекс — 64 прим.

Эйфория — 275.

Экзальтация — 285; 286.

— маниакальная — 284.

— фантастическая — 146; 159.

— экзальтативный психоз — 288

Эксгибиционизм / эксгибиционист - 53; 54; 109; 156.

— вытесненный — 156.

— эксгибионистское влечение — 158.

— эксгибициональное сновидение — 266.

Эксгибиция — 34; 41.

Экскременты — 265.

— отвращение к ним — 41.

— размазывание / обмазывание ими — 37; 41.

Экскреторные процессы — 262.

— интерес к ним — 261.

Эпилептик — 45; 307.

Эпилептическая деменция — 44; 45.

Эрекция — 135; 259; 264.

Эритрофобия — 168.

Эрогенные зоны — 34; 43; 46; 52; 261; 264.

Эякуляция — 151; 152; 153; 162.

УКАЗАТЕЛЬ СНОВИДИЙ

Ниже представлен перечень сновидений, которые цитировал или анализировал в представленных текстах Карл Абрахам.

- О вилле, раскинувшейся в большом парке — 179
- О домашних, стоптанных сзади туфлях, в которых видны пятки — 266.
- О засовывании носа между двумя большими полушариями — 265.
- О кастрации — 263.
- О нанесении удара кинжалом бородатым мужчиной — 168—169.
- О неизвестном никому месте в глубине леса и под землей — 179.
- О несчастном случае — 29.
- О парящем в воздухе женском образе — 251.
- О плавании на корабле с братом — 265.
- О преследовании львом — 169.
- О стае сов — 98.
- О том, как мужчина задевает ногой женщину и пачкает ее — 266.
- О тюлене, который появляется в комнате женщины через лаз в полу — 95.
- О яме в земле, в которой можно спрятаться — 179.
- Об игре со змеей — 295.
- Сновидение Джованни Сегантини, названное им «Ужасный сон» — 243

Научное издание

Карл Абрахам

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Том 1

Перевод с немецкого

Научные редакторы
С.Ф. Сироткин, И.Н. Чиркова

Корректор — О.А. Шемякина
Дизайн обложки — Н.В. Саранчева
Компьютерная верстка — Е.В. Ижболдина, В.А. Колчин

ООО Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru

Сдано в производство 26.09.08. Печать офсетная.
Формат 60х90/16. Гарнитура Academy.
Заказ № 6088. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригиналов заказчика
в ОАО «Ижевская Республиканская типография»
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13

Отпечатано в России

ISBN 978-5-98904-041-4

В настоящий том Собрания сочинений Карла Абрахама вошли работы, написанные им в 1907–1912 гг.

Содержание тома отражает все поле исследовательской деятельности Карла Абрахама, включая работы по клиническому и прикладному психоанализу. Особое место в данном томе занимают работы, посвященные проблеме изучения психозов в контексте психоаналитической теории.

Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru

